

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Ноябрь
Декабрь

6 - 2024

Современная **ЕВРОПА**

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

6 (127) ноябрь-декабрь 2024 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,
С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬАНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary
EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

GROMYKO A.I. Area Studies in Russia and the Challenges of the Polycentric World
POLYVYANNYY D. Bulgaria's Protection of the "Historic Communities" in the EU Enlargement
• **ALEKSEENKOVA E.** Italy's Discursive Strategies in Greater Mediterranean and Africa: innovation and continuity • **ROGINKO S.** European Sanctions Regimes towards Russia: the case of the Baltic-Scandinavian Macroregion • **BISSON L.** EU-Africa Relations: Migration Diplomacy Approach • **SHUMILIN A.** US-EU: Middle East as a Zone of "Shared Responsibility" • **BELOV V.** Competitiveness of Germany's Economic and Political Space • **KONDRATIEVA N.** Transatlantic Economic Relations at a Crossroads • **SUTYRIN S., NAVROTSKAYA N., VOROBIEVA I.** The Impact of Internationalization on the Success of Western European Multinational Companies • **VASILCHENKO A.** Northern European Countries in Modern Global Value Chains: Comparative Analysis • **GRACHEVA M.** German-Turkish Commodities Trade in Contrast to the Decline in German Foreign Trade • **TAYAR V.** Economic Cooperation Between the European Union and Brazil • **NARYSHKIN A.** New Approaches to the Development of the EAEU's Foreign Trade • **BAZARKINA D., PASHENTSEV E., MIKHALEVICH E.** Regulating the Risks Associated with Malicious Use of Artificial Intelligence in the US, EU and China • **EFREMENKO D., RASTEGAIEV D.** Factors of Ontological Security and their Impact on Foreign Policy of Serbia and Türkiye • **GOFFE N.** Inequality and Poverty in the Digital Age • **CHETVERIKOVA A.** Czech Labour Market: Long-Standing Problems and New Challenges • **LUNKIN R., FILATOV S.** Ukrainian Crisis and the Perspectives of the Identism • **KHENKIN S.** Polarization Phenomenon: the Case of Spain

INHALT

GROMYKO A.I. Regionalstudien in Russland und die Herausforderungen der polyzentrischen Welt • **POLYVYANNYY D.** Bulgariens Schutz der "historischen Gemeinschaften" bei der EU-Erweiterung • **ALEKSEENKOVA E.** Italiens diskursive Strategien im Mittelmeerraum und in Afrika: Innovation und Kontinuität • **ROGINKO S.** Europäische Sanktionsregime gegenüber Russland: der Fall der baltisch-skandinavischen Makroregion • **BISSON L.** Beziehungen zwischen der EU und Afrika im Bereich: ein Ansatz der Migrationsdiplomatie • **SCHUMILIN A.** USA-EU: Der Nahe Osten als Zone der "geteilten Verantwortung" • **BELOV V.** Wettbewerbsfähigkeit des wirtschaftlichen und politischen Raums Deutschlands • **KONDRATIEVA N.** Transatlantische Wirtschaftsbeziehungen am Scheideweg • **SUTYRIN S., NAVROTSKAYA N., VOROBIEVA I.** Die Auswirkungen der Internationalisierung auf den Erfolg westeuropäischer multinationaler Unternehmen • **VASILTSCHENKO A.** Nordeuropäische Länder in modernen globalen Wertschöpfungsketten: Vergleichende Analyse • **GRACHEVA M.** Deutsch-türkischer Rohstoffhandel im Gegensatz zum Rückgang des deutschen Außenhandels • **TAYAR V.** Wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen der Europäischen Union und Brasilien • **NARYSCHKIN A.** Neue Ansätze zur Entwicklung des Außenhandels der EAWG • **BAZARKINA D., PASHENTSEV E., MIKHALEVICH E.** Regulierung der Risiken im Zusammenhang mit dem böswilligen Einsatz künstlicher Intelligenz in den USA, der EU und China • **EFREMENKO D., RASTEGAIEV D.** Faktoren der ontologischen Sicherheit und ihre Auswirkungen auf die Außenpolitik Serbiens und der Türkei • **GOFFE N.** Ungleichheit und Armut im digitalen Zeitalter • **CHETVERIKOVA A.** Tschechischer Arbeitsmarkt: Langjährige Probleme und neue Herausforderungen • **LUNKIN R., FILATOV S.** Die Ukraine-Krise und die Perspektiven des Identitären • **KHENKIN S.** Polarisationsphänomen: der Fall Spanien

---

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Громыко Ал.А.</i> Российское регионоведение перед вызовами полицентричного мира	5

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Полывянный Д.И.</i> Защита Болгарией «исторических общностей» в контексте расширения ЕС	20

<i>Алексеевкова Е.С.</i> Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность	32

<i>Рогинко С.А.</i> Европейские санкционные режимы в отношении России: кейс Балтийско-Скандинавского макрорегиона	45

<i>Биссон Л.С.</i> Миграционная дипломатия: взгляд на отношения ЕС и Африки	57

<i>Шумилин А.И.</i> США–ЕС: Ближний Восток как зона «совместной ответственности»	68

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Белов В.Б.</i> Вызовы для конкурентоспособности германского хозяйственно-политического пространства	79

<i>Кондратьева Н.Б.</i> Трансатлантические экономические отношения на перепутье	89

<i>Сутырин С.Ф., Навроцкая Н.А., Воробьева И.В.</i> Влияние интернационализации на успешность западноевропейских транснациональных компаний	100

<i>Васильченко А.Д.</i> Сравнительные особенности участия стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости	111

<i>Грачева М.В.</i> Германо-турецкая товарная торговля на фоне спада внешней торговли ФРГ	124
<i>Тайар В.М.</i> Экономическое взаимодействие Евросоюза и Бразилии	137
<i>Нарышкин А.А.</i> Новые подходы к развитию внешней торговли ЕАЭС	149

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А.</i> Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае	156
<i>Ефременко Д.В., Растегаев Д.О.</i> Факторы онтологической безопасности и их влияние на внешнюю политику Сербии и Турции	168

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

<i>Гоффе Н.В.</i> Неравенство и бедность в цифровую эпоху	179
<i>Четверикова А.С.</i> Чешский рынок труда: старые проблемы и новые вызовы	191

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>Лункин Р.Н., Филатов С.Б.</i> Украинский кризис и перспективы идентизма	204

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

<i>Хенкин С.М.</i> Феномен поляризации: случай Испании	218

---

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

---

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327

РОССИЙСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

© 2024 ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 08.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Статья посвящена состоянию и проблемному полю современного российского регионоведения в условиях резко возросшего спроса на его комплексность и взаимосвязанность. Рассмотрена проблема «новой нормальности» в связи с явлениями частичной деглобализации. Проведен анализ места института государства-нации в геополитизации отношений ведущих держав мира. В этой связи затронута тематика «внешнего вмешательства», стрессоустойчивости и «глубинного государства». Также в центре внимания автора вопрос о первичности и вторичности политического и экономического в международных отношениях. Большое внимание уделено роли цивилизационных исследований в регионоведении. Поддержан тезис о том, что они располагаются между контурами регионоведения и глобалистики. Утверждается, что применение цивилизационного подхода ввиду его неоднозначности и оперирования множеством обобщений и абстракций затруднено в отношении повседневного политического процесса. С точки зрения классификации и типологизации цивилизаций автор останавливается на понятии пограничной, или сложносоставной, цивилизации и на дискурсе о соотношении между европейской и российской цивилизациями. Поставлены проблемы концептуализации понятия «государство-цивилизация» и критериев исторического развития. Сделан вывод, что цивилизационные пространства продолжат быть подвижными и изменчивыми феноменами, подверженными как укрупнению, так и фрагментации.

Ключевые слова: регионоведение, геополитизация, европеистика, латиноамериканистика, новая нормальность, деглобализация, государство-нация, цивилизации

DOI: 10.31857/S0201708324060019

В изучении международных отношений огромное внимание в России уделяется мегатрендам мирового политического и экономического развития. В трансформации глобальной системы управления и регулирования, которая стала набирать обороты с начала XXI в., особо можно выделить дискурс в отношении таких категорий, как «новая

нормальность» (новая реальность) [Дынкин, Барроуз, 2016; Михеев, 2023], новая биполярность [Пляйс, 2015; Фитуни, 2019], соотношение между многополярностью и многосторонностью [Кортунов, 2024], новый виток противостояния ведущих центров силы [Барановский, Кувалдин, 2023; Лапкин, 2024]. Возрастает значение проблематики деглобализации (фрагментации) [Братерский, 2024], важность которой лишь увеличивается на фоне расширения санкционных режимов и практики протекционизма, все больше искажающих международные торговые и инвестиционные потоки [Федюнин, Симачев, 2024; Иванов, Тимофеев, 2023]. В то же время высока неоднозначность и разнонаправленность этих процессов, что находит выражение, например, в восстановлении объемов двусторонней торговли США и Китая [Варнавский, 2024].

Все перечисленные феномены приковывают пристальное внимание отечественных специалистов по зарубежному регионоведению. Так, буквально за десятилетие в европеистике произошел кардинальный сдвиг от анализа событий на основе концепции «Большой Европы» к рассмотрению развития Старого Света в терминах многослойного кризиса и распада системы общеевропейской безопасности [Громыко, Фёдоров, 2014; Громыко, 2022; Громыко, 2023]. Важнейшим условием успешности деятельности регионоведческих школ являются скорость их адаптации к новым долгосрочным явлениям в международных отношениях и мировой политике, способность выявлять причинно-следственные связи в изучаемых процессах. Повышается интерес к страноведческой и регионоведческой саморефлексии, стремление подвести промежуточный итог, оценить современное состояние и перспективы этих направлений¹. Продолжается масштабная работа по изучению роли в международных отношениях ведущих регионов мира и региональных массивов в профильных академических институтах и соответствующих научных журналах, в первую очередь в Отделении глобальных проблем и международных отношений РАН, в ИНИОН РАН; помимо утвердившихся изданий появляются новые². Другие крупные научно-экспертные центры публикуют тематические выпуски своей периодики, посвященные региональной специфике³.

Одна из насущных задач – усиление комплексности и взаимосвязанности зарубежного регионоведения в России, более активный переход к кроссрегиональным исследованиям в их переплетении со страноведением и глобалистикой [Дегтерев, 2023]. Масштабная работа в этой области предпринята членом-корреспондентом РАН В.М. Давыдовым, научным руководителем Института Латинской Америки РАН, в индивидуальной монографии «Концептуальное позиционирование в русле регионоведения» [Давыдов, 2023]. Остановимся на нескольких узловых проблемах, затронутых в ней.

Новая нормальность, геополитизация и национальные государства

Нельзя не согласиться с тем общим наблюдением методологического характера, что «[с]егодня события развиваются настолько быстро, что у специалиста-международника

¹ Журнал «Контурь глобальных трансформаций». 2021. Т. 14. № 6. Судьба страноведения в России. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6

² Например, с 2008 г. выходит журнал «Россия и новые государства Евразии», посвященный государствам на пространстве СНГ, с 2022 г. – журнал «Научно-аналитический вестник Института Европы РАН», журнал «Российское китаеведение».

³ Например, такая работа ведется с 2022 г. на страницах журнала «Проблемы национальной стратегии» Российского института стратегических исследований.

мало времени для рефлексии» [Давыдов, 2023: 18]. Действительно, если говорить метафорично, то у Дарвина было пять лет для путешествия на барке «Бигль» и изрядное время для систематизации и обдумывания своих идей и догадок. Однако в XXI в. события развиваются на порядок стремительнее, а происходящее в разных регионах планеты тесно переплетено. Отсюда проблема подбора и обработки больших массивов данных, их систематизации, необходимость междисциплинарных подходов.

В.М. Давыдов затрагивает тематику «новой нормальности», в т. ч. феномен частичной деглобализации [Давыдов, 2023: 16]. Для европейских, как и для других региональных исследований, встает вопрос, что носит характер транзита, временного, а что пришло надолго и всерьез. Частичная деглобализация вызвана процессами полицентризма или наоборот – они являются ее следствием? Частичная деглобализация и полицентризм являются шагом назад в системе у глобального управления и регулирования или новым ее этапом? Развитие полицентризма сопровождается новым подъемом института государства-нации, который еще в 1990-е гг., на пике неолиберальной волны глобализации, считался отживающим свой век. Текущая волна его укрепления, которая со всей очевидностью наблюдается в первой четверти XXI столетия, является поступательным явлением или откатом назад? В ЕС по этому поводу давно сосуществуют противоположные мнения. Так, политическая группа консерваторов и реформистов перед выборами в Европарламент в июне 2024 г. призывала к автономии и суверенитету европейских наций¹, а группа либералов «Обновляя Европу» – к углублению интеграции и передаче дополнительных полномочий, в т. ч. в сфере безопасности и обороны, наднациональным структурам².

Ждет своего разрешения и другая сопутствующая дилемма. Ее первая часть – является ли политика геополитизации отношений ведущих держав, в полной мере запущенная Д. Трампом и продолженная Дж. Байденом, реакцией США на возрождение ключевой роли в мировой политике национальных государств, в первую очередь в лице Китая, Индии, России, Бразилии и др.? Среди причин этого возрождения можно было бы выделить причины «отрицательного» и «положительного эффекта». Отрицательный эффект – это эффект ослабления гегемонов, включая снижение экономического веса, политика экстерриториальности санкций США, репутационные издержки, которые понесли в глазах мирового сообщества США из-за вторжения в Ирак и других внешнеполитических авантюр, как и издержки СССР и новой России из-за ухода в конце 1980-х и в 1990-е гг. из многих регионов мира и отказа от поддержки бывших союзников. Среди причин «положительного эффекта» – стремление к сохранению национальных культур и идентичностей, преимущества решения многих проблем развития на уровне национальной модели управления, что в очередной раз продемонстрировали события пандемии *COVID-19*.

Вторая часть дилеммы – является ли стимулирование роли национальных государств инструментом американской политики геополитизации, который США используют для борьбы с конкурентами? Очевидно, что Соединенные Штаты стремятся иметь дело с отдельными национальными государствами напрямую, а не с наднациональными

¹ Respecting the Rights & Sovereignty of Member States. European Conservatives and Reformists Group. URL: https://ecrgroup.eu/vision/Respecting_rights_sovereignty_member_states (дата обращения: 12.10.2024).

² Priorities 2024 – 2029. Our vision to renew Europe: from reflection to action. Renew Europe. URL: <https://www.reneweuropengroup.eu/priorities> (дата обращения: 12.10.2024).

ми структурами, тем более международными организациями, обладающими наднациональными полномочиями. По этой причине США либо блокируют их деятельность, как уже долго происходит со Всемирной торговой организацией, либо не признают их юрисдикции, например, Международного уголовного суда. Относится это и к Евросоюзу, идея «стратегической автономии» которого неприемлема для Вашингтона. Несмотря на то что ЕС уже не раз за последние десятилетия испытывал разочарование в том, как ведет себя заокеанский союзник, в своих отношениях с внешним миром Брюссель так же отдает предпочтение взаимодействию с отдельными государства или с теми их объединениями, которые не имеют серьезной интеграционной составляющей, особенно политической. Отсюда и полное неприятие серьезных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. ЕС старается использовать преимущества собственного «пула суверенитетов», с помощью которого отдельные государства-члены мультиплицируют свой потенциал, но хочет не допустить создания похожих «пулов» в других регионах. Аналогично, Китаю или России было всегда легче иметь дело с каждым участником ЕС в отдельности, чем с Еврокомиссией.

За исключением ЕС, именно государства-нации сегодня представляют собой ведущие центры силы – США, Китай, Индия, Россия и др. Их размер, влияние, потенциал, ресурсы и идентичность таковы, что встраивание в интеграционные проекты с сильной политической надстройкой и делегированием государственного суверенитета не создает для них преимуществ. В Евразийском экономическом союзе наднациональное регулирование развивается, но имеет ограниченный характер и относится сугубо к экономической и торговой сферам. Союзное государство России и Беларуси по многим параметрам глубоко интегрировано, но наднациональная надстройка в нем практически отсутствует.

При этом ведущие державы, как и ЕС, сами не обходят стороной проблему внешнего влияния в его негативной интерпретации. Годы президентства республиканца Д. Трампа прошли в условиях ожесточенного поиска демократами доказательств российского вмешательства в выборные процессы в США и «сговора с Москвой». В ЕС с 2015 г. развиваются механизмы «стратегической коммуникации» – эвфемизм пропагандистского и контрпропагандистского противоборства. В 2024 г. переизбранная на второй срок председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила о планах создания «европейского щита демократии» против «инострannого вмешательства и манипулирования». В том числе предусмотрено создание «комитета по иностранному вмешательству» с широкими цензурными полномочиями в отношении СМИ и соцсетей. В России с 2017 г. действует комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ.

Монография В.М. Давыдова дает богатую пищу для размышлений благодаря широкому анализу кризисов и трансформаций политических режимов и моделей социально-экономического развития в странах Латино-Карибской Америки (ЛКА), связанных с обстоятельствами как внутреннего, так и внешнего характера. В связи с этим важно отметить, что если в европеистике общим местом являются рассуждения о длительном периоде европоцентризма международных отношений, то в истории ЛКА, как Африканского континента или значительных частей Азии, доминирует тема колониальной или неоколониальной зависимости, догоняющего развития. Что касается XXI века, то он сделал проблему внутренней стрессоустойчивости в условиях давления внешних факторов одинаково актуальной и для «угнетенных», и для «угнетателей».

К этому имеет прямое отношение нарратив «глубинного государства». Его популярная трактовка – в русле теории заговора, рассуждений о «закулисе» и «куклово-дах». При более научном подходе, речь идет о способах придания устойчивости политической системе. Например, большую часть истории США проблема стрессоустойчивости решалась с помощью маятника двухпартийной системы демократы-республиканцы и свойственной ей системы сдержек и противовесов; в Британии – с помощью мажоритарной системы голосования на всеобщих выборах, своеобразия неписаной Конституции, института постоянных госслужащих; в России – с помощью сверхцентрализации в имперское и советское время и суперпрезидентской республики в новороссийское; в ЕС – с помощью многоуровневой системы управления, в которой сочетается принцип субсидиарности с усилением роли Еврокомиссии.

У всех этих и других способов придания устойчивости политической системе имеются свои сильные и уязвимые стороны. Наличие первых подтверждается тем, что Россия, США и ЕС по различным параметрам остаются в числе ведущих центров силы. Во всех из них длительное время протекали явные или скрытые процессы усиления исполнительной ветви власти: президентские прерогативы в США (теория унитарной исполнительной власти), разрастание функций Еврокомиссии, полномочия главы государства в России. Но накапливаются и уязвимости, которые, если не купируются вовремя, приводят к негативным последствиям. В США двухпартийный маятник в 1990-е гг. стал вырождаться в политическую клановость, семейственность, а сама двухпартийность из элемента стабильности превратилась в элемент углубляющегося раскола страны на две все более непримиримые части. В России многие годы развивались дискуссии о проблемах социального неравенства, бюрократизации, коррупции, размывания ответственности на уровне среднего и нижнего звена управления в условиях ее концентрации в руках высшей политической власти. В ЕС, по мере углубления интеграции, усиливались противоречия между сторонниками межправительственного и коммунитарного подходов.

Для Европы отдельно стоит проблема «измельчения» политических элит, «отрицательного отбора». В обсуждениях положения дел в ЕС один из часто задаваемых вопросов – о причинах отсутствия крупных государственных фигур, стоящих вровень с видными политиками Старого Света в XX веке. Действительно, если взять последние десятилетия, то современных деятелей, сравнимых с М. Тэтчер, Ф. Миттераном, Г. Колем на национальном уровне или Ж. Делором – на общеевропейском, назвать трудно. Стратегическими подходами к развитию своих стран и ЕС в целом в той или иной мере обладали Т. Блэр, Ж. Ширак, С. Берлускони, Г. Шрёдер и А. Меркель, но вряд ли это перечисление можно уверенно продолжить, кроме, пожалуй, В. Орбана. Причин такой ситуации несколько. Во-первых, усложнение национальных партийно-политических систем и усиление их коалиционного характера, что часто выдвигает на первый план мастеров компромисса, но не крупных реформаторов. Во-вторых, доминирование политических технологий над содержательной политикой и личностным фактором в ней. В-третьих, размывание ответственности национальных элит в свете усиления наднационального измерения европейской интеграции. В-четвертых, огромная роль внешнего фактора – влияние США – в том, как формируются национальные и наднациональные элиты в Европе.

Возвращаясь к монографии В.М. Давыдова, хотелось бы остановиться еще на одном проблемном кусте: что первично и вторично в современных международных от-

ношениях – политика или экономика? Трудно не согласиться с тем, что «[г]еополитика все чаще поедает достижения экономической глобализации» [Давыдов, 2023: 30]. Действительно, происходящая политизация международных отношений (приоритет достижения политических целей над соображениями экономической целесообразности) ведет к усугублению экономических проблем, в том числе для самих глашатаев геополитизации. Простого объяснения этого феномена нет. Можно с большой долей уверенности утверждать, что с помощью политизации международных отношений предпринимается попытка нового экономического передела мира или сохранения в максимальной степени статус-кво.

Не менее правдоподобно выглядит гипотеза, что геополитизация является в первую очередь функцией удержания власти, будь то отдельным человеком или политической силой, что гораздо важнее, с точки зрения бенефициаров, чем максимизации экономической выгоды. Однако, как представляется, основная проблема с таким подходом в том, что геополитизация является намного более субъективным явлением, чем рыночные процессы и экономическая целесообразность. Она является в основном продуктом проявления индивидуальной или узкогрупповой воли, а не следствием крупных экономических тенденций, отражающих интересы значительной части населения тех или иных государств и экономических агентов. Соответственно возрастают риски ошибочных, волюнтаристских решений и действий власти предрежащих [Давыдов, 2023: 122–123]. Неконтролируемый государством рынок также приводит к негативным эффектам, например, к социальному расслоению, обогащению одних и обнищанию других, подрыву социального мира. Однако противоядие этому давно выработано в виде различных механизмов индикативной или регулируемой экономики, социального рынка, перераспределительных функций государства, антимонопольного законодательства и т. д.

Имеет основание для анализа и третий вариант, больше относящийся к аксиологии: политика может быть важнее экономики с точки зрения постмодернистского, постиндустриального взгляда на мир, когда материальное обогащение и «общество изобилия» больше не считаются целями развития. Современное европейское движение зеленых и экологов во многом подходит под эту характеристику.

Регионоведение и цивилизационные исследования

Всего поддержки заслуживает тезис В.М. Давыдова о том, что на современном этапе значение регионоведческих исследований, как и страноведения, возрастает [Давыдов, 2023: 33]. Здесь уместна метафора матрешки: если изучать только внешнюю оболочку, то вне поля зрения останется содержание, а если изучать только внутреннее устройство, то не будет понимания того, как одни процессы встроены в другие и как они масштабируются. Другими словами – требуется совмещение анализа региональной и глобальной специфики. Метафора матрешки также полезна с точки зрения современного смыслового значения категории «центр-периферия», которая в условиях полицентричности существенно отличается от ее значения в имперский период европоцентризма, и, тем более, в период биполярности.

Регионоведение находится между контурами глобалистики и страноведения и должно искусно между ними балансировать, чтобы не уйти от сути своего предмета. Между глобалистикой и региональными изысканиями расположен еще один научно-

исследовательский контур – цивилизационный, посвященный изучению социокультурных макрообщностей. В.М. Давыдов обращается к цивилизационной тематике в первую очередь в связи со страновым типологическим ранжированием, которое в пост-биполярную эпоху лишилось категорий «второй» и «третий мир», а затем под вопрос была поставлена и категория «развивающиеся страны» [Давыдов, 2023: 36]. В результате понадобились новые концептуальные подходы. Пересмотру прежних утвердившихся представлений способствовали современные исследования статистических ретроспектив. Одним из результатов стала демонстрация того, что, по критерию кратности изменения доли региона в мировом ВВП (в процентах) за период 1820–1998 гг., лучший показатель достигла ЛКА (4,35), за которой следуют Западная Европа (0,91), Африка (0,67), Азия (кроме Японии). Показатель ЛКА уступает США (12,7), но у последних он снижается с 1950 г. [Давыдов, 2023: 75].

Тему странового ранжирования, предложенную В.М. Давыдовым, возможно расширить и на такие категории, как сверхдержавы и «несостоявшиеся» государства (англ. – *failed states*). Термин «сверхдержава» до сих пор широко используется, особенно в отношении США, хотя, с точки зрения концепции полицентризма международных отношений, он выглядит устаревшим. Это не означает, что то или иное государство не может быть мировым лидером по каким-то конкретным параметрам (экономическим, технологическим, военным, культурным, демографическим, ресурсным и др.). Поэтому, если сохранять столь утвердившееся понятие, то на современном этапе точнее говорить о «нишевой сверхдержаве». Так, Китай и США, а также ЕС являются экономическими сверхдержавами по доле в мировом ВВП; США и Россия – военными; Китай и Индия – демографическими; Тайвань (частично признанное государство) и Южная Корея – «полупроводниковыми» и т. д. Еще недавно с точки зрения общепринятого международного понятийного аппарата Афганистан относился к категории «несостоявшихся» государств. Однако он не только продолжает существовать как субъект международных отношений, но в лице движения «Талибан»¹ фактически нанес военное поражение военной сверхдержаве США.

В изучении международных отношений контрпродуктивны как фиксация на изучении частных фактов, которые не соотносятся с событиями более крупного ряда, так и уход в излишнюю абстракцию, что происходит, например, при политизации цивилизационных исследований, подаваемых как сфера прикладных возможностей, якобы применимых в отношениях между государствами. При этом цивилизациология, которой в регионоведческом разрезе посвящено значительное внимание в монографии В.Д. Давыдова, признает реальность социокультурных макрообщностей (в отличие от цивилизации в смысле локальной культуры или человечества в целом) и играет важную роль в изучении и оценке длинных временных рядов («медленная история»). Они полезны в объяснении поведения того или иного государства на международной арене, особенно когда оно само приравнивается к цивилизации или считается представляющим его центральную или значительную часть. В то же время цивилизационный подход не применим к повседневному политическому процессу ввиду своей неоднозначности и оперированием множеством обобщений и абстракций.

Всегда будет существовать многоголосица мнений по поводу критериев отнесения конкретной страны к той или иной цивилизации, как и по поводу самой классификации

¹ Признано в России террористическим и запрещено.

цивилизаций, изучение которых ведется с эпохи Просвещения. Вряд ли когда-либо будут даны окончательные ответы на вопросы, что важнее в появлении и развитии цивилизации: география, климат, культура, ценности, пассионарность, совместная история (общее воспоминание о прошлом). Очевидно, что эти и другие факторы необходимо рассматривать в комплексе. Не приемлема для плодотворного использования феномена цивилизации опора на этнос, национальность или расу, потому что тогда речь пошла бы об этнократизме, национализме или расизме. География также представляет собой неоднозначный критерий, так как соседствующие государства и культуры могут и тяготеть к цивилизационной общности, и сильно в этом расходиться. Например, очевидно, что граничащие друг с другом Германия и Франция или Россия и Беларусь принадлежат к цивилизационной общности. Однако то же самое нельзя сказать о России и Китае или США и Мексике. Кроме того, географическая близость сама по себе не раскрывает характер отношений между соседями как в цивилизационном контексте, так и в текущем политическом. Наглядными примерами являются конфликтующие с момента обретения независимости Пакистан и Индия или враждующие Северная и Южная Кореи. В первом случае подоплекой раздора стал религиозный фактор, во втором – идеология и наследие кровавой войны.

Одним из наиболее распространенных критериев является религия, но и в этом случае встают многочисленные вопросы. Если речь идет о мировых религиях, то есть в первую очередь о христианстве, исламе и буддизме, то верно ли, что до их появления полноценных цивилизаций не было, а если они и существовали (например, античная или римская), то были обречены? Но и единой христианской цивилизации не существует уже много веков. В истории ее разные ответвления как сосуществовали, так и приходили в столкновение. При этом сомнительно представление о внутрехристианском противостоянии, обобщаемом до уровня столкновения цивилизаций. Например, если иметь в виду некую имманентную враждебность со стороны католичества и протестантства (т. н. «западнохристианская цивилизация») к православию, то можно упустить из виду длительные периоды кровавых и разрушительных религиозных войн в Западной Европе, как и многочисленные междоусобицы периода феодальной раздробленности на Руси. Та же логика применена к «исламской цивилизации», внутренние противоречия которой были и остаются не менее конфликтогенными и разрушительными, чем противоречия между мусульманским миром и внешним. Немаловажно и то, что религиозный фактор, воспринимаемый как цивилизационно-формирующий, может выглядеть фундаментальным для теократий, но не для светских режимов, в которых церковь отделена от государства.

Картина мира на базе цивилизационных общностей и различий становится более сложной в результате того, что, помимо различных хрестоматийных классификаций цивилизаций (Тойнби, Данилевский, Сорокин, Шпенглер, Бердяев, Хантингтон, в опосредованном виде – общественно-экономические формации в марксизме и др.), разработана тема «классических» и «пограничных цивилизаций», включая категории цивилизационной матрицы и цивилизационного ареала [Давыдов, 2023: 39, 82–83]. С этого ракурса к классическим относятся западнохристианская, южноазиатская индo-буддийская, восточноазиатская конфуцианско-буддийская, исламская; к пограничным – эллинистическая, византийская, российско-евразийская, балканская, ибероамериканская. Однако в термине «пограничный» есть двусмысленность, связанная со значением либо переходного периода в развитии цивилизации, либо ее производном, а значит и

зависимом, не самостоятельном характере. Для их устранения точнее говорить о сложносоставном типе ряда цивилизаций, которые значительно менее однородны, чем другие. Например, европейская цивилизация, возникшая на базе общего античного, римского, византийского и христианского наследия, безусловно, была и остается сложно-составной – особенность, которая со временем только усиливалась, в том числе в результате появления различных христианских церквей. «Единство в многообразии» этой цивилизации, возможно, достигло своего пика в эпоху европейских империй со столицами их метрополий, расположенными от Лондона до Петербурга, то есть в XVIII–XIX столетиях. Несмотря на множество противоречий и внутриевропейских конфликтов, общая цивилизационная подложка сохранялась благодаря близости и переплетению их культур, религий, языков, системы знания, экономик, политики, тесных родственных связей между монаршими домами. Европейские империи конфликтовали друг с другом не меньше, чем сотрудничали, однако такая диалектика в их отношениях протекала в рамках модели европоцентричного мира, ядро которого составляли именно они.

XX век поставил под вопрос выживаемость европейской цивилизации. Эпицентры Первой и Второй мировых войны находились в Европе, и это были войны нового типа, когда цель применения насилия – в тотальном подчинении противника. Европейская цивилизация тогда испытывала глубокий раскол не только по этой причине, но и в результате столкновения двух мировоззренческих антагонистических парадигм – социализма и капитализма. На востоке Европы на огромном евро-азиатском пространстве развивалась «советская цивилизация», а на западе Европы, в рамках западноевропейской интеграции, конструировалась европейскость нового типа, который сводит представление о Европе к внешним границам Евросоюза. В то же время советский социалистический проект уходил корнями в европейскую философию в не меньшей степени, чем произрастал из самобытной почвы. По своему образованию и мировоззрению советский человек в целом оставался европейцем.

Термин «пограничная цивилизация», который выделяет В.М. Давыдов, уместно использовать и в отношении приграничных территорий самих цивилизаций. Для европейской цивилизации в ее западноевропейской части «пограничной» всегда была Британия, что в очередной раз проявилось в феномене брекзит. Перекрестное влияние разных цивилизаций ярко выражено в Испании, Италии, Турции, многих странах Латинской Америки. В своей восточноевропейской части «пограничность» можно усматривать в цивилизационной конфигурации России с преобладающими характеристиками европейской цивилизации, особенно после развала Советского Союза. Однако размеры, исторический опыт «ордынского пленения», европейско-азиатское расположение далеко за пределами географической Европы, многонациональный и поликонфессиональный состав государства, имперское прошлое придают России черты самостоятельной цивилизации и как минимум наиболее своеобразной и автономной части европейской цивилизации в ее классическом понимании. Вспомним, как в позднем Советском Союзе и в 1990-е гг. в России пользовались популярностью тэтчеризм и шведская модель развития.

Схожие черты прослеживаются в становлении североамериканской цивилизации в лице США. В отличие от России она зарождалась как британская переселенческая колония, но общее состоит в том, что североамериканский континент, как и значительная часть северной Евразии, были освоены европейцами (в последнем случае русскими), с вытеснением или интеграцией местных племен, этносов и народностей. Со временем

США сами превратились в империю, а затем, наряду с СССР, в сверхдержаву. С тех пор менталитет американцев, в том числе в виду огромных расстояний, разделяющих их с Европой, изменился настолько, что феномен США можно считать изначально отвлечением европейской цивилизации, позже обретшим собственные цивилизационные характеристики.

Сильное европейское влияние сказалось и на формирование цивилизационной общности в ЛКА. Так, В.М. Давыдов, рассуждая о переселенчестве из европейских стран, указывает на категорию таких «квазиевропейских стран», как Аргентина и Уругвай. Он также с полной обоснованностью выделяет роль ЛКА как «экспериментальной лаборатории мироисторического процесса» [Давыдов, 2023: 42]. Отметим, что эту характеристику можно усмотреть почти в каждой крупной цивилизационной общности, среди которых находится и европейская цивилизация, оказавшая значительное влияние на эволюцию многих неевропейских регионов, в том числе посредством многочисленных имперских проектов. Верно и обратное – стоит только упомянуть арабское влияние на развитие Иберийского полуострова, турецкое – Южно-Восточной Европы, монголо-татарское – значительной части северной Евразии.

В XX веке со взрывным характером глобализационных процессов взаимозависимость различных регионов мира беспрецедентно возросла. В геополитическом плане это выразилось в биполярной конкуренции, в которой причудливым образом был вpleтен и цивилизационный фактор. Две сверхдержавы ревностно следили друг за другом во всех частях света. Непреходящий след биполярность оставила в истории Чили (свержение правительства С. Альенде и последующий опыт репрессивной «чилийской модели»), Кубы (Карибский кризис), Никарагуа. Примером того, как в современные перипетии конкуренции ведущих держав вовлечены государства ЛКА, служат Венесуэла, Боливия, Бразилия и др. Можно привести массу примеров соперничества представителей европейской цивилизации и цивилизаций, во многом вышедших из нее, включая российскую и североамериканскую, в современных Африке и Азии. Также важно отметить, что влияние российской цивилизационной матрицы снизилось по всему миру в 1990-е гг., однако с тех пор шел процесс по его восстановлению.

В дискурсе о цивилизационной специфике России важное место занимает проблематика «пограничных» территорий собственно российской цивилизации и задача их удержания. Во весь рост она была поставлена распадом Российской империи, затем Советского Союза, двумя «чеченскими войнами» на Северном Кавказе. Другими словами, происходило несколько волн отпадения (или попыток этого) ряда пространств некогда территориально единой российской цивилизации, если под такой территорией иметь в виду внешние границы Российской империи, СССР, а затем и современной России. В свете уменьшения пространства российской цивилизации в результате развала СССР компенсаторную роль была призвана сыграть концепция и практика Русского мира, который в цивилизационном смысле включает в себя внутреннее ядро (российскую цивилизацию в границах РФ) и двойной внешний контур из постсоветских государств, в первую очередь славянских (ближнее зарубежье), и фрагментов Русского мира, раскинутых по «дальнему зарубежью». Однако украинский конфликт, как и реалии в отношениях России с Грузией, Украиной, Молдовой, Арменией стали для этой концепции и практики тяжким испытанием. С Петровских времен Россия три столетия ориентировалась на европейскую составляющую своей цивилизационной сущности (при всех спорах «западников» и «почвенников»). В XXI веке происходят процессы по

замене европейского вектора в ее цивилизационном развитии, как приоритетного, на евразийский, что еще требует своего концептуального осмысления.

Цивилизационный фактор и будущее международных отношений

В первой половине XX века опасность гибели Европы в результате военной катастрофы была купирована победой союзников в 1945 г. Затем жесткое политическое и социально-экономическое противостояние продолжилось не только в Европе, но и в глобальном масштабе в форме глобальной биполярности. В ядерную эпоху Европа стала ареной возможного конфликта тотального характера, но с еще большими рисками самоуничтожения. Возможности реставрации, или пересборки, классической европейской цивилизации и нахождения нового равновесия между ее западной и восточной частями появились после окончания холодной войны и, как казалось, ухода в прошлое идеологического противостояния. Однако последующие события отбросили вероятность построения Большой Европы на несколько десятилетий назад, а значит и откладывают такую возможность на многие годы вперед. Образно и остро ситуацию после 2022 г. характеризуют У. Геро и Х. Ритц: «...хамская восторженность, местами чуть ли не воровская радость от того, что снова есть враг, лишь маскирует европейский провал» [Геро, Ритц, 2024: 31]. Евросоюз выбрал путь конструирования собственной цивилизационной идентичности, враждебной России, а последняя встала на путь встраивания в евро-азиатский контур с форсированной политикой минимизации взаимозависимости с европейским Западом. В то же время не исчезли факторы географической близости, родства культур, общей исторической памяти. Будущее, как всегда, остается многовариантным.

Дискурс о цивилизационном факторе в современных международных отношениях усложняется в связи с разными восприятиями соотношения цивилизации и государства по сравнению с менее проблемным соотношением между цивилизациями и империями. Последние – древние, средневековые, империи Нового времени – предшествовали большинству национальных государств и объединяли в том или ином виде пространства, обычно намного превышающие территории современных стран. Век империй в традиционном смысле этого феномена давно в прошлом, однако появившиеся на их развалинах государства считают себя либо их преемниками, либо ниспровергателями. В результате размытость представлений о принадлежности к той или иной цивилизации лишь усиливается. Существуют и государства, которые считаются ведущими державами и одновременно олицетворением цивилизации. Например, об уникальности своей цивилизации говорят Китай, Россия, США, Индия; появился термин «государство-цивилизация». В связи с этим возникают вопросы: дает ли такой статус преимущества в мировой политике? Каковы научно обоснованные критерии отнесения одних государств к этой категории, а других – к окологосударственной или внутригосударственной? Является ли термин «государство-цивилизация» частью укрепления внутренней идентичности или он имеет и внешнеполитическое предназначение? В последнем случае появляется необходимость выработки модальностей взаимоотношений между государствами-цивилизациями и теми, кто таковыми не являются.

Наконец, развитие цивилизационного дискурса, привязываемого к политическому процессу, ставит проблему критериев исторического развития. В прошлые периоды эти вопросы решались по-разному с возложением надежд на сверхъестественный либо человеческий разум, например, в представлениях о передовой роли империй и бремени белого (или другого цвета кожи) человека, о революции как о двигателе прогресса, об общественно-политических формациях, постиндустриализме и постматериализме. Но почти всегда речь шла о выработке унифицированного представления о том, как, поднимаясь со ступени на ступень, общество достигает новых высот развития, материальных и духовных. Последние десятилетия показали, что злоупотребление индивидуалистической тематикой и либеральной политической традицией во вред коллективистской и консервативной приводят в тупики «конца истории» и «либеральных интервенций». Под современными неолиберальными лозунгами мир делят на передовые государства («истинные демократии»), менее развитые (гибридные) и застрявшие в прошлом (авторитарные), то есть фактически на государства разного сорта. Абсолютизация же принципа суверенного равенства, помноженного на политизированную схему взаимодействия цивилизаций, напротив, лишает возможности судить о том, что является прогрессивным, а что нет, что приемлемо, а что нет в ценностном, моральном, нравственном отношении. Мерило прогресса исчезает, если все цивилизации или их отдельные части признавать неизменными и равноценными данностями, вещью в себе, о которых судить допустимо исходя лишь из того, выгодно взаимодействие между ними или нет.

В связи с этим возникают и существенные методологические проблемы. Во-первых, абсолютизация принципа «все цивилизации равны» фактически означает возвращение к циклическому взгляду на историю, когда развитие человечества воспринимается не как поступательный процесс, а как развитие разных частей мира по своим собственным законам. Такой подход представлял бы собой своего рода «конец истории» наоборот, когда наивысшей формой развития считается не неолиберальная западная парадигма и нанизанные на нее «универсальные» ценности, а множество партикулятивных самодостаточных форм развития. Во-вторых, абсолютизация принципа суверенитета, в данном случае – цивилизации как вещь в себе, логически означает, что каждая из них вольна придерживаться собственного представления о критериях развития и соблюдении тех или иных прав и стандартов. Однако это вело бы к выхолащиванию современного международного права за рамки самых общих и абстрактных постулатов. В-третьих, отход от признания императива исторического прогресса, охватывающего все модели цивилизационного, политического и социально-экономического устройства, повлек бы не только признание циклического характера исторического развития, что вряд ли соответствует научным представлениям. Из этого также вытекало бы, что неизменность цивилизаций как вещи в себе оправдывает взгляд на взаимодействие между ними в духе вечного соперничества или вечной дружбы. Так как ни то, ни другое не отражает реальную историю, то такой отход вел бы к архаизации научных представлений об истории международных отношений. Кроме того, он затруднял бы стратегичность поведения в мировой политике, подталкивая к выстраиванию отношений с другими цивилизациями и представляющими их государствами на основе релятивизма и ситуационности.

* * *

Мы затронули лишь часть насущных проблем регионоведения в привязке к страноведению, цивилиграфии и глобалистике, поднятых в монографии В.М. Давыдова. Автор с честью решает задачу рассказать о «концептуальной “прибавочной стоимости” на почве регионоведения» [Давыдов, 2023: 132], а тезис о том, что «заторы на глобальном уровне могут компенсироваться регионализацией» [Давыдов, 2023: 124], оттеняет значение регионоведческого анализа современных мировых процессов. Регионоведение, пожалуй, самый удобный ракурс изучения эволюции международных отношений, с которого «рукой подать» до методологии и глобалистики, и страноведения. Эти три уровня международной аналитики как никогда связаны друг с другом, что лишь увеличивает востребованность междисциплинарности, фактологической и концептуальной вооруженности соответствующих специалистов. Несомненно и возрастание значения цивилизационных исследований, которые в целом расположены между контурами регионоведения и глобалистики. В мире острой неопределенности и демонтажа многих представлений, происходящего в условиях поиска «новой нормальности» и новых точек опоры, вопросы идентичности отдельного человека, государства и целых регионов неизбежно приобретают все большее значение. Цивилизационные пространства будут и дальше представлять собой подвижные и изменчивые феномены, подверженные как укрупнению, так и фрагментации. Речь идет, например, о гипотезе формирования «ибероамериканского цивилизационного пространства» [Давыдов, 2023: 139; Яковлев, 2020: 509], о происходящем распаде европейского, о центростремительных процессах на просторах глобального Юга. Вместе с тем и в рамках последнего имеется немало взрывоопасных районов, включая Ближний Восток, Южно-Китайское море, часть Африканского континента. Перед отечественным регионоведением стоят нетривиальные и масштабные задачи в условиях калейдоскопичности и быстроты современных событий, умножения социальных, экономических, политических и военных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братерский М.В. (2024) Введение. Фрагментация vs глобализация. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 7–17. DOI: 10.31249/ape/2024.01.01
- Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. (2023) Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 8–20. DOI 10.17976/jpps/2023.06.02
- Варнавский В.Г. (2024) Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 5–18.
- Геро У., Ритц Х. (2024) *Эндишль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нём мечтать*. Fortis Press, Ереван, Армения; Москва. 160 с.
- Громыко Ал.А. (ред.) (2022) *Европа в кризисном мире*. Институт Европы РАН, Москва. 376 с.
- Громыко Ал.А. (ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. Институт Европы РАН, Москва. 508 с.
- Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. (ред.) (2014) *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы*. Институт Европы РАН, Москва. 704 с.
- Давыдов В.М. (2023) *Концептуальное позиционирование в русле регионоведения. Опыт латиноамериканистики и не только...* Весь мир, Москва. 152 с.

Дегтерев Д.А. (2023) От «созерцательного регионоведения» к прикладным кроссрегиональным исследованиям. *Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука: Ежегодник-2023*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Р.В. Евстифеева, Л.А. Фадеевой. ИЦ «Титул», Москва; Пермь. С. 103–121.

Дынкин А.А., Барроуз М. (ред.) (2016) *Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности*. ИМЭМО РАН, Москва. 32 с.

Иванов И.С., Тимофеев И.Н. (2023) *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты*. РСМД, Москва. 536 с.

Кортунов А.В. (2024) Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка. *Политическая наука*. № 2. С. 80–101. DOI: 10.31249/poln/2024.02.04

Лапкин В.В. (2024) Эволюционный аспект трансформации миропорядка. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 146–165. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.11

Михеев В.В. (ред.) (2023) *Новая реальность индо-тихоокеанского пространства*. ИМЭМО, Москва. 155 с.

Пляйс Я.А. (2015) Движется ли мир к новой биполярности? *Обозреватель*. № 8 (307). С. 14–28.

Федюнин А.А., Симачев Ю.В. (2024) Мир в лабиринте санкций: неоднозначность эмпирических свидетельств. *Вопросы экономики*. № 8. С. 5–27.

Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Яковлев П.П. (2020) *Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире*. ИЛА РАН, Москва. 515 с.

Area Studies in Russia and the Challenges of the Polycentric World

Al.A. Gromyko

Corresponding Member, Russian Academy of Sciences

Director of the Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the state of contemporary Russian area studies and their research field in the conditions of high demand for comprehensive and multifaceted approach. The author deliberates on the problem of new normality in connection with the phenomenon of partial deglobalisation. He analyses the interplay between the politics of geopolitisation of relations among leading powers and the institution of nation-state. Also, the topics of foreign interference, resilience and deep state are dwelt upon. Besides, the research looks into an issue of primary and secondary nature of the political and the economical in international relations. The significant part of the work covers the role of civilisations in area studies. The author supports the thesis that civilisational studies occupy a place between area and global studies. At the same time, he questions the validity of the application of civilisational approach to the daily politics in light of its ambivalences and numerous assumptions. Typologically, the notion of border, or multi-composite, civilisation is discussed. The article pays a significant attention to the discourse of juxtaposition of European and Russian civilisations and also raises the problems of conceptual substance of state-civilisation and criteria of historical development. The conclusion is drawn that civilisations' spaces will continue to be porous and changeable and exposed both to augmentation and fragmentation.

Keywords: area studies, geopolitisation, European studies, Latin America studies, new normality, deglobalisation, nation-state, civilisation

DOI: 10.31857/S0201708324060019

REFERENCES

- Baranovskij V.G., Kuvaldin V.B. (2023) Global'nyj konflikt: atribut menyayushchegosya miroporyadka ili ustarevshij instrument ego transformacii? [Global conflict: an attribute of a changing world order or an outdated tool for its transformation?], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 8–20. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.02 (In Russian).
- Davydov V.M. (2023) *Konceptual'noe pozicionirovanie v rusle regionovedeniya. Opyt latinoamerikanistiki i ne tol'ko...* [Conceptual positioning in line with regional studies. The experience of Latin American studies and not only...], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Degterev D.A. (2023) Ot "sozercatel'nogo regionovedeniya" k prikladnym krossregional'nym issledovaniyam [From "contemplative regional studies" to applied cross-regional studies], in Gaman-Golutvina O.V., Evstifeev R.V., Fadeeva L.A. (ed.) *Regiony v politike, politika v regionah. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik-2023*. IC "Titul", Perm'; Moscow, Russia, pp. 103–121. (In Russian).
- Dynkin A.A., Barrouz M. (ed.) (2016) *Global'naya sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti* [The global system at a turning point: the path to a new normality], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Fedyunin A.A., Simachev Yu.V. (2024) Mir v labirinte sankcij: neodnoznachnost' empiricheskikh svidelet'stv [The world in the labyrinth of sanctions: ambiguity of empirical evidence], *Voprosy ekonomiki*, 8, pp. 5–27. (In Russian).
- Fituni L.L. (2019) Na puti k novoj bipolyarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoyaniya v Afrike [On the way to a new bipolarity: geo-economics and geopolitics of confrontation in Africa], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(3), pp. 6–29. DOI 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29. EDN AJSWSC. (In Russian).
- Gero U., Ritc H. (2024) *Endshpil' Evropa. Pochemu poterpel neudachu politicheskij proekt Evropa i kak nachat' snova o nyom mechtat'* [Endgame Europe. Why the political project Europe failed and how to start dreaming about it again], Fortis Press, Erevan, Armenia; Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe is in a global reassembly], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v krizisnom mire* [Europe is in a crisis world], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. (ed.) (2014) *Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [Greater Europe. Ideas, reality, prospects], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ivanov I.S., Timofeev I.N. (ed.) *Politika sankcij: celi, strategii, instrument* [The policy of sanctions: goals, strategies, tools], RSMD, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kortunov A.V. (2024) Mnogopolyarnost' i mnogostoronnost' – dva izmereniya budushchego miropor-yadka [Multipolarity and multilateralism are two dimensions of the future world order], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 80–101. DOI 10.31249/poln/2024.02.04 (In Russian).
- Lapkin V.V. (2024) Evolyucionnyj aspekt transformacii miroporyadka [The evolutionary aspect of the transformation of the world order], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 146–165. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.11 (In Russian).
- Miheev V.V. (ed.) (2023) *Novaya real'nost' indo-tihookeanskogo prostranstva* [The new reality of the Indo-Pacific space], IMEMO, Moscow, Russia. (In Russian).
- Plyajs Ya.A. (2015) Dvizhetsya li mir k novoj bipolyarnosti? [Is the world moving towards a new bipolarity?], *Obozrevatel'*, 8(307), pp. 14–28. (In Russian).
- Varnavskij V.G. (2024) Mirovaya trgovlya: dolgosrochnye trendy i strukturnye sdvigi [World trade: long-term trends and structural shifts], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, pp. 5–18. (In Russian).
- Yakovlev P.P. (2020) *Global'nye golovolomki: Iberoamerika v menyayushchemsya mire* [Global Puzzles: Iberoamerica in a Changing World], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327(497.2)

ЗАЩИТА БОЛГАРИЕЙ «ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ» В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ЕС

© 2024 ПОЛЫВЯННЫЙ Дмитрий Игоревич

Доктор исторических наук, профессор,

Зав. научно-образовательным центром интеграции науки и образования,

Ивановский государственный университет

153025, Россия, Иваново, ул. Ермака, 39. E-mail: dipol53@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье проанализирована внешнеполитическая деятельность Болгарии на западнобалканском направлении в контексте дальнейшего расширения ЕС. Цель исследования – оценка стратегии и тактики Софии по защите болгарских общностей в Албании, Косово, Сербии и Северной Македонии на фоне внутренней ситуации в стране. Особое внимание уделено институту президентской власти, обеспечивающему преемственность внешней политики в условиях кризиса партийной и парламентской систем. Утвержденная болгарским правительством в 2014 г. Национальная стратегия по отношению к болгарским гражданам и историческим болгарским общностям в мире не получила дальнейшего развития. Болгария в двусторонних отношениях с Албанией, Косово и Сербией настаивает на конституционных гарантиях статуса и прав болгарских исторических общностей. Внесение болгар в перечень национальных меньшинств в законодательстве Албании служит прецедентом в переговорах с двумя другими странами. В отношениях с Республикой Северная Македония (РСМ) София выдвигает на первый план соблюдение принципа добрососедства, закрепленного в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1 августа 2017 г., и включает в повестку наряду с конституционным признанием болгарского меньшинства вопросы истории и языка титульного населения РСМ. Действия Болгарии, основанные на стратегической оценке перспектив соседних государств, обосновываются правовыми нормами ЕС и Совета Европы и находят поддержку в обществе на фоне жесткого внутривнутриполитического кризиса.

Ключевые слова: Болгария, исторические общности, расширение ЕС, Албания, Косово, Сербия, Республика Северная Македония, двусторонние переговоры

DOI: 10.31857/S0201708324060020

За Болгарией закрепились репутация беднейшего члена ЕС, но она существенно опережает в экономическом развитии государства т. н. западно-балканской шестерки (*Western Balkan 6, WB6*). Членство в Евросоюзе дает Софии преимущества в двусто-

ронних переговорах с кандидатами на вступление по вопросам, которые *WB6* обязаны решить до присоединения к объединению. Эти переговоры – важнейшая внешнеполитическая миссия Болгарии в регионе. Они позволяют повысить международный авторитет страны и решить ряд вопросов внешней повестки.

Семнадцать лет членства Болгарии в ЕС сформировали в стране влиятельные политические силы, разделяющие и продвигающие евроатлантические политические ценности, и солидный сегмент граждан, которые видят пользу в интеграции. При этом в стране больше, чем в ЕС в целом, дорожат идентичностью. В исследовании Евробарометра, проведенном осенью 2023 г., доля болгарских респондентов, которые считают членство страны в интеграционном объединении благом, составила 57 против 72% в ЕС в целом. 26% респондентов назвали ценностью, в первую очередь подлежащую защите, «уважение к национальным идентичностям, культурам и традициям государств – членов ЕС» (в целом в Евросоюзе – 17%)¹.

С 2021 г. Болгария пребывает в состоянии затяжного внутривнутриполитического кризиса. После отставки коалиционного правительства во главе с Б. Борисовым с мая 2021 г. по октябрь 2024 г. сменилось восемь кабинетов, шесть из которых назначались президентом Р. Радевым ввиду невозможности парламентских партий сформировать новую коалицию. Корни кризиса многие политики и граждане видят во вмешательстве внешних сил. Такой подход характерен для значительной части экспертных оценок и мнений, публикаций болгарской и международной прессы, представляющих политическую жизнь страны либо через противостояние прозападных и пророссийских политиков и партий, русофобов и русофилов, а также сильных личностей, движимых коррупционными интересами, и их клиентел. Однако в основе политической ситуации лежат противоречия жизненного опыта поколений, которые ориентируются или на сохранение остатков уходящей действительности, или на ускорение формирования новой [Кандель, 2024: 69–82; Подчасов, 2023: 33–41]. На этом фоне внешняя политика страны на западнобалканском направлении продолжает удерживать внимание значительной части общества.

Рассмотрение состояния и динамики отношений Болгарии с Албанией, Косово, Сербией и Северной Македонией в исследовании ограничивается приоритетными для Софии проблемами болгарских исторических меньшинств. Цель статьи – изучить стратегию и тактику политики Болгарии в отношении соседних балканских государств и соотнести их с внутривнутриполитическими разногласиями в стране.

Болгария и расширение ЕС на Западные Балканы

В 2018 г. Болгария, впервые приняв обязанности председателя Совета ЕС на первую половину года, обозначила одной из четырех задач интеграцию государств Западных Балкан в объединение². Годом ранее президентом Болгарии был избран Р. Радев, для которого отношения со странами *WB6* стали одним из приоритетов на посту главы государства. Значительная роль на этом направлении была отведена вице-

¹ European Parliament. Eurobarometer Data Annex. Parlemeter 2023. Six months before the 2024 European elections. P. 6, 8, 10. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3152> (дата обращения: 11.09.2024).

² Програма на Република България за Председателството на Съвета на Европейския съюз. С. 11–12. URL: <https://www.moew.government.bg/bg/ministerstvo/es-i-mejdunarodno-sutrudnichestvo/koordinaciya-povuprosite-na-es/bulgarsko-predsdatelstvo-na-suveta-na-es/> (дата обращения: 11.09.2024).

президенту И. Йотовой, депутату Европарламента в 2007–2017 гг. В 2018 г. создан консультационный совет по проблемам болгар за рубежом. Несмотря на то что возможности президентской дипломатии ограничены конституционными полномочиями главы государства, она опирается на широкий общественный консенсус, не связанный с партийными симпатиями электората.

К 2018 г. Болгария накопила значительный и разнообразный опыт двусторонних переговоров с Албанией, Сербией и Косово. Видное место в повестке заняли проблемы граждан этих стран с болгарским самосознанием. В 2014 г. правительство приняло Национальную стратегию по отношению к болгарским гражданам и историческим болгарским общностям в мире. К последним отнесены болгары в Республике Македонии (РМ), в Сербии и на Западных Балканах в целом (в дальнейшем особое внимание уделялось Албании и Косово). Цели государственной политики содержат «включение исторических болгарских общностей в развитие двусторонних отношений Болгарии со странами, где есть компактный болгарский элемент, что гарантировало бы им сохранение и укрепление этнокультурной идентичности», а также «противодействие всем формам антиболгарской идеологии и пропаганды, нацеленным на отрыв общностей от болгарского этноса, а также проведению политики ассимиляции по отношению к отдельным историческим болгарским общностям»¹.

Первый успех в реализации данной стратегии – включение болгар в перечень национальных меньшинств в Албании. В октябре 2017 г. принята соответствующая поправка к закону о защите национальных меньшинств. Важную роль в этом сыграла рекомендация Европейского парламента, инициированная петицией албанских граждан-болгар и поддержанная евродепутатами от Болгарии².

Албанский пример стал важным прецедентом для болгарских требований о внесении аналогичных поправок в конституционные акты и законы других государств *WB6*. Так, в ходе слушаний о положении болгарских меньшинств в комиссии по болгарам за рубежом Народного собрания в 2020 г. отмечалось, что прецедент внесения болгарского меньшинства в конституцию Албании позволит «быстро достичь того же и в Косово»³. В сентябре 2023 г. на презентации книги С. Ташева «Болгары в Албании» в Тиране И. Йотова отметила: «В отличие от другого соседнего государства, с которым у нас серьезные проблемы, албанские власти доказали, что уважают право различных этнических общностей в своей стране сохранять и отстаивать свою идентичность, развивать свой язык и традиции. Европейский союз – это права, и там, где они не соблюдаются, – нет ЕС». С. Ташев уточнил, что речь идет о Республике Северная Македония (РСМ), которая стремится доказать, что в Албании нет болгар⁴. По данным переписи населения, опубликованным в июле 2024 г.,

¹ Национална стратегия за българските граждани и историческите български общности по света. URL: <https://www.strategy.bg/StrategicDocuments/View.aspx?Id=938> (дата обращения: 11.09.2024).

² Law Nr. 96/2017. On the protection of national minorities in the Republic of Albania. URL: <https://rm.coe.int/law-on-protection-of-national-minorities-in-albania-english/1680a0c256> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Протокол № 37. Редовно заседание на Комисията по политиките за българите в чужбина. 20.01.2020. URL: <https://www.parliament.bg/bg/parliamentarycommittees/2597/steno/5834> (дата обращения: 11.09.2024).

⁴ Илияна Йотова: България застава изцяло зад европейското бъдеще на Албания. БНТ. 16.09.2023. URL: <https://bntnews.bg/news/yotova-v-albaniya-pravata-na-etnicheskite-obshtnosti-sa-sred-nai-vazhnite-usloviya-za-chlenstvo-v-es-1248009news.html> (дата обращения: 11.09.2024).

7057 чел. определили себя болгарами в Албании и 2281 – северномакедонцами. В предыдущей переписи 2011 г. македонцами считали себя 5512 чел.¹

В двусторонних переговорах с Сербией Болгария постоянно поднимает проблему статуса и положения болгарских общностей (по переписи 2022 г. – около 13 тыс. чел.) в т. н. Западных землях, перешедших к Белграду по Нёйскому договору 1919 г. Несмотря на то что в Сербии болгарское меньшинство признано законодательно, София настаивает на конституционном закреплении его прав. Однако позиция сербского правительства и соперничество двух общин, объединяющих большинство живущих в Сербии болгар, в Димитровграде (Цариброде) и Босилеграде препятствуют решению этого вопроса. В 2018 г. в Сербии избран Совет болгарского национального меньшинства, но София считает его инструментом Белграда. 2 июня 2024 г. на церемонии вручения высшего ордена Болгарии «Стара Планина» главе болгарского культурно-информационного центра в Босилеграде И. Николову Р. Радев заявил, что «основной критерий, по которому мы будем судить и оказывать поддержку прогрессу стран Западных Балкан, это ситуация с нашими соотечественниками в каждой стране – условия их экономического и социального развития и прежде всего их возможность защищать национальную идентичность, язык, культуру и историческую память»².

К населению болгарского происхождения в Косово София относит горан (по местности Гора, самоназвание – нашенцы) – мусульманское славяноязычное меньшинство, часть которого проживает в РСМ. Усилия Болгарии направлены на удовлетворение петиции об официальном признании болгарского национального меньшинства, которая вносилась в косовский парламент в 2018 и 2023 гг. Первая петиция с подписями более 500 чел. была утеряна в канцелярии, вторая – ожидает рассмотрения. Р. Радев, посетивший Косово в декабре 2023 г., на встрече с участниками болгарских общественных организаций в Призрене назвал защиту прав болгар за рубежом личным приоритетом и призвал соотечественников активно участвовать в переписи населения, указывая болгарскую национальность³.

Проблемы отношений Болгарии и РСМ до 2018 г.

Наиболее сложные отношения у Болгарии с РСМ [Кандель, 2024: 32–43]. 6 января 1992 г., за десять дней до признания Республики Македонии, по инициативе Европейского сообщества в Конституцию РМ были внесены поправки, что страна не имеет территориальных претензий к соседним государствам и не будет вмешиваться в их внутренние дела⁴. В руководстве Болгарии преобладало мнение, что признание государства не означает

¹ Повеќе бугари отколку македонци во Албанија. ФАКТОР. 28.06.2024. URL: <https://faktor.mk/povekje-bugari-otkolku-makedonci-vo-albanija-iznenaduvachki-rezultati-od-popisot-kaj-sosedite> (дата обращения: 11.09.2024).

² Bulgarian president hints at rethink over backing Serbia's EU membership. Euractiv. 04.06.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/bulgarian-president-hints-at-rethink-over-backing-serbias-eu-membership/> (дата обращения: 12.09.2024).

³ Консолидацијата на българската общност в Република Косово ще даде възможност за задълбочаване на връзките с България. Администрация на Президента на Република България. 23.12.2023. URL: <https://www.president.bg/news/7553/konsolidatsiyata-na-balgarskata-obshnost-v-republika-kosovo-shtedade-vazmozhnost-za-zadalbochavane-na-vrazkite-s-balgariya.html?lang=bg&skipMobile=1> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Амандмани I и II на Уставот на Република Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/content/Odluki%20USTAV/UstavSRSM.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

признания македонской нации. Президент страны Ж. Желев сформулировал позицию, что «государства не должны определять, какие меньшинства живут на территориях других стран» [Тодорова, 2020: 90–118]. Оформление дипломатических отношений Софии и Скопье на уровне посольств заняло более двух лет, а становление двустороннего сотрудничества в 1990-е гг. было осложнено т. н. языковым спором, препятствовавшим подписанию совместных документов.

Следующим шагом в двусторонних отношениях Софии и Скопье на фоне нарастающей на Балканах напряженности стало подписание 22 февраля 1999 г. совместной декларации глав правительств Болгарии и Македонии Л. Георгиевского и И. Костова. Ст. 3 включала обещание последней, что «ничего в ее конституции не может и не должно быть истолковано, чтобы предоставлять сейчас или в будущем основу для вмешательства во внутренние дела Республики Болгарии с целью защиты статуса и права лиц, не являющихся гражданами Республики Македонии». В ст. 11 зафиксированы взаимный отказ сторон от территориальных претензий, обязательства не предпринимать и не поощрять враждебные действия друг против друга, не допускать использования своих территорий радикальными и сепаратистскими организациями и группами и др. [Иванов, 2008]. Формула «македонский язык согласно конституции» стала применяться в двусторонних документах¹.

В то же время декларация не ратифицировалась в парламентах обеих стран и не ставила перед сторонами непосредственные политические задачи. В официальных заявлениях ведущие болгарские политики не раз подчеркивали несоответствие политики Скопье декларации 1999 г. Так, в 2006 г. президент Болгарии Г. Първанов заявил, что «кредит безусловной поддержки Болгарией членства Республики Македония в ЕС и НАТО исчерпан, и в дальнейшем болгарская поддержка будет зависеть от желания и успехов Республики Македония в принятии нормальной политики добрососедства и следовании ей». В 2007 г. во время визита в Софию президента США Дж. Буша-младшего премьер-министр Болгарии С. Станишев назвал политику РМ недобрососедской. Расширенное толкование принципа добрососедства, ставшего ключевым для оценок Софией состояния болгаро-македонских отношений, дано в докладе, подготовленном болгарскими учеными, дипломатами и политиками под эгидой Атлантического клуба Болгарии. Ставилась задача на основе критического анализа декларации 1999 г. разработать концепцию внешней политики Софии относительно РСМ, сопряженную с общими задачами развития отношений Болгарии с соседними странами, где существуют болгарские меньшинства [Иванов, 2008]. 10 февраля 2010 г. Европарламент принял резолюцию о прогрессе РМ на пути в ЕС за 2009 г., где подчеркивалась значимость выработки общего понимания истории, и призвал «власти БЮРМ² и соседних стран избегать действий и заявлений, которые могли негативно сказаться на таких усилиях»³. Откликом Софии стал курс на выработку условий договора о дружбе и добрососедстве со

¹ Согласно справке Болгарской Академии наук, написанной в ответ на аналогичный документ Македонской Академии наук и искусств, македонский язык является юго-западной письменнорегиональной нормой болгарского языка, или северномакедонским болгарским, что «не мешает ему исполнять функцию государственного языка, языка образования и литературы в Республике Северная Македония» [Българска академия на науките, 2008: 55; Brunnbauer, 2022: 727–728].

² Бывшая Югославская Республика Македония.

³ European Parliament resolution of 10 February 2010 on the 2009 progress report on the former Yugoslav Republic of Macedonia. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2010-02-10_EN.html?redirect#sdocta14 (дата обращения: 15.09.2024).

Скопье, который снял препятствия началу переговоров о вступлении РМ в ЕС [Кайчев, 2023: 524–525].

После прихода к власти в Скопье проевропейского Социал-демократического союза Македонии (СДСМ) главы правительств Болгарии и РСМ Б. Борисов и З. Заев в августе 2017 г. подписали договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в который вошли все основные положения декларации 1999 г. Кроме того, в соглашение был добавлен пп. 8.2 о создании сторонами на паритетных принципах «совместной мультидисциплинарной комиссии по историческим и образовательным вопросам, чтобы способствовать объективному, основанному на аутентичных доказательствах исторических источников, научному толкованию исторических событий»¹. Контроль за соблюдением договора должна ежегодно осуществлять межправительственная комиссия во главе с министрами иностранных дел. Р. Радев высказался в поддержку договора.

Переговоры с РСМ и внутривосточная ситуация в Болгарии (2018–2024 гг.)

В июне 2018 г. урегулирование спора о названии между Афинами и Скопье сняло главное препятствие переговорам о присоединении РСМ к ЕС (ранее страна подписала протокол о вступлении в НАТО). За 2018 г. состоялись три визита в Северную Македонию Р. Радева и ответный визит президента РСМ Г. Иванова, ряд встреч на уровнях парламентов и правительств. Итоги переговоров и мероприятий сторон за 2017–2019 гг. были рассмотрены на первом заседании болгаро-македонской межправительственной комиссии 10 июня 2019 г. В п. 2 протокола зафиксировано, что РСМ «приняла обязательство полностью придерживаться критерия добрососедских отношений» и «на этой основе Болгария приняла обязательство продолжать поддерживать европейскую интеграцию» РСМ. В п. 3 отмечались отдельные успехи мультидисциплинарной комиссии и цитировалось требование договора 2017 г. о необходимости научного толкования исторических событий с опорой на аутентичные источники [Brunnbauer, 2022: 730–735]. К протоколу прилагались совместно выработанные учеными двух стран справки о личностях общей истории: свв. Кирилле и Мефодии, Клименте и Науме Охридских, царе Самуиле. Был установлен двухлетний срок для внедрения результатов в учебники для средней школы и исторические атласы.

9 октября 2019 г. болгарское правительство обнародовало «Рамочную позицию относительно расширения ЕС и процесса стабилизации и ассоциации: Республика Северная Македония и Албания», в которой настаивало на внесении соблюдения «условий добрососедства, установленных двусторонним договором 2017 г.» и регулярного проведения заседаний комиссии в условия вступления РСМ в ЕС. В особый раздел были выделены вопросы, относящиеся к компетенции совместной комиссии по историческим и образовательным вопросам². В 2020 г. Болгария вошла в качестве партнера в Берлинский процесс, инициированный ФРГ в 2014 г. На прошедшей в Софии в мае

¹ Договор за приятелство, добросъседство и сътрудничество между Република България и Република Македония, подписан на 1 август 2017 г. URL: <https://www.mfa.bg/bg/3117> (дата обращения: 15.09.2024).

² Рамкова позиция относно разширяване на ЕС и процеса на стабилизиране и асоцииране: Република Северна Македония и Албания. Министерски съвет на Република България. 09.10.2019. URL: <https://www.gov.bg/bg/prestentar/novini/ramkova-pozitsia> (дата обращения: 15.09.2019).

2020 г. встрече ЕС – Западные Балканы принята приоритетная повестка дальнейшей подготовки стран *WB6* к интеграции, которая включает «поиск и имплементацию определенных инклюзивных и обязывающих решений касательно двусторонних споров, корни которых лежат в наследии прошлого», и призывает приложить «дополнительные усилия по их урегулированию»¹.

25 марта 2020 г. Совет ЕС по общим вопросам, принимая во внимание улучшение отношений РСМ с Грецией и Болгарией, утвердил заключение об открытии переговоров с РСМ. Согласно п. 3, Еврокомиссия была уполномочена немедленно приступить к выработке предложения по рамке для переговоров с РСМ². Однако в августе 2020 г. правительство Б. Борисова направило в рабочую группу Совета ЕС по расширению объяснительный меморандум с подробным перечнем претензий к Скопье³. София приняла решение прервать переговоры до урегулирования трех проблем: упоминание македонского языка в официальных документах с оговоркой «согласно Конституции», как в декларации 1999 г.; соблюдение дорожной карты договора 2017 г. и обращение РСМ в ООН с нотой, что страна не признает наличия македонского меньшинства в Болгарии. Фактически это означало вето на дальнейшие переговоры. Этот шаг, видимо, был связан с кризисом популярности премьер-министра Б. Борисова и его конфликтом с Р. Радевым, избранным 25 ноября 2020 г. на второй срок.

25 июня 2021 г. назначенное Р. Радевым служебное правительство во главе с С. Яневым обнародовало от имени министерства иностранных дел рамочную позицию по евроинтеграции Республики Северная Македония, в которой требования к Скопье отражены еще более детально: подтвердить перед ООН, что полное и краткое названия РСМ относятся к государству, а не к одноименному региону; включить в Конституцию упоминание болгар как одного из государствообразующих народов; отказаться от требований статуса меньшинства для любой группы людей в Болгарии, не являющихся гражданами РСМ; начать «процесс реабилитации жертв югославского коммунизма, репрессированных на ее территории из-за их болгарского самосознания»; провести совместную идентификацию и устранение на территории РСМ «вывесок и надписей, насаждающих ненависть к Болгарии и болгарам»⁴. Фактически эти требования были обращены и к Совету по общим вопросам ЕС и касались обсуждаемой переговорной рамки вступления РСМ в интеграционное объединение.

После парламентских выборов в ноябре 2021 г. болгарское правительство, созданное на основе разнородной коалиции во главе с лидером партии «Продолжаем перемены» К. Петковым, возобновило межправительственные контакты с РСМ. Во время председательства Франции в ЕС был предложен вариант переговорной рамки для РСМ, основанный на условиях договора 2017 г. и включающий деятельность двусторонней комиссии

¹ EU-Western Balkans Summit. Sofia Declaration, 17 May 2018. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/34776/sofia-declaration_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

² General Affairs Council. Council Conclusions on Enlargement and Stabilisation and Association Process. The Republic of North Macedonia and the Republic of Albania. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11440-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Бугарскиот меморандум во целост објавен. Sitel. 17.09.2020. URL: <https://sitel.com.mk/ekskluzivnobiaugarskiot-memorandum-vo-celost-objaven?fbclid=IwAR0sXfSkRtHX5CIQIxKJMk5gvui3uHkQQj7agDxRqblTGmfThWt-c-rmPOQ> (дата обращения: 18.09.2020).

⁴ Позиция на Министерството на външните работи по европейската перспектива на Република Северна Македония. URL: <https://www.mfa.bg/bg/news/30248> (дата обращения: 15.09.2024).

[Kaytchev, 2023: 147–148]. Очередной правительственный кризис привел к развалу коалиции и управлению с помощью назначаемых президентом служебных кабинетов. Наступил новый перерыв в переговорах с РСМ [Кандель, 2024: 40].

Тема отступлений соседнего государства от политики европейского единства – сюжет большинства политических новостей о РСМ в Болгарии, но она не входит в число центральных в национальных избирательных кампаниях. Партия «Внутренняя македонская революционная организация – Болгарское национальное движение» (ВМРО-БНД) получала единичные места в Народном собрании только в составе коалиций. Ее высшее достижение – посты вице-премьера и министра обороны в коалиционном правительстве Б. Борисова, которые совмещал в 2017–2021 гг. председатель ВМРО-БНД К. Каракачанов. Последний принял деятельное участие в отказе Болгарии от переговоров с РСМ в декабре 2020 г. В программе партии «Возрождение» во главе с К. Костадиновым (который, как утверждают в ВМРО-БНД, начал политическую деятельность в ее рядах) Северная Македония названа вторым болгарским государством. Цель предлагаемой партией внешней политики Софии – «объединение с Македонией, восстановление и поддержание полной государственной независимости объединенной Болгарии»¹. Однако главными темами избирательных кампаний партии в 2020-е гг. были не отношения с РСМ, а протесты против вакцинации, отказ от перехода с болгарского лева на евро, противодействие полному вхождению Болгарии в Шенгенскую зону и др. Жесткие заявления в адрес Скопье в избирательных кампаниях 2021–2024 гг. исходили от небольшой, но активной популистской партии «Есть такой народ» во главе с С. Трифоновым².

В ходе предвыборной кампании осенью 2021 г. тему переговоров с РСМ акцентировал Р. Радев. В ходе правительственного кризиса президент неоднократно призывал не спешить с продолжением диалога. В мае 2023 г. он заявил: «Это я был человеком, который в 2021 г. впервые поставил проблему прав болгар в РСМ перед всеми европейскими институтами и партнерами. Целый год я сдерживал этот процесс, дважды ветировалось решение Совета по расширению ЕС, пока наши европейские партнеры и институты не осознали, что существует проблема, что это не двусторонняя, а европейская проблема, так как касается Копенгагенских критериев членства. Благодаря этим усилиям и на поставленном мной условии – вписать болгар в РСМ в Конституцию страны – как обязательном для начала переговоров о членстве была разработана и сама переговорная рамка, внесенная Францией»³. Роль Болгарии в процессе присоединения Македонии к ЕС была актуализирована президентом в ходе выборов 2024 г. Позиция была жестко выражена в заявлении по поводу сокращения официального названия РСМ в присяге избранной президентом Р. Силяновской-Давковой: «Не следует забывать, что страна (РСМ) является кандидатом в члены Европейского союза и не может ставить условия государствам, являющимся его членами. Путь РСМ в Брюссель лежит через Софию»⁴.

¹ Цели и програма. Външна политика. URL: <https://vazrazhdane.bg/външна-политика/> (дата обращения: 15.09.2024).

² Има такъв народ. Предсрочни избори 2024. URL: <https://pp-itn.bg/programa-2023/> (дата обращения: 14.10.2024).

³ Румен Радев: Българите в РСМ са подложени на системен тормоз. Евроком. 18.05.2023. URL: <https://eurocom.bg/2023/5/18/rumen-radev-blgarite-v-rsm-sa-podlozheni-na-sistemen-tormoz> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Президентът Радев: Ако деструктивното говорене на политиците в Република Северна Македония

Если в Болгарии внутривластная нестабильность отчасти уравнивается политикой президента, позиция Северной Македонии зависит от того, какая из соперничающих за власть партий – Социал-демократический союз Македонии или «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» – возглавляет правительство [Кандель, 2024: 40]. Усиление роли Р. Радева во внешней политике руководство Северной Македонии считает отступлением от принципа верховенства права – одной из фундаментальных основ ЕС.

Заключение

София в отношениях с *WB6* действует в рамках общей политики ЕС. Вместе с тем в глобальном рейтинге по верховенству права за 2023 г. Болгария занимает предпоследнее место в Европе и последнее – по показателям коррупции и уголовного правосудия¹. В 2024 г. в экспертный доклад по верховенству права Еврокомиссии впервые вошли главы о четырех странах *WB6*: Албании, Северной Македонии, Сербии и Черногории². По ряду позиций, в т. ч. указанным выше, претензии Брюсселя к Болгарии и кандидатам односторонние.

Прошедшие со времени болгарского председательства в ЕС шесть лет участия Софии в политике расширения на Западные Балканы отмечены существенными противоречиями. Болгария следует в русле политики Евросоюза, но использует ее для решения значимых национальных задач [Смирнов, 2021: 93]. Проблемы исторических меньшинств формулируются в терминах соответствия политики стран-кандидатов нормам права ООН, ЕС и Совета Европы. Вероятно, ход переговоров устраивает и евробюрократию в Брюсселе, не склонную форсировать расширение или поощрять противоречия стран *WB6* с соседями – членами Евросоюза.

Затянувшееся ожидание стран Западных Балкан продолжения евроинтеграции на фоне обещаний членства в объединении Украине привело к открытому раздражению. Выступая на стратегическом форуме в Бледе (Словения) в августе 2023 г., премьер-министр Албании Э. Рама ответил на заявление председателя ЕК Ш. Мишеля, что расширение ЕС на Западные Балканы произойдет не ранее 2030 г., шуткой: «Кому среди собравшихся следует напасть на другого из нашей компании, чтобы получить членство раньше, вместе с Украиной? Болгарии легче всего, без сомнения, напасть на Северную Македонию, Хорватии легче всего напасть на Сербию, Сербии – напасть на Косово, Боснии и Герцеговине – на саму себя»³.

перасне в действия, страната ще се отдалечи от Европейския съюз. Администрация на Президента на Република България. 17.05.2024. URL: <https://clck.ru/3EqB7u> (дата обращения: 15.09.2024).

¹ World Justice Project. Rule of Law Index by Countries. Bulgaria. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/country/2023/Bulgaria> (дата обращения: 15.09.2024).

² European Commission. 2024 Rule of Law Report. Communication and Country Chapters. URL: https://commission.europa.eu/publications/2024-rule-law-report-communication-and-country-chapters_en (дата обращения: 15.09.2024).

³ “Who Should Attack Us?” – Rama’s Dark Joke About the Western Balkans that Embarrassed EU Leaders. URL: <https://www.voxnews.al/english/politike/kush-duhet-te-na-oje-batuta-e-erret-e-rames-per-ballkanin-perendimo-i47026> (дата обращения: 15.09.2024)

Откликом на шутку Э. Рамы стали вызвавшие негодование среди балканских стран заявления, что страны *WB6* должны поспешить с реформами. В Гранадской декларации Совета ЕС от 6 октября 2023 г. особо подчеркивалась роль верховенства права для оценки стран-кандидатов, что обеспечит «основанную на достижениях природу их присоединения» к объединению¹. Со своей стороны, страны-кандидаты отмечают у государств – членов ЕС, ведущих с ними двусторонние переговоры, практики использования вето и узурпации переговорной повестки. В двусторонних переговорах отдельные участники интеграционного объединения намеренно тормозят, ставят на паузу или прерывают процесс принятия кандидатов [Fouéré, 2023]. Премьер-министр РСМ Х. Мицкоски выразил надежду на изменение французской переговорной рамки, что сделает ее приемлемой для Скопье².

На фоне развития внутривластного кризиса вплоть до истечения мандата Р. Радева в январе 2027 г. президент, вице-президент и служебные правительства Болгарии, скорее всего, будут оставаться основными акторами политики в отношении исторических меньшинств и продолжат добиваться закрепления прав последних на конституционном и законодательном уровнях. Об этом в начале августа 2024 г. заявил И. Кондов, во второй раз ставший служебным министром иностранных дел Болгарии: «Наша позиция – против пересмотра переговорной рамки для Северной Македонии по членству в Европейском союзе... Откладывать права человека – включение болгар в македонскую Конституцию – абсолютно неприемлемо»³.

По мнению болгарского историка, первого посла Болгарии в Скопье А. Димитрова, «европейские критерии и демократические нормы неизбежно сглаживают углы, поуспокоят страсти и заглушат язык ненависти, но для преодоления долгое время формировавшихся националистических настроений и агрессивной ментальности необходимо время. Все-таки и ЕС, и НАТО могут не только требовать, но и вызвать перемены, которые погрузят в забвение эмблематические сравнения Балкан с “пороховой бочкой”»⁴. Болгария, используя преимущества членства в Евросоюзе, действует в сужающихся рамках собственного суверенитета. Предстоящие переговоры с Албанией о вступлении в ЕС станут очередной проверкой стратегии Софии на прочность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Българска академия на науките (2008) *За официалния език на Република Северна Македония*. Академично издателство «Марин Дринов», София, България. 63 с.

Иванов Л. (2008) *Българската политика спрямо Република Македония*. Фондация «Манфред Вьорнер», София, България. 79 с.

¹ European Commission. 2023 Communication on EU Enlargement Policy. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2023-11/COM_2023_690%20Communication%20on%20EU%20Enlargement%20Policy_and_Annex.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

² «Француски предлог плус» за одложено дејство на уставните измени. Слободен печат. 16.09.2024. URL: <https://www.slobodenpecat.mk/bg/francuski-predlog-plus-za-odlozhen-dejstvo-na-ustavnite-izmeni/> (дата обращения: 14.10.2024).

³ Няма да има промяна на условията за членство на Северна Македония в ЕС, убеден е висш български дипломат. Българите по Балканите и на света. Бюлетин на Македонски научен институт. 2024. № 8. С. 1.

⁴ История. Политика. Интерпретации. Разговор с проф. Ангел Димитров. Култура. № 2 (2965), Февруари 2020. URL: <https://www.kultura.bg/article/411-istoriya-politika-interpretacii-razgovor-s-prof-angel-dimitrov> (дата обращения: 13.09.2024).

Кайчев Н. (2023) България и развитието на Република (Северна) Македония след 1990 г. *България и Македония: история и политика. Ч. 2. По нов път*. Тангра ИК, София, България. С. 501–538.

Кандель П.Е. (2024) *О «постполитике» в эпоху «постнауки». Новые тенденции в электоральных процессах в странах Юго-Восточной Европы*. ИЕ РАН, Москва. 150 с.

Подчасов Н.А. (2023) Политические «горки» в Болгарии: электорат «статус-кво» vs электорат «перемен». *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 4. С. 33–41.

Смирнов П.А. (2021) Болгарский вектор внешней политики Северной Македонии: проблема идентичности. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 1. С. 86–96. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-86-96.

Тодорова К. (2020). Правителството на Филип Димитров и признаването на Република Македония (8.XI.1991–30.XII.1992). *Анамнеза*. No. 4. P. 92–124. URL: <http://www.anamnesis.info/node/1681> (дата обращения: 18.09.2024).

Brunnbauer U. (2022) Side Effects of “Phantom Pains”: How Bulgarian Historical Mythology Derails North Macedonia’s EU Accession. *Comparative Southeast European Studies*. No. 70(4). P. 722–739.

Fouéré E. (2023). *EU Enlargement and the Resolution of Bilateral Disputes in the Western Balkans*. Open Society Foundations. European Policies Center. 17 p. URL: <https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2023/07/EU-enlargement-and-the-resolution-of-bilateral-disputes-in-the-Western-Balkans.pdf> (дата обращения: 18.09.2024).

Kaytchev N. (2023) Perspectives for North Macedonia’s EU Integration after the French EU Framework Solution in 2022. *Foreign Policy Review*. No. 1. P. 146–159. DOI 10.47706/KKIFPR.2023.1.146-159.

Bulgaria’s Protection of the “Historic Communities” in the EU Enlargement Context

D.I. Polyvyanny

Doctor of Sciences (History), Professor,

Head of Research and Education Center for Integration

of Science and Education, Ivanovo State University

39, Str. Ermaka, Ivanovo, Russia, 153025

E-mail: dipol53@mail.ru

Abstract. The article considers international activities of Bulgaria towards the Western Balkans states within the context of the EU further enlargement in 2018–2024. The author aims to evaluate the strategy of Sofia policies towards Bulgarian communities in Albania, Kosovo, Serbia and North Macedonia against the background of the internal political situation. Special attention is paid to the Presidential institution, which provides the continuity of the external policies in the situation of crisis of the political parties and parliamentary system. Though the National Strategy towards Bulgarian citizens and Bulgarian historic communities over the world approved by the Bulgarian Government in 2014 was not further developed, the ongoing international activities of Sofia constitute a strategy of practical actions. In the bilateral relations with Albania, Kosovo and Serbia Sofia insists on constitutional guarantees of the Bulgarian historic communities’ status and rights. The inclusion of Bulgarians in the list of national minorities in the Albanian legislation serves as argument in the negotiations with the other two states. In the bilateral relations with the Republic of North Macedonia Sofia puts forward the guidance of the good neighbor principles according to the treaty on friendship, good neighborhood and cooperation signed on August 1, 2017 aligning the constitutional recognition of the Bulgarian minority with history, language and identity issues considered by special bilateral multidisciplinary commission. The activities of Bulgaria are based on its strategic evaluation of the abovementioned states’ perspectives, are being substantiated with the European legal norms, meet the support of the society and rely upon Brussel’s understanding and support.

Keywords: Bulgaria, historic communities, EU enlargement, Western Balkans, Albania, Kosovo, Serbia, the Republic of North Macedonia, bilateral negotiations

DOI: 10.31857/S0201708324060020

REFERENCES

- Brunnbauer U. (2022) Side Effects of “Phantom Pains”: How Bulgarian Historical Mythology Derails North Macedonia’s EU Accession, *Comparative Southeast European Studies*, 70(4), pp. 722–739.
- Bulgarian Academy of Sciences (2020) *Za oficialnija ezik na Republika Severna Makedonija* [On the official language of the Republic of North Macedonia. In Bulgarian.]. Akademichno izdatelstvo “Marin Drinov”, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian).
- Fouéré E. (2023) EU Enlargement and the Resolution of Bilateral Disputes in the Western Balkans. Open Society Foundations. European Policies Center. URL: <https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2023/07/EU-enlargement-and-the-resolution-of-bilateral-disputes-in-the-Western-Balkans.pdf> (accessed: 18.09.2024).
- Ivanov L. (2008) *Bulgarian Policies on the Republic of Macedonia*, Manfred Woerner Foundation, Sofia, Bulgaria.
- Kajchev N. (2023) Balgarija i razvitiето na Republika (Severna) Makedonija sled 1990 g. [Bulgaria and Development of the Republic of (North) Macedonia After 1990], in *Balgarija i Makedonija: istorija i politika. P.2, Po nov pat* [Bulgaria and Macedonia: History and Politics. P. 2. Along the new way], Tangra IK, Sofia, Bulgaria, pp. 501–538. (In Bulgarian).
- Kandel' P.E. (2024) *O «postpolitike» v jepohu «postnauki». Novye tendencii v jelektoral'nyh processah v stranah Jugo-Vostochnoj Evropy* [About «Post-politics» in the Era of «Post-science». New Trends in Electoral Processes in the Countries of South-Eastern Europe], IE RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kaytchev N. (2023) Perspectives for North Macedonia’s EU Integration after the French EU Framework Solution in 2022, *Foreign Policy Review*, 1, pp. 146–159.
- Podchasov N. (2023) Politicheskie «gorki» v Bolgarii: jelektorat «status-kvo» vs jelektorat «peremen». [Political Slides in Bulgaria: Status Quo Electorate vs Electorate of «Changes»], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 4, pp. 33–41. (In Russian).
- Smirnov P.A. (2021) Bolgarskij vektor vneshnej politiki Severnoj Makedonii: problema identichnosti. [The Bulgarian Vector of the North Macedonia’s External Policy], *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*, 1, pp. 86–96. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-86-96. (In Russian).
- Todorova K. (2020). Pravitelstvoto na Filip Dimitrov i priznavaneto na Republika Makedoniya (8.XI.1991 – 30.XII.1992) [Todorova K. The Government of Philip Dimitrov and the Recognition of Macedonia], *Anamneza*, 4, pp. 92–124. URL: <http://www.anamnesis.info/node/1681> (accessed 18.09.2024). (In Bulgarian).

УДК 327

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИТАЛИИ В «БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ» И АФРИКЕ: НОВИЗНА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ¹

© 2024 АЛЕКСЕЕНКОВА Елена Сергеевна

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

*Руководитель Центра итальянских исследований Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3, E-mail: alekseenkovaes@gmail.com*

Поступила в редакцию 02.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье рассмотрена политика правительства Дж. Мелони в Средиземноморье и Африке с точки зрения сочетания преемственности и новизны по отношению к предыдущему периоду. Проведен анализ концептуальных документов 2020 и 2022 гг., а также подходов предыдущих итальянских правительств к взаимодействию со странами региона. Выявлены три ключевых элемента, отражающих преемственность подхода Дж. Мелони: нормативность, т.е. стремление сформулировать новую модель отношений и сыграть роль «нормативной силы» ЕС в Средиземноморье и Африке; мультилатерализм как необходимость вписать политику Италии в общеевропейский подход с вовлечением максимально широкого круга союзников и международных организаций; системность – стремление задействовать политические институты, дипломатию, финансовые институты развития, бизнес и гражданское общество для реализации политики в регионе. Сделан вывод, что, несмотря на обновленный дискурс и активизм кабинета Дж. Мелони, политика правительства в Африке и Средиземноморье опирается на фундамент, заложенный на предыдущем этапе.

Ключевые слова: Африка, Большое Средиземноморье, Джорджа Мелони, Италия, План Маттеи

DOI: 10.31857/S0201708324060032

В течение многих десятилетий итальянские правительства придавали огромное значение Большому Средиземноморью (в итальянской версии расширенному Средиземноморью – *Mediterraneo Allargato*) как важнейшему региону для защиты и продвижения национальных интересов [Dentice, Donelli, 2021; Алексеенкова, 2022; Шибкова, Гулюки, 2023]. С началом украинского конфликта и растущей стратегической конку-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

ренции в Африке и Азии, Италия приступила к переосмыслению внешней политики в Большом Средиземноморье, что находит отражение в стремлении итальянского руководства сформулировать новый подход к Африке, а также позиционировать регион в контексте новых глобальных инициатив под эгидой США и ЕС, таких как «Экономический коридор Индия-Ближний Восток-Европа», «Партнерство для глобальных инвестиций в инфраструктуру» и др. [Abbondanza, 2023; Алексеенкова, 2023; Михайленко, Пьянникова, 2024].

Среди исследователей развивается дискуссия по вопросу о том, продолжает ли Средиземноморье оставаться приоритетным для Италии, или Рим постепенно смещает интересы на Восток, о чем свидетельствуют наращивание военного присутствия на восточном фланге НАТО и все более активное участие в многосторонних миссиях и проектах в ИТР [Coticchia, Mazziotti di Celso, 2024]. Однако основные внешнеполитические усилия правительства Дж. Мелони по-прежнему сосредоточены на средиземноморском и африканском направлениях, в том время как Индо-Тихоокеанский регион становится все более важной частью повестки для ЕС и НАТО, от которой Италия не может отказаться в силу евроатлантической идентичности. Этот тезис подтверждает документ министерства обороны от 2024 г.¹, в котором изложено: «Индо-Тихоокеанский регион... хотя географически отдален и находится *за пределами (курсив. – Е.С.)* нашей зоны первостепенных национальных интересов, приобретает все большее значение и интерес. Здесь вызывают беспокойство растущая напористость Китая и Северной Кореи, а также конфликт с Соединенными Штатами».

Италия традиционно относит себя к средним державам с глобальными интересами. Распад биполярной системы предоставил таким государствам больше возможностей для маневра во внешней политике и развития внешнеэкономических отношений [Valigi, 2017]. Сегодня возвращение блокового мышления ограничивает возможности средних держав. В этих условиях Италия, вынужденная в силу нарастающей межблоковой конкуренции отказаться от развития сотрудничества с Россией и Китаем, бросает все силы на южное направление, где Рим еще может играть роль средней державы и реализовывать национальные интересы.

Средиземноморье по-прежнему занимает приоритетные позиции в триаде национальных интересов Италии, а политика Дж. Мелони, несмотря на декларируемую новизну подхода [Simonelli et al., 2024; ISPI et al., 2024], отражает преемственность по отношению к курсам предыдущих правительств, в т. ч. левоцентристских, но отличается большей активностью. Этот тезис основан на трех компонентах итальянской политики:

- правительство Дж. Мелони дискурсивно позиционирует свой подход к развитию отношений со странами Африки и Средиземноморья как новый и равноправный, претендуя на роль «нормативной силы» ЕС, но элементы этого дискурса появились в более ранних концептуальных документах;
- Рим стремится максимально задействовать инструменты активной дипломатии и мультилатерализма, однако эта практика была заложена еще Э. Леттой и М. Ренци;

¹ Ministero della Difesa. Atto di Indirizzo 2025-2027 - Ed. 2024. P. 4. URL: <https://www.difesa.it/assets/allegati/53846/attoindirizzod2024finalfirmato.2024.06.20.15.07.22.137.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

– Италия планомерно выстраивает системный подход к взаимодействию с регионом, задействуя политические институты, бизнес-структуры и организации гражданского общества, начало которому было положено в 2013–2015 гг.

Три компонента – новая нормативность, мультилатерализм и системность – выступают главными элементами итальянской политики в регионе, которые Дж. Мелони продолжает активно развивать.

Концептуальные основы внешней политики Италии в Средиземноморье

Концептуальные основы внешней политики Италии в Средиземноморье содержатся в оформленной при правительстве М. Драги Стратегии безопасности и обороны для Средиземноморья¹, которая продолжает действовать. В нем зафиксирована приоритетность региона с точки зрения национальных интересов, обозначены ключевые вызовы и угрозы и сформулированы ответные меры. Документы министерства обороны, обновляемые на регулярной основе (*Atti di Indirizzo*), дают представление о том, как итальянское руководство реагирует на изменения в регионе. *Atti di Indirizzo* определяют расширенное Средиземноморье как пространство, которое «начинается от Средиземного моря и простирается на восток в сторону Черного моря, Ближнего Востока и – через Суэц – Красного моря, Персидского залива, Африканского Рога, Индийского океана и на запад – через Гибралтар – в сторону от Гвинейского залива до Арктики, границы которой определяются с учетом меняющихся геофизических условий»². Министерство обороны описывает регион как «место встречи и столкновения многочисленных и разнообразных интересов, характеризующееся растущей сложностью, чему способствует все более настойчивая позиция, занимаемая важными международными игроками». Виновики ситуации – «великие державы...способные проецировать влияние в глобальном масштабе и намеревающиеся поставить под сомнение мировую безопасность, а также активизировавшиеся “новые” и/или “возрождающиеся акторы” и “транснациональные негосударственные образования»»³.

Среди глобальных держав названы Россия и Китай. Москва, с итальянской точки зрения, подрывает глобальную безопасность действиями на Украине и все более настойчиво проникает в Средиземноморье и Африку среди прочего посредством наращивания продажи вооружений и присутствия негосударственных военизированных формирований. Китай постоянно увеличивает присутствие в регионе в экономической и торговой сферах. При этом стратегические цели Пекина имеют и военное измерение.

Регион представляет собой очаг нестабильности с растущим количеством угроз, которые препятствуют развитию торговли и доступу к жизненно важным ресурсам. Морская экономика формирует 3% ВВП Италии. Положение страны в центре Средиземноморья, через которое проходит 20% международной морской торговли, обуславливает приоритетность региона с точки зрения национальных интересов и национальной безопасности.

¹ Ministero della Difesa. Strategia di sicurezza e difesa per il Mediterraneo. 2022. URL: <https://ciram.unimc.it/it/focus/diritto-geopolitica-mare/italia-sicurezza-spazi-marittimi/litalia-e-la-sicurezza-degli-spazi-marittimi/StrategiaMediterraneo2022.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

² Ministero della Difesa. Atto di Indirizzo 2023. URL: https://www.difesa.it/assets/allegati/26763/atto_di_indirizzo_2022_2023-2025.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

³ Там же.

В документе министерства обороны от 2024 г. традиционные угрозы и вызовы дополнены фактором поляризации мира между сторонниками либерально-демократической модели развития и представителями авторитарно-тоталитарно-теократической модели. Появляется словосочетание «выбор лагеря» (*“scelta di campo”*). Констатируется, что наряду со Швецией и Финляндией, которые «сделали четкий выбор», растет сплоченность стран глобального Юга, о чем свидетельствует расширение формата БРИКС. Среди новых рисков названы «энергетическая зависимость, обеспечение поставок сырья, закупка полупроводников, доступ к водным и продовольственным ресурсам, безопасность путей сообщения, защита гражданских подводных критических инфраструктур»¹.

Италия видит себя «в центре идеальной кризисной дуги, которая начинается с восточной границы Атлантического альянса... и простирается на юг, выдвигая на первый план зоны кризисов и конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке»². Интересам Рима угрожает стремление некоторых великих и средних держав к «единоличному присвоению» ресурсов региона. Миграция, поставки энергоресурсов, обеспечение доступа к сырью и национальной устойчивости (*“risilienza nazionale”*) по защите критической подводной инфраструктуры названы основными приоритетами.

Среди наиболее тревожащих Италию тем в Средиземноморье – усталость балканских государств от затянувшегося процесса евроинтеграции, что может подтолкнуть их к сближению с Москвой; сложные отношения Сербии и Косово; ситуация в Боснии и Герцеговине. В южном Средиземноморье – процесс стабилизации в Ливии, социально-экономическая и политическая напряженность в Тунисе, конфликт Марокко и Алжира. В регионе Сахеля – процессы дестабилизации в Нигере, Мали и Буркина-Фасо и проблемы терроризма и пиратства в Гвинейском заливе. На Африканском Роге – джихадизм в Сомали; конфликт в Тыграе, угрожающий стабильности Эфиопии; ситуация в Судане; деятельность хуситов в Красном море и др.³

Варианты реагирования на угрозы включают два измерения: кооперативное и оперативное. В рамках первого предлагается развивать участие Италии в многосторонних инициативах и форматах международного сотрудничества (участие в операциях под эгидой ООН, НАТО и ЕС), которые, по мнению итальянской стороны, способствуют укреплению доверия. Основываясь на этом положительном опыте, в последние годы Италия организовала двусторонние миссии, направленные на наращивание компетенций стран и институциональное строительство – двустороннюю военную миссию в Ливане (*Italian Bilateral Military Mission in Lebanon, MIBIL*), двустороннюю миссию помощи и поддержки в Ливии (*Bilateral Mission of Assistance And Support in Libya, MIASIT*), двустороннюю военную миссию по обучению и поддержке в Нигере (*Bilateral Military Training and Support Mission in Niger, MISIN*). На оперативном уровне необходимо обеспечить «присутствие, наблюдение, бдительность и, следовательно, сдерживание» и в то же время поощрять развитие возможностей региональных стран-партнеров по обеспечению безопасности.

¹ Ministero della Difesa. Atto di Indirizzo. 2024. P. 2. URL: <https://www.difesa.it/assets/allegati/53846/attoindirizzoeed2024finalfirmato.2024.06.20.15.07.22.137.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

² Там же.

³ Ministero della Difesa. Atto di Indirizzo. 2024. P. 3.

Стратегия безопасности и обороны для Средиземноморья вводит системный подход, который должен быть основан на сетевом взаимодействии министерств и ведомств (министерства внутренних дел, иностранных дел, инфраструктуры и устойчивой мобильности, экологического перехода, экономического развития, национальное агентство по кибербезопасности, департамент гражданской защиты).

Концептуальные основы внешней политики Италии в Африке

Географически пространства Африки и расширенного Средиземноморья существенно пересекаются: большая часть Северной Африки всегда находилась в орбите итальянской средиземноморской политики, однако концептуально взаимодействие с Черным континентом оформилось гораздо позднее. Проработка повестки взаимодействия с Африкой началась в 2013 г. при премьер-министре Э. Летте, но концептуальный документ «Партнерство с Африкой»¹ министерство иностранных дел выпустило только в 2020 г. На тот момент проработка африканских стратегий активно велась и в Брюсселе и странах ЕС. Италия не могла остаться в стороне.

Основы дискурса в отношении Африки Дж. Мелони заложены именно в 2013–2015 гг., когда во главе страны находились правительства под руководством Демократической партии (сначала правительство Э. Летты, затем М. Ренци). В частности, в 2013 г. итальянский министр иностранных дел Э. Бонино выступил с «Инициативой для Африки», чтобы подготовить участие представителей африканских государств в миланском Экспо-2015. Ставились задача «ясно показать как в Италии, так и в Африке возможности, открывающиеся благодаря широкому взаимному сотрудничеству: политическому, экономическому, социальному и культурному». Именно тогда континент был представлен как место роста и больших возможностей, которые Рим должен не упустить. Э. Бонино обязалась гарантировать, что «процесс партнерства будет развиваться в секторах, определенных *вместе (курсив – Е.С.)* с нашими африканскими партнерами»².

В 2014 г. М. Ренци совершил трехдневный визит в Мозамбик, Республику Конго и Анголу. В июле 2015 г. он посетил Кению и Эфиопию, в феврале 2016 г. – Нигерию, Гану и Сенегал. М. Ренци стал первым высокопоставленным правительственным и политическим деятелем, посетившим африканскую страну с 2007 г. Премьер-министр определил сотрудничество в целях развития, энергетику и безопасность в качестве главных приоритетов Италии в Африке.

Итальянская повестка для Африки, сформулированная правительством М. Ренци, ставила три цели: содействие экономическому росту в соответствии с целями «Повестки Африканского союза 2063» и «Повестки ООН 2030»; содействие политической стабильности и безопасности с помощью многосторонних инструментов безопасности и гуманитарной помощи; развитие человеческого капитала посредством обучения, образования, культуры и мобильности будущих поколений африканцев для обеспечения лучшей

¹ MAECI. Partenariato con l’Africa. 2020. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrica_-_versione_italiana.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

² Italy-Africa initiative under way – We must focus the spotlight on Africa once again, says Bonino. 13.12.2013. URL: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/12/20131230_inizitafrbon/ (дата обращения: 03.10.2024).

интеграции в глобализованном и взаимозависимом мире [Carbone et al., 2014]. Италия уже тогда намеревалась выйти за рамки традиционных отношений «донор – бенефициар», чтобы построить партнерство, основанное на концепции «совместного использования» (*beni comuni, sharing*).

М. Ренци развивал системный подход к взаимодействию с Африкой. Его визиты в африканские страны всегда сопровождала большая делегация представителей ведущих промышленных групп – «Эни» (*Eni*), «Энел» (*Enel*), «Финмекканика» (*Finmeccanica*) и др. – и организаций гражданского общества. В экономической сфере правительство сосредоточило усилия в энергетике и агробизнесе.

Именно благодаря актуализации повестки, связанной с растущей политической турбулентностью в Северной Африке и мощной волной миграции 2015 г., Италия была выбрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 2017 г.

Активно развивая многостороннюю и двустороннюю дипломатию со странами Африки, М. Ренци удалось подготовить первую министерскую конференцию в 2016 г., в которой приняли участие делегации 40 стран. Механизм подобных саммитов уже довольно широко использовался другими важными международными игроками, такими как Франция, Китай, Турция и др. Аналогичные конференции состоялись в 2018 и 2021 гг.¹

В 2014 г. появляются документы, отражающие основные направления итальянской помощи развитию. В этом же году учреждено Агентство по сотрудничеству в целях развития (*Italian Agency for Development Cooperation, AICS*), вокруг которого выстраивается сеть НПО. На базе *AICS* формируется сеть партнерств с международными институтами и НПО, такими как МОМ, МКК, УВКПБ ООН и др., а также с африканскими организациями гражданского общества. В 2017 г. появляется итальянский Целевой фонд для Африки (*Trust Fund for Africa*; в 2020 г. переименован в Фонд миграции) с объемом финансирования 200 млн евро.

С усугублением миграционного кризиса Италия начинает все активнее участвовать в международных миротворческих миссиях в Сахеле, прикладывает усилия для содействия разрешению конфликта в Ливии. Однако в 2018–2020 гг. становится понятно, что с вовлечением региональных и внерегиональных игроков в ливийский конфликт, возможности Рима становятся все более ограниченными [Алексеевкова, 2022]. Кроме того, в 2018–2019 гг. с приходом к власти т. н. желто-зеленой коалиции («Лиги» и «Движения 5 звезд») антимиграционная риторика и жесткая политика по охране границ «правительства перемен» бросила тень на имидж Италии в регионе.

К 2017 г. Италия вошла в число крупнейших европейских инвесторов в Африке, реализуя 17 крупных проектов. Среди них строительство итальянской компанией *ВуБилд* (*WeBuild*) двух крупных плотин: «Гибе III» (*Gibe III*) на реке Омо и «Великой эфиопской плотины возрождения» (*Grand Ethiopian Renaissance Dam*) на Голубом Ниле (крупнейшей гидроэлектростанции континента). В Эфиопии «Энел Грин Пауэр» (*Enel Green Power*) инвестировала в строительство солнечных и ветряных электростанций, «Эни» получила важные концессии в Кении. Прямые инвестиции в 2018 г. составили 24,5 млрд евро, а общий объем торговли в 2019 г. – около 38 млрд евро.

В документе «Партнерство с Африкой» 2020 г. заявлено, что Африка выступает «абсолютным приоритетом» для внешней политики Италии. Отношения со странами

¹ Conferenza Italia-Africa. MAECI. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/aree_geografiche/africa/iniziativa-italia-africa/ (дата обращения: 03.10.2024).

континента должны выстраиваться на паритетной основе и быть ориентированы на совместное развитие и преодоление многочисленных вызовов, предлагается уйти от традиционного принципа взаимодействия «донор – бенефициар». Ключевыми сферами для Италии названы мир и безопасность; управление и права человека; миграция и мобильность; сотрудничество и инвестиции; устойчивое развитие; борьба с климатическими изменениями; научно-культурное сотрудничество. Отмечается необходимость мультилатерального подхода в партнерстве с ООН, Африканским союзом (АС), ЕС и отдельными государствами-членами. Во время председательства в «Группе двадцати» и на Конференции ООН по изменению климата в 2021 г., Рим выступил организатором «Африканских встреч» – формата двустороннего диалога со странами и организациями континента. В документе подчеркнута необходимость развития взаимодействия с интеграционными объединениями Африки: с 2018 г. Италия является единственным постоянным представителем-наблюдателем АС и выполняет роль сопредседателя Форума партнеров региональной организации стран Африканского рога (*IGAD Partners Forum*).

Италия – активный участник многосторонних инициатив ЕС. В 2017 г. запущен Европейский инвестиционный план (*European External Investment Plan, EEIP*) и создан Альянс «Африка – Европа». В целях управления миграционными потоками учрежден Траст фонд Валетты (*Fondo Fiduciario di Emergenza per l'Africa, Trust Fund della Velledda*) объемом 4,1 млрд евро, в рамках которого Италия стала вторым донором после Германии (112 млн евро). В 2018 г. Рим председательствовал в Рабатском и Хартумском диалогах под эгидой ЕС. В рамках Европейского фонда мира (*European Peace Facility*) Евросоюз реализовал ряд многосторонних миссий в странах Африки, в которых Италия принимает участие: миссия ЕС по приграничной помощи Ливии (*EU Border Assistance Mission in Libya, EUBAM Libya*), тренировочные миссии ЕС (*European Union Training Mission, EUTM*) в Мали и Сомали, миссии ЕС по наращиванию потенциала (*European Union Capacity Building Mission, EUCAP*) в Мали, Нигере и Сомали, операция военно-морских сил ЕС «Аталанта» (*EUNAVFOR Atalanta*) против пиратства у берегов Сомали. Итальянская Республика на 2020 г. принимала участие в 13 миссиях ООН в Африке. К 2020 г. на континенте существовали 34 дипломатических представительства Италии, 9 офисов *AICS*, 11 офисов Агентства по интернационализации бизнеса (*Istituto nazionale per il Commercio Estero, ICE*), 9 представительств Итальянского института культуры (*Istituto Italiano di Cultura, IIC*).

В «Партнерстве с Африкой» зафиксированы следующие сферы в области миграции. Во-первых, по мнению Италии, ЕС должен направить усилия на большую координацию действия стран-участниц и повышение их солидарной ответственности. Во-вторых, необходимо отойти от принципа экстренного управления миграционными потоками и сосредоточиться на долгосрочной стратегии. Для этого нужно развивать партнерство со странами исхода и транзита, устранять глубинные причины миграции, стимулировать развитие стран континента, повышать уровень образования африканской молодежи. Таким образом, идея развития партнерств со странами исхода и преодоления причин миграции были сформулированы уже в документе 2020 г. Более того, Италия в лице министра внутренних дел Марко Минитти в правительстве Паоло Джентилони в 2017 г. перешла к практике двусторонних неформальных соглашений со странами исхода и транзита, подписав соглашение с Ливией.

В «Партнерстве для Африки» обсуждается возможность запуска «Плана Маршалла для Африки». В силу слабого индустриального потенциала, низкоквалифицированного

труда и неразвитой инфраструктуры основная цель итальянской и европейской стратегий – направить ресурсы и производственные инвестиции в приоритетные сектора обучения, в т. ч. профессиональное образование, и на создание сети местных предприятий. Системный подход должен задействовать частные компании, ассоциации, благотворительные и банковские фонды и сотрудничество по линии «человек – человек» (*people-to-people*) для развития всестороннего партнерства и «капиллярного» итальянского присутствия.

В экономической сфере документ выделяет три приоритетных направления: агропродовольствие и агропромышленность; энергетику, в частности альтернативные и возобновляемые источники энергии; инфраструктуру. Основные направления деятельности включают:

- укрепление отношений со странами региона с помощью дипломатии и визитов высокого уровня;
- содействие миру и безопасности как в партнерстве с ЕС, так и на двустороннем уровне особенно в зоне Сахеля и Африканского рога;
- продвижение инициатив в сфере экономики и образования с целью увеличения занятости;
- продолжение политики содействия развитию посредством фондов, компаний, банков, частного бизнеса и ассоциаций;
- развитие диалога с АС и другими региональными организациями;
- максимальное внимание к вопросам управления и прав человека, предотвращению конфликтов;
- укрепление партнерства со странами транзита и исхода мигрантов;
- продвижение инвестиций с использованием всевозможных механизмов финансирования, страхования и др.;
- поощрение инициатив в сфере научно-культурного сотрудничества и туризма;
- содействие процессам региональной интеграции.

Правительство Мелони: преемственность и инновации

В октябре 2022 г. во время программного выступления в парламенте Дж. Мелони заявила, что необходимо «наконец, восстановить после многих лет, в течение которых мы предпочитали отступать, стратегическую роль, которую Италия играет в Средиземноморье»¹. С этой целью она предложила «План Маттеи», который призван «устранить причины, которые заставляют мигрантов, особенно самых молодых, покидать свою землю, свои культурные корни и свою семью в поисках лучшей жизни в Европе». Имя Энрико Маттеи – «великого итальянца, который был одним из архитекторов послевоенного восстановления, способным заключать взаимовыгодные соглашения с народами всего мира» – было выбрано в канун предстоящей годовщины его гибели.

План был представлен в январе 2024 г. в ходе саммита «Италия – Африка: мост для общего роста». Дж. Мелони позиционирует проект как новую модель «нехищнического» и равноправного сотрудничества с африканскими странами, Африку – как абсо-

---

¹ Le dichiarazioni programmatiche del Governo Meloni. 25.10.2022. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/le-dichiarazioni-programmatiche-del-governo-meloni/20770> (дата обращения: 03.10.2024).

лютный приоритет, а Италию – как мост между континентами¹. На реализацию плана выделено 5,5 млрд евро: 3 млрд евро поступят из Итальянского климатического фонда, 2,5 – из ресурсов Сотрудничества в целях развития. Премьер-министр объявила, что к концу 2024 г. итальянский банк развития – «Касса депозити э престити» (*Cassa Depositi e Prestiti, CDP*) – запустит новый финансовый инструмент, направленный на облегчение участия частного сектора. Обозначены девять пилотных проектов – четыре в Северной Африке (Марокко, Тунис, Алжир и Египет), пять – в Африке южнее Сахары (Кот-д'Ивуар, Республика Конго, Мозамбик, Кения, Эфиопия), т. е. в странах, с которыми у Италии накоплен значительный опыт сотрудничества. Управляющий комитет по реализации плана включает большое число государственных институтов, организаций гражданского общества, финансовых институтов и крупных компаний [ISPI et al., 2024], что позволяет говорить о стремлении правительства сформировать действительно системный подход к взаимодействию с Африкой.

Документ выделяет шесть приоритетов: образование и обучение; сельское хозяйство; здравоохранение; энергетика; водные ресурсы; инфраструктура. «План Маттеи» не отличается новизной: он конкретизирует направления в «Партнерстве для Африки», но не изменяет радикальным образом подход Рима. Вместе с тем эксперты отмечают, что ни один итальянский политик до сих пор не инвестировал так много в Африку с политической точки зрения [ISPI et al., 2024].

В сфере миграции правительство Дж. Мелони в 2023–2024 гг. также действовало весьма активно, но в рамках реализации направлений, заложенных в «Партнерстве с Африкой», а именно в сферах повышения сплоченности и разделения ответственности внутри ЕС и развития сотрудничества со странами исхода и транзита.

Италия, как страна, через которую проходит наиболее проблемный Центрально-Средиземноморский маршрут (за первые восемь месяцев 2023 г. численность прибывших по этому пути достигла 150% от показателей того же периода 2022 г.), в течение первой половины 2023 г. активно содействовала ходу переговоров в ЕС по новому Пакту о миграции и убежище.

Однако после саммита ЕС в июне стало понятно, что Венгрия и Польша не поддержат идею обязательного распределения. Рим сосредоточился на работе со странами исхода и транзита, заручившись поддержкой Брюсселя и ряда стран-партнеров. В частности, при активной роли Италии 16 июля 2023 г. подписан меморандум о сотрудничестве ЕС с Тунисом². Вторым шагом в этом направлении стало соглашение Италии и Албанией, достигнутое в ноябре 2023 г.³ Третьим – визит представительной делегации ЕС в Каир 17 марта 2024 г. и подписание декларации о стратегическом и

¹ Vertice Italia-Africa, l'intervento di apertura del Presidente Meloni. Presidenza del Consiglio dei Ministri. 29.01.2024. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/vertice-italia-africa-linterventi-di-apertura-del-presidente-meloni/24857> (дата обращения: 03.10.2024).

² Memorandum of Understanding on a strategic and global partnership between the European Union and Tunisia. European Commission. 16.07.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3887 (дата обращения: 03.10.2024).

³ President Meloni's press statement with the Prime Minister of Albania. Italian Government. 06.11.2023. URL: <https://www.governo.it/en/articolo/president-meloni-s-press-statement-prime-minister-albania/24195> (дата обращения: 03.10.2024).

всеобъемлющем партнерстве¹ в разных областях, в т. ч. в сфере миграции. Если в соглашениях с Тунисом и Египтом Италия активно использовала мультилатеральный подход, вовлекая в процесс Брюссель и другие страны ЕС, то в случае с Албанией итальянское правительство рассчитывает на то, что двустороннее соглашение станет моделью для ЕС. Таким образом, в миграционной сфере кабинет Дж. Мелони демонстрирует традиционный итальянский мультилатерализм и стремление продвигать Италию как активного актора «нормативной силы» ЕС.

Помимо активной дипломатии правительство использует другие традиционные инструменты, в частности конференции высокого уровня. Так, в июле 2023 г. в Риме организована «Конференция по миграции и развитию», положившая начало так называемому Римскому процессу для содействия партнерству стран Средиземноморья. 28–29 января 2024 г. состоялся саммит «Италия – Африка: мост для общего роста», на котором присутствовали делегации 46 из 54 стран континента и 25 многосторонних институтов, включая масштабное представительство ЕС. Подобный формат отражает преемственность политики Дж. Мелони по отношению к предыдущим правительствам, которые в 2016, 2018 и 2021 гг. проводили подобные конференции, однако в этот раз уровень представительства был поднят до глав государств (ранее участвовали министры), что подчеркивает стремление Италии вывести отношения на новый уровень.

Кроме того, Дж. Мелони активно использовала итальянское председательство в «Группе семи» в 2024 г. для продвижения африканской повестки и повышения роли Италии в регионе. На саммит в Апулии с 13 по 15 июня были приглашены в качестве наблюдателей лидеры ряда африканских стран и АС. Некоторые сессии официальной программы и параллельные встречи посвящены темам, касающимся континента. В результате на инфраструктурные проекты в Африке обещано финансирование в размере 320 млн долл. (от Италии, ЕС и США) в рамках Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям (*Partnership for Global Infrastructure, PGII*) – совместной инициативы «Группы семи» по развитию инфраструктуры в развивающихся странах. Это подтверждает стремление Дж. Мелони активно задействовать стратегию мультилатерализма и реализовывать план в синергии с уже существующими многосторонними инициативами.

Дж. Мелони также ведет активную дипломатию в Африке и Средиземноморье, в т. ч. энергетическую, продолжая линию, заложенную М. Драги сразу после начала украинского конфликта. Только за первый год работы правительства его представители посетили Тунис (5 раз), Алжир (2), Ливию (1), Египет (5), Турцию (2), Израиль (1), Ирак (2), Катар (1) и ОАЭ (3). Наиболее значимые мероприятия в области энергетической дипломатии развернулись в Алжире, Египте и Ливии. Первый быстро стал главным поставщиком газа в Италию (41% потребления в 2023 г.), заменив Россию. Рим также получил дополнительные объемы СПГ из Египта, используя давнее присутствие *Eni* в стране. Кроме того, в январе 2023 года «Эни» и ливийская Национальная нефтяная корпорация (*National Oil Corporation, NOC*) заключили 25-летний газовый контракт стоимостью 8 млрд долл. на разработку двух новых морских газовых месторождений.

---

¹ Joint Declaration on the Strategic and Comprehensive Partnership between The Arab Republic Of Egypt and the European Union. 17.03.2024. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/joint-declaration-strategic-and-comprehensive-partnership-between-arab-republic-egypt-and-european-2024-03-17_en (дата обращения: 03.10.2024).

Экономическая дипломатия – традиционный и неотъемлемый инструмент итальянской внешней политики и важная часть системного проникновения. Применительно к Африке ставится цель разблокировать потенциал континента с помощью новых партнерств и финансовых инструментов. В частности, в мае 2024 г. в Риме прошел первый Форум-диалог по линии бизнеса, организованный министерством иностранных дел в партнерстве с Агентством по интернационализации бизнеса и «Конфиндустрией Ассафрика и Средиземноморье» (*Confindustria Assafrica & Mediterraneo*) – ассоциацией итальянских компаний, ведущих деятельность в Африке и на Ближнем Востоке. В мероприятии приняли участие 70 африканских делегаций из 21 страны, представители 45 бизнес-ассоциаций континента, и 44 – с итальянской стороны. В форуме также участвовали посольства 18 африканских стран. Приоритетными областями сотрудничества были объявлены энергетический и цифровой переход, устойчивая мобильность, инструментальная механика и агропромышленность. Помимо ICE в работе форума принимали участие также другие итальянские институты сотрудничества, такие как «Касса депозити э престити», экспортно-кредитное агентство «САЧЕ» (*SACE*), «СИМЕСТ» (*SIMEST*), а также многосторонние банки развития, с которыми CDP подписала пять соглашений о сотрудничестве.

Сеть «Системы Италии» в Африке недавно была дополнена открытием подразделений ICE в Дакаре, Лагосе и Найроби, обсерватории ICE в Ниамей и ожидается открытие обсерватории в Абиджане¹.

Во время конференции «Финансовые инструменты для интернационализации итальянского бизнеса» заместитель министра иностранных дел Мария Триподи сообщила, что *SIMEST* получила субсидию на сумму 200 млн евро, которая будет направлена на поддержку интернационализации итальянских предприятий, особенно малых и средних. Новый инструмент предназначен для компаний, которые локализованы или планируют локализоваться в Африке, осуществляют экспортно-импортные поставки в/из Африки или участвуют в соответствующих цепочках поставок. В ходе конференции министр иностранных дел А. Таяни отметил: «С самого начала моего срока полномочий я хотел отдать приоритет Африке во внешней политике Италии: правительство твердо привержено построению стратегического и равноправного партнерства с Африкой, о чем свидетельствует План Маттеи для Африки и центральное место, отданное этому направлению в рамках нашего председательства в “Группе семи”»².

Выводы

Дискурсивное позиционирование Дж Мелони «Плана Маттеи» как нового подхода направлено на обозначение разрыва с традицией взаимодействия с регионом. Тем не менее, прослеживается явная преемственность концептуальным положениям и подходам, заложенным в документах предшествующего периода – «Партнерстве для Африки» 2020 г. и «Стратегии безопасности и обороны для Средиземноморья» 2022 г. Новый этап в отношениях с Африкой начинается с тех стран, с которыми уже было нала-

¹ Minister Tajani opens the Italy-Africa Business Dialogue Forum. 08.05.2024. URL: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2024/05/il-ministro-tajani-apre-i-lavori-del-forum-di-dialogo-imprenditoriale-italia-africa/ (дата обращения: 03.10.2024).

² New SIMEST financial instruments to support Italian enterprises in Africa. 23.07.2024. URL: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2024/07/nuovi-strumenti-finanziari-di-simest-a-sostegno-delle-imprese-italiane-in-africa/

жено сотрудничество. Средствами, заложенными в проект финансирования «Плана Маттеи», являются выделенные ранее средства Климатического фонда и Фонда сотрудничества в целях развития.

Дж. Мелони активно использует антиколониальный дискурс, который помог Э. Маттеи выйти на новый уровень отношений с Югом в середине прошлого века. Однако в практических шагах она опирается на те же принципы внешней политики в Средиземноморье и Африке, которые были заложены предшествующими правительствами – нормативность, мультилатерализм и системность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеевкова Е. (2022) Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы». *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 1. С. 80–90. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90>

Алексеевкова Е.С. (2023) «Хлопок» вместо «шёлка»: Италия на выходе из «Пояса и пути». *Аналитические записки Института Европы РАН*. Выпуск IV. С. 34–41. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytica42720233442>

Михайленко В.И. Пьянникова Д.Е. (2024) Продвижение итальянских национальных интересов в Индо-Тихоокеанском регионе в XXI в. *Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество*. Отв. ред. Е.С. Алексеевкова. Институт Европы РАН, Москва. С. 67–83.

Шибкова М.О., Гулюки А.С. (2023) Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе Большого Средиземноморья. *Полития*. № 4(111). С. 94–112. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-94-112

Abbondanza G. (2023). Italy's quiet pivot to the Indo-Pacific: Towards an Italian Indo-Pacific strategy. *International Political Science Review*. Vol. 45. Issue 5. P. 669–679. DOI: <https://doi.org/10.1177/01925121231190093>

Carbone G., Bruno G.P., Calchi Novati G.P., Montanini M. (2014) La politica dell'Italia in Africa. Contesto, interessi e scenari della presenza politica ed economica italiana nell'Africa subsahariana. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milan, Italy. 150 p.

Coticchia F., Mazziotti di Celso M. (2024) Still on the same path? Italian foreign and defence policy in the Enlarged Mediterranean. *Mediterranean Politics*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629395.2023.2294252>

Dentice G., Donelli F. (2021) Reasserting (middle) power by looking southwards: Italy's policy towards Africa. *Contemporary Italian Politics*. No. 13(3). P. 331–351. DOI: <https://doi.org/10.1080/23248823.2021.1957309>

ISPI, Aspen, Cespi, ECFR, IAI (2024) *Il Piano Mattei: rilanciare l'africa policy dell'italia*. Position Paper del Progetto Comunità Italiana di Politica Estera. URL: https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2024/07/ISPI_FPC-Piano-Mattei.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

Simonelli F., Fantappiè M.L., Goretti L. (2024) The Italy-Africa Summit 2024 and the Mattei Plan: Towards Cooperation between Equals? *IAI Commentaries*. 11.03. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italy-africa-summit-2024-and-mattei-plan-towards-cooperation-between-equals> (дата обращения: 03.10.2024).

Valigi M. (2017) *Le medie potenze. Teoria e prassi in politica estera*. Vita e pensiero, Milano, Italy. 256 p.

ITALY'S DISCOURSE STRATEGIES IN GREATER MEDITERRANEAN AND AFRICA: INNOVATION AND CONTINUITY¹

E.S. Alekseenkova

*Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher,
Head of the Center for Italian Studies, Institute of Europe RAS
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009,
E-mail: alekseenkovaes@gmail.com*

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract. The article examines the policy of the Meloni government in the Mediterranean and Africa from the perspective of a combination of continuity and novelty in relation to the previous period. The author analyzes the conceptual documents of 2020 and 2022, as well as the approaches of previous Italian governments to interaction with the countries of the region and demonstrates that three key elements reflect the continuity of Meloni's approach: 1) *normativity*, i.e. the desire to formulate a new "model" of relations and play the role of the EU's "normative power" in the Mediterranean and Africa; 2) *multilateralism* as the need to fit Italy's policy into the EU approach, involving the widest possible range of allies and international organizations; 3) *system approach* as the desire to involve political institutions, diplomacy, development institutions, business and civil society to implement its policy in the region. The author concludes that despite the discursive "novelty" and activism of the Meloni cabinet, the government's policy in Africa and the Mediterranean is based on the foundation laid at the previous stage.

Keywords: Africa, Greater Mediterranean, Giorgia Meloni, Italy, Plan Mattei

DOI: 10.31857/S0201708324060032

REFERENCES

- Abbondanza G. (2023). Italy's quiet pivot to the Indo-Pacific: Towards an Italian Indo-Pacific strategy, *International Political Science Review*, 45(5), pp. 669–679. DOI: <https://doi.org/10.1177/01925121231190093>
- Alekseenkova E. (2022) Italiya v Sredizemnomor'e: dilemmy "crednej derzhavy". [Italy in the Mediterranean: the "Middle Power" Dilemmas], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(1), pp. 80–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90> (In Russian).
- Alekseenkova E.S. (2023) "Hlopok" vmesto "shyolka": Italiya na vyhode iz "Poyasa i puti" ["Cotton" instead of "silk": Italy at the exit from the "Belt and Road"], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4, pp. 34–41. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42720233442> (In Russian).
- Coticchia F., Mazziotti di Celso M. (2024) Still on the same path? Italian foreign and defence policy in the Enlarged Mediterranean, *Mediterranean Politics*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629395.2023.2294252>
- Dentice G., Donelli F. (2021) Reasserting (middle) power by looking southwards: Italy's policy towards Africa, *Contemporary Italian Politics*, 13(3), pp. 331–351. DOI: <https://doi.org/10.1080/23248823.2021.1957309>
- Carbone G., Bruno G.P., Calchi Novati G.P., Montanini M. (2014) La politica dell'Italia in Africa. Contesto, interessi e scenari della presenza politica ed economica italiana nell'Africa subsahariana. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, Milan, Italy.
- ISPI, Aspen, Cespi, ECFR, IAI (2024) *Il Piano Mattei: rilanciare l'africa policy dell'italia*, Position Paper del Progetto Comunità Italiana di Politica Estera. URL: https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2024/07/ISPI_FPC-Piano-Mattei.pdf (accessed: 03.10.2024).
- Mihajlenko V.I. P'yannikova D.E. (2024) Prodvizhenie ital'yanskih nacional'nyh interesov v Indo-Tihookeanskom regione v XXI v. [Promotion of Italian national interests in the Indo-Pacific region in the XXI century], in Alekseenkova E. (ed.) *Italiya v krizisnom mire: politika, ekonomika, obshchestvo*, In-t Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 67–83. (In Russian).
- Simonelli F., Fantappiè M.L., Goretti L. (2024) The Italy-Africa Summit 2024 and the Mattei Plan: Towards Cooperation between Equals?, *IAI Commemraties*, 11.03. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italy-africa-summit-2024-and-mattei-plan-towards-cooperation-between-equals> (accessed: 03.10.2024).
- Shibkova M.O., Gulyuki A.S. (2023) Konceptual'nye osnovy vneshnej politiki Italii v regione Bol'shogo Sredizemnomor'ya [Conceptual foundations of Italy's foreign Policy in the Greater Mediterranean region]. *Politiya*, 4(111), pp. 94–112. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-94-112 (In Russian).
- Valigi M. (2017) *Le medie potenze. Teoria e prassi in politica estera*, Vita e pensiero, Milano, Italy.

УДК 339.97

ЕВРОПЕЙСКИЕ САНКЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ: КЕЙС БАЛТИЙСКО- СКАНДИНАВСКОГО МАКРОРЕГИОНА¹

© 2024 РОГИНКО Сергей Анатольевич

Кандидат экономических наук

Руководитель Центра экологии и развития

Институт Европы РАН

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, E-mail: roginko@bk.ru

Поступила в редакцию 03.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье проанализирована эволюция комплексного антироссийского санкционного режима Запада в целом и европейских санкционных режимов в частности. Проведен анализ ограничительных мер, инициируемых государствами Балтийско-Скандинавского макрорегиона. Особое внимание уделено попыткам последних играть руководящую роль в формировании антироссийских санкций Евросоюза, а также мер, адресованных странам глобального Юга, которые не разделяют целей Брюсселя. Рассмотрены оценки влияния санкций на российскую экономику РФ. В статье представлена периодизация этапов формирования антироссийского санкционного режима с 2014 по 2024 гг., а также оценка инициатив государств Балтийско-Скандинавского макрорегиона по формированию новых ограничительных мер ЕС и разработок по расколу единства БРИКС и достижению разрыва России со странами глобального Юга.

Ключевые слова: комплексный санкционный режим, Балтийско-Скандинавский макрорегион, глобальный Юг, БРИКС, климатическая повестка, МВФ, односторонние санкции, заморозка активов, секторальные санкции

DOI: 10.31857/S0201708324060044

Против России введено самое большое количество санкций в мировой истории – более 16 тыс. К настоящему времени сформировался комплексный санкционный режим западных стран против РФ, однако они исчерпали практически все экономические инструменты для давления и перешли к стадии распространения режима на третьи страны. Особое значение имеет изучение эволюции антироссийского санкционного режима в Балтийско-Скандинавском макрорегионе, который состоит из стран, образующих

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

экономический и военно-политический пояс на западе России. В контексте статьи макрорегион рассмотрен в широком понимании с позиции географического положения государств, относящихся к Скандинавскому региону и имеющих выход к Балтийскому морю.

Теоретические основы исследования европейской санкционной политики

В экономической литературе подробно описано понятие международных санкций (ограничений) и их правовых основ. Согласно международному праву, страны могут применять санкции во исполнение резолюций ООН в случаях, если государство не соблюдает международные обязательства. Санкционный режим ЕС в отношении России трактуется как пул односторонних ограничений, которые не соответствуют нормам международного права [Войников, 2022: 6]. «Санкции эволюционировали от всеобъемлющей формы, а именно полных торговых эмбарго, к более ограниченной форме, в которой объектами санкций часто становятся отдельные лица и негосударственные субъекты» [Giumelli, 2016: 38].

Мониторинг антироссийских санкций проводится многими организациями и экспертами. В частности, Российский совет по международным делам регулярно публикует исследования с обзором ограничительных мер США, ЕС и Британии. В докладе 2020 г., представлены изменения в механизмах санкционной политики, которые направлены на усиление институционального аппарата [Тимофеев и др., 2020: 16].

Санкционная политика западных стран основана во многом на использовании конкурентных преимуществ и экономической мощи в процессе оказания давления на другие государства¹. Однако, процесс распространения вторичных ограничительных мер приводит к тому, что компании стран Западного мира становятся заложниками санкционной политики. Подробно понятие вторичных санкций и практика их применения в США представлены в работах Тимофеева И.Н. [Тимофеев, 2024: 95]. Наибольшее воздействие санкции оказывают на европейские компании, которые вынуждены соблюдать ограничительные меры Вашингтона, чтобы не попасть в санкционные списки. Следовательно, «экстерриториальные санкции ограничивают суверенитет ЕС»².

Между Россией и Евросоюзом на протяжении пятидесяти лет формировались тесные экономические отношения. Санкционная политика привела к разрывам цепочек и необходимости адаптации бизнеса к новым условиям. Во внешнеэкономической политике стран ЕС «размывается фундамент прагматических рыночных отношений с Россией» [Котов, 2022: 104; Gröschl, Teti, 2021: 43].

Подходы коллективного Запада к санкционной политике

США наиболее активно используют санкционный подход во внешней политике. Вашингтон сформировал институциональную структуру реализации санкционной по-

¹ Тимофеев И. Европейский парадокс: политика санкций США в отношении бизнеса стран ЕС. РСМД. 26.05.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-paradoks-politika-sanktsiy-ssha-v-otnoshenii-biznesa-stran-es/> (дата обращения: 30.09.2024).

² Там же.

литики с распределением полномочий между органами исполнительной власти [Тимофеев, 2022b: 24]. Именно по инициативе Соединенных Штатов начал формироваться комплексный антироссийский санкционный режим. В 2012 г. принят так называемый закон Магнитского, предусматривающий применение ограничительных мер в отношении отдельных лиц¹. Издание президентом США 6 марта 2014 г. ряда указов положило начало программе санкций.

Ограничительные меры Вашингтона против России можно разделить на три группы:

- санкции в отношении физических и юридических лиц, внесенных в список особо обозначенных граждан и заблокированных лиц (*Specially Designated Nationals and Blocked Persons List, SDN List*)²;

- секторальные санкции в отношении организаций, осуществляющих деятельность в разных отраслях российской экономики – список идентификации секторальных санкций (*Sectoral Sanctions Identification List, SSI List*)³;

- запреты на инвестиционную деятельность, экспорт или импорт товаров, технологий или услуг;

- вторичные санкции, распространяющиеся на страны, которые не присоединились к антироссийскому санкционному режиму⁴.

Таким образом, США нацелены не только на разрыв торгово-экономических отношений с Россией, но и на воздействие на третьи страны для экономической изоляции РФ и стимулирования технологического отставания в военно-промышленной и гражданских сферах.

Санкционная политика Британии проводится в отношении ряда стран мира, однако Россия выступает приоритетным направлением [Тимофеев, 2022a: 24]. Санкционная политика Лондона обладает сопоставимыми с Брюсселем и Вашингтоном инструментами, но отличается специфической институциональной структурой: правовые основы сконцентрированы в одном законодательном акте, а органы исполнительной власти наделены широкими полномочиями [Тимофеев, 2022a: 23]. Санкционный режим Британии регулируется законом о санкциях и борьбе с отмыванием денег 2018 г.⁵ и нормативным руководством по России 2019 г.⁶ и включает следующие виды ограничительных мер: торговые, финансовые, иммиграционные, транспортные (в отношении воздушных и морских судов).

Работу по применению и соблюдению финансовых санкций ведет Казначейство Его Величества (*HM Treasury*) через управление по осуществлению финансовых санкций (*Office of Financial Sanctions Implementation*), которое разъясняет компаниям обязатель-

---

¹ Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012. URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/senate-bill/1039> (дата обращения: 15.10.2024).

² Specially Designated Nationals List - Data Formats & Data Schemas. URL: <https://ofac.treasury.gov/specially-designated-nationals-list-data-formats-data-schemas> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Sectoral Sanctions Identifications (SSI) List. URL: <https://ofac.treasury.gov/consolidated-sanctions-list-non-sdn-lists/sectoral-sanctions-identifications-ssi-list> (дата обращения: 30.09.2024).

⁴ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions, PUBLIC LAW 115-44—AUG. 2, 2017. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-115publ44> (дата обращения: 30.09.2024).

⁵ The Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 («the Sanctions Act»). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents/enacted> (дата обращения: 30.09.2024).

⁶ Statutory Guidance on the Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/855/contents/made> (дата обращения: 30.09.2024).

ства по финансовым санкциям, следит за их соблюдением, оценивает предполагаемые нарушения, выдает лицензии, разрешающие при определенных обстоятельствах запрещенную деятельность. Нарушение финансовых санкций считается тяжким уголовным преступлением и наказывается лишением свободы на срок до 7 лет и/или денежными штрафами в размере от 50% от суммы нарушения до 1 млн ф. ст. Добровольное раскрытие может предусматривать снижение суммы штрафа до 50%.

Вместе с тем Лондон признает, что, несмотря на жесткость и разнообразие ограничительных мер в отношении России, ожидаемые результаты не достигнуты, поэтому планирует продолжать расширять санкционный режим с упором на отслеживание цепей сделок с третьими странами по поставкам всего спектра критически важных товаров и недопущение поставок товаров российского происхождения в Британию с внесением причастных компаний в санкционные списки.

В ЕС санкции вырабатываются как на наднациональном уровне, так и на уровне государств-членов. Последние могут инициировать и реализовывать собственные ограничительные меры, соблюдая политику интеграционного объединения. Санкции в отношении России применяются с 2014 г.

Эволюция антироссийского санкционного режима ЕС

Формирование комплексного антироссийского санкционного режима происходило постепенно. Помимо его постоянного расширения, недружественные страны¹ действуют через дипломатические каналы и многосторонние форумы для оказания давления на российское правительство². Исходя из анализа хронологии введения санкций за десятилетний период, можно выделить ряд этапов формирования антироссийского санкционного режима ЕС (Табл. 1).

На первом этапе (март – июль 2014 г.) санкционный режим предусматривал ограничительные меры в отношении отдельных физических лиц и включал заморозку активов, запрет на осуществление сделок и визовые ограничения. Начал формироваться санкционный список, который впоследствии распространился на российские юридические лица, функционирующие в стратегически важных областях. Кроме того, в это время у ЕС возникла необходимость в разработке правовой базы для заморозки активов российских физических и юридических лиц, а также ужесточения визового режима [Абанина, Середина, 2023: 16].

---

¹ Австралия, Албания, Андорра, Британия, включая все заморские территории, государства – члены Евросоюза, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, США, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария, Япония. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2022 № 3216-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210310047>; Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001> (дата обращения 30.09.2024).

² В данном контексте термин «правительство» западными странами трактуется широко и означает совокупность следующих субъектов: президент РФ; государственные органы и учреждения, подчиненные президенту, в т. ч. администрация; председатель правительства; любое министерство; любой другой орган государственной власти или агентство, включая вооруженные силы и правоохранительные органы; центральный банк.

Таблица 1**Этапы формирования санкционного режима ЕС в отношении России в 2014–2024 гг.**

Этапы	Период	Санкционные меры	Цель
Начальный этап (индивидуальные санкции, подготовка правового обеспечения)	03 марта 2014 – 29 июля 2014	Индивидуальные санкции в отношении физических лиц (заморозка активов, ограничение на въезд). Торговые и инвестиционные ограничения для Крыма и Севастополя. Подготовка правовой базы для расширения санкций (заморозка активов, визовый режим).	Оказание политического давления
Внедрение экономических санкций	29 июля 2014 – 21 февраля 2022	Введение адресных экономических санкций с последующим усилением и расширением экономических санкций. Введены ограничения на доступ России к рынкам капитала ЕС. Запрет импорта и экспорта оружия и связанных с ним материалов, товаров и технологий двойного назначения из/в Россию. Введение санкций в области разведки и добычи нефти (запрет на экспорт оборудования и услуг). Введение лицензирования на экспорт определенного энергетического оборудования и технологий в Россию. Постоянное расширение санкционных списков российских физических и юридических лиц (заморозка активов, ограничение въезда). Регулярное продление действующих санкций.	Оказание политического и экономического давления
Этап эскалации санкций	23 февраля 2022 - 23 июня 2023	Первый пакет (23 февраля 2022)	Оказание экономического давления, ослабление экономики, стимулирование технологического отставания России, попытка изолировать от внешних финансовых рынков и рынков технологий
		Второй пакет (25 февраля 2022)	
		Третий пакет (10 марта 2022)	
		Четвертый пакет (15 марта 2022)	
		Пятый пакет (8 апреля 2022)	
		Шестой пакет (3 июня 2022)	
		Седьмой пакет (21 июля 2022)	
		Восьмой пакет (6 октября 2022)	
		Девятый пакет (16 декабря 2022)	
		Десятый пакет (25 февраля 2023)	
Этап распространения санкционного режима на третьи страны ужесточение контроля и наказания за несоблюдение санкций	23 июня 2023 – по наст. время	Одиннадцатый пакет (23 июня 2023) Двенадцатый пакет (14 декабря 2023) Тринадцатый пакет (23 февраля 2024) Четырнадцатый пакет (24 июня 2024)	Оказание экономического давления, ослабление экономики, стимулирование технологического отставания России, стремление отрезать от торговых и финансовых потоков с дружественными странами

Составлено по: Timeline - EU restrictive measures against Russia over Ukraine. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/history-restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/>; EU restrictive measures in view of the situation in Eastern Ukraine and the illegal annexation of Crimea. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/22023/144159.pdf>; EU sanctions over situation in Eastern Ukraine strengthened. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/22025/144144.pdf>; Reinforced restrictive measures against Russia. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21992/144868.pdf>; Council regulation (EU) 2024/1745 of 24 June 2024 Amending Regulation (EU) No 833/2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401745 (дата обращения: 30.09.2024).

Санкции, введенные в 2014 г., не оказали значительного негативного влияния на развитие экономики России и не достигли поставленных политических целей. В результате Брюссель усилил санкционный режим. В связи с этим можно выделить этап внедрения экономических санкций. Помимо расширения санкционного списка введены ограничения по доступу России к рынкам капитала ЕС, включая долгосрочное кредитование, наложено эмбарго на торговлю оружием и связанными с ним материалами, товарами и технологиями двойного назначения. Кроме того, ограничительные меры затронули нефтедобывающий и энергетический сектора.

Таким образом, с июля 2014 г. по февраль 2022 г. действующие санкции постоянно продлевались, а санкционный список регулярно пополнялся с целью ограничить доступ к технологиям, сократить возможности развития российских предприятий оборонно-промышленного комплекса, энергетического, добывающего и других секторов, имеющих стратегически важное значение.

На следующем этапе – эскалация санкций в период с февраля 2022 г. по июнь 2023 г. ЕС ввел десять пакетов санкций, направленных на разрыв торгово-экономических отношений государств-членов с Россией, в т. ч. запреты на железнодорожные, авиационные и морские перевозки, блокировку расчетов, отключение от *SWIFT*, запрет на поставку валюты и другие финансовые ограничения, ограничения на доступ к технологиям и т. д. [Абанина, Середина, 2023: 16].

На четвертом этапе происходит формирование моделей ужесточения контроля за невыполнением или обходом ограничений, а также обеспечение соблюдения странами-членами единого подхода к определению уголовной ответственности за нарушение санкций¹.

Санкционная политика стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона

Страны Балтийско-Скандинавского макрорегиона не только участвуют в санкционном режиме ЕС, но и вводят собственные ограничительные меры. Особенно ожесточенную антироссийскую позицию занимают такие страны, как Польша, Швеция, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Дания. В качестве примера можно привести такие действия Хельсинки, как закрытие границ с Россией, конфискацию российского имущества и отказ во въезде россиянам, даже имеющим шенгенские визы.

---

¹ Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj> (дата обращения: 15.10.2024).

Эстония ввела полный таможенный контроль грузов и багажа пассажиров на границе с Россией и планирует установить тотальное эмбарго на торговлю с РФ. В августе 2024 г. парламент принял закон о передаче Украине замороженных активов российских владельцев. Эстония стала первым государством в мире, принявшим подобный законодательный акт. Более того, депутаты обсуждают малый размер российских активов в стране – всего 30 млн евро и выражают готовность поделиться правовыми наработками с другими государствами макрорегиона. Цель закона – спровоцировать ЕС на аналогичные меры. Стоимость замороженного имущества в интеграционном объединении составляет более 300 млрд евро. 23 октября 2024 г. Совет ЕС утвердил выдачу Украине кредита на сумму 35 млрд евро с погашением из замороженных активов. Максимальный срок выплаты займа составит 45 лет.

Инициативу в отношении российского имущества поддержала Латвия: в ноябре 2024 г. были заморожены активы 147 лиц, попавших под санкции против России и Белоруссии. Общая стоимость имущества, включая 102 объекта недвижимости, 80 транспортных средств и банковские счета, – более 80 млн евро. На следующий день после визита министра обороны США Ллойда Остина в Латвию сейм принял резолюцию о признании России спонсором терроризма. Аналогичную резолюцию за месяц до этого принял сейм Литвы. При этом в правовых нормах Евросоюза понятие «страна – спонсор терроризма» отсутствует – этот термин существует в американском законодательстве.

Польша в первый день СВО запретила вещание российских телеканалов на своей территории, а также первой в Европе объявила о закрытии воздушного пространства для самолетов из РФ. Через несколько месяцев Варшава ввела санкции против 15 физических и 35 юридических лиц из России и Белоруссии. Под ограничительные меры попали российские предприятия, в т. ч. АО «Лаборатория Касперского» и ПАО «КАМАЗ». В санкционные списки вошли дочерние предприятия ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром» и другие российские компании в Польше. В сентябре 2023 г. Варшава запретила въезд из-за пределов Шенгенской зоны зарегистрированных на территории России транспортных средств.

Странам Балтийско-Скандинавского макрорегиона недостаточно следовать общему санкционному режиму ЕС. Намерения определять политику антироссийских санкций Евросоюза изложены в совместной статье министра экономики Дании и министров финансов стран Прибалтики, Польши, Финляндии, Нидерландов, Швеции. Работа под названием «Россия лжет о своей экономической мощи: санкции работают – и нам нужно больше»¹ была опубликована на сайте шведского правительства и в газете «Гардиан» (*Guardian*) в июле 2024 г.

Появление статьи приурочено к началу председательства Венгрии в ЕС, так как страны – инициаторы акции ожидали сложностей с принятием пятнадцатого пакета антироссийских санкций². Кроме того, исчерпание возможностей санкционного воздействия привело к замедлению принятия новых ограничительных мер. В публикации содержатся

¹ “Russia is lying about its economic strength: sanctions are working – and we need more”. Opinion piece by Minister for Finance Elisabeth Svantesson and seven European finance ministers. Government of Sweden. 25.07.2024. URL: <https://www.government.se/opinion-pieces/2024/07/russia-is-lying-about-its-economic-strength-sanctions-are-working--and-we-need-more/> (дата обращения: 12.11.2024).

² С согласованием пятнадцатого пакета, действительно, возникли проблемы. Скорее всего, он не будет принят во время венгерского председательства.

призывы усилить давление на Россию в таких сферах, как энергетика, финансы и технологии, продолжить заморозку российских активов и противодействовать обходу западных ограничений, в т. ч. с этой целью усилить давление на страны Восточной Азии и Ближнего Востока.

Аргументация авторов статьи об эффективности санкций сводится к следующим тезисам.

1. Несмотря на рост ВВП, экономика России все больше ориентируется на военную промышленность.

2. Этому способствуют значительные налоговые стимулы, но они ограничены и не свидетельствуют о стабильности экономики.

3. Контроль за движением капитала, запреты на экспорт и крупные инвестиции в военную промышленность – это не новая политика, а возвращение к советскому сценарию.

Оценки развития экономики России в условиях санкций

Выводы министров государств Балтийско-Скандинавского макрорегиона о слабости экономики России противоречат реальной ситуации и оценкам аналитических центров, которые ведут деятельность в государствах – членах ЕС и НАТО.

В докладе берлинского Центра восточноевропейских и международных исследований (*Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien*) сентября 2024 г. отмечено, что «западные санкции были направлены на то, чтобы затруднить России доступ к иностранным технологиям и, таким образом, увеличить расходы на ведение войны против Украины. Пока их успех был ограниченным»¹.

По мнению экспертов канадского исследовательского центра «Геополитикал монитор» (*Geopolitical Monitor*), регулярно публикующего доклады об эффективности антироссийских санкций, экономика РФ продемонстрировала удивительную устойчивость благодаря мерам по обходу санкций, структурному сдвигу в сторону командной экономики военного времени и сохранению жизнеспособности российского нефтяного экспорта. «В начале 2023 г. политика западных санкций выглядела катастрофой: инфляция снизилась, рубль стабилизировался, а процентные ставки вернулись к довоенному уровню. Однако ситуация быстро изменилась в лучшую сторону, а затем стабилизировалась, как только центральное правительство ввело контроль за движением капитала. В военное время также было активизировано промышленное производство, что помогло компенсировать потерю западных экспортных рынков; с тех пор оно только росло, и в период с осени 2022 по весну 2024 г. объем производства увеличился примерно на 60%» [Fillingham, 2024].

Среди стабилизирующих экономику факторов также упомянут поворот на Восток. В частности, за 11 месяцев 2023 г. товарооборот РФ и КНР вырос почти на 30% и превысил 200 млрд долл. При этом китайский экспорт в Россию увеличился на 50% (Рис. 1).

---

¹ Dąbrowska E. Wie Russland versucht, die Auswirkungen westlicher Technologiesanktionen zu entschärfen. Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien. 18.09.2024 URL: <https://www.zois-berlin.de/publikationen/zois-spotlight/wie-russland-versucht-die-auswirkungen-westlicher-technologiesanktionen-zu-entschaerfen> (дата обращения: 12.11.2024).

По некоторым экспортным позициям рост еще более масштабен: например, китайский автомобильный экспорт вырос на 593% с 2022 г. по 2023 г. и составил до 15% от общего объема автомобильного экспорта Китая. Только экспорт грузовых автомобилей в 2023 г. увеличился на 700% [Graceffo, 2024].

Что же касается энергоносителей, то в 2023 г. половина российского экспорта нефти и нефтепродуктов приходилась на Китай, 40% – на Индию. В целом с января по октябрь 2023 г. российско-индийский двусторонний товарооборот удвоился и превысил 50 млрд долл. [Graceffo, 2024]. Индия, как ведущая страна глобального Юга, является ориентиром для многих развивающихся стран. В 2024 г. некоторые из них либо вступили в БРИКС, либо обозначили намерение участвовать в деятельности организации.

Рисунок 1

Экспорт КНР в Российскую Федерацию в 2000–2024 гг., млрд долл.

Источник: [Graceffo, 2024].

Королевский институт объединенных служб (*Royal United Services Institute*) – ведущий аналитический центр британских спецслужб – опубликовал в 2023 г. доклад «Западные санкции в отношении России и позиция глобального Юга»¹. В нем сделан вывод о том, что события на Украине раскололи мир на тех, кто придерживается западных санкций, и тех, кто этого не делает. При этом развивающиеся страны не проявили особого энтузиазма по поводу соблюдения ограничительных мер. «Страны глобального Юга имеют уникальные отношения с Россией и Западом и отношение к введению односторонних санкций. Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Южная Африка, Турция и ОАЭ – лишь некоторые из ключевых игроков глобального Юга, которые по-прежнему выступают против односторонних санкций или сохраняют нейтралитет по отношению к ним». Отношения глобального Юга с Россией определяются не только геополитикой. В частности, в докладе приведены результаты опроса, который показал, что граждане Индии считают РФ самым надежным партнером с момента обретения независимости в

¹ Seshadri Ch. Western Sanctions on Russia and the Global South's Stance. Royal United Services Institute. 23.11.2023. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/western-sanctions-russia-and-global-souths-stance> (дата обращения: 10.11.2024).

1947 г. В работе отмечена важная роль БРИКС. В совместном заявлении министров иностранных дел организации в июне 2023 г., указано, что применение односторонних санкций несовместимо с Уставом ООН. Для противодействия российскому влиянию эксперты Королевского института объединенных служб предлагают отказаться от жесткого давления и учитывать проблемы стран глобального Юга, среди которых упомянуты изменение климата, последствия пандемии *COVID-19* и продолжающиеся пограничные конфликты.

Британский подход сильно отличается от требования стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона усилить давление, однако в ранжировании приоритетов традиционно преувеличивается роль климатической повестки. Для стран глобального Юга приоритетным выступает обеспечение целевого климатического финансирования на уровне 100 млрд долл. в год. Западные страны собирались достичь показателя к 2020 г. Учитывая позицию Д. Трампа, который намерен отказаться от обязательств США в этом направлении, развитые страны, скорее всего, не смогут реализовать обещания (если считать не обычные коммерческие кредиты, а грантовые проекты). Результаты российской экономической политики отмечены в западных рейтингах и прогнозах. Например, согласно МВФ, в 2024 г. ВВП России вырастет на 2,6% (исходя из предыдущих оценок, рост составит всего 1,1%)¹.

Выводы

В отношении России сформировался комплексный санкционный режим под эгидой США, Британии и Евросоюза. Можно выделить четыре этапа его формирования: начальный этап, этап внедрения экономических санкций, этап эскалации санкций, этап вторичных санкций. Общие меры ЕС дополняются односторонними санкциями стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона.

Наблюдается замедление принятия новых ограничительных мер, что выразилось в проблемах с принятием пятнадцатого пакета антироссийских санкций. В этих условиях страны Балтийско-Скандинавского региона претендуют на роль лидеров в продвижении антироссийской повестки. Призывы этой группы государств усилить давление на Москву в таких сферах, как энергетика, финансы, технологии, заморозка российских активов, не содержат ничего нового. Кроме того, эффективность ограничительных мер не подтверждается динамикой развития российской экономики. Однако России следует обратить внимание не требования со стороны стран макрорегиона в отношении ведущих государств глобального Юга и дополнить экономический компонент поворота на Восток активизацией инструментов «мягкой силы» и гуманитарного сотрудничества в рамках расширенного БРИКС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абанина И.Н., Середина М.И. (2023) Анализ динамики российского экспорта в условиях секторальных ограничений. *Самоуправление*. № 5(138). С. 16–19.

---

¹ Preble K.A., Willis Ch.N. How Russia has managed to shake off the impact of sanctions – with a little help from its friends. *The Conversation*. 29.02.2024. URL: <https://theconversation.com/how-russia-has-managed-to-shake-off-the-impact-of-sanctions-with-a-little-help-from-its-friends-223632> (дата обращения: 10.11.2024).

- Войников В.В. (2022) Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом. *Современная Европа*. № 6. С. 5–17.
- Котов А.В. (2022) Актуальные вызовы для немецкого бизнеса на российском рынке. *Современная Европа*. № 3. С. 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081.
- Тимофеев И.Н. (2022a) Политика санкций Британии: институциональные механизмы и российское направление. *Современная Европа*. № 4. С. 22–36. DOI: 10.31857/S0201708322040027.
- Тимофеев И.Н. (2022b) Политика санкций США на уровне исполнительной власти. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 3. С. 23–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32
- Тимофеев И.Н., Морозов В.А., Тимофеева Ю.С. (2020) *Санкции против России: взгляд в 2020 г.* Доклад № 51/2020. НП РСМД, Москва. 96 с.
- Тимофеев И.Н. (2024) Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа. *Сравнительная политика*. № 15(1). С. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114
- Fillingham Z. (2024) Russian Economy: Short-term Resilience, Long-term Risk. *Geopolitical Monitor*. 13.08. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/russian-economy-short-term-resilience-long-term-risk/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Giumelli F. (2016) The purposes of targeted sanctions. *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. Ed. by T.J. Biersteker, S.E. Eckert, M. Tourinho. Cambridge University Press. P. 38–59. DOI:10.1017/CBO9781316460290.003
- Graceffo A. (2024) *Yuan Shortages Latest Headache for Russian Economy*. *Geopolitical Monitor*. 17.09. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/yuan-shortages-latest-headache-for-russian-economy/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Gröschl J., Teti F. (2021) The Impact of Russia Sanctions on Companies. *Ifo Schnell-dienst*. No 74(1). P. 43–48.

European Sanctions Regimes Towards Russia: the Case of the Baltic-Scandinavian Macroregion

S.A. Roginko

*Candidate of Sciences (Economics),
Head of Centre for Environment and Development,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: roginko@bk.ru*

Abstract. The article presents the results of a study of the evolution of the complex anti-Russian sanctions regime of the Western world in general and European sanctions regimes in particular. The analysis of unilateral anti-Russian sanctions measures initiated by the states of the Baltic-Scandinavian macroregion in addition to the general sanctions regime of the European Union is carried out. Special attention is paid to the attempts of the countries of the Baltic-Scandinavian macroregion to play a leading role in the formation of new anti-Russian sanctions of the European Union, as well as measures addressed to countries of the Global South that do not share the goals of the EU's anti-Russian policy. Estimates of the impact of the anti-Russian sanctions regime of Western countries on the Russian economy are analysed. The result of the study is the periodisation of the stages of its formation in the period from 2014 to 2024, a comprehensive assessment of the initiatives of the Baltic-Scandinavian macroregion countries to shape new anti-Russian sanctions of the European Union and the approaches of these countries targeted at the countries of the Global South.

Keywords: comprehensive sanctions regime, Baltic-Scandinavian macroregion, Global South, BRICS, climate agenda, IMF, unilateral sanctions, asset freeze, sectoral sanctions

DOI: 10.31857/S0201708324060044

REFERENCES

- Abanina I.N., Seredina M.I. (2023) Analiz dinamiki rossijskogo eksporta v usloviyah sektoral'nyh ogranichenij [Analysis of the dynamics of Russian exports under conditions of sectoral restrictions], *Samoupravlenie*, 5(138), pp. 16–19. (In Russian).
- Fillingham Z. (2024) Russian Economy: Short-term Resilience, Long-term Risk, *Geopolitical Monitor*, 13.08. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/russian-economy-short-term-resilience-long-term-risk/> (accessed: 10.11.2024).
- Giumelli F. (2016) The purposes of targeted sanctions, in Biersteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (ed.) *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, Cambridge University Press, pp. 38–59. DOI:10.1017/CBO9781316460290.003
- Graceffo A. (2024) Yuan Shortages Latest Headache for Russian Economy, *Geopolitical Monitor*, 17.09. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/yuan-shortages-latest-headache-for-russian-economy/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Gröschl J., Teti F. (2021) The Impact of Russia Sanctions on Companies, *Ifo Schnell-dienst*, 74(1), pp. 43–48.
- Kotov A.V. (2022) Aktual'nye vyzovy dlya nemeckogo biznesa na rossijskom rynke [Current challenges for German business in the Russian market], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081 (In Russian).
- Timofeev I.N. (2022a) Politika sankcij Britanii: institucional'nye mekhanizmy i rossijskoe napravlenie [Britain's sanctions policy: institutional mechanisms and the Russian direction], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 22–36. DOI: 10.31857/S0201708322040027. (In Russian).
- Timofeev I.N. (2022b) Politika sankcij SShA na urovne ispolnitel'noj vlasti [The policy of US sanctions at the level of the executive branch], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(3), pp. 23–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32. (In Russian).
- Timofeev I.N., Morozov V.A., Timofeeva Yu.S. (2020) Sankcii protiv Rossii: vzglyad v 2020 g. [Sanctions against Russia: a View in 2020], Doklad 51/2020, NP RSMD, Moscow, Russia. (In Russian).
- Timofeev I.N. (2024) Vtorichnye sankcii SShA na rossijskom napravlenii: opyt empiricheskogo analiza [Secondary US sanctions in the Russian direction: the experience of empirical analysis], *Sravnitel'naya politika*, 15(1), pp. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114 (In Russian).
- Vojnikov V.V. (2022) Antirossijskie sankcii (ogranichitel'nye mery) ES: sootnoshenie s mezhdunarodnym pravom [EU anti-Russian sanctions (restrictive measures): correlation with international law], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 5–17. (In Russian).

УДК 327, 327.8, 325.14

МИГРАЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЯ ЕС И АФРИКИ¹

© 2024 БИССОН Любовь Сергеевна

Кандидат политических наук

*Старший научный сотрудник Отдела европейской интеграции
Института Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3*

E-mail: lyubov.pasyakina@gmail.com

Поступила в редакцию 08.09.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье рассмотрены отношения Евросоюза и Африки с точки зрения концепции миграционной дипломатии, которая впервые введена в научный оборот в российских исследованиях. Отмечен объяснительный и прогностический потенциал концепции для рассмотрения комплекса отношений государств в рамках миграционных систем. В результате анализа взаимодействия и сотрудничества ЕС с государствами исхода и транзита международных мигрантов в Африке выделена специфика европейского и африканского подходов. Первый заключается в использовании различных дипломатических средств и форматов для решения проблемы нелегальной иммиграции и снижения числа ищущих убежища. Результатом возрастающей зависимости ЕС от сотрудничества с третьими странами становится использование миграции в качестве инструмента политического давления государствами-партнерами. В центре миграционной дипломатии государств африканского континента находятся внутриконтинентальные миграционные процессы, а также продвижение к режиму свободы передвижения. Несмотря на разницу в подходах сторон, потенциалом сотрудничества в будущем может выступать развитие каналов для законной трудовой миграции.

Ключевые слова: Европейский союз, Африка, миграция, миграционная дипломатия, охрана границ, реадмиссия

DOI: 10.31857/S0201708324060056

Миграционная проблематика прочно вошла в современные международные отношения на глобальном, региональном и межгосударственном уровнях. Принятие в 2018 г. Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной мигра-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся миро-устройстве».

ции¹ свидетельствует, с одной стороны, о необходимости координации мер управления трансграничными передвижениями людей посредством усиления глобального управления и международной координации, с другой – о закреплении суверенного права государств определять миграционную политику [Потемкина, 2018]. Сложность достижения международных договоренностей зачастую обусловлена разницей положения стран в рамках той или иной миграционной системы. Государства, активно принимающие мигрантов, заинтересованы в максимальном уровне контроля и охраны границ, страны происхождения мигрантов – в дальнейшей либерализации миграционных режимов. Это проявляется в отношениях Евросоюза и стран Африки.

Миграция включена во все уровни взаимодействия Евросоюза и Африки: в формат сотрудничества двух интеграционных группировок – ЕС и Африканского союза (АС), в отношении Брюсселя с отдельными африканскими странами, государств-членов с государствами Африки. Миграция и мобильность стали частью нового всеобъемлющего договора ЕС со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ), пришедшего на смену соглашению Котону в 2023 г., и вошли в качестве стратегического приоритета в региональный протокол по Африке². Эти темы также обозначены одними из пяти главных направлений сотрудничества на саммите ЕС – АС в Брюсселе в феврале 2022 г.³ Управление миграционными процессами стало частью новой стратегии ЕС для Африки 2020 г. наряду с вопросами цифровой экономики и зеленого перехода, устойчивого роста⁴. Вступивший в силу летом 2024 г. Пакт о миграции и убежище ЕС определил включение вопросов миграции в международное сотрудничество ЕС с третьими странами одним из приоритетов, т. е. дальнейшее расширение и развитие внешнего измерения общей миграционной политики и политики убежища⁵. Неотъемлемой частью отношений Брюсселя с государствами исхода и транзита мигрантов, в т. ч. на Африканском континенте, наряду с экономическими и политическими вопросами будет оставаться контроль за пересечением границ, противодействие незаконной миграции и торговле людьми, развитие каналов для законной миграции и сотрудничество в области реадмиссии.

В последние годы Евросоюз активно работает над заключением двусторонних соглашений с государствами исхода и транзита мигрантов по вопросам экстернализации миграционного контроля. Важное направление внешнего измерения миграционной политики – заключение международных партнерств для мобильности. Отдельные государства ЕС также активно взаимодействуют с африканскими странами, заключая не только соглашения в сфере контроля границ и процедуры убежища, но и развивая ка-

¹ UN General Assembly. Global Compact on Safe, Orderly and Regular Migration: Final Draft, 11 July 2018. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/180711_final_draft_0.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

² Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Members of the Organisation of the African, Caribbean and Pacific States, of the other part. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8372-2023-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

³ 6th European Union - African Union Summit: A Joint Vision for 2030. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/54412/final_declaration-en.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

⁴ European Commission, Joint Communication to the European Parliament and the Council, Towards a comprehensive Strategy with Africa. Brussels, 09.03.2020, JOIN (2020) 4 final.

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a New Pact on Migration and Asylum. Brussels, 23.09.2020, COM(2020) 609 final.

налы для законной трудовой миграции (соглашение Германии и Кении)¹. Каждый из этих уровней взаимоотношений Евросоюза и государств Африки по миграционному треку имеет как общие черты, так и свою специфику.

Миграционная дипломатия

Как правило, комплекс отношений ЕС и стран Африки по вопросам миграции рассматривается с нескольких перспектив. Большая часть исследований посвящена изучению внешнего измерения общей миграционной политики и политики убежища Евросоюза, которая затрагивает отношения с государствами Африканского континента [Биссон, 2018; Войников, 2024]. В последние годы наибольший интерес привлекает вопрос экстернализации, или аутсорсинга, миграционного контроля и процедуры убежища Евросоюза и его отдельных стран-членов [Niemann, Zaun, 2023; Потемкина, 2023; Захаров, Агафшин, 2024].

В статье использован новый подход к изучению миграции в международных отношениях. Автор предлагает обратиться к концепции миграционной дипломатии в качестве одной из возможных исследовательских рамок для рассмотрения комплекса отношений по вопросам миграции ЕС и Африки, которая также применима и для изучения отдельных случаев (*case-study analysis*).

Концепция миграционной дипломатии позволяет отойти от европоцентричного рассмотрения миграционной проблематики в отношениях ЕС и стран Африки и отличается от других исследовательских подходов тем, что в поле анализа лежит понимание баланса сил и взаимозависимостей сторон. Это позволяет сместить угол зрения с интересов ЕС на интересы государств-партнеров и существующую расстановку сил в рамках миграционной системы. Страны ЕС и Африки связаны многочисленными устойчивыми миграционными потоками, которые обусловлены географическими, историческими, культурно-языковыми, социально-экономическими и демографическими факторами и формируют единое миграционное пространство [Ивахнюк, 2008]. Отличительная черта концепции миграционной дипломатии – рассмотрение процесса международного управления миграционными потоками в качестве результата дипломатического взаимодействия государств. Понимание не только внутривнутриполитической ситуации стран приема, исхода или транзита мигрантов и ищущих убежища, но и степени взаимозависимости сторон позволяют объяснить и спрогнозировать характер дальнейшего развития двусторонних отношений.

Несмотря на значительный интерес к миграционным исследованиям, российские ученые не так часто рассматривают вопрос, каким образом миграция влияет на межгосударственные отношения, отражается во внешнеполитических стратегиях государств и тактике ведения переговоров с партнерами. Концепция миграционной дипломатии фокусируется на том, как миграционные вопросы связаны с другими сферами государственных интересов и дипломатии, включая безопасность и торговлю.

Миграционная дипломатия не является частью миграционной политики. Стандартные элементы последней, такие как прием трудовых мигрантов, контроль границ или политика государства в отношении беженцев и предоставления убежища, не относятся

---

¹ Inside New Government Deal to Create Jobs for Kenyans in Germany. URL: <https://aspyee.org/news/inside-new-government-deal-create-jobs-kenyans-germany> (дата обращения: 16.09.2024).

к миграционной дипломатии. Миграционная дипломатия сосредоточена на том, как государства используют управление трансграничной мобильностью населения в международных отношениях или как используют дипломатические средства для достижения целей, связанных с миграцией. Остальные вопросы рассматриваются только в той степени, в какой они определяют отношения государств, их внешнюю политику и международное сотрудничество, ход и характер переговоров.

Ф. Адамсон и Г. Цурапас определили миграционную дипломатию как «использование государствами дипломатических инструментов, процессов и процедур для управления трансграничной мобильностью» [Adamson, Tsourapas, 2019: 115]. Они отмечают, что миграционная дипломатия имеет два направления: стратегическое использование дипломатических методов для достижения целей, связанных непосредственно с миграцией, и использование миграционных потоков в качестве средства для решения других внешнеполитических задач. Она может вестись как в духе сотрудничества, так и принуждения. Последнее может проявляться в одностороннем навязывании интересов или в угрозах применения санкций: ужесточение визовых правил, приостановление переговоров по другим вопросам двусторонних отношений, замораживание финансовой помощи в ответ на неготовность стран-партнеров к сотрудничеству. Подобная практика негативной обусловленности наблюдается в отношениях ЕС с третьими странами при заключении соглашений о реадмиссии [Kipp et al., 2020]. Позитивная обусловленность основана на стимулах, прежде всего финансовых. На этом принципе построено функционирование целевого фонда ЕС для Африки.

Другой вариант принуждающей миграционной дипломатии – использование миграционных потоков в качестве средства для решения внешнеполитических задач. Повышенный интерес к миграционной дипломатии во многом вызван выходом в свет работы К. Гринхилл «Оружие массовой миграции: Вынужденное перемещение, принуждение и внешняя политика» [Greenhill, 2010]. Несмотря на то что автор не использовала термин «миграционная дипломатия», ее анализ на широком эмпирическом материале продемонстрировал, как миграция (обычно угроза открыть пути для массовой миграции) использовалась рядом государств для извлечения внешнеполитических выгод начиная с середины XX в. Речь идет о так называемой инструментализации¹ миграционной политики, которая получила законодательное определение в недавно принятом в ЕС регламенте о ситуациях кризиса и форс-мажора в области миграции и убежища². Для квалификации действий граничащих с Евросоюзом государств, которые не желают сдерживать движение иммигрантов, стал использоваться термин «инструментализация миграции» [Войников, 2024: 6].

Миграционная дипломатия, основанная на сотрудничестве, нацелена на достижение взаимовыгодных результатов. Примером кооперативной дипломатии служат инициативы по созданию и укреплению каналов для законной миграции, которые выгодны как для стран-реципиентов, так и для стран исхода. Однако утверждение либеральной теории международных отношений о том, что взаимозависимость сторон повышает их готовность к достижению договоренностей и снижает количество конфликтов, не всегда

¹ В ряде работ используется термин «вепонизация» (от англ. *weaponization*).

² Regulation (EU) 2024/1359 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 addressing situations of crisis and force majeure in the field of migration and asylum and amending Regulation (EU) 2021/1147. OJ L, 2024/1359, 22.5.2024. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1359/oj> (дата обращения: 27.09.2024).

справедливо для миграционной дипломатии [Tsourapas, 2019]. Один из основных недостатков теории взаимозависимости – предположение о равноправных отношениях государств. В реальности эти отношения часто характеризуются асимметрией, что приводит к неравномерным выгодам от взаимозависимости или неравным условиям для сотрудничества. В отношениях ЕС и африканских стран пока не наблюдается достаточной степени взаимозависимости в миграционной сфере, которая позволит сторонам отказаться от приоритета собственных интересов. Асимметрия в отношениях не всегда позволяет более влиятельным государствам навязывать политическую повестку. Существование взаимозависимости дает государствам транзита и происхождения мигрантов возможность использовать «миграционную карту» для оказания давления на более сильного партнера.

Изменение баланса и взаимозависимости в сфере миграции между ЕС и странами Африки

Несмотря на то что ЕС декларирует стремление к сотрудничеству, основанному на равноправных партнерских отношениях, европейские и африканские приоритеты в области миграции часто не совпадают, а большая часть соглашений отражает повестку дня Евросоюза и заключается при ограниченном участии африканских партнеров. ЕС в значительной степени опирается на экономические и политические рычаги, предлагая помощь развитию, цифровизацию, либерализацию визовой политики и др. в обмен на контроль над миграцией. Принцип обусловленности в миграционной дипломатии Брюсселя все реже обеспечивает успех в отношениях с государствами Африки. Главная причина – изменение баланса и взаимозависимости сторон в рамках общей миграционной системы, а также характер миграционных процессов внутри Африканского континента.

В Африке внутриконтинентальная миграция значительно превышает миграцию африканцев в другие регионы мира, в т. ч. в Европу¹. На миграцию внутри Африки, между регионами и внутри отдельных регионов приходится 80% численности всех африканских мигрантов. Число африканцев, проживающих в другой африканской стране, по данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2020 г. составило 21 млн человек. Многие государства Африки обладают одновременно статусом и страны исхода и страны приема мигрантов и лиц, ищущих убежища. Можно выделить несколько основных выталкивающих факторов, которые будут продолжать определять миграционные процессы на Африканском континенте: уровень экономического и социального развития стран региона, уровень бедности, состояние рынка труда, быстрый рост численности населения, климатические изменения, политическая нестабильность, наличие вооруженных конфликтов, усиление интеграционных процессов. Совокупность структурных и управленческих факторов способствует неуклонному росту африканской миграции, которая при нынешних тенденциях приведет к тому, что к 2050 г. трансграничная миграция в Африке достигнет 11–12 млн человек². Несмотря на то что с 2000 г. на континенте наблюдается экономический рост, в регионе по-прежнему самые низкие в мире средние доходы на душу населения. По оценкам Всемирного банка, 35% насе-

¹ World Migration Report 2024. Geneva. International Organization for Migration (IOM). 2024. P. 56–66.

² World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington: World Bank. 2023. DOI:10.1596/978-1-4648-1941-4

ния к югу от Сахары живет в условиях бедности, что создает огромную нагрузку на зарабатывающих членов домохозяйств, вынужденных искать работу за границей для удовлетворения основных потребностей.

Африка принимает более трети всех беженцев в мире. В 2023 г. на долю африканских государств, входящих в первую десятку стран мира, принимающих беженцев и лиц, ищущих убежища, вошли Уганда, Судан, Демократическая Республика Конго. Большинство внутренних перемещений в Африке происходит в странах к югу от Сахары и вызвано вооруженными конфликтами и стихийными бедствиями. Среди принимающих стран наибольшее число беженцев в Африке в 2023 г. по-прежнему приходится на Уганду (почти 1,5 млн чел.). Значительная часть беженцев в Уганду прибывает из Южного Судана и ДРК. Последние остаются одновременно источниками самого большого числа беженцев и лиц, ищущих убежища, в Африке, и странами их приема. По данным МОМ, Эфиопия стала третьей по численности страной, принимающей беженцев в Африке в 2023 г. (около 900 тыс. чел.)¹.

Таким образом, миграционное давление возрастает внутри самого Африканского континента, а управление трансграничными передвижениями людей станет одним из главных приоритетов для Африки в ближайшие годы². Взаимодействие стран континента по вопросам миграции становится все более важным в повестке внутриафриканского сотрудничества. Многие африканские страны работают над созданием совместных подходов к миграции, включая управление потоками беженцев и защиту прав. «Повестка дня 2063» АС ставит целью достижение свободы передвижения.³ Флагманский проект АС «Африканский паспорт и свободное передвижение людей» направлен на устранение ограничений для африканцев путешествовать, работать и жить в пределах своего континента. Несмотря на то что на сегодняшний день протокол о свободе передвижения ратифицировало лишь 4 из 33 подписавших государств АС (Руанда, Нигер, Сан-Томе и Принсипи и Мали), согласно документу АС «Основы миграционной политики для Африки» (MPFA) расширение режима свободы передвижения между странами АС будет играть значительную роль в укреплении интеграции на континенте. Фундаментальное противоречие в отношениях ЕС и Африки заключается в несопоставимости этого процесса с выстраиванием эффективной охраны внутренних границ, что требует Брюссель в рамках двусторонних соглашений. Зависимость Евросоюза от сотрудничества с третьими странами в противодействии незаконной миграции возрастает. Сегодня это ключевой аспект на всех переговорных площадках в отношениях со странами Африки. ЕС активно интегрирует миграцию во внешнюю политику и все чаще использует дипломатию в качестве инструмента для переговоров с африканскими странами об изменении миграционной политики.

Пакт о миграции и убежище ЕС 2024 г. делает акцент на сотрудничестве с африканскими странами и уделяет особое внимание предотвращению нелегальных въездов и борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов. Это включает в себя усиление пограничного контроля в странах транзита и выезда, развертывание пограничной

¹ World Migration Report 2024. P. 44, 59.

² African Union Commission, Migration policy framework for Africa and plan of action (2018–2030). P. 21. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/35956-doc-2018_mpfa_english_version.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

³ African Union, Agenda 2063. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/36204-doc-agenda2063_popular_version_en.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

полиции и укрепление сотрудничества с африканскими пограничными службами посредством обучения и технологий. ЕС также активизировал усилия по борьбе с незаконным ввозом мигрантов совместно с африканскими странами и агентствами ООН в рамках оперативного партнерства, а также соглашений о реадмиссии для возвращения незаконных мигрантов в страны их происхождения или в безопасную третью страну.

Африканцы подают не такое значительное число заявлений о предоставлении убежища в ЕС ежегодно по сравнению с прошениями от граждан Сирии (более 180 тыс. в 2023 г.), Афганистана (более 99 тыс.), Турции (более 88 тыс.), Венесуэлы (68 тыс.), Колумбии (55 тыс.). По данным Европейского агентства по вопросам убежища, в августе 2024 г. в десятку стран просителей убежища вошли только Марокко и Египет¹. Однако главной обеспокоенностью Евросоюза остается число нелегальных пересечений южных границ объединения. По данным Фронтекс, по средиземноморским маршрутам на территорию ЕС попадает значительное число незаконных мигрантов из стран Африки и других регионов мира (Сирия, Бангладеш). За период с января по октябрь 2024 г. зафиксировано более 102 тыс. нелегальных пересечений границы Евросоюза мигрантами, использующими западноафриканский, центрально-средиземноморский и западно-средиземноморский маршруты в совокупности².

Миграционная дипломатия ЕС в отношениях с африканскими странами многогранна и включает как стимулы, так и давление. Партнерства, предлагаемые Евросоюзом государствам Африки, предполагают транзакционные отношения: африканские страны получают финансовую помощь развитию, торговые льготы, облегчение визовых режимов в обмен на сотрудничество в области миграционного контроля. Однако общественное мнение в африканских странах все чаще воспринимает такие договоренности как посягательство на суверенитет, поэтому африканским правительствам все сложнее получить одобрение для дальнейших переговоров с Евросоюзом. Речь прежде всего о государствах Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис), которые в последние годы сами испытывают осязаемое миграционное давление со стороны других стран Африки.

Ответная реакция на зависимость ЕС от сотрудничества – инструментализация миграции со стороны стран-партнеров. Африканские государства все больше осознают, какими рычагами влияния они обладают в переговорах с ЕС по вопросам, не связанным с миграцией. Такие страны, как Тунис, Марокко, используют миграцию в качестве внешнеполитического инструмента для получения финансовой помощи и политических уступок со стороны Евросоюза и отдельных стран-членов. Яркий пример – изменение позиции Испании в отношении суверенитета Западной Сахары в ответ на угрозу правительства Марокко открыть дорогу мигрантам, желающим незаконно пересечь границу испанских анклавных городов Сеуты и Мелильи³.

Кроме того, ставка ЕС на экстернализацию миграционного контроля в отношениях со странами Магриба может стать контрпродуктивной. Ужесточение внутренней миграционной политики в результате договоренностей с ЕС создаст условия, при которых значи-

¹ EUAA, Asylum applications for main citizenships. URL: <https://euaa.europa.eu/latest-asylum-trends-asylum> (дата обращения: 24.09.2024).

² Frontex, Annual Risk Analysis 2024/2025. P. 13–16. URL: https://www.frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2024-2025.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

³ Испания налаживает отношения с Марокко. Независимая газета. 02.02.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-02-02/6_8651_spain.html (дата обращения 23.09.2024)

тельная часть мигрантов откажется от первоначального намерения остаться в этих странах и будут искать альтернативные пути в Европу.

Растет зависимость ЕС от стран исхода мигрантов не только в вопросах сдерживания незаконных потоков мигрантов, но и в сфере законной трудовой миграции. В 2022 г. 9,93 млн граждан третьих стран составили 5,1% рабочей силы в Евросоюзе. Занятость работников, не являющихся выходцами стран-членов, в некоторых секторах уже превышает занятость граждан ЕС (ресторанный и гостиничный бизнес, строительство, логистические услуги, колл-центры и домашний труд). Согласно отчету ЕК, в 2023 г. в странах ЕС наблюдалась нехватка более 3 млн работников, что связано с демографическими факторами (старением населения, низкой рождаемостью) и с необходимостью восстановления экономического роста¹. Проблема усугубляется сокращением доли населения трудоспособного возраста, которая снизится с 65% (2019 г.) до примерно 55% в 2070 г. В большинстве стран ЕС наблюдается дефицит рабочей силы в строительстве. Речь прежде всего о нехватке квалифицированных рабочих (электриков, плотников). В медицинском секторе в некоторых странах дефицит может достигать 20% от общего числа необходимых специалистов. В области информационно-коммуникационных технологий в условиях цифрового перехода странам ЕС требуется около 1,3 млн специалистов (разработчиков программного обеспечения и IT-экспертов). Иностранные работники средней и низкой квалификации способны так же удовлетворить потребности сектора гостиничного и ресторанного бизнеса, который испытывает нехватку персонала, к 2025 г. она может составить около 300 тыс. работников.

По данным Евростата, в 2022 году в странах ЕС проживало около 3,5 миллионов африканцев, что составляет около 8% от общего числа иммигрантов². Значительная часть занята в секторах, испытывающих дефицит рабочих рук: сфера услуг, здравоохранение, строительство и сельское хозяйство (сезонные работы). По данным Европейского агентства по труду, африканцы также активно работают в сферах, связанных с домашним трудом и обслуживанием, а также заняты в других низкоквалифицированных работах. Трудовая эмиграция граждан стран Африки в развитые страны крайне важна и для африканских стран-поставщиков трудовых мигрантов. Денежные переводы играют ключевую роль в экономике многих государств и вносят значительный вклад в ВВП. В 2023 г. денежные переводы составили в среднем 7,6% ВВП в Западной Африке, 6,8 – в Восточной Африке, 4,4 – в Северной Африке, 3,7 – в Южной Африке и 1,4 – в Центральной Африке. К числу стран со значительной долей денежных переводов в общем объеме ВВП относятся Гамбия (28%), Лесото (21) и Коморские острова (20)³.

Отношения ЕС и стран Африки в области управления законной трудовой миграцией в перспективе могут стать примером кооперативной миграционной дипломатии. В апреле 2022 г. Брюссель принял новый пакет инициатив «Навыки и таланты». Он направлен на удовлетворение потребностей рынка труда, связанных с текущими демо-

¹ EURES Report on labour shortages and surpluses 2023. URL: https://www.ela.europa.eu/sites/default/files/2024-05/EURES-Shortages_Report-V8.pdf (дата обращения: 18.08.2024).

² Eurostat, Migration and migrant population statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 18.08.2024).

³ Remittance inflows in 2023 (as % of GDP). World Bank – KNOMAD. 2024. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=remit_re_gdp&t=2023&m=2&sm49=11 (дата обращения: 18.08.2024).

графическими тенденциями и нехваткой квалифицированных кадров. Пакет включает правовые, финансовые и политические инициативы, такие как Новые партнерства талантов. Последние представляют схемы мобильности для работы или обучения для всех уровней квалификации и основываются на более широком сотрудничестве в области управления миграцией с третьими странами. Партнерства талантов уже запущены с Марокко, Египтом и Тунисом и находятся в стадии подготовки с Нигерией и Сенегалом. Во время 6-го саммита ЕС – Африка в 2022 г. объявлено о начале реализации программы Евросоюза «Навыки и профессионально-техническое образование в Африке». Еврокомиссия выделила средства на пилотные проекты в семи странах континента для разработки учебных программ. Таким образом, в отношениях ЕС и африканских стран присутствует кооперативный потенциал, однако перспективы его реализации пока представляются отдаленными в виду более острых вопросов, связанных для Евросоюза с необходимостью ограничения незаконных миграционных потоков, а для стран Африканского континента, прежде всего Магриба, с нежеланием стать миграционными хабами.

Заключение

Концепция миграционной дипломатии может служить полезным исследовательским подходом, объясняющим, каким образом от интересов, положения и роли государств в рамках миграционной системы зависят инструменты и средства внешней политики. Рост миграционных потоков по всему миру меняет традиционное понимание баланса сил, поскольку одни государства теперь способны добиваться уступок, как экономических, так и политических, используя фактор миграции (способность сдерживать или направлять миграционные потоки). Миграционная взаимозависимость способна как усугубить конфликтные отношения сторон, так обладает и потенциалом для сотрудничества, которое может при определенных условиях принести взаимную выгоду.

Внимание концепции к асимметрии/балансу в двусторонних отношениях и взаимозависимостям позволяет уделить большее внимание миграционной политике стран глобального Юга и выделить спектр практик их миграционной дипломатии в отношениях с западными странами. Проведенный общий анализ отношений ЕС и Африки в сфере миграции позволил установить, что они в целом придерживаются различных взглядов на миграцию и мобильность. Начиная с 2015–2016 гг. наднациональные институты и страны ЕС склонны воспринимать миграцию в ее взаимосвязи с угрозами безопасности. Приоритетная задача сотрудничества интеграционного объединения с третьими странами – снижение числа ищущих убежища и незаконных мигрантов. Миграционная дипломатия Брюсселя характеризуется краткосрочными целями и принципами негативной и позитивной обусловленности. Евросоюз стремится к регулированию миграционных потоков и контролю границ. Возрастающая зависимость от сотрудничества с третьими странами в вопросах противодействия незаконной миграции порождает негативный эффект в виде возможностей использования миграции как инструмента внешней политики со стороны стран Африки в двусторонних отношениях.

Многие африканские государства больше сконцентрированы на развитии каналов для законной миграции как возможности для развития. Денежные переводы мигрантов часто превышают финансовую помощь на цели развития и прямые иностранные инвестиции. Необходимость соответствия приоритетам ЕС по укреплению пограничного контроля вступает в противоречие с интересами африканских стран, препятствуя внут-

ренной мобильности, имеющей важное значение для развития интеграционных процессов на континенте, и создавая новые вызовы для транзитных стран. Большинство миграционных инициатив ЕС и Африки отражают больше интересы Европы, чем потребности Африки. В перспективе миграционное давление со стороны африканских стран будет только нарастать. Это означает, что вес и роль африканских стран в создании системы управления миграцией в регионе будет увеличиваться. Динамика миграционной дипломатии ЕС и африканских стран может измениться в связи с изменением потребностей глобального рынка труда. По мере того как европейские страны будут сталкиваться с нехваткой рабочей силы и старением населения, будет расти спрос на трудовых мигрантов из Африки. Это, с одной стороны, потенциально может изменить рычаги влияния африканских стран на переговоры по миграции, с другой – усилить кооперативную составляющую отношений по развитию каналов для законной и трудовой миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л. (2018) Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 21–26.
- Войников В.В. (2024). Противодействие инструментализации мигрантов как элемент внешнего измерения иммиграционной политики ЕС. *Современная Европа*. № 3. С. 5–16. DOI: 10.31857/S020170832403001X
- Захаров И.А., Агафшин М.М. (2024) Экстернализация политики убежища Британии после брежзита. *Современная Европа*. № 2. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0201708324020098
- Ивахнюк И.В. (2008) *Евразийская миграционная система: теория и политика*. МАКС Пресс, Москва. 191 с.
- Потемкина О. Ю. (2023) Экстернализация политики миграции и убежища в центре внимания Евросоюза. *Европейский Союз: факты и комментарии*. № 114. С. 66–70. DOI 10.15211/eufacts420236670.
- Потемкина О.Ю. (2018) Глобальный договор о миграции – успех или провал? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 86–91.
- Adamson F.A., Tsourapas G. (2019) Migration Diplomacy in World Politics. *International Studies Perspectives*. No. 20(2). P. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1093/isp/eky015>
- Greenhill K.M. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Cornell University Press, New York, USA. 360 p.
- Kipp D., Knapp N., Meier A. (2020) Negative sanctions and the EU's external migration policy. *SWP Comment*. No. 34. 26.06. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020C34>
- Niemann A., Zaun N. (2023) Introduction: EU external migration policy and EU migration governance: introduction. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 49(12). P. 2965–2985. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2023.2193710>
- Tsourapas G. (2019) The Politics of Migration Interdependence in the Post-Arab Spring Middle East. *The Dynamics of Regional Migration Governance*. Ed. by A. Geddes, M. Vera Espinoza, L. Hadj Abdou, L. Brumat. Edward Elgar Publishing. P. 128–145.

EU–Africa Relations: Migration Diplomacy Approach¹

L.S. Bisson

Candidate of Sciences (Politics)

Senior research fellow, Center for European integration studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009, E-mail: lyubov.pasyakina@gmail.com

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Abstract. The article offers a fresh insight into the relations between the European Union and Africa from “migration diplomacy” perspective which is being introduced in migration and international relations research in Russia. The author notes the explanatory and predictive potential of the “migration diplomacy” concept for considering the complex relations between states within different migration systems. The analysis of interactions and cooperation of the EU, as a receiving side, with the states of origin and transit of international migrants in Africa allowed to highlight the specifics of the EU approach. The latter consists in using various diplomatic means and formats to address the problem of illegal immigration and reducing the number of asylum seekers in the EU. The increasing dependence of the European Union on cooperation with third countries results in the use of migration as a tool of political pressure by partner states. Intra-continental migration processes are at the centre of the migration diplomacy of the African continent, including those related to freedom of movement. Despite the differences in the approaches of the parties, the potential for cooperation lies in the development of channels for legal labour migration.

Keywords: European Union, Africa, migration, migration diplomacy, border management, readmission

DOI: 10.31857/S0201708324060056

REFERENCES

- Adamson F.A., Tsourapas G. (2019) Migration Diplomacy in World Politics, *International Studies Perspectives*, 20(2), pp. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1093/isp/eky015>
- Bisson L. (2018) Vneshnee izmerenie migracionnoj politiki ES: instrumenty i vygody [External dimension of EU migration policy: tools and benefits], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 21–26. (In Russian).
- Greenhill K.M. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*, Cornell University Press, New York, USA.
- Ivakhnyuk I.V. (2008) *Evrasijskaya migracionnaya Sistema: teoriya i politika* [Eurasian Migration System: Theory and Policy], MAKS, Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kipp D., Knapp N., Meier A. (2020) Negative sanctions and the EU's external migration policy, *SWP Comment*, 34, 26.06. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020C34>
- Niemann A., Zaun N. (2023) Introduction: EU external migration policy and EU migration governance: introduction, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(12), pp. 2965–2985. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2023.2193710>
- Potemkina O.Yu. (2018) Globalnyj dogovor o migracii – uspek ili proval? [Global Compact on Migration – Success or Failure?], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 86–91. (In Russian).
- Potemkina O.Yu. (2023) Eksternalizaciya politiki migracii i ubezhishcha v centre vnimaniya evrosoyuza [Externalisation of migration and asylum policies in the EU's focus of attention], *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii*, 114, pp. 66–70. DOI: 10.15211/eufacts420236670.
- Tsourapas G. (2019) The Politics of Migration Interdependence in the Post-Arab Spring Middle East, in Geddes A., Vera Espinoza M., Hadj Abdou L., Brumat L. (ed.) *The Dynamics of Regional Migration Governance*, Edward Elgar Publishing, pp. 128–145.
- Voynikov V.V. (2024). Protivodejstvie instrumentalizacii migrantov kak ehlement vneshnego izmereniya immigracionnoj politiki ES [Countering the Instrumentalization of Migrants as an Element of the External Dimension of EU Immigration Policy], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 5–16. DOI: 10.31857/S020170832403001X (In Russian).
- Zakharov I.A., Agafoshin M.M. (2024) Eksternalizaciya politiki ubezhishcha britanii posle brekzita [Externalisation of Asylum Policy in the UK after Brexit], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 114–127. DOI: 10.31857/S0201708324020098 (In Russian).

УДК 327

США–ЕС: БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК ЗОНА «СОВМЕСТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

© 2024 ШУМИЛИН Александр Иванович

Доктор политических наук

Главный научный сотрудник, руководитель Центра «Европа – Ближний Восток»

Отдела европейской безопасности ИЕ РАН

Главный редактор «Научно-аналитического вестника ИЕ РАН»

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: mideast@bk.ru

Поступила в редакцию 28.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты процесса обновления подходов Соединенных Штатов и Евросоюза к проблемам Ближнего Востока, а также попытки Вашингтона и Брюсселя координировать действия в новых условиях. В США усиливаются голоса политиков и экспертов, которые считают, что европейцы, воздерживаясь от наращивания участия в регионе и по-прежнему полагаются на военное присутствие Соединенных Штатов. При этом зависимость США от ближневосточной нефти существенно ослабевает. Многие европейские политики не скрывают разочарование в подходах Вашингтона к кризисным ситуациям в регионе, а также все чаще упрекают США в утрате лидерства на мировой арене. Необходимость ЕС больше полагаться на свои силы и ресурсы, оформленная в виде концепции стратегической автономии, обусловлена не только ситуацией вокруг Украины, но и повышением уровня конфликтности на Ближнем Востоке: боевыми действиями Израиля против ХАМАС в секторе Газа, прямыми столкновениями Израиля и Ирана, активизацией проиранских группировок в Ливане, Ираке и Йемене.

Ключевые слова: ближневосточная стратегия, Макрон, Средиземноморье, Евросоюз, США, Россия, Украина, сектор Газа, Израиль, ХАМАС

DOI: 10.31857/S0201708324060068

Полувековой цикл доминирования США в рамках евроатлантического альянса на Ближнем Востоке (БВ), который начался во время Суэцкого кризиса 1956 г., когда Вашингтон раскритиковал действия Парижа и Лондона в отношении Египта и взял на себя ответственность за политику Запада в регионе, постепенно завершается. Американские президенты, начиная с Б. Обамы (2008–2016 гг.), все чаще дают понять, что сохранение прежнего масштаба присутствия на Ближнем Востоке ведет к перенапряжению сил США и призывают Европу разделить бремя ответственности. Особенно активно в

последние годы эту идею развивают американские эксперты и аналитики. «Один из способов, с помощью которого Европейский союз мог бы приспособиться к новым меняющимся мировым реалиям, – это обратить внимание на свои геостратегические и геоэкономические задворки, Ближний Восток и Северную Африку, и разделить с Соединенными Штатами расходы по обеспечению основных интересов Запада там», – утверждает Леон Хадар, старший научный сотрудник Института изучения внешней политики в Вашингтоне [Hadar, 2023]. Исследователь считает, что усиление роли и масштабов присутствия ЕС на БВ потребует от Вашингтона принятия факта «сокращения его собственного влияния в регионе» [Hadar, 2023]. Эта перспектива вызывает озабоченность ближневосточных союзников Соединенных Штатов – особенно Израиля и арабских монархий Персидского залива.

Холодная война-2: ближневосточный «фронт»

Утверждение США в качестве лидера Запада на Ближнем Востоке происходило в контексте набиравших популярность в академических и политических кругах в Вашингтоне антиколониальных идей, в т. ч. нового подхода к странам «третьего мира» [Gildea, 2019: 97–121; Ward, 2021]. Суть последнего заключалась в призыве отойти от силового воздействия на страны, освобождавшиеся от колониальной зависимости, и сделать ставку на их привязывание к западному сообществу экономическими и политическими средствами (неоколониализм). В странах Азии и Африки распространялся нарратив, согласно которому Соединенные Штаты не только никогда не были колониальной державой, но и стали одной из первых стран, освободившихся от колониальной зависимости. В середине 1950-х гг. Вашингтон проводил внешнюю политику в духе Доктрины Трумэна, главный постулат которой – «недопущение попадания новых стран Азии и Африки под влияние тоталитарных держав». Президент США Дуайт Эйзенхауэр в письме британскому премьер-министру Энтони Идену объяснил позицию Вашингтона в Суэцком кризисе следующим образом: «Народы Ближнего Востока и Северной Африки (в случае силового давления на них – *А.Ш.*) могут сплотиться против Запада в такой степени, что, как я опасаюсь, этого нельзя будет преодолеть не только в течение жизни, но и в течение целого столетия» [Киссинджер, 1997: 485]. Именно в этот период сформировались три столпа ближневосточной политики США: сдерживание советской угрозы, гарантирование доступа к источникам углеводородов в регионе, обеспечение выживаемости Израиля.

Европейские элиты согласились с этими постулатами, но не считали их руководящими в политике. Во многом их устраивала возможность прикрываться американской военной мощью. Государства Европы предпочитали подход, основанный на «мягкой силе» и совместной с США борьбе с терроризмом. Ситуация резко изменилась с началом украинского конфликта в 2022 г.: в Европе заговорили о возрождении советской/российской угрозы в глобальном масштабе, возросла заинтересованность экономик Старого Света в ближневосточных источниках углеводородов после отказа ЕС от российских энергоносителей, периодически возобновляются волны беженцев из арабских стран. Ближний Восток становится источником новых и возродившихся старых угроз для Евросоюза.

Относительная сбалансированность присутствия глобальных акторов (США, ЕС, России и Китая) на Ближнем Востоке и в Северной Африке надолго уходит в прошлое.

Как и в годы холодной войны, БВ становится зоной повышенной конкуренции внешних акторов. По мнению Ф.С. Фазанотти, Москва не смирится со стремлением ЕС компенсировать утрату российских энергоносителей за счет импорта из стран ближневосточного региона. Подписанную Россией и Китаем в феврале 2022 г. декларацию «новой эры» исследовательница трактует как «манифест альтернативного мирового порядка, основанного на их (Москвы и Пекина – *А.Ш.*) ценностях». Этот документ наряду со Стратегией национальной безопасности США (2022 г.) и Компасом ЕС (2022 г.) означает, что БВ обречен на силовое противостояние Востока (России и Китая) с Западом [Fasanotti, 2023]. Ф.С. Фазанотти считает, что с учетом неготовности стран Запада противодействовать России на Ближнем Востоке Москва, опираясь на базы в Сирии (Тартус) и Ливии (зона, контролируемая фельдмаршалом Хафтаром), будет усиливать влияние в районе Средиземноморья и Красного моря и проникать через Сахель вглубь Африки [Fasanotti, 2024].

Л. Хадар задается вопросом, смогут ли США и ЕС выйти из порочного круга, когда Соединенные Штаты выступают единственной силой, способной сдерживать СССР/Россию на Ближнем Востоке, а европейцы под прикрытием американского «зонтика безопасности» действуют в регионе в духе «мягкой силы» в собственных интересах. В будущем, скорее всего, расклад сил существенно не изменится. США обречены оставаться ведущей военной державой Запада на БВ, но при условии, что европейцы будут демонстрировать готовность взять на себя часть издержек. «Сегодня, когда между Америкой и Китаем назревает новая холодная война, европейцам необходимо начать поворот ЕС в сторону Ближнего Востока», – делает вывод Л. Хадар [Nadar, 2023]. Прежде всего речь идет о том, чтобы убедить Брюссель в необходимости наращивания силы в регионе. На политическом уровне в новом столетии к этому их призывали все американские президенты, но различными средствами – от угроз сократить или даже свести к нулю силовое присутствие (так как приоритетом становится напряженность с Китаем на Тихом океане) до планов сохранить прежние масштабы участия при условии разделения бремени финансовых расходов и оказания военной поддержки.

«Жесткая сила» ЕС на Ближнем Востоке: от теории к практике

В Брюсселе в последнее десятилетие неуклонно возросло осознание необходимости расширить силовой компонент внешней политики. Цели и задачи всесторонне обоснованы в документах Евросоюза по вопросам стратегии и безопасности. Заявления ведущих политиков стран ЕС за последние два года можно расценивать как положительный отклик на призывы Вашингтона. Дискуссии в Брюсселе велись в основном вокруг того, как усилить военный компонент на БВ в равноправном партнерстве с США, избегая зависимости и подчиненности.

На европейцев повлияли такие события, как вторжение ХАМАС в Израиль 7 октября 2023 г., боевые действия в Газе, ракетная атака Ирана на Израиль 18 апреля 2024 г., активизация проиранских формирований «Хезболла» в Ливане, «Народной милиции» в Ираке и хуситов в Йемене. Все это представляет гораздо большую угрозу для ЕС, чем для США. Через Красное море и Суэцкий канал проходит не менее 40% товарооборота ЕС со странами Азии и Ближнего Востока. В частности, 3,6 млн баррелей сырой нефти и нефтепродуктов из общего объема в 6,2 млн, перевозимого через Баб-эль-Мандебский пролив, предназначены для европейских стран [Bianco, Tasinato, 2024].

25 апреля 2024 г. Э. Макрон заявил: «Европа может умереть. Мы не обеспечены в военном отношении, чтобы противостоять рискам». Президент Франции призвал страны ЕС «настойчивее утверждаться на мировой арене»¹.

Первой основательной силовой реакцией ЕС на события в регионе можно считать формирование и направление в феврале 2024 г. в Красное море военно-морской миссии под названием «Щиты» (*Aspides*; инициаторы – Франция, Германия и Италия)². Ее мандат распространяется на все акватории вокруг Аравийского полуострова, включая Персидский залив. Обозначенные Брюсселем цели операции включают защиту гражданских судов от атак хуситов, сопровождение судов, мониторинг происходящего в акватории, оценку угроз для свободы мореплавания. В сообщении Совета ЕС подчеркивается, что миссия носит оборонительный характер, призвана защищать гражданские корабли в случае атак с моря и воздуха. Участники не будут наносить удары по наземным целям, т. е. по формированиям хуситов на территории Йемена³.

С октября 2023 г. (после атаки ХАМАС на Израиль) из-за действий йеменских повстанцев акватория Красного моря остается зоной самой высокой военной напряженности международного уровня в регионе, поскольку нападениям подвергаются коммерческие суда западных стран при подозрении, что они могут прибыть в израильские порты. *Aspides* осуществляется параллельно с аналогичной американской операцией «Страж процветания» (*Operation Prosperity Guardian, OPG*). Сформированную группировку ВМС США эксперты оценивают как самую мощную в ближневосточном регионе за последние десятилетия. В районе Красного моря находятся американские эсминцы «Карни» (*USS Carney*), «Лабун» (*USS Laboon*) и «Томас Хаднер» (*USS Thomas Hudner*), а также атомная подводная лодка класса «Огайо» (*Ohio*). Поддержку им оказывают британский эсминец «Даймонд» (*HMS Diamond*) и французский многоцелевой фрегат «Лангедок» (*Languedoc*). В соседних акваториях размещены американские авианосцы «Дуайт Д. Эйзенхауэр» (*USS Dwight D. Eisenhower*) и «Джеральд Р. Форд» (*USS Gerald R. Ford*).

Участники *Aspides* обосновывают миссию концепцией стратегической автономии ЕС, т. е. созданием политически привлекательной альтернативы *OPG*. «Тем самым Франция и Италия предпочли несколько дистанцироваться от военно-морской группировки США и Британии, выражая озабоченность подходом Вашингтона к конфликтам в регионе, который, по их мнению, может осложнить ситуацию, повысив градус эскалации», – считают эксперты Брюссельского международного центра (*The Brussels International Center, BIC*) [Bianco, Tasinato, 2024].

¹ Rose M., Melander I. “Europe could die”: Macron urges stronger defences, economic reforms. Reuters. 25.04.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/macron-aims-cement-french-influence-eu-lift-party-fortunes-with-landmark-speech-2024-04-25/> (дата обращения: 15.08.2024).

² *Aspides* сформирована на основании обновленной в октябре 2023 г. Стратегии морской безопасности ЕС, которая предполагает наращивание силовой составляющей для борьбы против вооруженных судов хуситов и организованных преступных группировок. До этого европейские военные корабли ограничивались мониторингом положения в Красном море. Теперь мандат расширен на Персидский залив и Аравийское море. Эти действия вписываются в Общую глобальную стратегию, нацеленную на усиление геополитической роли Евросоюза.

³ EUNAVFOR Operation ASPIDES: Press statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell during his visit to the Operational Headquarters in Greece. EEAS. 05.07.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eunavfor-operation-aspidess-press-statement-high-representativevice-president-josep-borrell-during_en?s=410381 (дата обращения: 16.08.2024).

Между тем не подтвердились опасения части европейских политиков, что развертывание *Aspides* на фоне боевых действий в Газе и впечатляющих по масштабам уличных протестов против Израиля в странах ЕС может вызвать всплеск недовольства в регионе. Наоборот, элиты практически всех умеренных арабских государств, несмотря на уклончивые формулировки официальных лиц, положительно восприняли работу средств ПВО (ими оснащены европейские и американские военные корабли в Красном море) с целью отражения ракетно-дроновых атак Ирана и хуситов против Израиля в апреле 2024 г. ВВС Иордании были открыто задействованы в перехвате дронов¹. Новая военно-политическая реальность отражает устойчивое противостояние арабских стран экспансионистской стратегии Тегерана. Показательна в этом плане оценка арабской реакции на иранскую атаку 18 апреля 2024 г. высокопоставленной сотрудницей Пентагона Д. Строул: «Что бы ни говорили политики в ближневосточном регионе, представители военного истеблишмента и служб безопасности арабских стран и Израиля вполне конкретны и откровенны в своей позиции, которая сводится к тому, что Иран был и остается главной дестабилизирующей силой, экспортером терроризма, стремящимся обрести ядерное оружие»².

До 2024 г. военное присутствие государств – членов ЕС на БВ было в основном символическим («демонстрацией флага»). Среди них выделялся Париж, который в 2009 г. основал базу на территории ОАЭ (под названием «Лагерь мира») и разместил там 500 военнослужащих. Выступая на церемонии открытия, президент Н. Саркози подчеркнул, что «с помощью этой базы, первой на Ближнем Востоке, Франция заявляет о своей готовности взять на себя ответственность по обеспечению стабильности в этом стратегически важном районе»³. Речь шла о защите торговых судов от атак пиратов, свободе мореплавания и обеспечении безопасности «друзей Франции в Эмиратах». Н. Саркози подчеркнул, что база призвана показать, что «в случае угрозы безопасности ОАЭ Париж будет на стороне Абу-Даби»⁴. Европейские СМИ комментировали это событие не только как сигнал противостояния Франции с Ираном, но и в контексте соперничества с Британией и США касательно влияния в Красном море и Персидском заливе⁵. В 2014–2018 гг. база использовалась для нанесения авиаударов по ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации) на территории Ирака и Сирии в основном в рамках французской операции «Шамаль», чтобы подчеркнуть самостоятельность и обособленность действий от американо-британских сил. В феврале 2022 г. Париж также начал переговоры с Кувейтом по стратегическому сотрудничеству под лозунгом борьбы с терроризмом.

Важная составляющая политики Франции в зоне Персидского залива – наращивание роли и позиций на рынке вооружений арабских монархий и Израиля, на котором

¹ Bradley M. An uneasy alliance of Arab states helped defend Israel from Iran. Their resolve may soon be tested. NBC News. 16.04.2024. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/iran-attack-israel-hamas-war-saudi-arabia-jordan-uae-coalition-rcna147965> (дата обращения: 10.08.2024).

² Wintour P. Gulf states' response to Iran-Israel conflict may decide outcome of crisis. The Guardian. 19.04.2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/apr/19/gulf-states-response-to-iran-israel-conflict-may-decide-outcome-of-crisis> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Chisafis A. France opens military base in UAE despite Iranian concerns. The Guardian. 26.05.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/may/26/france-military-base-uae> (дата обращения: 11.08.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

устойчиво доминируют США. До последнего времени закупки вооружений выступали одной из форм платы за обеспечение безопасности поставщиком оружия (в частности, в виде размещенных военных баз). Основные покупатели французского оружия в регионе – Саудовская Аравия, Египет, Катар и ОАЭ. Однако на этих рынках доля Франции невелика – в 4,5 раза меньше, чем у США (по данным на 2023 г., ближневосточные страны обеспечили войска американской продукцией на 52%, французской – на 12%, итальянской – на 10%, германской – на 7,1%) [Wezeman et al., 2022]¹.

По оценке сотрудницы Французского института международных отношений (*Institut français des relations internationales, IFRI*) Э. Файет, упомянутые арабские страны все больше нуждаются в высокотехнологичном оборудовании и без колебаний диверсифицируют импорт. «Они очень реалистичны и предъявляют все более высокие требования к передаче технологий. Это подпитывает появление конкурентов, которых мы не ожидали увидеть, таких как Китай и Израиль, особенно после того, как в сентябре 2020 г. в Вашингтоне были подписаны договоры о нормализации отношений, известные как “соглашения Авраама”, между Израилем и ОАЭ, а также между Израилем и Бахрейном под эгидой Соединенных Штатов», – говорит Э. Файет, поясняя, почему перспективы Франции на рынке вооружений отнюдь не безоблачны². Например, после обстрела йеменскими хуситами ОАЭ баллистическими ракетами в феврале 2022 г. Франция развернула на территории Эмиратов эскадрилью истребителей «Рафаль» (*Rafale*) и систему ПВО «Кроталь-НЖ» (*Crotale NG*), однако Абу-Даби закупили израильские противоракетные и противодроновые системы «Барак-8» (*Barak-8*) и систему ПВО «Спайдер-124» (*Spyder 124*) [Fayet, 2022].

Украинский кризис и его отголоски на Ближнем Востоке в виде активизации Ирана и его прокси привели к неоднозначным последствиям для Евросоюза. На политическом уровне арабские монархии (в большей степени) и Израиль демонстрируют нейтралитет по отношению к российско-украинскому противостоянию в стремлении избежать всплеска напряженности с Россией и ее партнерами. Однако в плане безопасности они вынуждены по-прежнему полагаться на страны Запада, прежде всего на Соединенные Штаты. Значимость коммерческой составляющей в сфере поставок вооружений отходит на второй план под воздействием геополитического императива – необходимости сохранения выстроенной архитектуры безопасности с доминирующим участием западных стран. Сегодня, особенно в условиях ослабления зависимости США от ближневосточной нефти и разворота ЕС к источникам энергоносителей на БВ, эта задача вряд ли реализуема без наращивания Вашингтоном и Брюсселем совместного военного потенциала в регионе. Со своей стороны страны Машрака (восточная часть Ближнего Востока) и Персидского залива пытаются проложить новые маршруты к европейским рынкам. На фоне военной турбулентности в Красном море и ограниченных возможностей пропуска судов через Суэцкий канал резонанс приобрел предложенный Ираком и поддержанный Турцией проект строительства железнодорожной и автомобильной линий от порта Басра (на севере Персидского залива) до стран восточной и южной Европы (по территории Ирака и Турции). Проект получил несколько названий: «Дорога развития», «Новый шелковый путь», «Сухопутный канал». Участие в нем подтвердили Катар и

¹ SIPRI Arms Transfers Database. 11.03.2024. DOI: <https://doi.org/10.55163/SAFC1241>

² Vinsent E. Héloïse Fayet: France's strategic thinking in the Middle East is at a standstill. *Le Monde*. 20.12.2022. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/12/20/france-s-strategic-thinking-in-the-middle-east-is-at-a-standstill_6008469_4.html (дата обращения: 20.08.2024).

ОАЭ¹. Инициатива призвана не только обезопасить пути доставки товаров по маршруту Персидский залив – Европа – Персидский залив, но и сократить время логистических операций.

Евросоюз в поисках ближневосточной стратегии

Разрушение системы безопасности в Европе стимулирует подобный процесс на БВ. Он выражается в военной эскалации по давно сложившимся линиям противостояния вокруг Израиля со следующими изменениями: прямым вовлечением Ирана в боевые действия против Израиля, сближением арабских монархий с Тель-Авивом для сдерживания Тегерана.

Если основные акторы на БВ (как локальные, так и глобальные) действуют в рамках традиционных моделей, а арабские монархии изменили внешнеполитические подходы (от противостояния с Израилем к сотрудничеству с ним), то единственным игроком, обреченным на трансформацию политики в регионе, остается Евросоюз. Представители ЕС утверждают, что только «мягкой силы» недостаточно и Брюссель должен стать значимым геополитическим фактором [Moser, 2020].

На протяжении последних десятилетий Евросоюз ставил в центр ближневосточной политики в основном регионы, расположенные вблизи его границ. На политическом уровне эта линия оформлена в виде Европейской политики соседства (ЕПС; *European Neighborhood Policy, ENP*) и Евро-средиземноморского партнерства, начало которому было положено Болонским процессом (1995 г.). По инициативе французского президента Николя Саркози в 2008 г. второй проект получил название «Союз для Средиземноморья» (СдС; *Union for the Mediterranean, UfM*).

Обе концепции преследовали цель усилить влияние ЕС в Северной Африке и Средиземноморье посредством содействия социально-экономическому развитию и политическим реформам. Предполагалось установить разноразмерное взаимодействие Брюсселя с группами стран в этих регионах (в зависимости от готовности последних сближаться с ЕС). Изначально наряду с идеей развития диалога во всех областях СдС делал акцент на интенсификации торгово-экономических отношений стран Средиземноморья вплоть до создания зоны свободной торговли. Команда президента Н. Саркози не скрывала амбициозной цели добиться доминирования Франции в регионе в условиях, когда планировалось строительство новых газопроводов из Северной Африки и Израиля в Европу через водное пространство [Tasche, 2010].

До 2015–2016 гг. Брюссель продвигал обе концепции как систему взаимодействия ЕС со странами-соседями в духе «мягкой силы». Ситуация существенно изменилась с «Арабской весны». «Фокус ЕПС на утверждение демократии (в странах-партнерах – *А.Ш.*) не исчез совсем, но он утратил свою приоритетность. Теперь встал вопрос о необходимости в целом реформировать сферу безопасности партнеров и наращивать противодействие терроризму и радикализму», – пишет эксперт Французского института международных отношений в Брюсселе Вивьен Пертюсо [Pertusot, 2016: 22]. Новые акценты в пользу уже не социально-политических изменений в духе принятия европейских ценностей и норм, а

¹ Porter L. Turkey to host four-way summit with UAE, Qatar and Iraq on new trade route. The National. 26.08.2024. URL: <https://www.thenationalnews.com/news/mena/2024/08/26/turkey-to-host-four-way-summit-with-uae-qatar-and-iraq-on-new-trade-route/> (дата обращения: 29.08.2024).

сохранения статус-кво при наличии в странах-партнерах эффективного управления (*well-governed states*) внесены в базовые документы обновленной ЕПС в 2015 г. и получили развитие в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.

Турбулентность в Средиземноморском регионе, приведшая к миграционным кризисам и гражданским войнам в Сирии и Ливии, породила для ЕС новые угрозы. Для нейтрализации последних Евросоюз выстроил систему безопасности на южных границах. Упомянутые кризисы вынуждали Брюссель наращивать усилия по смягчению конфликтов в странах соседства (например, в Ливии). Оправдывая обозначившиеся признаки интервенционизма Брюсселя, Р. Янг считает, что «хотя акцент на безопасности ЕС понятен и действительно необходим, исключительное сдерживание (угроз с юга – *А.Ш.*) вряд ли обеспечит его долгосрочные стратегические интересы в Средиземноморье» [Youngs, 2015].

События «Арабской весны» (особенно в 2015–2018 гг.) внесли хаос в отношения Брюсселя со странами Северной Африки. С одной стороны, ЕС оказался вынужденным защищаться от волн нелегальной иммиграции, дистанцируясь от региона, с другой – пытался сохранить влияние. Правящие круги стран Магриба (Марокко, Туниса, Ливии и Алжира) начали проявлять склонность к проведению многовекторной политики, которая открыла возможности для других крупных международных игроков. В результате Северная Африка стала ареной столкновения конкурентных стратегий США, России, Китая и арабских монархий Персидского залива, что сократило масштабы присутствия Евросоюза в регионе [Jacobs, 2021: 14].

В новых условиях ЕС приступил к реформатированию ЕПС и ЕДП с акцентом на «мягкую силу». С 2016 г. ведущим документом становится Глобальная стратегия, которая декларирует необходимость наращивания силовой составляющей во внешнеполитической деятельности в русле стратегической автономии. «Как европейцы мы должны взять на себя большую ответственность за собственную безопасность. Мы должны быть готовы сдерживать (противника – *А.Ш.*), отвечать и защищать себя перед лицом угроз. В то время как НАТО существует для обороны своих членов – большинство которых европейцы – от нападений извне, европейцы должны быть лучше экипированы, обучены и организованы, чтобы вносить решающий вклад в коллективные усилия, а также чтобы действовать автономно, если и когда это необходимо», – отмечается в тексте Глобальной стратегии¹.

В контексте ближневосточной политики установка на стратегическую автономию формировалась как безальтернативная. Постепенное сворачивание американского присутствия в регионе при Б. Обаме продолжила администрация Д. Трампа², подтвердив партнерские обязательства в сфере безопасности только перед основными союзниками – Израилем и Саудовской Аравией. Вопреки установкам Брюсселя Вашингтон начал проводить политику максимального давления на Тегеран и вышел в 2018 г. из совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). В последующие годы ЕС прилагал значительные усилия, чтобы сохранить СВПД, и критиковал подход США к этой проблеме при Д. Трампе.

¹ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. The Diplomatic Service of the European Union. 06.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

² На 01.01.2017 г. (начало каденции Д. Трампа – 21.01.2017 г.) в странах Ближнего Востока было размещено почти 40 774 американских военнослужащих, а в конце его президентства (01.01.2021 г.) осталось 12 420.

При Дж. Байдене накал разногласий Вашингтона и Брюсселя по ближневосточной проблематике заметно снизился, поскольку позиция администрации во многом совпадала с видением руководства ЕС. После начала украинского кризиса (февраль 2022 г.) и террористической атаки ХАМАС на Израиль (октябрь 2023 г.) подходы к проблемам БВ стали еще менее различимыми: ЕС впервые четко признал право Израиля на самооборону, возложив вину за конфликт на лидеров ХАМАС. По сути, Вашингтон и Брюссель дали «зеленый свет» военной операции в секторе Газа, направляя израильскому руководству призывы избегать жертв среди мирного населения.

Показательна скоординированность военных подразделений США и Евросоюза в регионе для отражения массированной воздушной атаки против Израиля 18 апреля 2024 г. Партнерство Тегерана с Москвой усилило восприятие Ирана в Европе как враждебного государства, что сняло СВПД с политической повестки. Ряд аналитиков в США и ЕС полагает, что в случае обретения Тегераном ядерного оружия наибольшее влияние на Иран сможет оказать Россия, повышая тем самым значимость в глазах западных политиков и Китая¹. Подобная перспектива представляет значительно бóльшую угрозу для европейского континента, чем для Соединенных Штатов. Таким образом, факторы, сближающие подходы США и ЕС к проблемам БВ, сегодня более значимы, чем те, что еще недавно разделяли трансатлантических партнеров.

Выводы

Украинский кризис заметно повлиял на процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, спровоцировал эскалацию по линиям традиционного противостояния локальных игроков. Резко возросшая враждебность России и США/ЕС неизбежно транслируется на Ближний Восток. В большей степени, чем другие международные акторы, Евросоюз оказался перед необходимостью адаптироваться к новым условиям. Это может означать смену приоритетов формирования внешней политики применительно к БВ посредством смещения акцентов с «мягкой силы» на «жесткую». Американские союзники призывают ускорить этот процесс, рассчитывая уменьшить бремя расходов в контексте планируемого сокращения военного присутствия, которое Вашингтон из-за возобновляемой турбулентности в странах Машрака и Персидского залива вынужден периодически приостанавливать.

Кроме того, возрастает заинтересованность ЕС в расширении масштабов присутствия в регионе в геоэкономическом отношении, что обусловлено запросом на поставки углеводородов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также запуском арабо-турецкого проекта нового сухопутного коридора, связывающего Европу со странами Персидского залива, минуя Суэцкий канал. «Дорога развития» может быть реализована в ближайшие два – три года. Однако конфликтогенному региону имманентно присуще неизбежное сочетание усилий в сфере экономики с демонстрацией военной мощи. Активизация Брюсселя на БВ будет происходить с возрастающей координацией с Вашингтоном.

---

¹ Javedanfar M. Why the Ukraine and Gaza wars mean Russia could now support a nuclear-armed Iran. European Leadership Network. 03.04.2024. URL: <https://europeanleadershipnetwork.org/commentary/why-the-ukraine-and-gaza-wars-mean-russia-could-now-support-a-nuclear-armed-iran/> (дата обращения: 20.08.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киссинджер Г. (1997) *Дипломатия*. Ладомир, Москва. 848 с.
- Bianco C., Tasinato E. (2024) Taking Stock of “Aspides”: A Step Forward in Europe’s Geopolitical Role in the Red Sea? *Brussels International Center*. 27.05. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/taking-stock-aspides-step-forward-europes-geopolitical-role-red-sea> (дата обращения: 15.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2023) What role for Europe in the Middle East and North Africa? *Geopolitical Intelligence Services*. 16.01. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/europe-mena/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2024) The Russian strategy in the Mediterranean. *Geopolitical Intelligence Services*. 25.06. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?* IFRI, Paris, France. 98 p.
- Gildea R. (2019) *Empires of the Mind. The Colonial Past and the Politics of the Present*. Cambridge University Press. 358 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316671702.005>
- Hadar L. (2023) An EU Pivot to the Middle East. *Foreign Policy Research Institute*. 08.05. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/05/an-eu-pivot-to-the-middle-east/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Jacobs A.L. (2020) *Regional and Global Power Competition Deepens Fault Lines Across the Southern Mediterranean*. Arab Gulf States Institute in Washington, Washington, USA. 24 p. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2020/10/Jacobs_Gulf-Influence-in-North-Africa_ONLINE2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Moser C. (2020) Hard Power Europe? *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. No. 80(1). P. 1–12.
- Pertusot V. (2016) *The European Neighbourhood Policy: A Bureaucratic Phoenix?* IFRI, Paris, France. 28 p.
- Tasche T. (2010). The Project of a Union for the Mediterranean – Pursuing French Objectives through the Instrumentalisation of the Mare Nostrum. *L'Europe en Formation*. No. 356(2). P. 53–70. DOI: 10.3917/eufor.356.0053
- Youngs R. (2015) The EU’s geopolitical crossroads in the Middle East. *Policy Brief*. No. 127. 8 p.
- Ward S. (2021) Decolonization and Neocolonialism. *The Oxford World History of Empire*. Ed. by P.F. Bang, C.A. Bayly, W. Scheidel. Oxford University Press. P. 1161–1186. DOI: 10.1093/oso/9780197532768.003.0042
- Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. (2023) *Trends in International Arms Transfers, 2022*. SIPRI, Stockholm, Sweden. 12 p. DOI: <https://doi.org/10.55163/CPNS8443>

US-EU: Middle East as a Zone of “Shared Responsibility”

A.I. Shumilin

*Doctor of Sciences (Politics)**Chief Researcher, Institute of Europe, RAS**Editor-in-Chief, Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS**11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009**E-mail: mideast@bk.ru*

Abstract. The article examines a number of aspects of the process of updating the approaches of the United States and the European Union to the problems of the Middle East (ME), as well as attempts by Washington and Brussels to coordinate their actions under the new conditions. In the United States, the voices of politicians and experts are growing who believe that, despite the fact that threats from the ME are much more significant for the security of Europeans, the latter refrain from increasing their participation in Middle Eastern affairs, still relying on America's military power there. In turn, many European politicians do not hide their disappointment in the US approaches to a number of crises in the Middle East, and increasingly reproach them for the “loss of American leadership” on the world stage. The need for Europeans to increasingly rely on their own strength and resources, formalized in the form of the concept of the EU’s “strategic autono-

my”, is today determined not only by the situation around Ukraine, but also by the increasing level of conflict in the Middle East – namely, Israel's military actions against Hamas extremists in the Gaza Strip, direct clashes between Israel and Iran, the activation of pro-Iranian groups in Lebanon, Iraq and Yemen.

Keywords: Middle East strategy, Macron, Mediterranean, European Union, USA, Russia, Ukraine, Gaza Strip, Israel, Hamas

DOI: 10.31857/S0201708324060068

REFERENCES

- Bianco C., Tasinato E. (2024) Taking Stock of “Aspides”: A Step Forward in Europe’s Geopolitical Role in the Red Sea?, *Brussels International Center*, 27.05. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/taking-stock-aspidess-step-forward-europes-geopolitical-role-red-sea> (accessed: 15.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2023) What role for Europe in the Middle East and North Africa?, *Geopolitical Intelligence Services*, 16.01. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/europe-mena/> (accessed: 12.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2024) The Russian strategy in the Mediterranean, *Geopolitical Intelligence Services*, 25.06. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (accessed: 12.08.2024).
- Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?*, IFRI, Paris, France.
- Gildea R. (2019) Empires of the Mind. The Colonial Past and the Politics of the Present, *Cambridge University Press*. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316671702.005>
- Hadar L. (2023) An EU Pivot to the Middle East, *Foreign Policy Research Institute*, 08.05. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/05/an-eu-pivot-to-the-middle-east/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Jacobs A.L. (2020) *Regional and Global Power Competition Deepens Fault Lines Across the Southern Mediterranean*, Arab Gulf States Institute in Washington, Washington, USA. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2020/10/Jacobs_Gulf-Influence-in-North-Africa_ONLINE2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Kissinger G. (1997) *Diplomacy*, Ladomir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Moser C. (2020) Hard Power Europe?, *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 80(1), pp. 1–12.
- Pertusot V. (2016) *The European Neighbourhood Policy: A Bureaucratic Phoenix?*, IFRI, Paris, France.
- Tasche T. (2010). The Project of a Union for the Mediterranean – Pursuing French Objectives through the Instrumentalisation of the Mare Nostrum, *L'Europe en Formation*, 356(2), pp. 53–70. DOI: 10.3917/eufor.356.0053
- Ward S. (2021) Decolonization and Neocolonialism, in Bang P.F., Bayly C.A., Scheidel W. (ed.) *The Oxford World History of Empire*, Oxford University Press, pp. 1161–1186. DOI: 10.1093/oso/9780197532768.003.0042
- Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. (2023) *Trends in International Arms Transfers, 2022*, SIPRI, Stockholm, Sweden. DOI: <https://doi.org/10.55163/CPNS8443>
- Youngs R. (2015) The EU’s geopolitical crossroads in the Middle East, *Policy Brief*, 127.

УДК 328.1, 329.1

ВЫЗОВЫ ДЛЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГЕРМАНСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

© 2024 БЕЛОВ Владислав Борисович

Кандидат экономических наук

*Член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела
страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН*

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Поступила в редакцию 03.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Экономический штандорт Германии, выступая одной из основных частей хозяйственного-политического пространства Европейского союза, во многом определяет конкурентоспособность интеграционного объединения. М. Драги в сентябрьском докладе (2024 г.), посвященном этой теме, уделил ФРГ особое, но по объективным причинам недостаточное внимание. Цель статьи – анализ конкурентных преимуществ и недостатков германского хозяйства в контексте указанного исследования с точки зрения пространственного подхода. Экономика Германии рассмотрена как штандортный продукт, целенаправленно формируемый исполнительными и законодательными властями всех уровней во взаимодействии с основными стейкхолдерами в первую очередь из сфер бизнеса, науки, образования и активной части гражданского общества. Сделан вывод, что в течение текущего легислатурного периода неэффективность хозяйственно-политической деятельности федерального правительства, в т. ч. диалога с указанными субъектами, а также накопившиеся за последние десятилетия структурные проблемы в народнохозяйственном комплексе стали основными причинами снижения конкурентоспособности немецкого штандорта. Перспективы перелома данной тенденции остаются неопределенными. В случае сохранения слабой исполнительной власти в Берлине после выборов в бундестаг в феврале

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мире-устройстве».

2025 г. и отсутствия конструктивного взаимодействия со штандортными субъектами существует угроза, что Германия в среднесрочной перспективе останется «большим человеком» Европы.

Ключевые слова. Германия, Европейский союз, экономический штандорт, пространство, кризис, политика хозяйственного порядка, конкуренция

DOI: 10.31857/S020170832406007X

Германская экономика в зеркале доклада М. Драги

Опубликованный в сентябре 2024 г. доклад М. Драги о конкурентоспособности Евросоюза¹ был сразу проанализирован в ведущих российских академических институтах. Например, член-корр. РАН О.В. Буторина указала на постановку авторами доклада в рамках нового политико-экономического цикла Евросоюза весьма трудной задачи обеспечения экономического роста и улучшения конкурентных позиций европейских компаний. На этом пути стоит ряд объективных препятствий, включая поиск источников требуемых средств для капиталовложений, ограниченность общего бюджета ЕС и негибкость механизмов принятия решений². Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН А.П. Портанский подчеркнул, что на фоне реальной угрозы экономического отставания Евросоюза от главных конкурентов (США и Китая) решающим фактором становится наличие воли политического класса ЕС для конкретных действий³. Предваряя выход доклада М. Драги, А.В. Котов отметил, что новому руководству Евросоюза необходимо разработать стратегию повышения конкурентоспособности, предполагающую координацию имеющихся инструментов, непредвзятую оценку причин снижения производительности труда и слабого развития высоких технологий, поиска источников увеличения инвестиций и путей решения проблемы нехватки рабочей силы, а также повышения жизнестойкости экономики к внешним кризисам [Котов, 2024а]⁴.

¹ The future of European competitiveness – Part A. A competitiveness strategy for Europe. 09.2024. 67 p.; The future of European competitiveness – Part B. In-depth analysis and recommendations. 09.2024. 328 p. Примечательно, что у обеих частей презентованного 9 сентября 2024 г. доклада нет обязательных выходных данных (указания на авторов, издателя и пр.). Частично этот пробел М. Драги восполнил в опубликованной 17 сентября 2024 г. благодарности авторскому коллективу, экспертам, организациям и компаниям, которые приняли участие в подготовке труда. См.: Acknowledgment. URL: <https://clck.ru/3EtYvC> (дата обращения: 21.09.2024).

² Буторина О.В. Доклад Драги прерывает «обед молчания» ЕС. Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. (Выпуск III) № 21. (№ 353). С. 43–51. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32120244351>

³ Портанский А.П. Доклад Драги: медленный экономический рост повышает риски Евросоюза. Актуальные комментарии ИМЭМО РАН. 24.09.2024. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/doklad-dragi-medlenniy-ekonomicheskiy-rost-povishaet-riski-evrosoyuza> (дата обращения: 21.09.2024).

⁴ См. также: Котов А.В. С какой силой звонит колокол? Масштабы деиндустриализации в ЕС. Аналитические статьи РСМД. 10.07.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/s-kakoy-siloy-zvonit-kolokol-masshtaby-deindustrializatsii-v-es/?ysclid=Iz7mopxc6p904244796> (дата обращения: 31.07.2024); Котов А.В., Васильченко А.Д. Реквием или Ода к радости? Об экономическом будущем ЕС в 2024–2029 гг. Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск III) № 21, (№ 353), 2024. С. 20–26. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics31820242026>

Немецкое научное сообщество положительно отнеслось к критическому настрою М. Драги. Руководитель Германского института экономических исследований (*Deutscher Institut für Wirtschaftsforschung, DIW*) М. Фрацшер особо выделил «безжалостное разоблачение экономических и институциональных недостатков Европы»¹, но отметил, что ни один выводов доклада не является новым. Действительно, секретом Полишинеля выступают низкий уровень государственных и частных инвестиций в Евросоюзе в систему образования, инфраструктуру, сферу НИОКР (особенно в инновации и цифровизацию), низкая продуктивность, дефицит квалифицированных кадров, высокие энергетические затраты. Планы Германии и Франции по созданию «национальных чемпионов» до сих пор не реализованы. К окончанию срока деятельности Еврокомиссии не завершены работы по созданию Единого рынка услуг, капиталов, Банковского союза, дерегулированию/дебюрократизации, повышению эффективности государственных закупок (более высокое качество при меньших затратах). Немецкие эксперты считают ситуацию экзистенциальным кризисом европейской экономики и серьезной угрозой для ЕС в глобальной конкуренции с США и Китаем [BDI et al., 2024; Zettelmeyer, 2024].

Второй доклад, в котором внимание уделяется конкретным народнохозяйственным секторам и их роли в обеспечении конкурентоспособности экономики Евросоюза, вызвал особый интерес научной общественности ФРГ². М. Драги призывает к трансформации нескольких ключевых отраслей. Во-первых, в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта ЕС заметно отстает от США и Китая: только 4 из 50 крупнейших мировых технологических компаний находятся в Европе. Во-вторых, энергетический переход к углеродно-нейтральной экономике требует вместе с комплексной дигитализацией ежегодных инвестиций в 750–850 млрд евро. В-третьих, обновление промышленной стратегии Евросоюза с переносом приоритетов на декарбонизацию, поддержку местного производства, а также ужесточение торговой политики с ориентацией на локализацию и стимулирование роста внутри ЕС должно сократить зависимость от глобальных цепочек поставок [см. Сергеев, Сорока, 2024; Громыко, 2023]. В-четвертых, создание Единого рынка капиталов при одновременном упрощении регулирования финансовой сферы обеспечит условия для привлечения долгосрочных частных инвестиций в ключевые отрасли экономики. В-пятых, необходимо увеличить финансирование образования и НИОКР, а также улучшить координацию деятельности стран-членов в этом направлении [Mariotti 2024].

Актуальные вызовы для германского экономического штандорта

В ФРГ к докладу М. Драги проявлен значительный интерес не только со стороны научного сообщества. Во многом отражая проблемы немецкого хозяйственно-политического пространства, активно обсуждаемые в последние годы, он привлек пристальное внимание политиков, предпринимателей, экспертов и граждан. Речь идет о

¹ Fratzscher M. Der Draghi-Report als Weckruf für Deutschland: Kommentar. DIW Wochenbericht 38 / 2024. S. 600. DOI: https://doi.org/10.18723/diw_wb:2024-38-3

² Draghi-Bericht zur Zukunft der Wettbewerbsfähigkeit der EU. BMWK-Schlaglichter. 2024. N 10. S. 8–12. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Infografiken/Schlaglichter-der-Wirtschaftspolitik/2024/10/04-download.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 21.09.2024).

снижении привлекательности германского экономического штандорта, его деиндустриализации, дефиците рабочей силы, высоких производственных издержках и налогах, инфляции, дирижизме и др.¹

С одной стороны, обозначенные негативные процессы выступают следствием структурных проблем, которые накапливались в германской экономике и не решались в течение последних десятилетий, с другой – результатом желания участников «светофорной» коалиции соединить социальные, экологические и рыночные подходы в рамках единой хозяйственной политики. Построенная на непримиримых компромиссах коалиция изначально не имела шансов стать успешной. На первый план представители партии «Союз 90 / Зелёные» выдвинули задачу продвижения к целям климатической нейтральности. Для СДПГ важнейшей целью стало выполнение социально значимых обещаний, которые партия дала гражданам во время предвыборной кампании. СвДП ориентировалась на обеспечение максимально благоприятных условий для предпринимательской деятельности компаний и существования домашних хозяйств. В качестве одной из основных предпосылок для этого либералы рассматривали финансовую стабильность.

Под конкурентоспособностью экономики немецкое политическое, предпринимательское, научное и экспертное сообщества имеют ввиду сильные и слабые стороны экономического штандорта. Под этим термином в политэкономическом или, лучше сказать, экономгеографическом смысле понимается не «место ведения бизнеса» или «приложения капитала» (именно так, как правило, дословно переводят *Wirtschaftsstandort*). Речь идет о конкурентноспособном продукте, сознательно и последовательно формируемым всем ветвями исполнительной и законодательной власти во взаимодействии с основными заинтересованными штандортными субъектами, к которым в первую очередь относятся организованные группы интересов бизнеса, а также представители науки, образования и активной части гражданского общества. Через организованный и модулируемый диалог формируется основанная на «уникальных сравнительных преимуществах» штандортная экономическая модель, включая механизм и инструментарий функционирования и продвижения внутри и за пределами страны. Главная цель – создание максимально благоприятных условий для удержания основных производственных факторов в сформированном хозяйственно-политическом пространстве и привлечения новых. В силу того что оно постоянно находится под воздействием различных внутренних и внешних процессов, представители государства вместе с заинтересованными участниками в целях сохранения преимуществ внимательно отслеживают его состояние и при необходимости производят тонкую настройку тех или иных элементов модели².

¹ В августе 2024 г. – накануне презентации доклада М. Драги – исполнилось 25 лет публикации в журнале «Экономист» (*Economist*) статьи, в которой Германия была названа «больным человеком Европы». Уже в августовском номере 2023 г. его сотрудники обратили внимание на то, что есть все основания вновь так называть немецкую экономику.

² Хозяйственно-политический штандортный подход в немецкоязычных частях Европы зародился во второй половине XX в. В Германии, Австрии и Швейцарии пространственный инструментарий стал успешно реализовываться в конце XX в. Его универсальность и эффективность привлекли к вниманию США, Китая и ряда европейских стран, которые стали использовать штандортный механизм в экономической политике, все больше встраивая в нее многофакторный пространственный подход. Термин используется в русскоязычной (в т. ч. советской) экономической литературе с начала XX в.

Конкурентоспособность хозяйственного штандорта Германии – многогранная тема, затрагивающая различные аспекты экономики, политики и общества и имеющая несколько измерений [Белов, 2024: 21; Котов, 2024b: 294–297]. С точки зрения хозяйствования, определяющими являются рамочные условия, которые в ордолиберализме относятся к т. н. хозяйственному порядку. Для экономических субъектов и домашних хозяйств важнейшими являются налоговые, монетарные, административные. Наряду со стабильной и предсказуемой политической и правовой системой следующие характеристики германского штандорта на протяжении десятилетий позволяли относить его к одной из ведущих мировых экономик:

- высокий уровень технологического развития и производственных процессов особенно в промышленности (автомобиле- и машиностроение, химия, электротехника, электроника, точная механика);
- инновации и исследования, частные и государственные инвестиции в НИОКР, тесное сотрудничество университетов и научных учреждений с бизнесом, в т. ч. во внедрении ноу-хау в производственные процессы;
- квалифицированная рабочая сила, источником которой является система дуального образования (сочетание профессионального обучения и работы на производстве);
- высококачественная транспортная и коммуникационная инфраструктура в сочетании с высокопрофессиональной логистической сферой;
- экспортная ориентация германской экономики, гарантия качества и надежности (знак «Сделано в Германии»);
- энергетическая и цифровая трансформация, активный переход на возобновляемые источники энергии, дигитализация промышленности (Индустрия 4.0), ориентация на цели устойчивого развития и стимулирование развития новых отраслей и технологий.

Однако в последние годы конкурентоспособность экономики Германии столкнулась с рядом непростых вызовов. Среди них – демографические изменения, связанные со старением населения, ведущие к дефициту рабочей силы и увеличению социальной нагрузки на государственный бюджет; высокие издержки на оплату труда; зависимость от внешних энергоносителей, высокая стоимость электричества (проблема для энергоемких отраслей промышленности)¹; поликризисы (пандемийный, миграционный и др.); рост глобальной конкуренции особенно со стороны развивающихся стран, изменение мировых торговых и инвестиционных потоков. Оставаясь на относительно высоком уровне, конкурентоспособность хозяйственного штандорта Германии требует в последние годы постоянной адаптации к новым внешним и внутренним условиям хозяйствования, одним из следствий которых стали риски деиндустриализации.

В рейтинге Глобального индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума (*World Economic Forum, WEF*) Германия в 2019–2020 гг. уже начала те-

¹ В первом квартале 2024 г. средняя цена электроэнергии для промышленных потребителей в Китае составляла около 8,1 евроцента за кВт·ч, США – 13,2, что существенно ниже аналогичных показателей в Германии – примерно 22,3 евроцентов за кВт·ч. Такая значительная разница позволяет американскому и китайскому штандортам сохранять конкурентные преимущества особенно в энергоемких отраслях: более низкие затраты на электричество существенно снижают себестоимость продукции. Electricity prices for the industry: world map. GlobalPetrolPrices. 26.10.2024. URL: https://www.globalpetrolprices.com/map/electricity_industrial/ (дата обращения: 26.10.2024).

рядь позиции по ключевым показателям, особенно в отношении инноваций и гибкости регулирования. Например, в последнем опубликованном отчете *WEF* (декабрь 2020 г.) у ФРГ была более слабая динамика в адаптации к цифровым и инновационным процессам по сравнению с США и рядом азиатских стран¹. После некоторого прогресса в 2021–2022 гг. немецкий штандорт откатился на несколько мест вниз. Согласно оценкам конкурентоспособности Международного института управленческого развития (*International Institute for Management Development, IMD*), он переместился с 15 места в 2022 г. на 22-е в 2023 г. и на 24-е в 2024 г. (среди 67 государств). Падение обусловлено ухудшением с 2023 г. всех ключевых компонентов конкурентоспособности: по экономической эффективности – снижение с 11 места на 15-е, эффективности государственного управления – с 21 на 28-е, бизнес-эффективности – с 36 на 39-е, инфраструктуре – с 17 на 18-е. Внутри этих групп особенно проблемными оказались следующие категории: налоговая политика – 62 место, корпоративная культура и ценности (*Attitudes & Values*) – 60-е, цены – 53-е, управленческие практики – 39-е, деловое законодательство (*Business Legislation*) – 38-е, технологическая и базовая инфраструктура – 37 и 35-е места соответственно, рынок труда – 36-е, государственные финансы – 27-е, образование – 26-е, производительность и эффективность – 25-е².

Реакция государства и бизнеса на ухудшение условий хозяйствования

Штандортный подход – совокупность взаимодействия/взаимопроникновения всех составляющих экономической политики, авторов, исполнителей и неформальных контролеров-наблюдателей. Ведущая роль в итоговой точечной настройке рамочных условий объективно принадлежит исполнительной и законодательной власти. Определяющим в отношении содержания (что и как делать для сохранения и повышения конкурентоспособности германского штандорта) является позиция предпринимательских групп интересов, активность которых в кризисные периоды существенно возрастает. В Германии к ведущим организациям, объединяющих эти группы, относятся: Федеральный союз немецкой промышленности, Федеральное объединение союзов немецких работодателей, Немецкая промышленно-торговая палата, Центральное объединение немецких ремесленных палат, Ассоциации семейных компаний, профсоюзы и ряд других. В 2023–2024 гг. они развернули многочисленные дискуссии вокруг трудностей, с которыми сталкивается немецкая экономика, включая рост стоимости энергии, налоговое давление, нехватку рабочей силы [см., например: Белов, 2023; BDI et al., 2024]. Основные требования не отличаются новизной. Среди них – необходимость значительных инвестиций в инфраструктуру, дигитализацию, в профессиональную подготовку и программы, поддерживающие развитие малых и средних фирм, введение налоговых льгот и облегчение регуляторных требований. Именно они, по мнению бизнеса, становятся решающим фактором для поддержания конкурентоспособности Германии.

¹ Global Competitiveness Report Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery. WEF. 16.12.2020. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-global-competitiveness-report-2020/> (дата обращения: 27.08.2024).

² IMD World Competitiveness Booklet 2024. IMD. 06.2024. URL: https://imd.widen.net/content/rjlc6fl2jl/pdf/booklet_wcy_2024.pdf (дата обращения: 27.08.2024).

Явную обеспокоенность власти и бизнеса вызвало прошлогоднее (ноябрь 2023 г.) решение Конституционного суда Германии, признавшего использование 60 млрд евро для финансирования Климатического и трансформационного фонда неконституционным [Белов, 2023]. Это увеличило риски снижения финансовой поддержки частного бизнеса. Предпринимательские группы потребовали от исполнительной власти поиска новых средств для продолжения реформ, направленных на усиление привлекательности германского штандорта. Одной из препятствий – закрепленный в Основном законе ФРГ инструмент под названием «долговой тормоз», напрямую связанный с таким аспектом как инвестиционная деятельность государства. Вложения последнего обеспечивают инфраструктурную поддержку деятельности хозяйствующих субъектов. И именно в этой сфере в последние десятилетия в Германии возникли проблемы, в т. ч. по причине относительно низкой государственной инвестиционной квоты (немногом более 2%). В других европейских странах, например Дании, Швеции и Австрии, доля государственных инвестиций в ВВП выше и направляются они в первую очередь в инфраструктурные проекты и поддержку инноваций, что стимулирует приток иностранных инвестиций и положительно сказывается на конкурентоспособности. Согласно оценкам Института германской экономики и Института макроэкономики и исследования конъюнктуры, в последующие десять лет ФРГ потребуется 597 млрд евро капиталовложений для модернизации и расширения ключевой инфраструктуры, включая развитие железнодорожных и автомобильных магистралей (100 млрд), ускорение энергетического перехода, особенно в рамках целей по климату (более 200 млрд), модернизацию коммунального сектора и его общественного транспорта (около 200 млрд), а также школ и университетов (40 млрд)¹. Будущий источник необходимых средств немецкое государство пока не определило.

В начале осени 2023 г. правительство разработало программу поддержки бизнеса под названием «Пакт Германия». Постепенно её основные положения трансформировались в программу «Инициатива роста», которая начала действовать с середины лета 2024 г.² К этому времени экономическая ситуация в ФРГ ухудшилась ещё больше. Продолжилось квартальное снижение ВВП (прогноз ведущих институтов – минус 0,1% на 2024 г., + 0,8% на 2025 г., +1,1%³ 2026 г.) и падение экспорта товаров, вырос пессимизм среди экспертного и предпринимательского сообщества, обострилась дискуссия вокруг «долгового тормоза». Возросло количество банкротств среди «скрытых чемпио-

¹ Dullien S., Iglesias S., Hüther M., Rietzler K. Herausforderungen für die Schuldenbremse. Investitionsbedarfe in der Infrastruktur und für die Transformation. IW-Policy Paper Nr. 2. 05.2024. Köln. 17 S. В 2019 г. аналогичная оценка инвестиционной потребности для модернизации германского штандорта на такой же период составляла 457 млрд евро. Bardt H., Hüther M. Für eine solide Finanzpolitik. Investitionen ermöglichen! IW-Policy Paper Nr. 10. 11.2019. Köln. 23 S.

² Цель программы – укрепление конкурентоспособности немецкого хозяйственного штандорта и создание условий для восстановления его экономической динамики. Программа включает комплекс из 49 мер, направленных на поддержку инвестиций в инфраструктуру, цифровизацию, переход к климатической нейтральности, а также на развитие образования и инноваций. См.: Белов В.Б. Экономическая политика Германии (лето 2024 г.). Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 117: июнь – август 2024. С. 22.

³ Prognosen zur Entwicklung des realen Bruttoinlandsprodukts (BIP) in Deutschland für die Jahre von 2024 bis 2026 (gegenüber Vorjahr). Statista. 09.2024. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/73769/umfrage/prognosen-zur-entwicklung-des-deutschen-bip/> (дата обращения: 30.09.2024).

нов». О решениях закрытия предприятий и переносе части производственных активов в другие страны стали заявлять системные экономические игроки.

Предпринятые в конце 2024 г. попытки «светофорной» коалиции наладить штандортный диалог с бизнес-группами запоздали и не привели к ожидаемым результатам. О. Шольц, Р. Хабек и К. Линднер не смогли достигнуть договоренности о единой позиции и согласованных шагах. Канцлер организовал промышленный саммит; министр финансов накануне его проведения встретился с бизнесменами, не попавшими на мероприятие; глава минэкономики предложил не подкрепленный бюджетными средствами и не согласованный с партнерами план по предоставлению инвестиционных премий всем желающим. В итоге в Германии активизировалась дискуссия о скором развале «светофорной» коалиции.

На фоне разногласий немецкое предпринимательское сообщество и профсоюзы выразили неудовольствие отсутствием единого переговорщика в лице исполнительной власти. Очередную попытку наладить штандортный диалог с бизнесом О. Шольц планирует предпринять в феврале 2025 г. Однако встреча с представителями ведущих компаний, промышленности, профсоюзов и промышленных ассоциаций пройдет в контексте предвыборной кампании в бундестаг, а значит будет связана не с поиском реальных решений повышения конкурентоспособности, а с предоставлением привлекательных обещаний.

Выводы

Германия останется в среднесрочной перспективе ведущим хозяйственно-политическим и социально-экономическим пространством в Евросоюзе и продолжит определять основные характеристики конкурентоспособности интеграционного объединения. Начиная с 2020 г. немецкий штандорт оказался под воздействием нескольких поликризисов, имеющих не только объективный (например, пандемия), но и субъективный характер (например, отказ от российских энергоносителей). Они снизили его конкурентные преимущества, что привело к проблемам удержания в германском пространстве внутренних производственных факторов и привлечения внешних (капиталов, рабочей силы).

Попытки исполнительной и законодательной власти в текущем легислатурном периоде адекватно реагировать на вызовы, внести изменения в регулирование рамочных условий не нашли отражения в поведении/реакции экономических субъектов и домашних хозяйств. В немецкой экономике в 2023–2024 гг. не только обозначились намерения бизнеса к выводу ряда производств в другие хозяйственные локации. Предприниматели стали переходить к практической реализации заявленных планов/намерений, а понятие «деиндустриализации» стало наполняться конкретным содержанием.

Германская исполнительная и законодательная власть вполне способна замедлить, но не остановить этот процесс. Доля индустриального сектора в ВВП Германии в последующие годы и десятилетия будет сокращаться, что среди прочего соответствует целеполаганию энергетической и цифровой трансформации Евросоюза и ФРГ и формирования новой модели хозяйствования, построенной на постулатах углеродной нейтральности.

При эффективном взаимодействии всех участников штандортного диалога и воплощении согласованных результатов Германия может рассчитывать не только на вос-

становление, но и на повышение конкурентоспособности хозяйственно-политического пространства. Однако на практике с учетом перспектив создания в следующем легислатурном периоде очередной проблемной правительственной коалиции и сохранении существующих бюджетных ограничений для финансирования инвестиций этот вариант вызывает существенные сомнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2023) Перспективы хозяйственного штандорта в условиях кризиса экономической политики «светофорной» коалиции в ФРГ. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 63–77. DOI: 10.15211/vestnikieran620236377

Белов В.Б. (2024) Становление Германии как международного космического штандорта. *Современная Европа*. № 5. С. 21–35. DOI: 10.31857/S0201708324050024

Котов А.В. (2024а) Геоэкономический поворот: приоритеты политики новой Еврокомиссии. *Современная Европа*. № 5. С. 150–161. DOI: 10.31857/S0201708324050127

Котов А.В. (2024б) *Стратегическое пространственное развитие в Европейском союзе*. РАН, Москва. 424 с.

Громыко Ал.А. (ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. Институт Европы РАН; Издательство «Весь Мир», Москва. 508 с.

Сергеев Е.А., Сорока К.В. (2024) ЕС как торговая сила: настройка инструментов внешнеэкономической политики. *Современная Европа*. № 4. С. 73–86. DOI: 10.31857/S0201708324040065

Mariotti S. (2024) «Open strategic autonomy» as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly? *Journal of Industrial and Business Economics*. DOI: 10.1007/s40812-024-00327-y

BDI, BCG, IW (2024) *Transformationspfade für das Industrieland Deutschland. Eckpunkte für eine neue industriepolitische Agenda*. BDI. 10.09. 194 S. URL: <https://bdi.eu/artikel/news/transformationspfader-fuer-das-industrieland-deutschland-studie-langfassung> (дата обращения: 21.09.2024).

Zettelmeyer J. (2024) Is Mario Draghi's EU competitiveness report the landmark plan that was promised? *Bruegel*. 13.09. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/draghis-pitch-improve-competitiveness-energy-intensive-industry> (дата обращения: 21.09.2024).

Competitiveness of Germany's Economic and Political Space

V.B. Belov

Candidate of Sciences (Economics)

Member of Director Board of IE RAS, Chief of Department for countries researches and of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract. Germany's economic Standort, as a crucial component of the European Union's broader economic and political space, largely shapes its competitiveness. In his September 2024 report on this topic, Mario Draghi gave special, though understandably insufficient, attention to Germany's role. This article aims to provide a comprehensive analysis of the competitive strengths and weaknesses of Germany's economy. The author employs a spatial approach, viewing the German economy as a Standort product, intentionally shaped by the executive and legislative authorities at all levels, in collaboration with key stakeholders from business, academia, education, and active segments of civil society. The author concludes that inefficiencies in the federal government's economic and political activities, including inadequate dialogue with stakeholders, along with structural problems accumulated over recent decades in the national economy, have been major contributors to the decline in Germany's competitiveness. Prospects for reversing this neg-

ative trend remain uncertain. Without stronger leadership in Berlin and more effective Standort collaboration, there is a risk that Germany in the medium term may continue to be the «sick man of Europe».

Keywords: Germany, European Union, economic Standort, space, crisis, Ordnungspolitik, competition

DOI: 10.31857/S020170832406007X

REFERENCES

Belov V.B. (2023) Perspektivy khozyaistvennogo shtandorta v usloviyakh krizisa ekonomicheskoi politiki «svetoforni» koalitsii v FRG [Prospects for Germany's Economic Standort in the Context of the Economic Policy Crisis of the «Traffic Light» Coalition in Germany], *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 6, pp. 63–77. DOI: 10.15211/vestnikieran620236377 (In Russian).

Belov V.B. (2024) Stanovlenie Germanii kak mezhdunarodnogo kosmicheskogo shtandorta [Formation of Germany as an International Cosmic Standort], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 21–35. DOI: 10.31857/S0201708324050024 (In Russian).

Gromyko A.I. (ed.) (2023) *Evropa v global'noi peresborke* [Europe in Global Reshuffling], Institut Evropy RAN; Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Kotov A.V. (2024a) Geoekonomicheskii povорот: priority politiki novoi Evrokomissii [Goeconomic Shift: Policy Priorities of the New European Commission], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 150–161. DOI: 10.31857/S0201708324050127 (In Russian).

Kotov, A.V. (2024b) *Strategicheskoe prostranstvennoe razvitie v Evropeiskom soyuze* [Strategic Spatial Development in the European Union], Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian).

Mariotti, S. (2024) «Open strategic autonomy» as an industrial policy compass for the EU competitiveness and growth: The good, the bad, or the ugly?, *Journal of Industrial and Business Economics*. DOI: 10.1007/s40812-024-00327-y

Sergeev E.A., Soroka K.V. (2024) ES kak trgovaya sila: nastroyka instrumentov vneshneekonomicheskoi politiki [The EU as a Trade Power: Tuning Foreign Economic Policy Instruments], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 73–86. DOI: 10.31857/S0201708324040065. (In Russian).

BDI, BCG, IW (2024) *Transformationspfade für das Industrieland Deutschland. Eckpunkte für eine neue industriepolitische Agenda*, BDI, 10.09. URL: <https://bdi.eu/artikel/news/transformationen-pfade-fuer-das-industrieland-deutschland-studie-langfassung> (accessed: 21.09.2024).

Zettelmeyer J. (2024) Is Mario Draghi's EU competitiveness report the landmark plan that was promised?, *Bruegel*, 13.09. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/draghis-pitch-improve-competitiveness-energy-intensive-industry> (accessed: 21.09.2024).

УДК 339.98

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

© 2024 **КОНДРАТЬЕВА** Наталия Борисовна

Кандидат экономических наук, доцент

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Статья посвящена экономическим аспектам современных трансатлантических отношений в канун президентских выборов в США 2024 г. С помощью описательной статистики дана оценка роли и места трансатлантической экономики в мире в показателях валового продукта, экспортно-импортных операций, торговли филиалов США и ЕС и инвестиционной активности. Затронута тема взаимосвязанности экономики. Указано, что стороны остаются друг для друга основным источником благополучия. На этой основе высказаны гипотезы по поводу причин перезапуска диалога и его неустойчивости. С учетом логики известных интеграционных теорий отмечена предрасположенность США и ЕС к институционализации отношений с формированием общих норм. Однако незначительные преимущества на стороне США в соотношении выгод от экономического интегрирования – фактор неустойчивости и возможность для дальнейшей конкуренции в рамках трансатлантической экономики. На основе анализа официальных отчетов о деятельности Совета по торговле и технологиям США–ЕС и других документов сформулировано авторское видение цели диалога – обкатка политических инноваций, способствующих завершению перехода трансатлантической экономики в шестой технологический уклад и удержанию ее лидерских позиций в мире.

Ключевые слова: трансатлантическая экономика, трансатлантические отношения, интегрирование, экономическое регулирование, политические инновации, технологическое лидерство, ЕС, США, Совет по торговле и технологиям

DOI: 10.31857/S0201708324060081

Отказ США и ЕС от переговоров о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве – решение, принятое еще в период президентства Барака Обамы, – спровоцировало в научной среде обсуждение причин недоговороспособности двух сильнейших экономик мира [Кондратьева, 2017; Мамедова, 2020; Портанский, 2019; Сидоров 2016]. Были выявлены принципиальные отличия в подходах сторон к регулированию торговли и конкуренции. Один из выводов гласит, что отказ от Партнерства знаменует переход от конкуренции стран к конкуренции моделей экономического разви-

тия [Кондратьева, 2017: 12]. Тем самым предсказана автономизация экономического развития, ставшая яркой характеристикой нынешнего периода.

В условиях последующего значительного изменения геополитической ситуации в мире конкуренция за долю трансатлантического рынка и отличия в экономическом управлении США и ЕС отошли на второй план. На первый вышла проблематика относительного ослабления их позиций на фоне укрепления других регионов мира, особенно крупных стран, образующих ядро БРИКС. Диалог был возобновлен, чтобы подготовить ответ на новые обстоятельства.

Президентство Джо Байдена дало возможность привнести в трансатлантические отношения весьма обширную повестку [Перова, 2023; Шариков, 2024]. Тем не менее многие эксперты посчитали итоги работы Совета по торговле и технологиям (Совет учрежден летом 2021 г. на саммите США – ЕС в Брюсселе) номинальными и не способными привести к кардинальным переменам, отмечая, что «аппетит США к глубокому взаимодействию слаб». Вместе с тем исследователи считают американские выборы 2024 г. судьбоносными для трансатлантических отношений [Cha, Szechenyi, 2024: VI].

При любом исходе выборов этот диалог будет изощренным, насыщенным различными нюансами, так как обе стороны отличаются изобретательностью в поиске методов воздействия на экономическую и политическую конъюнктуру. Есть вероятность, что диалог двух экономических гигантов станет злонамеренным по отношению к внешним конкурентам.

В чем загадка трансатлантических отношений? Какова основа, определяющая на них спрос, невзирая на противоречия? Каковы их сегодняшние цели, методы и результаты? Могут ли переговоры вновь прерваться при смене администрации США? Эти вопросы легли в основу предпринятого автором исследования. В первой части анализа дана статистическая оценка совокупной мощи трансатлантической экономики и кооперационных связей. Далее обобщены документы, связанные с работой Совета, позволяющие сформулировать авторское видение целей и результатов, достигнутых в канун президентских выборов в Соединенных Штатах.

Концептуальный подход

Произошедшая в последние годы институционализация трансатлантических экономических отношений покоится на твердых основаниях. Имеется в виду формирование общих норм и выработка совместных политических решений для реагирования на внутренние потребности и внешние вызовы (в т. ч. методов, которые могли бы обострить глобальную конкуренцию и укрепить технологическое лидерство). В основе трансатлантической экономики – совокупная экономическая мощь, высокий потенциал обрабатывающей промышленности, инфраструктуры финансов и связи, университетская база, благоприятствующие внутриотраслевой торговле. Масштабы рынка обеспечивают трансатлантической экономике рост доходов. Схожая структура платежеспособного спроса и высокий уровень разнообразия предложения товаров и услуг позволяют США и ЕС достигать оптимального результата именно при взаимодействии, т. е. стороны предрасположены к внутрифирменной кооперации. В целом эволюция трансатлантических отношений иллюстрирует ряд теорий международной торговли и экономической интеграции, а именно: теории пересекающегося спроса С. Линдера [Linder, 1961], внутриотраслевой торговли Б. Балассы [Balassa, 1966], международного интегрирования и сращивания национальных рынков Ю.В. Шишкова [Шишков, 2001]. Теории, нашедшие

отклик, главным образом, в исследованиях европейской интеграции, демонстрируют широкую область применения в трансатлантической экономике.

На экспертном уровне еще в начале 2000-х гг. было отмечено, что глубокая взаимная экономическая интегрированность США и ЕС без мер общей политики не может справиться с проблемами, возникающими, когда две экономические модели сталкиваются друг с другом. Бизнес по обе стороны Атлантики требует (посредством опросов¹ заинтересованных сторон) организации отношений, адекватно отражающей потребности [Hamilton, Quinlan, 2005]. Возврат США и ЕС за стол переговоров – это осознанная необходимость проведения общей политики, объяснимая логикой политических интеграционных теорий.

Исследователи, хорошо знакомые с европейской интеграционной проблематикой, оценивают роль ЕС в диалоге с США как лидерскую [Müftüler-Baş, Cihangir, 2012] – роль ведущего со значительным опытом регулирования, накопленным процессе выработки наднациональных полномочий. С этим мнением можно частично согласиться, изучив темы и предложения нынешней трансатлантической повестки. В ней узнаваема внутренняя повестка Евросоюза, которая оттачивалась два последних десятилетия. Кажется, что США ведомы и уже согласились с тем, что трансатлантическая экономика должна быть устойчивой, безотходной, низкоуглеродной, цифровой, стратегически защищенной, автономной и т. д. Однако для США главным принципом останется плюрализм. Все остальное будет скорее исключением, чем правилом.

Размеры трансатлантической экономики

Экономики ЕС и США глубоко переплетены и выступают источником ресурсов роста друг для друга. Трансатлантическая экономика – самостоятельный предмет мониторинга и научных оценок. Выходят подробные статистико-аналитические отчеты американской и европейской торгово-промышленных палат в сотрудничестве с университетом Джонса Хопкинса, Йельским университетом, Парижским Институтом политических исследований «Сьянс По» и другими мозговыми центрами. В отчете 2024 г. совокупная мощь трансатлантической экономики оценена в 8,7 трлн долл. [Hamilton, Quinlan, 2024: V–VIII], включая обороты торговли, производство и инвестиции. В подсчет включены Британия и страны Европейского экономического пространства (ЕЭП) – Швейцария, Исландия и Норвегия.

2023 г. – рекордный по таким показателям, как продажи товаров европейских филиалов американских компаний – 3,8 трлн долл., продажи американских филиалов европейских фирм – 3,1 трлн долл. (2022 г. был столь же прибыльным для деятельности филиалов сторон). Рекордных значений достиг товарооборот – 1,22 трлн долл. Он вдвое превысил товарооборот США и Китая (почти 600 млрд долл.), и существенно превысил объем торговли товарами Евросоюза и КНР в 800 млрд долл. Кроме того, США стали крупнейшим поставщиком энергоресурсов для Евросоюза. На их долю пришлось половина импорта сжиженного природного газа (60% американского экспорта СПГ, что вдвое больше поставок в Азию), или 20% от общего объема импорта газа в ЕС. Евросоюз стал также крупнейшим покупателем сырой нефти у США. После февраля 2022 г.

¹ The AmCham Germany Transatlantic Business Barometer. Munich. Roland Berger. 2024. 22 p. URL: <https://www.rolandberger.com/en/Insights/Publications/AmCham-Germany-Transatlantic-Business-Barometer-2024.html> (дата обращения: 15.10.2024).

поставки нефти из Соединенных Штатов в ЕС выросли на 80% (по результатам года на них пришлось 12% европейского нефтяного импорта и почти 20% европейского импорта нефтепродуктов; доля России в европейском импорте нефти и нефтепродуктов снизилась с почти 45% в 2021 г. до менее чем 4% в 2023 г.).

Таблица 1

Продажи филиалов США и ЕС на территории друг друга в сравнении с экспортом и импортом (1992–2022 гг.), трлн долл.

Год	Товары				Услуги			
	Продажи филиалов США на территории ЕС	Экспорт США в ЕС	Продажи филиалов ЕС на территории США	Импорт США из ЕС	Продажи филиалов США на территории ЕС	Экспорт США в ЕС	Продажи филиалов ЕС на территории США	Импорт США из ЕС
1992	0,8	0,2	0,6	0,2	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
2002	1,3	0,3	1,2	0,4	0,3	0,1	0,3	0,1
2012	2,8	0,6	2,2	0,6	0,6	0,2	0,5	0,2
2022	3,8	0,9	3,1	1,0	1,0	0,4	0,8	0,3

Примечание: нет доступных данных в источнике; в расчет включены Британия и ЕЭП.
Составлено по: [Hamilton, Quinlan, 2024: 21, 25].

Дефицит торгового баланса США товарами в размере примерно 200 млрд долл. частично выравнивается положительным салдо в сфере услуг приблизительно в 100 млрд долл. Истинные размеры и балансы торговли с более значительным перевесом Соединенных Штатов видны с учетом деятельности филиалов на территории друг друга (Табл. 1). Так, если экспорт товаров ЕС в США немного опережает американский экспорт в ЕС, то продажи филиалов США на территории ЕС заметно превышают продажи филиалов ЕС в США. В итоге выигрыш на стороне Вашингтона.

Деятельность филиалов в несколько раз увеличивает доходность трансатлантической экономики и в несколько раз выше прибылей от традиционной экспортной деятельности. Так, в торговле товарами продажи филиалов США в ЕС в четыре раза превышают экспорт, а продажи филиалов ЕС в США – в три раза. В экспорте и импорте также высоко значение внутрифирменной кооперации. В сфере услуг наблюдается схожая тенденция – двукратное и в отдельные годы даже трехкратное преимущество за счет деятельности филиалов, а не за счет экспорта.

Трансатлантическая экономика демонстрирует высокие относительные показатели с несущественным снижением за два последних десятилетия – треть общемирового ВВП (судя по данным источника, сокращение неочевидное), четверть мирового экспорта, треть импорта. К региону обращено главное внимание инвесторов (60% общемировых прямых иностранных инвестиций и чистых кредитов, предоставленных предприятиям-резидентам в США и ЕС). Регион сам является главным инвестором (70% мировых прямых инвестиций и чистых займов, предоставленных предприятиям в зарубежных странах) (Табл. 2).

Каждая из сторон вложила значительную часть своих средств именно в экономику другой стороны. Например, в 2022 г. прямые инвестиции США в ЕС (а точнее в ЕЭП и Британию) превысили вложения в Китай в 21 раз, а за первые 10 месяцев 2023 г. – в 20 раз.

Таблица 2

**Доля трансатлантической экономики в мировой экономике по паритету
покупательной способности в 2006–2022 гг., %**

Год	ВВП, по ППС	Экспорт*	Импорт*	Прямые иностранные инвестиции		Слияния и поглощения	
				привлеченные	вывезенные	продажи	Приобретения
2006	38,2	28,1	38,2	62,5	76,1	70,8	74,4
2007	45	23	30	61	74	74	75
2009	42,1	28,2	33,4	62,9	75,3	69,4	48,5
2012	39,6	24,7	30,2	55,4	69,5	65,8	31,0
2013	34,5	25,3	29,2	56,8	70,2	55,2	18,7
2015	33,5	27,4	31,3	57,4	66,4	81,0	59,8
2016	32,9	28,1	32,5	56,1	64,3	84,4	58,7
2017	32,5	27,2	32,1	57,6	64,6	75,6	44,6
2018	32,2	26,7	31,9	58,2	62,8	70,5	72,6
2019	34,5	27,0	32,2	60,5	63,8	69,2	54,9
2020	33,8	26,4	32,8	63,5	64,8	72,5	71,1
2021	33,6	25,0	31,5	64,6	64,7	74,3	66,7
2022	33,4	24,6	33,0	57,7	61,5	69,1	59,3

Примечание: данные по экспорту и импорту не включают торговлю внутри ЕС и ЕЭП (ЕС, Исландия, Норвегия и Швейцария), в остальном в расчет включены суммарные показатели по США, ЕС, другим странам ЕЭП и Британии.

Составлено по: Hamilton D.S., Quinlan J.P. The Transatlantic Economy: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe. Washington. Center for Transatlantic Relations. 2008–2024.

URL:

<https://transatlanticrelations.org/publications/>;

<https://archive.transatlanticrelations.org/publicationcat/books/> (дата обращения: 15.10.2024).

Обеспеченные капиталом, обладающие известностью, технологиями, управленческим опытом и обширными логистическими сетями, западные транснациональные корпорации все еще остаются главными участницами сделок по слияниям и поглощениям.

Повестка дня

Оценка, опубликованная вашингтонским Центром стратегических и международных исследований, гласит, что деятельность Совета по торговле и технологиям ведет не к результатам, а к опасному перенасыщению дипломатической среды инициативами [Benson, 2023: 2]. Слишком широкие переговорные рамки включают как новейшие сферы экономики, так и острые вопросы мировой политики. Анализ содержания недавних правовых актов сторон и совместных документов позволяет обобщить результаты и сформулировать значение переговоров для трансатлантической экономики.

Проблема развития металлургической отрасли – головная боль ЕС со времен зарождения европейской интеграции и камень преткновения трансатлантических отношений при Дональде Трампе – дала старт диалогу в 2021 г. Неготовность США идти на тарифные уступки и неприятие Евросоюзом закона о снижении инфляции 2022 г.¹, тем не менее, не повлияли на активность диалога. Закон вызвал лишь споры о несоответствии норм конкуренции по разные стороны Атлантики. Стороны переключили свое внимание на обсуждение преимуществ «зеленого» перехода.

¹ Закон предусматривает поддержку американской зеленой промышленности субсидиями в объеме 400 млрд долл. на десять лет, что деформирует условия предпринимательства и делает их менее выгодными в Евросоюзе. Из субсидирования исключены компании стран, не заключивших с США соглашения о свободной торговле, в т. ч. из ЕС.

Противодействие росту конкуренции со стороны третьих стран и обмен соответствующим опытом заняли центральное место в повестке. Новые подходы одновременно становятся стимулами развития. В частности, в ЕС дальнейшее распространение получили идеи диверсификации поставок и накопления стратегических запасов, кодифицированы защитные меры (санкции, бойкоты, экспортный контроль продукции двойного назначения, инвестиционный скрининг и пр.). Второе дыхание получили концепции, созданные еще во второй половине прошлого века и направленные на экономическое принуждение конкурентов, защиту и развитие критически важных технологий, ресурсов и инфраструктур. Маркетинговая концепция «френдшоринг»¹ выпилась не только в дальнейшее наращивание взаимных связей, но и в расширение круга партнеров. Для этого использовались «Глобальные врата» ЕС, Индо-Тихоокеанская экономическая программа США, Партнерство в области глобальной инфраструктуры и инвестиций Группы семи.

Тема энергетической безопасности активизировала деятельность Энергетического совета (действует с 2009 г.)². В марте 2022 г. создана совместная целевая группа, которая сосредоточилась на вопросах снижения зависимости ЕС от российского сырья и обеспечения перехода на сжиженный газ из США. Через нее координировалось заполнение европейских газовых хранилищ.

В 2022 г. закреплена еще одна институциональная рамка – Трансатлантическая инициатива об устойчивой торговле. Недавний пример – дискуссия «Создание трансатлантического “зеленого” рынка» с участием заинтересованных компаний³, на которой предложено начать согласование стандартов морской ветроэнергетики и продвигать экологические стандарты в каждой отрасли экономики (признание получила маркировка *EPEAT*⁴ для солнечных панелей), в т. ч. выработать общие подходы в сфере поддержки экологически чистых технологий, а также вернуться к обсуждению вопросов промышленной политики в рамках ВТО. Однако накопление идей и результатов внедрения «зеленой» экономики идет дольше, чем планировалось. Каталог передовых практик в области государственных закупок, который собирались выпустить летом 2023 г., был опубликован только весной 2024 г.⁵

В 2023 г. начались переговоры по соглашению об ископаемых минералах. Евросоюз надеется на снижение зависимости от внешних поставок и на интерес США к европейской добывающей промышленности, отвечающей критериям устойчивости (отсутствие вреда окружающей среде, соблюдение социальных норм в производственных процессах). Тем самым Брюссель претендует на отнесение полезных ископаемых, добываемых или перерабатываемых в ЕС, к тем, для которых предусмотрен налоговый

¹ Zhang G. La relation transatlantique à l'ère du “friend-shoring”. Upply. 04.01. 2023. URL: <https://market-insights.upply.com/fr/la-relation-transatlantique-lere-du-friend-shoringa> (дата обращения: 15.10.2024).

² Joint Statement by the U.S. and EU following the 11th U.S.-EU Energy Council. 15.03.2024. URL: <https://www.energy.gov/articles/joint-statement-us-and-eu-following-11th-us-eu-energy-council> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Creating the Transatlantic green marketplace report. EU-U.S. Trade and Technology Council. 31.01.2024. 24 p. URL: https://futurium.ec.europa.eu/system/files/2024-04/A_TIST%20Report%202%20April%202024.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ *Electronic Product Environmental Assessment Tool* – Инструмент экологической оценки электронных продуктов.

⁵ Joint EU-US Catalogue of Best Practices on Green Public Procurement. EU-U.S. Trade and Technology Council Working Group 2 – Climate and Clean Tech. 2024. 36 p. URL: clck.ru/3EsX2o (дата обращения: 15.10.2024).

кредит в рамках закона о снижении инфляции 2022 г. (раздел 30D о «чистых транспортных средствах»).

Анализ показал, что США постепенно присоединяются к политике ЕС, принимают у себя планы по декарбонизации и соответствующие законы¹. Отдельной темой стала инфраструктура зарядки электромобилей. В рамках этого диалога Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии и Аргоннская национальная лаборатория министерства энергетики США опубликовали совместные технические рекомендации по содействию развертыванию соответствующей умной инфраструктуры².

Стороны создали совместный механизм раннего предупреждения о сбоях в цепочках поставок полупроводников и обмена информацией о государственной поддержке. Сначала эксперты критически отнеслись к согласию ЕС с американскими субсидиями этому сектору и аналогичными затратными мерами по его субсидированию в Европе. Эксперты исходили из соображений о выгодах для промышленности по обе стороны Атлантики, которые извлекались ранее от закупки дешевых полупроводников на азиатском рынке [Gros, 2022]. Однако стороны выразили намерение ориентироваться друг на друга, особенно в таких сферах, как космос. В результате запланированный объем субсидий уже не кажется значительным³ и нужны дополнительные усилия. В апреле 2024 г. США и ЕС договорились продлить механизм на три года, поставив цель избежать гонки субсидий с нулевой суммой и ненужной конкуренции предпринимательских режимов и добиться синергии от поддержки инвестиций.

Создана целевая группа для решения вопросов научно-технического сотрудничества в области квантовых технологий. На основе взаимной открытости предполагается получить результат в области создания квантовых компьютеров, полезных для сферы шифрования информации⁴.

В декабре 2023 г. разработана дорожная карта развития мобильной связи шестого поколения⁵. В апреле 2024 г. к ней добавилось соглашение о финансировании исследований и инноваций между Национальным научным фондом США и директором Еврокомиссии, ответственным за вопросы связи и технологий. Также стороны высказали необходимость предотвращать зависимость от ненадежных поставщиков. Таким образом, стороны намерены полагаться друг на друга в поставках услуг связи и при подключении критически важных объектов инфраструктуры, а также разработать план действий в сфере стандартизации. Диалог будет реализовываться на основе сотрудничества с Европейским ко-

¹ Miller J., Sen A., Teter J. Status of vehicle standards in Europe and North America – May 2024. ICCT. Policy update. 12 p. URL: <https://theicct.org/wp-content/uploads/2024/06/TTDS24-Policy-Brief-WEB-A4-65008-v5.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

² Recommendations for Future Public Demonstrations of Vehicle-Grid Integration (VGI) Pilots. EU-U.S. Trade and Technology Council Working Group 2 - Climate and Clean Tech. 03.2024. 14 p. URL: https://futurium.ec.europa.eu/system/files/2024-04/TTC%20WG2_VGI-Demo%20Recommendations%20March%202024_final.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

³ Benson E., Mouradian C., Sicilia G. Transatlantic Cooperation on Semiconductors and AI in 2024. 17.01.2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/transatlantic-cooperation-semiconductors-and-ai-2024> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ Europe's Quantum Frontier. Task Force. European Policy Centre. URL: <https://www.epc.eu/en/projects/Europes-Quantum-Frontier~4e4134> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵ EU-US Beyond 5G/6G Roadmap. ATIS, 6GSNS. URL: <https://6g-ia.eu/wp-content/uploads/2024/01/eu-us-aligned-6g-roadmap-joint-paper.pdf?x44222> (дата обращения: 15.10.2024).

митетом по стандартизации в сфере электросвязи и 3GPP¹. Результатом диалога в сфере платформенного бизнеса стало решение о свободе доступа исследователей².

Интерес представляют результаты, достигнутые в сфере управления искусственным интеллектом (ИИ). Подходы США и ЕС в целом сблизились. Недавно принятые сторонами законы о ИИ направлены на внедрение стандартов безопасности потребителей и защиту личной жизни. Особенность американского исполнительного указа о безопасном ИИ состоит в том, что он уделяет внимание в большей мере оборонным и разведывательным технологиям и вменяет компаниям, разрабатывающим продукцию со встроенным ИИ, уведомлять федеральное правительство и делиться результатами испытаний с целью предупреждения рисков для национальной безопасности³. Указ также обязывает принимать меры по сохранению тайны личной жизни. Европейский закон о ИИ не затрагивает продукцию военного назначения, так как оборона и национальная безопасность относятся к компетенциям государств-членов. Он сосредоточен на классификации рисков и регламентирует случаи нанесения вреда гражданам, а не государствам или экономике. Что касается технической проверки секретов производства, то закон оставляет контроль за национальными компетентными органами. Со стороны ЕС будут действовать управление с полномочиями наложения штрафов, научная группа независимых экспертов и консультативный форум заинтересованных сторон.

Обсуждения проблематики безопасности ИИ вылились в подписание совместное с США рамочной конвенции⁴ Совета Европы 5 сентября 2024 г. Документ полностью соответствует упомянутому закону ЕС. Кроме того, Хиросимский процесс⁵ – инициатива Группы семи – привел осенью 2023 г. к участию США и ЕС в принятии Международных руководящих принципов для организаций, разрабатывающих передовые системы искусственного интеллекта. В целом правительства получили юридическое право использовать ИИ в интересах государственной безопасности.

С апреля 2023 под эгидой Совета по торговле и технологиям в течение года действовала целевая группа «Таланты для роста». Судя по итоговому заявлению⁶, это направление диалога не принесло прорывных достижений. Никаких результатов не достигла и группа, которая должна была разработать рекомендации по доступу малых и

¹ *The 3rd Generation Partnership Project* – Партнерский проект по системам третьего поколения. Объединяет органы стандартизации государств-членов ЕС, США, Японии, Южной Кореи, Китая и Индии. Организация разработала технические спецификации для третьего поколения мобильной связи и инициировал мобильную связь четвертого и пятого поколений.

² Status Report: Mechanisms for Researcher Access to Online Platform Data. 05.04.2024. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/status-report-mechanisms-researcher-access-online-platform-data> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. The White House. 30.10.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. Council of Europe. Treaty Series - No. 225. Vilnius. 05.09.2024. 12 p. URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵ The Hiroshima AI Process. URL: <https://www.soumu.go.jp/hiroshimaaiprocess/en/index.html> (дата обращения: 15.10.2024).

⁶ The Talent for Growth Task Force Statement. 04.2024. 3 p. URL: <https://www.trade.gov/useuttc-taskforce> (дата обращения: 15.10.2024).

средних предприятий к цифровым технологиям. Все, что она смогла сделать за двухлетний период, уместилось в четырех пунктах пожеланий на одной странице¹. Отсутствие результатов – свидетельство диаметральных подходов: США полагаются на действие рыночных сил; для ЕС же малый бизнес и профессиональная подготовка – сферы, в которые открыт практически неограниченный доступ к субсидиям и другим формам правительственной поддержки.

Объем отчетам о трансатлантическом партнерстве добавили положения о решимости защищать права человека и выступать против вмешательства в дела третьих стран, плюрализме и независимости СМИ, гендерном равенстве. Однако эти намерения не подкреплены конкретными решениями.

Выводы

Особенностью двух последних десятилетий стал феномен сраживания хозяйств США и ЕС и удержание трансатлантической экономикой ключевых позиций в мире. Тем не менее в нынешней повестке их отношений преобладает тема реагирования на угрозы со стороны стран, способных оспорить их лидерство и нормативную регуляторную роль.

Соображения экономической безопасности, выдвинутые на передний план в двустороннем диалоге, возобновившемся в 2021 г., диктуют корпоративной Америке и Европе отказаться от включения внешних конкурентов, особенно системных соперников, в стоимостные цепочки. Избирательность при выборе рынков сбыта и поставщиков сырья и полуфабрикатов трактуется как сокращение зависимости. Корпорациям советуют искать технологические способы компенсировать сырьевой голод, удорожание производственных процессов и конечной продукции. Роль диалога заключается в совместном обсуждении необходимых политических решений для поддержки трансатлантической экономики, в т. ч. для ограждения технологического сектора, имеющего критическое значение для защиты, от внешней конкуренции.

Эксперты задаются вопросом о том, не представляет ли переориентация ЕС и США друг на друга аналогичный геоэкономический риск². Ответ очевиден, если вспомнить события на рынке ипотечного кредитования США, которые очень быстро перекинулись на европейские рынки. Соответственно, рынки США могут столь же активно отреагировать на негативные события в ЕС.

По итогам данного исследования определена цель диалога США и ЕС – удержать лидерские позиции. Для этого привлекаются уполномоченные органы власти и компетентные группы, выявляющие проблемы технологического перехода и узкие места. Ожидаемые результаты включают политические инновации, направленные на регулирование торговли и конкуренции; создание общих отраслевых рынков; техническую гармонизацию и унификацию; ускорение технологической, зеленой и цифровой трансформации; укрепление экономической безопасности ЕС и США.

¹ Presentation of Recommendations from the U.S.-EU Trade & Technology Council Working Group on Promoting SME Access to and Use of Digital Tools. 04.2024. URL: <https://clck.ru/3EsYQ5> (дата обращения: 15.10.2024).

² Paris Report 2: Europe's Economic Security. Ed by J. Pisani-Ferry, B. Weder di Mauro, J. Zettelmeyer. Paris, London. CEPR Press. 209 p. URL: <https://cepr.org/publications/books-and-reports/paris-report-2-europes-economic-security> (дата обращения: 15.10.2024).

В числе итогов диалога – сближение позиций Вашингтона и Брюсселя в регулировании ИИ, противодействии климатическим изменениям, развитии декарбонизации и риск-ориентированных подходов. Евросоюз согласился со стимулами и мерами регулирования, практикуемыми в США (в надежде получить от них какой-то выигрыш). Таким образом предпринята попытка переформатировать трансатлантические отношения. Но приведет ли она к желаемым для европейцев результатам, покажет развитие событий после президентских выборов в США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кондратьева Н.Б. (2017) Трансатлантическое партнерство ЕС–США: перспективы *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 8. С. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-5-13.
- Мамедова А.О. (2020) Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: конец проекта или передышка? *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. № 12(4). С. 67–98. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-67-98>
- Перова М.К. (2023) Совет по торговле и технологиям США–ЕС: особенности сотрудничества *Проблемы экономики и юридической практики*. Т. 19. №6. С. 232–238. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-6-232-238
- Портанский А.П. (2019) США–Европа: союзнические отношения под угрозой. *Современная Европа*. № 6. С. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620193039.
- Сидоров А.А. (2016) Трансатлантическая интеграция и проблемы конкурентоспособности развитых стран. *Вестник МГИМО-Университета*. № 3(48). С. 249–257. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-249-257>
- Шариков П.А. (2024) Особенности форматов двустороннего взаимодействия США и ЕС при администрации Дж. Байдена. *Современная Европа*. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0201708324020013
- Шишков Ю.В. (2001) *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ*. III тысячелетие, Москва. 480 с.
- Balassa B. (1966) Tariff Reductions and Trade in Manufacturers among the Industrial Countries. *The American Economic Review*. Vol. 56. No. 3. P. 466–473.
- Benson E. (2023) *Transatlantic Trade and Climate: Evaluating Differences and Commonalities in Mutual Approaches*. CSIS Report. 18.12. 10 p. URL: <https://www.csis.org/analysis/transatlantic-trade-and-climate-evaluating-differences-and-commonalities-mutual-approaches> (дата обращения: 15.10.2024).
- Cha V., Szechenyi N. (ed.) (2024) *The global impact of 2024 U.S. presidential elections*. CSIS, Washington, USA. 91 p.
- Gros D. (2022) *The European Chips initiative*. CEPS. 10.02. URL: <https://www.ceps.eu/the-european-chips-initiative-industrial-policy-at-its-absolute-worst/> (дата обращения: 15.10.2024).
- Hamilton D.S., Quinlan J.P. (ed.) (2005) *Deep Integration: How Transatlantic Markets are Leading Globalization*. Center for Transatlantic Relations and Brussels; Centre for European Policy Studies, Washington, USA. 291 p.
- Hamilton D.S., Quinlan J.P. (2024) *The Transatlantic Economy 2024: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe*. Foreign Policy Institute; Johns Hopkins University SAIS/Transatlantic Leadership Network, Washington, USA. 201 p.
- Linder S.B. (1961) *An Essay on Trade and Transformation*. Almqvist & Wicksell, Uppsala, Sweden. 167 p.
- Müftüler-Baç M., Cihangir D. (2012) *European integration and transatlantic relations*. Transworld. Working paper No. 5. 23 p. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/TW_WP_05.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

Transatlantic Economic Relations at a Crossroads

N.B. Kondratieva

Candidate of Sciences (Economics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009, **E-mail:** nkondratieva@inbox.ru

Abstract. The article was written on the eve of the US presidential election in 2024 and is devoted to the economic aspects of modern transatlantic relations. Descriptive statistics is used to as-

sess the role and place of the transatlantic economy in terms of gross product, export-import operations, trade of US and EU branches and investment activity. The article touches upon the interconnectedness of the economy. It tense noted that the parties remain the main source of prosperity for each other. On this basis, hypotheses has been put forward about the reasons for restarting the dialog and its instability. Taking into account the logic of well-known integration theories, the author deliberates about the predisposition of the USA and the EU to institutionalize relations with the creation of common norms. However, small advantages on the US side in the ratio of benefits from economic integration are a factor of instability and an opportunity for further competition within the transatlantic economy. Based on the analysis of official reports on the activities of the US-EU Trade and Technology Council and other documents, the author's vision of the purpose of the dialogue is formulated – to test political innovations that contribute to completing the transition of the transatlantic economy to the sixth wave of innovation and maintaining its leadership positions in the world.

Keywords: transatlantic economy, transatlantic relations, integration, economic regulation, political innovation, technological leadership, EU, USA, Trade and Technology Council, US presidential elections

DOI: 10.31857/S0201708324060081

REFERENCES

- Kondratieva N.B. (2017) Transatlanticheskoye partnerstvo ES–SShA: perspektivy [The EU-US Transatlantic Partnership: Prospects], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(8), pp. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-5-13 (In Russian).
- Mamedova A.O. (2020) Transatlanticheskoye torgovoye i investitsionnoye partnerstvo: konec proekta ili peredyshka? [Transatlantic Trade and Investment Partnership: Consigned to Oblivion or Waiting for a Second Chance?], *Lomonosov World Politics Journal*, 12(4), pp. 67–98. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-67-98> (In Russian).
- Portanskiy A.P. (2019) SShA–Evropa: soyuznicheskie otnosheniya pod ugrozoi [US-Europe: Allied relations under threat], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620193039 (In Russian).
- Perova M.K. (2023) Sovet po torgovle i tekhnologiyam SShA–ES: osobennosti sotrudnichestva [The US–EU Trade and Technology Council: features of economic cooperation], *Problems and Legal Practice*, 19(6), pp. 232–238. (In Russian).
- Sharikov P.A. (2024) Osobennosti formatov dvustoronnego vzaimodeystviya SShA i ES pri administracii Dzh. Bajdena [Specifics of Bilateral US-EU Relations under J. Biden Administration], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 5–18. DOI: 10.31857/S0201708324020013 (In Russian).
- Sidorov A.A. (2016) Transatlanticheskaya integratsiya i problemy konkurentosposobnosti razvitykh stran [Transatlantic integration and developed countries competitiveness problems], *MGIMO Review of International Relations*, 3(48), pp. 249–257. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-249-257> (In Russian).
- Balassa B. (1966) Tariff Reductions and Trade in Manufacturers among the Industrial Countries, *The American Economic Review*, 56(3), pp. 466–473.
- Benson E. (2023) *Transatlantic Trade and Climate: Evaluating Differences and Commonalities in Mutual Approaches*, CSIS Report, 18.12. URL: <https://www.csis.org/analysis/transatlantic-trade-and-climate-evaluating-differences-and-commonalities-mutual-approaches> (accessed: 15.10.2024).
- Hamilton D.S., Quinlan J.P. (ed.) (2005) *Deep Integration: How Transatlantic Markets are Leading Globalization*, Center for Transatlantic Relations and Brussels; Centre for European Policy Studies, Washington, USA.
- Hamilton D.S., Quinlan J.P. (2024) *The Transatlantic Economy 2024: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe*, Foreign Policy Institute; Johns Hopkins University SAIS/Transatlantic Leadership Network, Washington, USA.
- Gros D. (2022) *The European Chips initiative*. CEPS. 10.02. URL: <https://www.ceps.eu/the-european-chips-initiative-industrial-policy-at-its-absolute-worst/> (accessed: 15.10.2024).
- Linder S.B. (1961) *An Essay on Trade and Transformation*. Almqvist & Wicksell, Uppsala, Sweden.
- Müftüler-Baç M., Cihangir D. (2012) *European integration and transatlantic relations*, Transworld, Working paper 5. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/TW_WP_05.pdf (accessed: 15.10.2024).
- Cha V., Szechenyi N. (ed.) (2024) *The global impact of 2024 U.S. presidential elections*. CSIS, Washington, USA.

УДК 339.92

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НА УСПЕШНОСТЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

© 2024 СУТЫРИН Сергей Феликсович

Доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sutyurin@spbu.ru; s.sutyurin@hotmail.com

© 2024 НАВРОЦКАЯ Наталия Анатольевна

Доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: n.navrotskaya@spbu.ru

© 2024 ВОРОБЬЕВА Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: i.vorobieva@spbu.ru

Поступила в редакцию 19.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье представлены итоги исследования, цель которых – определить влияние, которое оказывает интернационализация хозяйственной деятельности на результаты функционирования ведущих европейских транснациональных корпораций. Для оценки этих результатов использован показатель роста стоимости компании. В качестве отправной точки выбрана гипотеза, согласно которой активное участие во внешнеэкономической деятельности позволяет фирмам успешнее вести борьбу с конкурентами как на внутреннем, так и на зарубежных рынках. Для проверки гипотезы авторами в рамках пятилетнего периода 2018–2022 гг. проанализированы данные по примерно пяти десяткам крупнейшим европейским нефинансовым компаниям, содержащиеся в издаваемых Конференцией ООН по торговле и развитию «Докладах о мировых инвестициях». Проведенное с помощью регрессионного моделирования исследование не позволило выявить значимую связь между изменениями индекса транснациональности и динамикой стоимости анализируемых компаний. Таким образом, тестируемая гипотеза не подтвердилась. В заключительной части статьи высказывается ряд предположений, связывающих полученные результаты с региональными

ми особенностями европейских фирм, изменением и усложнением форм интернационализации, а также с возможным достижением неких пределов последней.

Ключевые слова: европейские ТНК, интернационализация, транснационализация, международный бизнес, стоимость компании, индекс транснациональности

DOI: 10.31857/S0201708324060093

Интернационализация, под которой в статье понимается процесс крупномасштабного выхода штатного воспроизводственного цикла фирмы за пределы национальных границ ее базирования, уже на протяжении нескольких десятилетий выступает одним из ключевых трендов развития бизнеса¹. Принято считать, что активное участие в мирохозяйственном взаимодействии способствует повышению конкурентоспособности, положительно влияет на финансово-экономические результаты функционирования. Цель статьи – оценка того, в какой мере подобное суждение подтверждается деятельностью ведущих европейских транснациональных корпораций (ТНК).

Исследование основано на данных, ежегодно публикуемых Конференцией ООН по торговле и развитию (*United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*) за период 2018–2022 гг. Этот источник содержит информацию о величине совокупных активов и оцениваемом с помощью индекса транснациональности характере международной деятельности рассматриваемых компаний. Выбранный временной интервал позволяет учесть влияние таких внешних шоков, как пандемия *COVID-19* и обострение международной геополитической напряженности.

Обзор литературы

Анализ российских и зарубежных публикаций показывает внимание авторов к проблематике ТНК и оценке их деятельности. Среди тенденций интернационализации М.Л. Лучко выделяет усиление присутствия крупных корпораций в странах и регионах в долгосрочном периоде. Исследователь анализирует индекс транснациональности как основной показатель интернационализации компаний [Лучко, 2023].

В исследовании Х. Ду, Н. Нгуена и К. Нгуена оценено влияние интернационализации американских корпораций на изменения доходности акций. Для этого проведен сравнительный анализ показателя в разрезе следующих групп: функционирующих только на американском рынке чисто отечественных фирм; американских компаний, которые только становятся многонациональными и ТНК США с многолетней историей. В итоге обнаружено положительное влияние интернационализации на рассмотренный показатель деятельности компаний [Do et al., 2022].

Оценка изменения уровня интернационализации американских компаний в зависимости от отраслевой принадлежности и масштабов деятельности в период с 1996 по 2010 г. представлена в работе М. О’Хаган-Лаффа и Дж. Рерилля [O’Hagan-Luff, Rerill, 2016]. Для анализа различных аспектов интернационализации использовались показа-

¹ В последние несколько лет как в отечественной, так и в зарубежной литературе много пишут о развертывании деглобализации, «слоубализации», «френдшоринга», фрагментации. Вместе с тем основной акцент делается на изменениях направлений и форм глобализации, т. е. процесса, в рамках которого компании распространяют деятельность на все основные экономические регионы. При этом принципиальную роль и значение менее масштабных по своему географическому охвату международных хозяйственных операций сомнению не подвергаются.

тели доли зарубежных продаж и количества регионов мира, в которых осуществлены эти продажи. Результаты показали существенное увеличение масштабов интернационализации американских ТНК в рассмотренный период и различия в интернационализации корпораций в зависимости от размера и отраслевой принадлежности.

Эволюция подходов к изучению эффективности ТНК обобщена Н.И. Кондратьевым [Кондратьев, 2014]. Исследователь рассматривает имеющиеся точки зрения на специфические преимущества, обеспечивающие эффективность деятельности ТНК, среди которых – диверсификация, доступ к источникам сырья и зарубежным рынкам, монополизация, структура компании. Анализ дополнен обобщением теорий транснационализации и моделей ТНК.

Многоплановое исследование европейских ТНК содержится в статье Н.В. Кониной. В частности, она выделяет современные особенности крупнейших нефинансовых компаний ведущих стран континентальной Европы. На основе международных рейтингов анализируется изменение положения ТНК на мировых рынках за пятнадцатилетний период (с 2005 по 2021 гг.) [Кониная, 2022].

Сегодня в изучении ТНК актуален анализ специфики деятельности цифровых компаний. Например, особенностью процессов интернационализации последних выступает возможность предоставления разнообразных цифровых услуг потребителям без крупных зарубежных инвестиций [Лучко, 2023]. Исследователи цифровых ТНК подчеркивают специфику их транснациональности, для которой инвестиционный компонент (или стоимость зарубежных активов) становится менее важной составляющей, чем количество занятых или объем продаж.

В 2017 г. *UNCTAD* предложил индекс легкости ПИИ (*FDI lightness index*), который базируется на соотношении двух компонентов индекса транснациональности: доли продаж, приходящейся на иностранные филиалы, и соответствующей доли иностранных активов [UNCTAD, 2017], в то время как традиционный индекс транснациональности включает долю иностранных занятых. Рост значения индекса особенно характерен для цифровых и технологических компаний. Исследования свидетельствуют о том, что операционная связь иностранных и внутренних продаж, активов и занятых ослабевает [Trentini, 2021].

Эмпирический анализ взаимосвязи выбора в пользу интернационализации и результатов деятельности итальянских фирм во время мирового финансового кризиса в период 2007–2010 гг. показал переход многих компаний к более сложным формам интернационализации, что положительно повлияло на производительность [Costa et al., 2017]. Эти выводы дополнили аргументацию в пользу диверсификации продуктов и рынков сбыта, к которой должны стремиться фирмы даже во времена кризиса, чтобы оставаться конкурентоспособными и получать прибыль.

О. Гедами, А. Книлл, У. Меггинсон и Л. Сенбет исследовали взаимосвязь международной диверсификации и результаты деятельности ТНК. В выборку вошли компании из 73 стран различных регионов мира. В итоге сравнительного анализа изменения стоимости чисто отечественных компаний и ТНК под влиянием 2020 г. выявлено, что в среднем у последних наблюдалось значительно большее снижение. При этом более низкие показатели прослеживались практически во всех регионах, включая Европу (например, в Британии, Швеции, Италии). Показатели американских ТНК оказались лучше чисто внутренних компаний США. Авторами отмечена особенность влияния кризиса пандемийного периода *COVID-19*, когда диверсификация деятельности на

внешние рынки для решения проблем на отечественном рынке не всегда оказалась актуальной, что противоречит утверждениям о преимуществах интернационализации [Guedhami et al., 2022].

Н. Ликитвонггаджон и Ч. Витессонти на основе анализа данных по выборке котирующихся на бирже нефинансовых компаний в 27 европейских странах за период 1996–2016 гг. выявили отрицательное влияние интернационализации на операционные показатели и стоимость компании, которое может быть несколько смягчено в зависимости от степени отраслевой конкуренции. Для оценки деятельности компании в исследовании использовались рентабельность активов (ROA) в качестве показателя операционной эффективности и коэффициент Тобина (Q) как показатель стоимости компании. Авторы отмечают, что выводы их исследования не подтверждают положительного влияния интернационализации на операционные показатели фирмы [Likitwongkajon, Vithessonthi, 2023].

Дж. Тонгурай и Ч. Витессонти, проанализировав выборку нефинансовых компаний, котирующихся на бирже в Японии в 1990–2019 гг., не выявили связи интернационализации фирмы, измеряемой такими показателями, как доля зарубежных продаж в общем объеме продаж и доля зарубежных активов в общем объеме активов, с операционными показателями, измеряемыми рентабельностью активов (ROA) [Tongurai, Vithessonthi, 2022]. Отрицательную связь интернационализации и стоимости компании для американских ТНК обнаружили Ч. Витессонти и О. Расела [Vithessonthi, Racela, 2016]. Выводы о положительном эффекте интернационализации для ТНК показаны в исследовании Дж. Чой, Т. Хираки, Дж. Ланди [Choi et al., 2014], в котором получен результат о более высокой стоимости ТНК по сравнению с отечественными компаниями в Японии. В целом видна неоднозначность влияния интернационализации на результаты деятельности компании.

Таким образом, на данный момент дискуссия о влиянии интернационализации на конкурентоспособность компаний сохраняет актуальность. Отсюда логична постановка вопроса о воздействии участия в мирохозяйственных связях крупных европейских ТНК на успешность их деятельности.

Общая оценка уровня транснациональности западноевропейских корпораций

Существующие подходы к оценке транснациональности компаний были заложены UNCTAD и публикуются в докладах о мировых инвестициях (*World Investment Report, WIR*). Для оценки транснациональности взят рейтинговый список «Топ-100 нефинансовых ТНК мира», ранжируемых по величине зарубежных активов за 5 лет по данным WIR за 2018–2022 гг. Издание также рассчитывает второй рейтинг ТНК – по индексу транснациональности компании (*Transnationality Index, TNI*). Он рассчитывается как среднее арифметическое трех слагаемых: доли зарубежных активов в общей стоимости активов компании, доли зарубежных продаж в общем объеме продаж и доли зарубежного персонала в общей численности персонала компании. Уровень транснациональности характеризует масштабы зарубежной деятельности компании и важность зарубежных рынков.

Всего за 5 лет (2018–2022 гг.) в рейтинг «Топ-100 нефинансовых корпораций мира» по величине зарубежных активов включено 69 западноевропейских корпораций¹. 42 из

¹ Изначально фокус исследования был направлен на все европейские ТНК, но поскольку в исследуе-

них присутствуют в рейтингах все пять рассматриваемых лет. 43 компании представлены в списках 2018 и 2022 гг. (компания «Рено» была исключена из рейтинга только в 2021 г.). В этой связи для сопоставления показателей западноевропейских ТНК за 2022 и 2018 гг. будем рассматривать данные по 43 корпорациям (референтная группа). Сводные оценочные показатели изменения рейтингов западноевропейских ТНК представлены в таблице 1 и 2.

Таблица 1

Динамика позиций западноевропейских ТНК в рейтинге Топ-100 нефинансовых ТНК мира по величине зарубежных активов

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	За 5 лет
Количество западноевропейских ТНК в рейтинге, ед.	57	55	49	52	53	69* (43)**
Улучшили позиции, количество ТНК, ед.	-	23	24	28	28	-
Ухудшили позиции, количество ТНК, ед.	-	22	16	22	22	-
Позиции не изменились, количество ТНК, ед.	-	8	9	2	9	-
Сальдо количества улучшений (+) и ухудшений (-) позиций в рейтинге, позиций	-	0	+29	+115	-53	+78

*69 компаний периодически (в разные годы) присутствовали в рейтинге в течение рассматриваемого периода.

** в том числе, 43 компании присутствовали в рейтинге весь рассматриваемый период

Рассчитано авторами по данным World Investment Report за 2019–2023 гг. UNCTAD. The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets. URL: <https://www.unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.08.2024).

Сальдо количества позиций, которые потеряли и улучшили западноевропейские ТНК за 5 лет (2022 г. по сравнению с 2018 г.) в исследуемом рейтинге составило +78, что означает увеличение доли активов европейских компаний за рубежом в их совокупных активах. Суммарная оценка рейтинга по рассматриваемым ТНК показывает относительное увеличение их вовлеченности в транснациональную деятельность. Об этом свидетельствует и второй рейтинг – *TNI*. По рассматриваемым ТНК за 5 лет сальдо количества улучшенных и потерянных позиций компаний составило +105, что говорит об относительном росте транснациональности.

На долю западноевропейских компаний ежегодно приходится более половины списка *UNCTAD*. Это позволяет сделать предположение об особом значении интернационализации для рассматриваемых корпораций, которая может выступать фактором их успешности и конкурентоспособности.

мые рейтинги на сегодняшний день входят только ТНК ведущих стран Европы (Великобритании, Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии, Италии, Швейцарии, Швеции, Люксембурга, Испании и др.), которые в традиционной практике исследований по международной экономике обозначаются как «западноевропейские», то объект исследования был сужен.

Таблица 2

Динамика позиций западноевропейских ТНК в рейтинге ТОП-100 нефинансовых ТНК мира по индексу транснациональности (TNI)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	За 5 лет
Улучшили позиции, количество ТНК, ед.	-	9	32	18	25	-
Ухудшили позиции, количество ТНК, ед.	-	10	11	27	18	-
Позиции не изменились, количество ТНК, ед.	-	34	6	6	5	-
Сальдо количества улучшений (+) и ухудшений (-) позиций в рейтинге, позиций	-	+100	+92	+56	+77	+105

Рассчитано авторами по данным World Investment Report за 2019–2023 гг. UNCTAD. The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets. URL: <https://www.unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.08.2024).

Анализ влияния транснациональности на успешность ТНК

Анализ влияния транснациональности на результаты функционирования западноевропейских ТНК предполагает введение критерия оценки. Обзор исследований показал многообразие имеющихся подходов. В частности, различные стадии развития бизнеса предопределяют критерии оценки его успешности. Как отмечает А.А. Гребенников [Гребенников, 2020], на стадии выхода на рынок, критерием результатов работы предприятия может быть рентабельность продаж, величина операционной прибыли, величина валового дохода. По мере роста компании на передний план выходит рост ее стоимости.

И.А. Бланк называет следующие направления максимизации показателей: продажи, прибыль, темпы роста активов и богатство акционеров. При этом фирма должна работать таким образом, чтобы обеспечить максимальный доход владельцам [Бланк, 2004]. Это точку зрения разделяют другие зарубежные и российские ученые [например: Брейли, Майерс, 2004; Валдайцев, 2009; Середнюченко, 2015]. Критерий роста стоимости активов компании как показатель результативности крупной корпорации лежит в основе концепции «Управление стоимостью компании» (*Value-based management, VBM*), согласно которой руководство должно в первую очередь учитывать интересы акционеров.

Для анализа влияния транснациональности ТНК на стоимость активов компании использованы данные о транснациональности и ее составляющих¹. Динамика изменения активов и *TNI* референтной группы ТНК представлена в таблице 3.

Как видно из представленных данных, суммарная стоимость активов референтной группы ТНК выросла с 2018 по 2022 гг. на 13% и составила 7021,7 млрд долл. в 2022 г. Уровень (индекс) транснациональности оставался на стабильно высоком уровне – 72–73%. Вместе с тем представленные в таблице значения – это средние показатели, поэтому целесообразно провести анализ в разрезе компаний. Поскольку ежегодные показатели по компаниям демонстрируют высокую степень изменчивости, то целесообразно использовать усредненные данные за 5 лет.

¹ Компания Renault SA была исключена из рейтинга только в 2021 году, что позволяет использовать данные по ней на начало и конец исследуемого периода.

Таблица 3

Динамика активов и TNI 43 западноевропейских ТНК, входящих в рейтинг WIR за 2018–2022 гг.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2018–2022 темп прироста, %
Активы, млрд долл. США	6223	6317	6763	7092	7022	13%
TNI, %	73	72	73	72	73	0%

Рассчитано авторами по данным: UNCTAD. World Investment Report (2019–2023 гг.). The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets. URL: <https://www.unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.08.2024).

Для проверки гипотезы о наличии связи между транснациональностью и стоимостью активов западноевропейских ТНК использован регрессионный анализ. Моделирование строилось на основе данных WIR¹. Было проведено моделирование взаимосвязи между различными показателями транснациональности компаний референтной группы и активами компаний (Табл. 4). Результаты моделирования показали отсутствие какой-либо взаимозависимости исследуемых показателей. Коэффициенты детерминации во всех исследуемых моделях незначимые.

Таблица 4

Построенные модели связи между различными показателями транснациональности и активов компаний референтной группы

№	Описание модели	Оценка (коэффициент детерминации)
1.	Регрессионная модель взаимосвязи $\ln K_{\text{роста}} \cdot \text{TNI}$ и $\ln K_{\text{роста}}$ активов за 5 лет (2018–2022 гг.) Полиномиальная регрессия третьей степени	нет связи, ($R^2 \leq 0,1$)
2.	Регрессионная модель взаимосвязи $\ln K_{\text{роста}}$ активов (среднегодовой) и $\ln K_{\text{роста}}$ активов (среднегодовой) за период (2018–2022 гг.). Полиномиальная регрессия третьей степени	нет связи, ($R^2 \leq 0,1$)
3.	Регрессионная модель взаимосвязи $K_{\text{роста}}$ TNI (среднегодовой) и $K_{\text{роста}}$ активов (среднегодовой) за период (2018–2022 гг.). Полиномиальная регрессия третьей степени	нет связи, ($R^2 \leq 0,1$)
4.	Регрессионная модель взаимосвязи $K_{\text{роста}}$ TNI и $K_{\text{роста}}$ активов за 5 лет (2018–2022 гг.) Полиномиальная регрессия третьей степени	нет связи, ($R^2 = 0,11$)
5.	Регрессионные модели взаимосвязи TNI и активов отдельно по годам (2018–2022 гг.) Полиномиальные регрессии третьей степени	нет связи, (R^2 от 0,08 до 0,2)

* $K_{\text{роста}}$ – коэффициент роста, рассчитываемый как отношение показателя в текущем периоде к показателю периода, предшествующего текущему.

Источник: построено авторами с использованием данных: UNCTAD. World Investment Report (2019–2023 гг.). The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets. URL: <https://www.unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.08.2024).

¹ UNCTAD. World Investment Report (2019–2023 гг.). The top 100 non-financial TNCs from developing and transition economies, ranked by foreign assets. URL: <https://www.unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.08.2024).

Примеры результатов исследования связи между исследуемыми параметрами представлены ниже на рисунках 1 и 2¹.

Рисунки 1 и 2 визуализируют отдельные результаты моделирования и показывают высокую степень рассеивания параметров модели относительно линии регрессии, а также нелинейность зависимости, что обусловило выбор полиномиальной модели. Авторы ограничились полиномами третьей степени, поскольку при росте степени полинома улучшается оценка модели, но обобщающая способность начинает снижаться. В исследуемых моделях даже при более высоких степенях полинома качество моделей оставалось низким (R^2 – чуть более 1).

Компании из референтной группы различаются по размеру, отраслевой принадлежности и другим параметрам. Для одной группы компаний фактор транснациональности может выступать значимым фактором ее успешности, для других – нет.

Для дальнейшего исследования разделим референтную группу на компании, которые показали рост и для которых характерно снижение стоимости активов. Проведем моделирование по тем же параметрам, что были использованы ранее для всей референтной группы (Табл. 3). За исследуемый период 12 компаний референтной группы показали снижение стоимости активов и 31 компания – рост. На рисунке 3 визуализирован один из результатов моделирования.

Проведенные с помощью регрессионного моделирования исследования показали отсутствие связи между транснациональностью и стоимостью активов в обеих подгруппах. Разделение компаний на подгруппы несколько повысило точность модели (в приводимом примере $R^2 = 0,17$), но коэффициенты детерминации по всем моделям остались низкими (в пределах 0,1–0,2). Это говорит об отсутствии значимой связи между рассматриваемыми параметрами модели. Как и в предыдущих случаях, связь между параметрами нелинейна. При этом имеет место сильный разброс точек относительно линии регрессии, описанной полиномом третьей степени.

Теперь разделим компании референтной группы на две подгруппы уже по росту индекса транснациональности. Проведем тестирование гипотезы с использованием регрессии по тем же показателям, что были использованы ранее для всей референтной группы компаний (Табл. 3). За данный период 23 компании показали рост индекса транснациональности и 20 компаний – снижение. На рисунке 4 визуализирован один из результатов моделирования.

Полученные модели также показали отсутствие связи между транснациональностью и активами в обеих исследуемых подгруппах. Визуализация результатов регрессионной модели на рисунке 4 демонстрирует, что группировка компаний по признаку изменения индекса транснациональности не повысила качество модели, и связь между исследуемыми параметрами незначительна.

Выводы

В существующей теории и практике исследований ТНК нет однозначно доказанной связи между интернационализацией компании и показателями ее успешности. Вместе с тем существуют отдельные исследования по разным странам, регионам, группам ком-

¹ Дополнительные материалы к статье (Рисунки 1, 2, 3, 4) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

паний разной отраслевой принадлежности, демонстрирующие прямое или опосредованное влияние уровня интернационализации на результаты деятельности.

Проведенное исследование по выбранной группе западноевропейских ТНК не выявило связи между уровнем (ростом) транснациональности и уровнем (ростом) активов компании, который был выбран как показатель результативности корпорации. Высокий уровень (рост) транснациональности компании является положительным результатом ее деятельности и свидетельствует о сильных конкурентных позициях ТНК на зарубежных рынках. При этом анализ абсолютных показателей референтной группы показал, что увеличение доли зарубежной деятельности компаний связано не с уменьшением ее доли на национальном рынке, а с общим ростом активов и продаж компании при снижении общей численности занятых. Это может говорить об улучшении экономических показателей, структуры бизнеса и изменении форм интернационализации.

Отсутствие связи между интернационализацией компании и показателем роста активов, как выбранного результирующего показателя успешности ТНК, можно объяснить тем, что европейские корпорации имеют относительно высокий уровень *TNI*. Он, вероятно, приближается к точке насыщения, после которой рост транснациональности замедляется, и она перестает выступать фактором, влияющим на результативность и конкурентность компании. Вместе с тем сохранение среднего уровня транснациональности на постоянном уровне в течение последних 5 лет позволяет говорить об устойчивых конкурентных позициях даже в условиях экономической турбулентности, связанной с пандемией и другими факторами.

Реализуемый в статье подход имеет ограничения, так как не принимает во внимание целый ряд факторов, которые зачастую оказывают существенное влияние на совокупные результаты функционирования ТНК. Вместе с тем полученные результаты позволяют не только составить более целостное представление о тенденциях развития современного международного бизнеса, но и обозначают возможные направления дальнейших исследований. В частности, целесообразно провести группировку компаний по другим признакам (например, размер компании), а также включить иные показатели оценки деятельности корпораций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бланк И.А. (2004) *Финансовая стратегия предприятия*. Эльга, Ника-центр, Киев, Украина. 720 с.
- Брейли Р., Майерс С. (2004) *Принципы корпоративных финансов*. Олимп-бизнес, Москва. 1008 с.
- Валдайцев С.В. (2009) Денежные потоки в оценке и управлении стоимостью компаний. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*. Вып. 3. С. 105–123.
- Гребенников А.А. (2020) Определяем экономическую эффективность предприятия за год. *Планово-экономический отдел*. № 12. URL: https://www.profiz.ru/peo/12_2020/effektivnost_kompanii/ (дата обращения: 25.09.2024).
- Кондратьев Н.И. (2014) Эффективность транснациональных корпораций: эволюция взглядов отечественных и зарубежных исследователей. *Вестник Челябинского государственного университета*. № 5 (334). С. 29–33.
- Конина Н.Ю. (2022) Особенности рыночного положения европейских ТНК в современных условиях. *Современная Европа*. № 5 (112). С. 78–91. DOI: 10.31857/S0201708322050060
- Лучко М.Л. (2023) Современные тренды интернационализации деятельности транснациональных корпораций. *Международная торговля и торговая политика*. № 9 (3). С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-3-36-50>
- Сердюченко О.П. (2015) Максимизация прибыли как основная цель деятельности компании. *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. № 16. С. 135–139.

- Choi J.J., Hiraki T., Landi J.A. (2014) The value of multinationality and business group for Japanese firms. *Journal of Corporate Finance*. Vol. 29. P. 88–110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2014.08.002>
- Costa S., Pappalardo C., Vicarelli C. (2017) Internationalization choices and Italian firm performance during the crisis. *Small Business Economics*. Vol. 48 (3). P. 753–769. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9799-5>.
- Do H.X., Nguyen N.H., Nguyen Q.M. (2022) Multinationals and Stock Return Comovement. *Global Finance Journal*. Vol. 52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100714>
- Guedhami O., Knil A., Megginson W. L., Senbet L.W. (2022) The dark side of globalization: Evidence from the impact of COVID-19 on multinational companies. *Journal of International Business Studies*. Vol. 53 (8). P. 1603–1640. DOI: [10.1057/s41267-022-00540-8](https://doi.org/10.1057/s41267-022-00540-8)
- Likitwongkajon N., Vithessonthi C. (2023) Internationalization and firm performance. *Global Finance Journal*. Vol. 56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100753>
- O'Hagan-Luff M., Rerill J. (2016) US Firms – How Global Are They? A Longitudinal Study. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 44. P. 205–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2016.01.021>
- Tongurai J., Vithessonthi C. (2022) Learning, foreign operations and operating performance. *Global Finance Journal*. Vol. 52. DOI: [10.1016/j.gfj.2022.100721](https://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100721)
- Trentini C. (2021) A reassessment of UNCTAD's transnationality indices in the digital economy. *Transnational Corporations*. Vol. 28, Iss. 3. P. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.18356/2076099x-28-3-10>
- UNCTAD (2017) *World investment report 2017. Investment and the digital economy*. United Nations, Geneva, Switzerland. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (дата обращения: 25.09.2024).
- Vithessonthi C., Racela O.C. (2016) Short- and long-run effects of internationalization and R&D intensity on firm performance. *Journal of Multinational Financial Management*. Vol. 34. P. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2015.12.001>

The Impact of Internationalization on the Success of Western European Multinational Companies

S.F. Sutyurin

Doctor of Sciences (Economics),

Professor, Saint-Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: s.sutyurin@hotmail.com

N.A. Navrotskaya

Doctor of Sciences (Economics),

Professor, Saint-Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: n.navrotskaya@spbu.ru

I.V. Vorobieva

Candidate of Sciences (Economics),

Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: i.vorobieva@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the results of the study aimed at assessing the influence internationalization has on the performance of leading European transnational corporations (TNCs) approximated by their company value. The authors test a hypothesis that high level of international operations results in extra competitiveness of the TNCs under review both domestically and in foreign markets. Data on about five dozen largest European non-financial companies from UNCTAD World Investment Reports for 2018–2022 are in the focus of regression modeling analysis. The findings show no significant relationship between transnationality index changes and value of the companies under review. The authors provide some possible reasons associated with the regional peculiarities of European firms to explain the obtained results.

Keywords: European MNCs, internationalization, transnationalization, international business, company value, transnationality index

DOI: 10.31857/S0201708324060093

REFERENCES

- Blank I.A. (2004) *Finansovaya Strategiya Predpriyatiya* [Financial Strategy of Enterprise], El'ga, Nika-centr, Kiev, Ukraine. (In Russian).
- Brealey R., Myers S. (2004) *Printsipy Korporativnyh Finansov* [Principles of Corporate Finance], Olimp-biznes, Moscow, Russia. (In Russian).
- Choi J.J., Hiraki T., Landi J.A. (2014) The value of multinationality and business group for Japanese firms, *Journal of Corporate Finance*, 29, pp. 88–110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2014.08.002>
- Costa S., Pappalardo C., Vicarelli, C. (2017) Internationalization choices and Italian firm performance during the crisis, *Small Business Economics*, 48 (3), pp. 753–769. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9799-5>
- Do H.X., Nguyen N.H., Nguyen Q.M. (2022) Multinationals and Stock Return Comovement, *Global Finance Journal*, 52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100714>
- Grebennikov A.A. (2020) Opredelyaem ekonomicheskuyu effektivnost' predpriyatiya za god. [Determine the economic efficiency of the enterprise for the year], *Planovo-ekonomicheskij otdel*, 12. URL: https://www.profiz.ru/peo/12_2020/effektivnost_kompanii/ (accessed: 25.09.2024). (In Russian).
- Guedhami O., Knil A., Megginson W.L., Senbet L.W. (2022) The dark side of globalization: Evidence from the impact of COVID-19 on multinational companies, *Journal of International Business Studies*, 53 (8), pp. 1603–1640. DOI: 10.1057/s41267-022-00540-8
- Kondrat'ev N.I. (2014) Effektivnost' transnacional'nyh korporacij: evolyuciya vzglyadov otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej [Efficiency of Multinational Corporations: Evolution of Views of Domestic and Foreign Researches], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5 (334), pp. 29–33. (In Russian).
- Konina, N.Yu. (2022). Osobennosti rynochnogo polozheniya evropejskih TNK v sovremennyh usloviyah [Contemporary European Multinationals: Changes in the Balance of Market Power], *Sovremennaya Evropa*, 5 (112), pp. 78–91. DOI: 10.31857/S0201708322050060 (In Russian).
- Likitwongkajon N., Vithessonthi C. (2023) Internationalization and firm performance, *Global Finance Journal*, 56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100753>
- Luchko M.L. (2023). Sovremennye trendy internacionalizacii deyatel'nosti transnacional'nyh korporacij [Modern Trends of Internationalization of the Activities of Transnational Corporations], *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 9 (3), pp. 36–50. DOI: 10.31857/S0201708322050060 (In Russian).
- O'Hagan-Luff M., Rerill J. (2016) US Firms – How Global Are They? A Longitudinal Study, *International Review of Financial Analysis*, 44, pp. 205–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2016.01.021>.
- Serdyuchenko O.P. (2015) Maksimizaciya pribyli kak osnovnaya cel' deyatel'nosti kompanii [Profit Maximization as the Main Goal of the Company's Activities], *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike*, 16, pp. 135–139. (In Russian).
- Tongurai J., Vithessonthi C. (2022) Learning, foreign operations and operating performance, *Global Finance Journal*, 52. DOI: 10.1016/j.gfj.2022.100721.
- Trentini C. (2021) A reassessment of UNCTAD's transnationality indices in the digital economy, *Transnational Corporations*, 28(3), pp. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.18356/2076099x-28-3-10>.
- Valdajcev S.V. (2009) Denezhnye potoki v ocenke i upravlenii stoimost'yu kompanij [Cash Flows in Business Valuation and Value-Based Management], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika*, 3, pp. 105–123. (In Russian).
- Vithessonthi C., Racela O.C. (2016) Short- and long-run effects of internationalization and R&D intensity on firm performance, *Journal of Multinational Financial Management*, 34, pp. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2015.12.001>
- UNCTAD (2017) *World investment report 2017. Investment and the digital economy*, United Nations, Geneva, Switzerland. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed: 25.09.2024).

УДК 339.92, 339.94

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ СТОИМОСТИ¹

© 2024 **ВАСИЛЬЧЕНКО Александр Дмитриевич**

*Младший научный сотрудник, Отдел экономических исследований
Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3
E-mail: vasilchenko@instituteofeurope.ru*

Поступила в редакцию 02.09.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье представлены результаты анализа положения стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости (ГЦС). Цель исследования – выявление специфики участия стран региона в международной производственной кооперации, а также секторов экономики, в которых страны Северной Европы наиболее глубоко интегрированы в ГЦС. Методология исследования базировалась на расчете коэффициентов вертикальной специализации, а также индексов прямого и обратного участия в ГЦС. Предложены и рассчитаны для стран Северной Европы следующие индикаторы: индекс интенсивности участия отрасли страны в ГЦС; коэффициент отклонения, отражающий сравнительную специализацию экономики страны в цепочках стоимости по данной отрасли, индекс зависимости от партнеров по производственной сети. Основным источником информации выступил портал международной статистики ОЭСР; объектами исследования – экономики Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции. Временные рамки исследования охватывают период 2010–2019 гг. В результате исследования установлено, что страны Северной Европы встроены в ГЦС по-разному: экономики Дании и Швеции находятся преимущественно в конечных сегментах цепочек стоимости, тогда как Норвегия и Финляндия расположились ближе к начальным. Дания и Норвегия имеют выраженную специализацию в секторе услуг водного транспорта, Финляндия – в лесобумажной промышленности, Швеция – в производстве транспортных средств. Дания и Швеция более прочно интегрированы в международную производственную сеть, они сотрудничают с более влиятельными экономиками, чем Норвегия и Финляндия. Обнаружено, что участие последних двух стран в ГЦС наиболее сильно зависит от конъюнктуры мирового рынка. Это может помешать прогрессу в улучшении позиций в цепочках стоимости. Укрепление положения

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 "Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона").

стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости потребует государственной поддержки диверсификации отраслевого участия в ГЦС, а также успешного выхода малых и средних предприятий на международный рынок независимо от крупных многонациональных корпораций.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости, страны Северной Европы, вертикальная специализация, международные производственные сети, центральность

DOI: 10.31857/S020170832406010X

На современном этапе участие стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости (ГЦС) приобрело выраженную страновую специфику. Несмотря на близкое взаиморасположение, Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция по-разному встроены в ГЦС, что во многом обусловлено особенностями структуры экономики.

С начала 1990-х гг. страны региона проводят активную экспансию товаров и капитала на международные рынки, реализуя стратегию гибкой специализации, ориентированную на экспорт сложных наукоемких изделий, которые производятся малыми партиями на небольших предприятиях [Бурнаева, 1994]. Такой характер участия стран Северной Европы в международной производственной кооперации и торговле базируется на ускоренном инновационном развитии местного бизнеса, которое имеет выраженную страновую специфику [Такмашева, Тяглов, 2019]. Например, в Норвегии в последние десятилетия отлажен эффективный механизм перераспределения высоких доходов от добычи природных ресурсов в пользу научно-исследовательской деятельности университетов и центров компетенций. Шведская модель инновационного роста основывается на «тройной спирали» партнерства бизнеса, государства и научно-исследовательских организаций. Предприятия Дании продвигают инновации в области новых способов производства продукции, основанных на оптимальном использовании сырья и энергии.

Важный фактор встраивания стран Северной Европы в глобальные цепочки стоимости – развитая корпоративная структура [Лучко, 2020]. Все больше компаний в регионе попадают в рейтинг 2000 крупнейших публичных компаний мира по версии журнала «Форбс» (*Forbes 2000*). В Швеции это прежде всего представители банковской сферы («Норден Банк», *Norden Bank*) и автомобилестроения («Вольво Групп», *Volvo Group*); в Финляндии – компании лесобумажной промышленности («Ю-Пи-Эм-Кюммене», *UPM-Kymmene*) и сектора телекоммуникаций («Нокиа», *Nokia*); в Дании – представители морских перевозок («Моллер-Маерск», *Moller-Maersk*) и фармацевтики («Ново Нордиск», *Novo Nordisk*); в Норвегии – энергетические компании («Эквинор АСА», *Equinor ASA*). Активную роль в интеграции региональных экономик в ГЦС играют технологические стартапы, которые при поддержке государства изначально направлены на глобальный рынок вследствие малой емкости местного рынка [Костин, 2018]. Большинство подобных стартапов локализованы в столичных регионах, а их основателями зачастую становятся студенты высших учебных заведений.

С начала нового столетия страны Северной Европы стали активно включаться в систему международной производственной кооперации, наращивая долю зарубежной добавленной стоимости в экспортируемой продукции [Смородинская и др.,

2017]. К примеру, за период 1995–2008 гг. национальный компонент стоимости экспорта автомобилей и комплектующих Швеции сократился на 11%, тогда как европейский – вырос на 3, а общий зарубежный – на 8. В то же время Финляндия в выходе на внешние рынки в меньшей степени, чем партнеры по региону, ориентируется на Европу [Плюснин, 2020]. Важно отметить, что страны региона не склонны размещать зарубежные производства на своей территории, в результате чего усиливается их зависимость от импорта готовой продукции [Гончарова и др., 2023].

Трансформация характера участия стран Северной Европы в ГЦС отражена в изменениях секторальной структуры экспорта. По состоянию на конец исследуемого периода (2019 г.) лидирующими секторами по объему экспорта в Дании были водный транспорт (32,0 млрд долл.), оптово-розничная торговля (29,5) и фармацевтическая промышленность (15,4). С 2010 по 2019 гг. страна нарастила экспорт образовательных услуг (в 3,4 раза), строительных услуг (в 2,2), продукции фармацевтики (в 2,1). В Норвегии в 2019 г. основную долю экспорта занимали продукция добывающих отраслей (56,6 млрд долл.), услуги водного транспорта (14,9) и оптово-розничная торговля (8,6). Наибольший рост экспорта в период 2010–2019 гг. отмечается по финансовым услугам (151,5%) и услугам воздушного транспорта (121,7). В экспорте Финляндии в 2019 г. существенная доля принадлежала изделиям из бумаги (11,0 млрд долл.), а также услугам ИКТ (10,0) и оптово-розничной торговли (9,2). В интервале 2010–2019 гг. четырехкратный рост показал экспорт продукции добывающих отраслей, в 2,6 раза вырос экспорт компьютерных услуг, в 2,3 – экспорт услуг воздушного транспорта. В 2019 г. экспорт Швеции характеризовался доминированием оптово-розничной торговли (29,9 млрд долл.), транспортных средств (21,4) и услуг ИКТ (21,1). За период 2010–2019 гг. существенно вырос экспорт услуг снабжения электроэнергией (2,6 раза), компьютерных (126%) и финансовых услуг (99%).

Все экономики стран Северной Европы зависят от внешних поставщиков. В 2019 г. доля национальной добавленной стоимости в экспорте Дании составила 64%, Норвегии – 82, Финляндии – 70, Швеции – 75. Из приведенных данных видно, что первая использует больше импортированных промежуточных продуктов для производства продукции экспорта, чем остальные скандинавские страны. В Норвегии, наоборот, удельный вес промежуточных закупок в экспорте страны незначителен.

Таким образом, отраслевая специализация экономик имеет выраженную страновую специфику. Тренды роста экспорта в разрезе отдельных секторов также не совпадают.

Цель исследования – выявление сравнительных черт участия стран Северной Европы в ГЦС в последние годы. Особое внимание уделено определению перспективных отраслей для каждого государства. В число стран Северной Европы в контексте исследования вошли Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция. В список изучаемых стран не включена Исландия, поскольку ее экономика специализируется на ограниченном числе секторов. Исследование опирается на статистическую базу «ОЭСР Торговля добавленной стоимостью» (*OECD Trade in Value Added*)¹.

¹ Trade in Value Added. OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 12.07.2024).

Методология

Количественный анализ в статье базируется на методологии изучения ГЦС [Кондратьев, 2015]. Исследование глобальных цепочек стоимости предполагает оценку вклада фирм национальных экономик в создание добавленной стоимости отраслей мирового хозяйства [Xing, 2015]. Актуальность изучения ГЦС связана с углублением подетальной специализации стран в мировой экономике [Coveri, Zanfei, 2023], укреплением веса ТНК [Березной, 2018], а также повышением объемов внутриотраслевой торговли [Stone, 2021] в последние десятилетия. Современные подходы разработаны в трудах Г. Джереффи [Gereffi, 2019], Р. Бошмы [Boschma, 2022], С. Паля и М. Тиммера [Pahl, Timmer, 2019].

В работе рассчитаны показатели, характеризующие происхождение добавленной стоимости в экспорте страны, а также включенность национальной добавленной стоимости в экспорт третьих стран. Указанные показатели позволяют определить характер участия государства в международном производстве и кооперации, оценить его вклад в создание мирового дохода [Кочетов, 2010]. Основу методологии составляют разработанные индикаторы вертикальной специализации стран в ГЦС [Hummels et al., 2001; Los et al., 2015] и их отдельные национальные и региональные аспекты применения [Баджо, Шерешева, 2014; Лапинова и др., 2020; Krapohl, Fink, 2013; Cingolani et al., 2015; Carvalho, Tahbaz-Salehi, 2019].

На первом этапе исследования оценены базовые показатели положения страны в ГЦС, а именно индексы прямого и обратного участия в цепочках стоимости [Ahmad et al., 2017]. Первый показатель (формула 1) отражает степень использования национальной добавленной стоимости в экспорте третьих стран, второй (формула 2) – значимость зарубежных промежуточных поставок для экспорта страны. Как правило, государства – поставщики сырья отличаются высоким значением индекса прямого участия и низким значением индекса обратного участия. Для стран, замыкающих цепочку стоимости, характерно обратное соотношение индексов.

$$I_{п.у.} = \frac{DVX}{X} \times 100\%, \quad (1)$$

где DVX – отечественная добавленная стоимость, включенная в дальнейшем в экспорт третьих стран, X – стоимость экспорта страны;

$$I_{о.у.} = \frac{FVA}{X} \times 100\%, \quad (2)$$

где FVA – зарубежная добавленная стоимость в экспорте страны, X – стоимость экспорта страны.

На втором этапе с помощью оценки индекса позиции в ГЦС (формула 3) удалось отследить изменение положения государств Евросоюза, в т. ч. Скандинавских, в глобальных цепочках стоимости за период 2010–2019 гг.¹ Значение индекса выше единицы свидетельствует о превышении степени обратного участия страны в ГЦС над уровнем ее прямого участия. В рамках статьи изучается относительное изменение данного индекса за указанный период:

¹ Выбор интервала обусловлен ограничением статистической базы *OECD Trade in Value Added*.

$$I_{\Pi} = \frac{I_{0,y.}}{I_{\Pi,y.}} \quad (3)$$

На третьем этапе исследования проводилось выявление секторов экономики скандинавских стран, в которых они имеют специализацию. В статье под специализацией понимается высокая степень отклонения показателя интенсивности прямого (обратного) участия отрасли страны в ГЦС относительно такого участия всех членов Евросоюза в совокупности. Индекс интенсивности предложен автором, расчет производился по формуле 4:

$$Int_{c,i} = \frac{\frac{P_{c,i}}{X_{c,i}}}{\frac{\sum_{i=1}^I P_{c,i}}{\sum_{i=1}^I X_{c,i}}} \quad (4)$$

где c – страна, i – отдельная отрасль, I – число всех отраслей экономики, P – национальная зарубежная стоимость в отраслевом экспорте страны (FVA, для обратного участия), национальная добавленная стоимость в отраслевом экспорте страны (DVA) или отраслевая отечественная добавленная стоимость в экспорте третьих стран (DVX, для прямого участия), X – экспорт отрасли страны. Этот показатель представляет отношение коэффициента прямого или обратного участия отдельной отрасли государства к участию всей его экономики в целом и выражает ее сравнительно большую или меньшую зависимость от обратных и прямых потоков в ГЦС.

Коэффициент отклонения рассчитывается для каждой отрасли как относительное превышение индекса интенсивности отрасли страны над соответствующим индексом отрасли всех членов ЕС в целом (формула 5):

$$K_{dev,c,i} = \left(\frac{Int_{c,i} - Int_{E,i}}{Int_{E,i}} \right) \times 100\%, \quad (5)$$

где $Int_{E,i}$ – значение индекса интенсивности для всех них в совокупности.

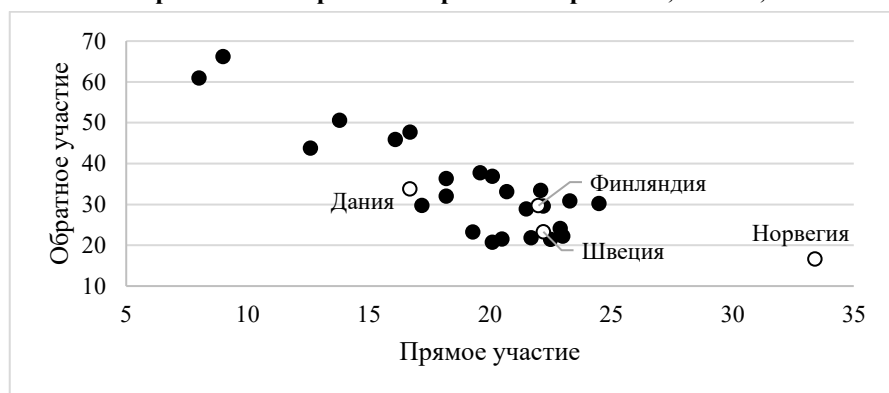
В рамках третьего этапа исследования проверена гипотеза о том, что государства Северной Европы имеют специфический, не похожий на средний профиль стран Евросоюза, набор секторов экономики, для которых характерно высокое значение коэффициента интенсивности прямого или обратного участия. Проверка гипотезы осуществлялась с помощью статистического U-теста Манна-Уитни (критерия суммы рангов Уилкоксона), который позволяет оценить степень значимости различий значений признака между двумя сравнительно малыми совокупностями.

Результаты

Различия в характере участия стран Северной Европы в ГЦС прослеживаются в анализе как прямого, так и обратного участия в цепочках стоимости (Рис. 1). Высокое участие Норвегии при низком обратном свидетельствует о том, что она встроена по большей части в начальные сегменты ГЦС в форме поставки ресурсов. Для Дании характерна обратная картина: положение ее в цепочках стоимости более высокодоходное. В стране сосредоточено большее количество производств завершающих сегментов ГЦС (финишная сборка, поставка готового продукта и пр.). Швеция и Финляндия занимают промежуточное положение.

Рисунок 1

Прямое и обратное участие стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости по сравнению с прочими странами Евросоюза, 2020 г., %

Источник: составлено автором по данным Origin of value added in gross exports. OECD Trade in Value Added Database. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 12.07.2024).

Для оценки изменения положения скандинавских стран и прочих членов Евросоюза в ГЦС за период 2010–2019 гг. рассчитан темп прироста индекса позиции в ГЦС как частного от деления прямого и обратного участия (в процентах) страны в цепочках стоимости. Результаты представлены на рисунке 2. Наблюдается улучшение позиции Норвегии (+21%) и Дании (+10%). Позиции Швеции и Финляндии, напротив, ухудшились: произошло снижение индекса на 2 и 8% соответственно.

В приложении 1 представлены результаты проверки гипотезы о том, что участие государств Северной Европы в ГЦС с точки зрения характера разброса показателей интенсивности по отраслям значительно отличается от среднего для всех стран Евросоюза. В Дании отмечается более выраженная неравномерность вклада DVA в экспорт отдельных отраслей с уклоном на высокие значения, чем в среднем в Европе, в Норвегии, Финляндии и Швеции – с уклоном на низкие значения. Другими словами, в Дании имеется ряд секторов с нетипично высоким значением DVA в экспорте, у остальных – с нетипично низким. В экспорте Норвегии также есть ряд отраслей с нетипично низким значением FVA, прежде всего сектор добывающей промышленности. В то же время характер интенсивности прямого участия отраслей Скандинавских стран в ГЦС значительно не отличается от среднего значения по Евросоюзу.

Как следует из таблицы 1, Дания и Норвегия имеют высокую региональную специализацию в прямом участии в секторе водного транспорта. Это свидетельствует о том, что экспорт третьих стран в высокой степени зависит от морских перевозок, осуществляемых судами, принадлежащими их компаниям. Дания, Финляндия и Швеция также имеют подобную прямую специализацию в секторе оптово-розничной торговли. Следовательно, услуги торговых компаний в существенной степени обеспечивают производство экспортируемой продукции прочих экономик.

Рисунок 2

Изменение индекса позиции в ГЦС отдельных стран Европы, 2010–2019 гг., %

Источник: составлено автором по данным Origin of value added in gross exports.

Помимо этого, Дания, Норвегия и Финляндия приобрели региональную специализацию в прямом участии в ГЦС в тех секторах, экспорт которых существенно вырос за период 2010–2019 гг.: фармацевтика, финансовые и страховые услуги, компьютерные и консультационные услуги. По последним Финляндия имеет выраженную региональную специализацию, сохраняя ключевое положение как поставщик полуфабрикатов из бумаги и картона. Сектор водного транспорта Дании и Норвегии имеет также выраженную обратную специализацию, указывающую на большую зависимость индустрии от промежуточных закупок по сравнению с другими европейскими странами. Это может быть связано с тем, что создаваемая в секторе водного транспорта Дании и Норвегии добавленная стоимость представляет именно стоимость услуг фрахта, портовой инфраструктуры и сопутствующих услуг, тогда как основные средства (суда, лихтеры и т.п.) приобретаются в зарубежных фирмах. Важный с точки зрения объемов экспорта сектор обработки металлов Норвегии и Финляндии существенно зависит от поставок узлов и компонентов из-за рубежа. Можно предположить, что страны не производят необходимые средства производства, сырье и материалы, а сосредотачивают усилия на обработке, опираясь на квалифицированный пул специалистов. Высокая обратная специализация Швеции в производстве транспортных средств, а также прочих (специальных) машин и оборудования говорит о том, что страна в большей степени, чем другие страны Евросоюза, в которых развито автомобиле- и станкостроение (Германия, Франция, Италия), зависит от закупок промежуточных продуктов для производства и экспорта готовых изделий. Предприятия Швеции участвуют на финишной стадии сборки автомобилей и прочего оборудования, добавляя стоимость в форме услуг НИОКР, брендинга и дистрибуции.

Таблица 1

**Значение коэффициента отклонения для отдельных отраслей
стран Северной Европы, 2019 г., %, и объем отраслевого экспорта, млрд долл. США**

Прямое участие			Обратное участие		
Отрасль	Экспорт	К. откл.	Отрасль	Экспорт	К. откл.
Дания					
Водный транспорт	43,9	168,3	Водный транспорт	43,9	36,3
Оптовая и розничная торговля	30,5	50,9	Оптовая и розничная торговля	30,5	16,5
Фармацевтика	14,9	151,5	Пищевая промышленность	9,8	6,9
Производство машин и оборудования	11,6	19,8	Складирование и вспомогательные операции	7,1	8,5
Норвегия					
Водный транспорт	13,0	118,0	Водный транспорт	13,0	31,1
Финансовые и страховые услуги	4,4	39,7	Оптовая и розничная торговля	7,2	87,0
Пищевая промышленность	3,1	36,2	Рыболовство и аквакультура	5,2	78,6
Производство химической продукции	2,1	20,5	Обработка металлов	4,7	88,5
Финляндия					
Производство изделий из бумаги и древесины	9,5	409,1	Производство изделий из бумаги и древесины	9,5	31,5
Оптовая и розничная торговля	8,7	14,5	Оптовая и розничная торговля	8,7	7,7
Компьютерные и консультационные услуги	7,2	281,8	Обработка металлов	5,7	23,3
Профессиональная, научная и техническая деятельность	3,9	69,7	Производство химических продуктов	5,2	18,2
Швеция					
Оптовая и розничная торговля	29,2	13,5	Оптовая и розничная торговля	29,2	8,0
Производство транспортных средств	18,3	20,4	Производство транспортных средств	18,3	22,2
Профессиональная, научная и техническая деятельность	14,8	68,2	Производство прочих машин и оборудования	13,9	21,0
Производство прочих машин и оборудования	13,9	53,2	Производство изделий из бумаги	10,2	41,7
Прим. Для каждой страны из числа отраслей, у которых коэффициент отклонения выше нуля, выбрано по четыре отрасли с наибольшим объемом экспорта. Источник: составлено автором по данным UNCTADStat. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (дата обращения: 15.07.2024).					

Обсуждение

Результаты анализа указывают на высокую степень неоднородности участия стран Северной Европы, в т. ч. на выраженное отклонение их положения в ГЦС по сравнению с прочими европейскими экономиками. Наиболее высокодоходное положение занимает Дания, наименее – Норвегия. За период 2010–2019 гг. эти государства повысили позиции в цепочках стоимости, тогда как Швеция и Финляндия ухудшили. Дания и Швеция сравнительно более плотно встроены в международную производственную сеть: они сотрудничают с более влиятельными странами в ГЦС. Дания и Норвегия занимают прочное положение в цепочках стоимости как поставщики услуг водного транспорта, Финляндия – как поставщик изделий из бумаги и древесины, Швеция – как производитель транспортных средств. Опыт Дании наиболее примечателен. К началу XXI в. она подошла как экспортер преимущественно аграрной продукции с низкой добавленной стоимостью, однако впоследствии смоглакратно повысить технологическую сложность экспортной корзины, в которой сегодня примерно одну шестую часть занимает фармацевтическая продукция. Переход к новой структуре экспорта сопряжен с эксплуатацией зарубежной базы выпуска средств производства: Дания активно импортирует электрическое оборудование и механические устройства [Григорьев и др., 2019].

Рисунок 3

Индекс позиции в ГЦС и индекс условий торговли Финляндии, 2010–2019 гг.

Источник: составлено автором по данным Trade in Value Added; World Bank Open Data. World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 15.07.2024).

Участие Швеции и Дании не демонстрирует выраженной зависимости от конъюнктуры мирового рынка: практически отсутствует корреляция условий торговли стран с их позицией в ГЦС (коэффициент корреляции 0,40 и 0,05 соответственно). В то же время сильная обратная зависимость указанных параметров отмечается для Норвегии и Финляндии (Рис. 3). Если для Норвегии такая тенденция объясняется существенным влиянием мировых цен на нефть, то для Финляндии ситуация выглядит более парадоксальной. Можно предположить, что обратная зависимость условий

торговли и позиции страны в ГЦС обусловлена влиянием цен на пиломатериалы на мировом рынке. Однако цены на фьючерсный контракт за период 2010–2019 гг. оставались практически неизменными и колебались в диапазоне 250–280 долл. за 1000 кубометров¹. Таким образом, этот феномен требует дальнейших исследований.

Заключение

В результате исследования уточнено положение стран Северной Европы в глобальных цепочках стоимости на текущем этапе, а также определены отрасли, в которых указанные страны имеют приоритетное положение в ГЦС. Дания и Швеция занимают более высокодоходный сегмент цепочки стоимости, чем Норвегия и Финляндия. В то же время в последние годы положение Норвегии улучшилось: страна демонстрирует прогресс в области водородной энергетики, что может позволить ей и далее укреплять позиции в ГЦС. Дания и Швеция, как более встроенные в международную производственную сеть страны, в меньшей степени подвержены влиянию конъюнктуры мирового рынка, чем Норвегия и Финляндия. Дания, став в начале XXI в. экспортером промышленной продукции, усиливает компетенции поставщика товаров с высокой добавленной стоимостью (таких как фармацевтическая продукция). Швеция поддерживает статус крупного экспортера транспортных средств и комплектующих. Финляндия, невзирая на повышение роли экспорта услуг ИКТ и НИОКР, сохраняет крен в сторону лесобумажной промышленности.

Улучшение позиций стран Северной Европы в ГЦС потребует дополнительных мер по развитию бизнеса и усилению государственной поддержки по следующим направлениям. Первое – налаживание внутрирегиональной производственной кооперации с использованием сравнительных преимуществ каждой страны с опорой на сектора, в которых государства выборки имеют общий характер участия в глобальных цепочках стоимости (водный транспорт, оптовая и розничная торговля, профессиональная, научная и техническая деятельность). Второе – диверсификация отраслевого участия в ГЦС с целью снижения зависимости последнего от конъюнктуры мирового рынка (особенно актуально для Норвегии и Финляндии). Третье – реализация программ финансирования выхода малых и средних предприятий на внешние рынки, повышение степени их самостоятельности по отношению к крупным отечественным многонациональным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баджо Р., Шерешева М.Ю. (2014) Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер. *Вестник Московского Университета*. Серия 6. Экономика. № 2. С. 3–21.

Березной А. (2018) Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции. *Мировая экономика и международные отношения*. № 9(62). С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17>

Бурнаева Е. (1994) Северная Европа в международном разделении труда. *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 100–109. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1994-12-100-109>

¹ Пиломатериалы – фьючерсный контракт. Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/lumber> (дата обращения: 02.08.2024).

Гончарова К.С., Шеломенцев А.Г., Масюк Н.Н. (2023) Сравнительный анализ влияния глобальных цепочек создания стоимости на национальные экономики. *Вестник МГИМО-Университета*. № 16(4). С. 107–126. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126>

Григорьев Л., Павлюшина В., Кулаева Н. (2019) На пульсе: Обновленный прогноз всемирного банка. В фокусе: Скандинавия – государства всеобщего благосостояния. *Бюллетень о будущих тенденциях мировой экономики*. № 45. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/22845.pdf?fbclid=IwAR3d-dikfJy97ME2zTdI_Wxjq91SrxgBvILknBnknTYLEsQtjvMBvFxEy7s (дата обращения: 02.08.2024).

Кондратьев В. (2015) Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости. *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 5–17.

Костин К.Б. (2018) Особенности развития стран Северной Европы. *Российское предпринимательство*. № 1(19). С. 313–333.

Кочетов Э.Г. (ред.) (2010) *Геоэкономика и конкурентоспособность России: научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: научно-аналитический доклад*. Книга и бизнес, Москва. 388 с.

Лапинова С.А., Аникина А.И., Ошарин А.М. (2020) Анализ структур экспорта и импорта с использованием сетевых методов (на примере рынка агропромышленных товаров). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. № 3. С. 421–454. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.304>

Лучко М. (2020) Позиции стран Северной Европы через призму международных рейтингов. *Современная Европа*. № 3. С. 83–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320208395>

Плюсин Р.М. (2020). Влияние интеграции Финляндии в ЕС на ее внешнюю торговлю: статистическая оценка. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 6. С. 170–180. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10077

Сморodinская Н.В., Малыгин В.Е., Катуков Д.Д. (2017). Сетевое устройство глобальных стоимостных цепочек и специфика участия национальных экономик. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 55–68.

Такмашева И., Тяглов С. (2019). Инновационное развитие предпринимательского сектора: опыт Скандинавских стран. *Современная Европа*. № 4. С. 60–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420196072>

Ahmad N., Bohn T., Mulder N., Vaillant M., Zaclicever D. (2017) Indicators on global value chains: A guide for empirical work. *OECD Statistics Working Papers*. No. 2017/08. OECD Publishing, Paris, France. 44 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/8502992f-en>.

Boschma R. (2022) Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda. *Area Development and Policy*. No. 7(2). P. 123–146. DOI: 10.1080/23792949.2022.2040371

Carvalho V.M., Tahbaz-Salehi A. (2019) Production Networks: a primer. *Annual Review of Economics*. No. 11(1). P. 635–663. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080218-030212>

Cingolani I., Piccardi C., Tajoli L. (2015) Discovering preferential patterns in sectoral trade networks. *PLoS ONE*. No. 10(10). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0140951>

Coveri A., Zanfei A. (2023) The virtues and limits of specialization in global value chains: analysis and policy implications. *Journal of Industrial and Business Economics*. No. 50(1). P. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00247-9>

Gereffi G. (2019) Global Value chains and development: Redefining the Contours of 21st Century Capitalism. *Cambridge University Press*. 474 p.

Hummels D., Ishii J., Yi K. (2001). The nature and growth of vertical specialization in world trade. *Journal of International Economics*. No. 54(1). P. 75–96. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/s0022-1996(00)00093-3)

Krapohl S., Fink S. (2013). Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 51. No. 3. P. 472–488.

Los B., Timmer M.P., de Vries G.J. (2015). How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation. *Journal of Regional Science*. No. 55(1). P. 66–92. DOI: <https://doi.org/10.1111/jors.12121>

Pahl S., Timmer M. (2019). Do global value chains enhance economic upgrading? A long view. *The Journal of Development Studies*. No. 56(9). P. 1683–1705. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220388.2019.1702159>

Stone L.L. (2021) *The growth of Intra-Industry trade: New Trade Patterns in a Changing Global Economy*. Taylor & Francis. 104 p.

Xing Y. (ed.) (2015) *Uncovering value added in trade: New Approaches to Analyzing Global Value Chains*. World Scientific Publishing Company, Singapore. 166 p.

Northern European Countries in Modern Global Value Chains: Comparative Analysis

A.D. Vasilchenko

Junior Scientific Researcher of the Institute of Europe

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: vasilchenko.ad7@gmail.com

Abstract. This article dwells upon the comparative aspects of Northern European countries' participation in modern global value chains (GVCs). The aim of the research was to identify economic sectors in which the analysed countries maintain the most beneficial position in GVCs. Methodology applied is based on the calculation of the vertical specialisation indices and indicators of centrality and clustering in international production networks. New indices of relative GVC specialisation, namely GVC participation intensity index and deviation index, were introduced and applied by the author. Quantitative assessment of the network metrics is based on a construction of the international production network graph. The nodes represented 76 world largest economies and the edges were non-negative normalised quantities of intermediate products interflows. The main source of raw data is the OECD Data Explorer statistical database. Geographical scope of research covers Denmark, Norway, Finland, and Sweden. The time period is 2010–2019, before the COVID-19 pandemics. The results obtained suggest that Northern European countries participate in GVCs differently. Denmark and Sweden are well-positioned at higher stages of the value chain, whereas Norway and Finland occupy lower stages. At the same time, Denmark and Norway display a distinctive specialisation in water transport, Finland specialises in wood and paper manufacturing, and Sweden has a competitive edge in transport manufacturing. Denmark and Sweden are firmer integrated into the international production network, and they cooperate with relatively more influential partners than that of Norway and Finland. It has been unveiled that GVC participation of the two latter countries depends greatly on the state of the global market.

Keywords: global value chains, Nordic countries, vertical specialisation, international production networks, centrality

DOI: 10.31857/S020170832406010X

REFERENCES

Ahmad N., Bohn T., Mulder N., Vaillant M., Zaclicever D. (2017) Indicators on global value chains: A guide for empirical work, *OECD Statistics Working Papers*, 2017/08, OECD Publishing, Paris, France. DOI: <https://doi.org/10.1787/8502992f-en>

Baggio, R., Sheresheva, M.Y. (2014) Setevoy podxod v e'konomike i upravlenii: mezhdisciplinarny'j xarakter [Network Approach in Economics and Management: The Interdisciplinary Nature], *Moscow University Economic Bulletin*, 2, pp. 3–21. (In Russian).

Bereznoj A. (2018) Transnacional'ny'j biznes v e'poxu global'noj cifrovoj revolyucii [Multinational Business in the Era of Global Digital Revolution], *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*, 9(62), pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17> (In Russian).

Boschma R. (2022) Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda, *Area Development and Policy*, 7(2), pp. 123–146. DOI: 10.1080/23792949.2022.2040371

Burnaeva E. (1994) Severnaya Evropa v mezhdunarodnom razdelenii truda [Northern Europe in the International Division of Labor], *World Economy and International Relations*, 12, pp. 100–109. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1994-12-100-109> (In Russian).

Carvalho V.M., Tahbaz-Salehi A. (2019). Production Networks: a primer, *Annual Review of Economics*, 11(1), pp. 635–663. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080218-030212>

Cingolani I., Piccardi C., Tajoli L. (2015). Discovering preferential patterns in sectoral trade networks, *PLoS ONE*, 10(10). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0140951>

Coveri A., Zanfei A. (2023). The virtues and limits of specialization in global value chains: analysis and policy implications, *Journal of Industrial and Business Economics*, 50(1), pp. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00247-9>

Gereffi G. (2019) *Global Value chains and development: Redefining the Contours of 21st Century Capitalism*, Cambridge University Press.

Goncharova K.S., Shelomentsev A.G., Masyuk N.N. (2023) Sravnitel'ny'j analiz vliyaniya global'ny'x cepochek sozdaniya stoimosti na nacional'nye ekonomiki [Comparative Assessment of Global Value Chains' Influence on National Economies], *MGIMO Review of International Relations*, 4(16), pp. 107–126. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-4-91-107-126> (In Russian).

Grigoriev L.M., Pavlyushina V., Kulaeva N. (2019) Na pul'se: Obnovlenny'j prognoz vseirnogo banka. V fokuse: Skandinavija – gosudarstva vseobshhego blagosostoyaniya [On the pulse: The updated forecast of the world Bank. In focus: Scandinavia is a welfare state], *Bulletin of the Future Trends in the World Economy*, 45, Analytical Center under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian).

Hummels D., Ishii J., Yi K. (2001) The nature and growth of vertical specialization in world trade, *Journal of International Economics*, 54(1), pp. 75–96. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/s0022-1996(00)00093-3)

Kochetov E.G. (2010) *Geo'ekonomika i konkurentosposobnost' Rossii: nauchno-kontseptual'ny'e osnovy' geoe'konomicheskoy politiki Rossii: nauchno-analiticheskij doklad* [Geo-Economics and Competitiveness of Russia: scientific and Conceptual Foundations of Russia's Geo-economic Policy: Scientific Analytical report], *Kniga i biznes*, Moscow, Russia. (In Russian).

Kondrat'ev V. (2015) Mirovaya e'konomika kak sistema global'ny'x cepochek stoimosti [World Economy as Global Value Chains' Network], *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*, 3, pp. 5–17.

Kostin K.B. (2018) Osobennosti razvitiya stran Severnoj Evropy' [Developmental characteristics of the countries of Northern Europe], *Russian Journal of Entrepreneurship*, 1(19), pp. 313–333. (In Russian).

Krapohl S., Fink S. (2013) Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa, *Journal of Common Market Studies*, 3(50), pp. 472–488.

Lapinova S.A., Anikina A.I., Osharin A.M. (2020) Analiz struktur e'ksporta i importa s ispol'zovaniem setevy'x metodov (na primere ry'nka agropromy'shlenny'x tovarov) [Analysis of export and import structures using network methods (on the example of the agricultural market)], *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3(36), pp. 421–454. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.304> (In Russian).

Los B., Timmer M.P., de Vries G.J. (2015) How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation, *Journal of Regional Science*, 1(55), pp. 66–92. DOI: <https://doi.org/10.1111/jors.12121>

Luchko M. (2020) Pozicii stran Severnoj Evropy' cherez prizmu mezhdunarodny'x rejtingov [Positions of Nordic Countries through the Prism of International Relations], *Contemporary Europe*, 3, pp. 83–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320208395> (In Russian).

Pahl S., Timmer M. (2019) Do global value chains enhance economic upgrading? A long view, *The Journal of Development Studies*, 56(9), pp. 1683–1705. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220388.2019.1702159>

Plyusnin R.M. (2020) Vliyanie integracii Finlyandii v ES na ee vneshnyuyu trgovlyu: statisticheskaya ocenka [Impact of Finland's EU Integration on its Foreign Trade: Statistical Assessment], *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 6, pp. 170–180. DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10077](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10077) (In Russian).

Smorodinskaya N., Malygin V., Katukov D. (2017) Setevoe ustrojstvo global'ny'x stoimostny'x cepochek i specifikha uchastiya nacional'ny'x e'konomik [The Network Structure of Global Value Chains and Specificity of Countries' Participation in Them], *Social Sciences and Contemporary World*, 3, pp. 55–68. (In Russian).

Stone L.L. (2021) *The growth of Intra-Industry trade: New Trade Patterns in a Changing Global Economy*, Taylor & Francis.

Takmasheva I., Tyaglov S. (2019) Innovacionnoe razvitie predprinimatel'skogo sektora: opyt Skandinavskix stran [Innovative Development of the Entrepreneurial Sector: Scandinavian Experience], *Contemporary Europe*, 4, pp. 60–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420196072> (In Russian).

Xing Y. (2015). *Uncovering value added in trade: New Approaches to Analyzing Global Value Chains*, World Scientific Publishing Company, Singapore.

УДК 339.56

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКАЯ ТОВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ФОНЕ СПАДА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ФРГ

© 2024 ГРАЧЕВА Мария Владимировна

Кандидат экономических наук

Ведущий научный сотрудник, Отдел экономической теории

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отно-
шений имени Е.М. Примакова Российской академии наук*

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

E-mail: mgracheva@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Аннотация. В статье рассмотрена специфика торговли ФРГ с Турцией в сравнении с характеристиками общегерманской внешней торговли. Показаны успешное развитие турецкого направления после 2010 г., роль Турции и ФРГ в качестве торговых партнеров. Подробно представлена структура двусторонней торговли. Структурные сдвиги проанализированы на основе электронной базы данных Федерального статистического ведомства Германии. Особое внимание уделено изменениям, произошедшим в 2023 г. Рассчитаны удельные стоимости экспорта и импорта по товарным группам и выявлена значительная разница в пользу ФРГ у главной товарной группы – готовых изделий. Определены основные отрасли экспорта и импорта, которые сопоставлены с аналогичными отраслями общегерманских торговых потоков. Исходя из этого сформулированы особенности турецкого экспортного рынка (повышенная роль автомобилестроения, машиностроения и химической промышленности, рост значения производства прочих транспортных средств, помимо автомобилей) и импортного источника (усиленная ориентация на автомобильную, швейную и машиностроительную индустрии). Выделены как наиболее важные, так и наиболее перспективные отдельные товарные позиции в двусторонней торговле (к первым относятся самолеты по экспорту и верхняя одежда по импорту, ко вторым – автокомпоненты и автомобили по импорту). Сделаны выводы о вероятном повышении значения импорта из Турции и о скором вхождении страны в первую десятку торговых партнеров Германии.

Ключевые слова: германо-турецкая торговля, общегерманская внешняя торговля, структура торговли, товарные группы, отрасли, товарные позиции

DOI: 10.31857/S0201708324060111

В 2023 г. ВВП Германии в текущих ценах вырос на 6,3%¹, в то же время внешне-торговый товарооборот (ТО) упал на 4,6%² (мировая товарная торговля сократилась еще сильнее – на 7,5%³). Товарная торговля ФРГ с тремя центрами международной торговли показала следующие результаты: Евросоюз – уменьшение на 1,4%, Китай – снижение на 15,1%, США – увеличение на 1,2%. В 2023 г. германо-турецкая торговля (ГТТ) продемонстрировала подъем ТО на 6,5%. В последние пять лет ГТТ росла более чем в два раза быстрее, чем общегерманская внешняя торговля (ОГВТ): среднегодовые темпы прироста составили 9,1 и 4,2% соответственно. В 2019–2023 гг. Турция заняла второе место после Норвегии по среднегодовому темпу прироста ТО среди первой двадцатки торговых партнеров ФРГ.

Экономическое сотрудничество Германии с Турцией осуществляется на базе четырех ключевых платформ: германо-турецкая внешнеторговая палата (создана в 1994 г., головной офис в Стамбуле, отделения в Измире и Анкаре, около 1,1 тыс. членов), турецко-германская промышленная и торговая палата (создана в 2003 г., офис в Берлине, более 350 членов), германо-турецкий энергетический форум и совместная экономическая и торговая комиссия (созданы в 2012 г. и 2013 г. соответственно под эгидой министерства экономики ФРГ и министерства торговли Турции)⁴.

На этих площадках разрабатываются совместные проекты и отслеживается их реализация, а также готовятся предложения по совершенствованию законодательства и нормативно-правового регулирования в области внешней торговли. Важную роль в развитии двусторонней торговли играет страхование экспортных кредитов. Лидером этого рынка в обеих странах является компания «Альянц трэйд» (*Allianz Trade*)⁵, входящая в состав германского страхового концерна «Альянц СЕ» (*Allianz SE*). Для германских прямых инвестиций в Турции характерна повышенная ориентация на вложения в торгово-сбытовую сеть (23,6% на конец 2021 г.; соответствующий показатель для совокупных прямых заграничных инвестиций ФРГ заметно ниже – 16,4%)⁶.

¹ ВВП ФРГ в постоянных ценах (ценах 2015 г.) сократился в 2023 г. на 0,3%. Динамику внешней торговли следует сравнивать с динамикой ВВП не в постоянных, а в текущих ценах, поскольку показатели внешней торговли рассчитываются именно в текущих ценах. Источник данных о ВВП: Statistisches Bundesamt. Genesis-Online Datenbank. Statistik 81000. Volkswirtschaftliche Gesamtrechnungen des Bundes. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 20.08.2024).

² Источник данных о внешней торговле ФРГ: Statistisches Bundesamt. Genesis-Online Datenbank. Statistik 51000. Außenhandel. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Global trade update. UNCTAD. 12.2023. P. 3. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2023d3.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Deutschland und die Türkei: bilaterale Beziehungen. Auswärtiges Amt. 11.10.2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/tuerkei-node/bilateral/201968> (дата обращения: 20.08.2024); Aktuelle Informationen zum Stand der deutsch-türkischen Wirtschaftsbeziehungen. Deutsch-Türkische Industrie- und Handelskammer. 25.10.2023. URL: clck.ru/3EidRF (дата обращения: 14.09.2024); Bilaterale Wirtschaftsbeziehungen. Auswärtiges Amt. 2023. URL: <https://tuerkei.diplo.de/tr-de/03-Themen/001-DeutschlandunddieTuerkei/wirtschaft/-/2606326> (дата обращения: 20.08.2024).

⁵ Ранее – «Ойлер Гермес» (*Euler Hermes*).

⁶ Рассчитано по: Direktinvestitionsstatistiken Aktualisierte Ausgabe. Deutsche Bundesbank. 30.04.2024. P. 77, 81. URL: clck.ru/3EidMr (дата обращения: 20.08.2024).

Германские исследователи уделяют значительное внимание экономике Турции и ее торговым отношениям с ФРГ и ЕС. В Германском институте международной политики и безопасности Фонда науки и политики (*Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit*) существует Центр прикладных турецких исследований (*Centrum für angewandte Türkei-studien, CATS*). Он специализируется на анализе внутренней и внешней политики Турции, а также публикует работы о проблемах ее экономического сотрудничества с Германией и Евросоюзом. Эксперты центра указывают на важную геополитическую роль Турции и необходимость укрепления экономического взаимодействия посредством модернизации таможенного союза ЕС–Турция¹ [Tastan, 2022: 1–6; Aydın, 2023: 7; Aydın, Bastian, 2023: 8; Aydın, 2024: 7].

Другие германские научные институты также отдают должное турецкой тематике. В 2016 г. ряд публикаций был посвящен последствиям подавления попытки государственного переворота для экономики и внешней торговли страны [Tolksdorf, 2016: 9; Yürekli, 2016: 13]. С 2018 г. постоянно появляются работы, в которых анализируются валютный кризис (в 2018–2023 гг. лира обесценилась в восемь раз – с 3,76 до 30,36 TRY/USD; основные спады курса произошли в 2021–2023 гг.²), тесно связанная с ним высокая инфляция (в 2004–2017 гг. годовые темпы прироста потребительских цен были меньше или чуть больше 10%, в 2018–2020 гг. они держались в интервале 12–20%, а в 2021–2023 гг. диапазон составил 49–65%³) и их влияние на внешнюю торговлю [Treier, 2018: 8; Matthes, 2018: 11, 20, 21; Yalçın, 2023: 1]⁴. По заказу министерства экономики и защиты климата четыре научных института (два германских и два австрийских) провели исследование роли различных стран в обходе антироссийских ограничительных мер Евросоюза и пришли к выводу, что Турция занимает второе место после Китая в поставках подсанкционных товаров в РФ [Astrov et al, 2024: 14–15].

Российские исследователи уделяют внимание в основном политическому взаимодействию Евросоюза и Турции [Шумилин, 2020; Шумилин, 2023а; Шумилин, 2023b; Аватков, Сбитнева, 2023; Гришин, Исламов, 2023] и миграционному соглашению 2016 г. [Аватков, Якимова, 2020; Крапивина, 2022]. Публикации об экономическом взаимодействии сфокусированы на проекте создания в Турции газового хаба [Айвазян, 2020; Экен, 2022; Меньшов, 2024]. Однако работы с обзорным анализом ГТТ встречаются редко [Аюпова, Корнилов, 2017].

В статье рассмотрено развитие ГТТ на основе данных германской статистики. Проанализированы динамика макроиндикаторов, удельный вес и рейтинг Турции во внешней торговле Германии с 1990 г., структура ГТТ в разрезе четырех товарных групп, динамика ГТТ и структурных изменений в разрезах 30 отраслей и 20 главных товаров германского экспорта/импорта в 2010–2022 гг. и отдельно в 2023 г. Выделены ключе-

¹ Таможенный союз создан в 1995 г. и обеспечивает беспоплатное движение товаров. Он не охватывает сельскохозяйственную продукцию и некоторые другие товары.

² USD/TRY – Доллар США Турецкая лира. Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-try-historical-data> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Consumer Prices. Central Bank of the Republic of Türkiye Head Office. URL: clck.ru/3EidP8 (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Matthes J. Währungskrise: Türkei verspielt Vertrauen. iwd. 29.08.2018. URL: clck.ru/3EUsRY; Matthes J. Türkei-Krise: Späte Einsicht. IW-Nachricht. 28.09.2018. URL: <https://www.iwkoeln.de/presse/iw-nachrichten/juergen-matthes-spaete-einsicht.html>; Matthes J. Türkei: Erdogan kämpft gegen ökonomische Grundsätze. IW-Nachricht. 07.01.2022. URL: clck.ru/3EidEE (дата обращения: 20.08.2024).

вые особенности ГТТ в сравнении с ОГВТ и рассмотрены перспективы Турции в качестве экспортного рынка и импортного источника для германской экономики.

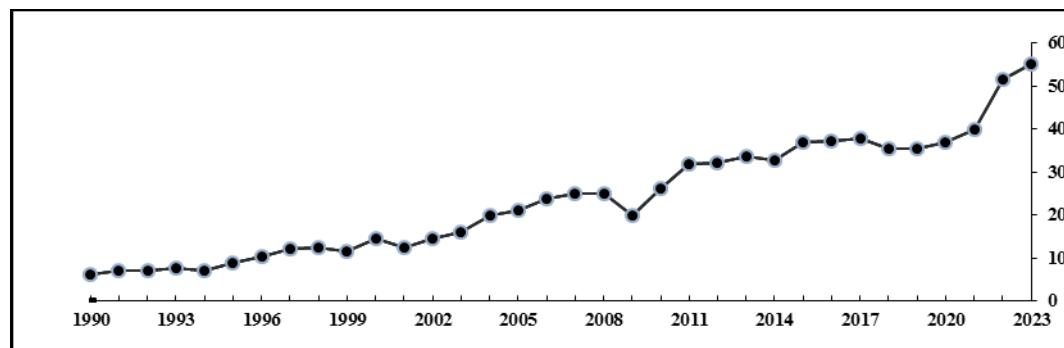
Общая характеристика торговли ФРГ–Турция в 1990–2023 гг.

Динамика ТО двусторонней торговли с 1990 г. представлена на рисунке 1. В развитии ГТТ выделяются два периода. В 1991–2009 гг. рост был на уровне 6,3% в среднем за год (на 1,8 процентных пункта (п.п.) выше среднегодового темпа роста ОГВТ), с размахом колебаний 46 п.п. и максимальным спадом 19,7% в 2009 г. В 2010–2023 гг. рост ускорился до 7,5% в среднем за год (на 2,4 п.п. выше среднегодового темпа роста ОГВТ), размах колебаний сузился до 37 п.п., максимальный спад оказался гораздо скромнее – 5,8% в 2018 г.

Главный компонент ГТТ – экспорт из ФРГ в Турцию. В 1990–2023 гг. его доля в среднем составила 57% ТО. В 1990–2003 гг. показатель был ниже среднего (54% с минимальным уровнем 47%), в 2004–2023 гг. – выше среднего (58% с минимальным уровнем 52%). В рамках ОГВТ доля экспорта составила 54% в 1990–2023 гг. и 55% в 2004–2023 гг.

Рисунок 1

Товарооборот Германия – Турция в 1990–2023 гг., млрд евро

Составлено на основе электронной базы данных Федерального статистического ведомства Германии: Statistisches Bundesamt. Genesis-Online Datenbank. Statistik 51000. Außenhandel. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 20.08.2024).

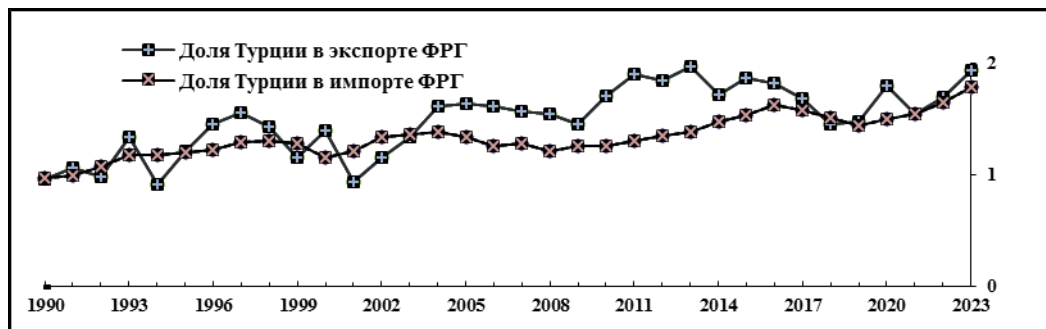
Доминирование германского экспорта в структуре ТО обусловило устойчивое положительное сальдо для ФРГ в торговле с Турцией: его средний годовой размер вырос с 0,8 млрд евро (7% ТО) в 1990–2003 гг. (в 1992 г., 1994 г., 2001 г. имел место небольшой дефицит для Германии) до 5 млрд евро (16% ТО) в 2004–2023 гг. (в этот период дефицита не случилось). Профицит ОГВТ находился в эти периоды на уровнях 7 и 9% ТО соответственно.

Удельный вес Турции в германских внешнеторговых потоках представлен на рисунке 2.

Рисунок 2

Доли Турции в экспорте и импорте Германии в 1990–2023 гг., %

Составлено на основе электронной базы данных Федерального статистического ведомства.

Доля Турции в германском экспорте в 1990–2023 гг. характеризуется следующим образом: средний уровень – 1,5%, текущий уровень – 1,9%. Соответствующие показатели по доле в импорте ниже – 1,3 и 1,8%. Рейтинг среди стран – партнеров по экспорту – в среднем 17-й, текущий – 14-й. Рейтинг по импорту – в среднем 19-й, текущий – 17-й. Последовательное повышение экспортного рейтинга Турции происходит с 2019 г.: она обогнала Данию, Японию, Россию и Швецию и в ближайшее время, скорее всего, опередит Венгрию. Сегодня Турция находится на третьем месте среди экспортных партнеров Германии, не входящих в «большую тройку» (ЕС, США, Китай), уступая Британии и Швейцарии.

Доли ФРГ в турецком экспорте и импорте составили: в 1996 г. – 22,3 и 17,9%, в 2010 г. – 10,1 и 9,5%, в 2023 г. – 8,1 и 7,8% соответственно. В 1996 г. Германия была лидером в обоих внешнеторговых потоках Турции. С тех пор она сохранила эту позицию в турецком экспорте и утратила ее в турецком импорте, заняв второе место после России в 2010 г. и третье место после России и Китая в 2023 г.¹

Товарные группы ГТТ: удельные стоимостные характеристики

В 2023 г. структура торговли Германии с Турцией по трехзначной классификации Федерального статистического ведомства в разрезе четырех товарных групп (продовольственные товары, сырьевые товары, полуфабрикаты, готовые изделия) выглядела следующим образом. В двусторонних торговых потоках доминируют готовые изделия, однако их доля в экспорте из ФРГ (95%) заметно выше, чем в импорте (89%). Эта группа выступает основным источником германского профицита в торговле с Турцией. Вклад профицита по готовым изделиям в торговле с Турцией в совокупный профицит ОГВТ растет (в 2008 г. – 3,3%, в 2023 г. – 3,6%), превышая вклады турецких торговых потоков в общегерманские торговые потоки. По полуфабрикатам ФРГ имеет в торговле с Турцией незначительный плюс, по сырью и продовольствию – минус. Размеры профицита/дефицита по продовольствию, сырью и полуфабрикатам на турецком направлении не играют заметной роли. Итог полностью зависит от торговли готовыми изделиями.

¹ Рассчитано по: TÜİK – Veri Portalı. URL: <https://data.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 20.08.2024).

Соотношение удельных стоимостей германского экспорта в Турцию и германского импорта из Турции представлено в таблице 1. В рамках цепочки «сырье – полуфабрикаты – готовые изделия» удельная стоимость товарных групп заметно возрастает. Особенно сильный скачок происходит при переходе от полуфабрикатов к готовым изделиям (у продовольствия стоимость единицы товара выше, чем у полуфабрикатов, но ниже, чем у готовых изделий).

Показатели стоимости единицы товара в группах продовольствия и полуфабрикатов по импорту из Турции выше, чем по экспорту в Турцию. В группе экспортного сырья удельная стоимость, напротив, больше, чем в группе импортного сырья. У главной товарной группы – готовых изделий – значительная разница в пользу Германии. Следовательно, итоговая удельная стоимость у импорта (4,8 тыс. евро/т) на 30% ниже, чем у экспорта (6,9 тыс. евро/т). Перевес в пользу ФРГ характерен для торговли со всем миром (2,6 тыс. евро/т по импорту и 4,5 тыс. евро/т по экспорту, т. е. разница составляет 40%).

Таблица 1

**Удельные стоимостные характеристики товарных групп
в германо-турецкой торговле в 2023 г., евро/тонна**

Товарная группа	Экспорт из ФРГ	Импорт в ФРГ	Соотношение между экспортом из ФРГ и импортом в ФРГ
Продовольственные товары	2 444	2 674	1:1,1
Сырьевые товары	737	662	1:0,9
Полуфабрикаты	798	1 023	1:1,3
Готовые изделия	9 650	6 333	1:0,7
Всего (за вычетом возвращенных и замененных товаров)	6 888	4 806	1:0,7

Примечание. Удельная стоимость товарной группы – это стоимость единицы товара этой группы, т. е. результат деления стоимости товаров (в евро) на их физический объем (в тоннах).

Составлено на основе электронной базы данных Федерального статистического ведомства.

**Динамика и отраслевая структура торговли ФРГ – Турция
в 2010–2023 гг.**

Развитие ГТТ начиная с 2010 г. (года восстановления торговли после кризиса 2009 г.) следует охарактеризовать как уверенный рост: за 13 лет объем ТО более чем удвоился (с 26,3 до 55,1 млрд евро), среднегодовой темп прироста составил 5,9% на фоне +4,1% ОГВТ. При этом можно выделить три этапа: умеренный подъем 2011–2017 гг. (на 5,3% в среднем за год при +4,1% ОГВТ), умеренный спад 2018–2019 гг. (-3,1% в среднем за год на фоне +2,6% ОГВТ), быстрый подъем 2020–2023 гг. (на 11,6% в среднем за год при +5,0% ОГВТ). В 2020 г. ГТТ выросла на 4,4%, а ОГВТ сократилась на 8,2%. Среднегодовой темп прироста ВВП Турции в

2011–2023 гг. был 5,7%, в т. ч. в 2011–2017 гг. – 7,3%, в 2018–2019 гг. – 1,9%, в 2020–2023 гг. – 6,0%¹.

Распределение германского экспорта в Турцию в 2010–2023 гг. по 30 отраслям двузначной классификации, с выделением периода до 2023 г. (2010–2022 гг.) и отдельно 2023 г., представлено в таблице 2².

В 2010 г. в список основных отраслей³, обеспечивающих более половины объема экспорта из ФРГ в Турцию (с совокупной долей 57,0%), вошли автомобилестроение (25,4%), машиностроение (18,6%) и химическая промышленность (13,0%). В 2011–2022 гг. основной среднегодовой прирост экспорта пришелся тоже на три отрасли: машиностроение, производство прочих транспортных средств и химическая промышленность, а в 2023 г. – на автомобилестроение. В результате в 2023 г. иерархия трех лидеров (с совокупной долей 56,5%) осталась прежней, но разница между автомобилестроением и машиностроением (24,3 и 21,3%) сократилась с 6,8 до 3,0 п.п., а роль химической промышленности (10,9%) ослабла на 2,1 п.п. Важнейшие структурные сдвиги за последние 13 лет сводятся к снижению долей электронной и химической отраслей (на 3,1 и 2,1 п.п.) и повышению доли производства прочих транспортных средств (на 7,5 п.п.). Несмотря на успех последней отрасли, она пока не обогнала химическую промышленность и не вошла в тройку основных экспортных направлений.

В общегерманском экспорте состав основных отраслей и их внутренняя иерархия в 2023 г. оказались такими: автомобилестроение (17,0%), машиностроение (14,2%), химическая промышленность (8,9%), электронная промышленность (8,4%), фармацевтическая промышленность (7,1%). Совокупная доля трех первых отраслей в турецком экспорте составляет 56,5%, в общегерманском экспорте – 40,1%. Совокупная доля двух последних отраслей составляет 7,6 и 15,5% соответственно.

Рейтинги Турции среди стран, в которые направляется экспорт из Германии, в трех вышеуказанных основных отраслях изменились в 2010–2023 гг.: автомобилестроение – подъем с 12-го места с долей 2,6% на 11-е с 2,8%, машиностроение – с 14-го с 2,1% на 10-е с 2,9%, химия – сохранение 13-го места с долей 2,4%. В качестве экспортного рынка для германской продукции Турция сохранила свои позиции в химической промышленности и немного улучшила в автомобильной и машиностроительной. Сегодня в отраслевом разрезе самое большое значение для германских экспортных поставок в Турцию имеют автомобилестроение и машиностроение. Приоритетные тройки в этих отраслях включают США с долей 13%, Китай с долей 9%, а также Британию в автомобильной промышленности с долей 8% и Францию в машиностроении с долей 7%.

Отраслевое распределение германского импорта из Турции в 2010–2023 гг. представлено в таблице 3.

Перечень основных отраслей, генерирующих более половины объема импорта ФРГ из Турции, в 2010 г. состоял из четырех отраслей (совокупная доля – 57,2%): швейная (30,6%), автомобилестроительная (9,9%), машиностроительная (9,2%), текстильная (7,5%). Основные изменения были обеспечены: рост 2010–2022 гг. – тремя первыми из

¹ Рассчитано по: The World Bank development indicators. 20.08.2024. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TR> (дата обращения: 20.08.2024).

² Дополнительные материалы к статье (Таблицы 2, 3) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

³ Здесь и далее в качестве основных отраслей указаны по мере убывания отрасли с наибольшими объемами/приростами экспорта/импорта, совокупная доля которых составляет более 50%.

четырёх указанных отраслей (11,9%, 21,0%, 12,5%) и металлургической промышленностью (8,9%), спад 2023 г. – металлургией и швейной индустрией (30,3 и 30,3%). Соответственно, в 2023 г. лидером импорта стало автомобилестроение (19,2%), оттеснившее швейную отрасль на второе место (17,7%), машиностроение осталось на третьем месте (12,3%), в число основных отраслей вошла металлообработка (7,0%). В целом структурная перестройка в 2010–2023 гг. выразилась в резком ослаблении роли швейной промышленности (-12,9 п.п.) и усилении автомобильной промышленности (+9,3 п.п.).

Состав основных отраслей общегерманского импорта в 2023 г. очень сильно отличается от импорта из Турции: автомобилестроение (11,0%), электроника (10,5%), прочие товары (9,9%), электротехника (8,1%), машиностроение (7,8%), химия (7,6%).

Рейтинги Турции среди стран – поставщиков продукции двух ключевых отраслей на германский рынок изменились следующим образом: 2010 г. – 18-е место по автомобильной продукции, 2-е место по швейной продукции, 2023 г. – 14-е и 3-е места соответственно. В 2010 г. доля турецких швейных изделий в общегерманском отраслевом импорте была 12,6% (у лидера – Китая – этот показатель был 34,0%, у занимавшей третье место Бангладеш – 9,0%). В 2023 г. соотношение сил изменилось: Китай – 21,8%, Бангладеш – 19,4%, Турция – 11,7%. Доля находящегося на четвертом месте Вьетнама сильно отстает от первой тройки, составляя 4,9%.

Изменение роли Турции в экспорте и импорте главных товаров ОГВТ в 2010–2023 гг.

Германская внешнеторговая статистика позволяет провести углубленный анализ по четырехзначной классификации. Из 248 товарных позиций выделены перечни 20 главных экспортных и 20 главных импортных товаров ОГВТ в 2010 г. и в 2023 г. На эти товары первого эшелона приходится более 50% объемов германского экспорта/импорта. Для определения роли Турции в качестве существенного экспортного направления/импортного источника¹ рассчитаны доли Турции в общегерманском экспорте/импорте по всем 248 товарным позициям, включая 20 главных товаров.

В 2010 г. у Турции не было ни одной товарной позиции из 20 главных с долей более 5% германского экспорта. В 2023 г. позиция появилась, а именно воздушные и космические транспортные средства (код позиции 3030, доля 6,8%, +6,4 п.п. к 2010 г.). Это самолеты «Эйрбас» (*Airbus*), сборка которых ведется в Гамбурге. С 2013 г. они активно закупаются авиакомпанией «Турецкие авиалинии» (*Turkish Airlines*). Главный авиахаб перевозчика – Стамбульский аэропорт – занимал в 2021–2022 гг. первое место в Европе по числу пассажиров, в 2023 г. – второе после Лондонского аэропорта Хитроу².

В 2023 г. вплотную к пятипроцентной границе среди 20 главных товарных позиций по экспорту приблизились двигатели внутреннего сгорания / турбины (код позиции 2811, доля 4,7%, +2,4 п.п. к 2010 г.).

¹ Существенным экспортным направлением/импортным источником считается товарная позиция, по которой доля исследуемого направления/источника превышает 5% совокупного экспорта/импорта.

² List of the busiest airports in Europe. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_the_busiest_airports_in_Europe (дата обращения: 20.08.2024).

За пределами группы 20 главных товаров (во втором эшелоне) доли выше 5% германского экспорта Турция имела по четырем товарным позициям как в 2010 г. так и в 2023 г. Лидер второго эшелона по экспорту – позиция с кодом 2894 (машины для текстильной, швейной и кожевенной отраслей). В 2010 г. она была на 59-м месте с долей 6,7%, в 2023 г. – на 77-м месте с 11,9%.

В импорте в 2010 г. среди 20 главных товаров у Турции была одна товарная позиция с долей более 5%, а именно верхняя одежда (код позиции 1413, доля 11,2%). В 2023 г. таких позиций не оказалось, а верхняя одежда заняла 21-е место (доля 12,1%, +0,9 п.п. к 2010 г.). На германском рынке модной одежды представлены многие турецкие бренды: «Колинс» (*Colin's*), «Дефакто» (*DeFacto*), «Ипекйол» (*Ipekyol*), «Котон» (*Koton*), «ЛС Вайкики» (*LC Waikiki*), «Эл-ти-би» (*LTB*), «Мави» (*Mavi*), «Вакко» (*Vakko*) и др.

Наиболее важные позиции в рамках первого эшелона по импорту в 2023 г. – автокомпоненты (код 2932, доля 3,5%, +1,2 п.п. к 2010 г.) и автомобили/автомобильные моторы (код 2910, доля 2,9%, +2,0 п.п. к 2010 г.).

Вне группы 20 главных товаров Турция имела доли более 5% по 20 позициям в 2010 г. и 30 позициям в 2023 г. Лидер второго эшелона по импорту в 2010 г. – позиция с кодом 1414 (белье), в 2023 г. – с кодом 2811 (двигатели внутреннего сгорания и турбины).

Таким образом, в разрезе отдельных товаров по каждому торговому потоку сильный акцент в рамках первого эшелона замечен только на одной позиции: по экспорту из ФРГ – на самолетах, по импорту – на верхней одежде (примыкает к первому эшелону). Доли этих товаров в общегерманском экспорте/импорте изменились в 2010–2023 гг. следующим образом: самолеты – спад с 3,0 до 2,3%, верхняя одежда – стагнация на уровне 1,2%.

В рамках ОГВТ динамика трех других относительно крупных турецких товарных позиций следующая. По экспорту: двигатели внутреннего сгорания/турбины – спад с 1,7 до 1,2%, по импорту: автокомпоненты – подъем с 3,0 до 3,2%, автомобили/автомобильные моторы – подъем с 5,0 до 6,8%.

В Турции действуют подразделения двух германских автоконцернов – «Мерседес-Бенц Груп» (*Mercedes-Benz Group*) и «МАН» (*MAN*), производящие и экспортирующие грузовики и автобусы и запчасти для них. Кроме того, около 400 турецких компаний малого и среднего бизнеса производят и экспортируют автокомпоненты по лицензионным соглашениям¹.

Выводы

Динамика двустороннего ТО в 2010–2023 гг. успешнее и стабильнее, чем в 1990–2009 гг. ГТТ ориентирована на экспорт сильнее, чем ОГВТ. Торговля с Турцией для Германии более эффективна, чем внешняя торговля в целом (отношение положительного сальдо к ТО в рамках ГТТ заметно выше, чем в рамках ОГВТ). Роль Турции в германском экспорте важнее, чем в импорте (об этом свидетельствуют удельный вес

¹ Автомобильные запчасти. Турецкая Республика. Министерство торговли Турции. 2019. С. 1–4, 9. URL: [https://www.trade.gov.tr/data/5b8fdac113b8761f041fef6c/Automotive%20and%20Spare%20Parts%20\(Russian\).pdf](https://www.trade.gov.tr/data/5b8fdac113b8761f041fef6c/Automotive%20and%20Spare%20Parts%20(Russian).pdf) (дата обращения: 20.08.2024).

страны в торговых потоках ФРГ и место среди стран-партнеров). Турция сориентирована на торговлю с Германией заметно сильнее, чем ФРГ на торговлю с Турцией, но значение германского направления постепенно ослабевает, а значение турецкого направления у Германии, напротив, повышается.

В разрезе товарных групп импорт единицы товара из Турции дешевле, чем экспорт единицы товара в Турцию. Перевес в пользу Германии имеет место и в рамках ОГВТ, однако он больше, чем в торговле с Турцией. Это свидетельствует о том, что у турецких товаров уровень сложности относительно германских выше, чем у товаров зарубежных партнеров ФРГ в целом.

Торговля Германии с Турцией в 2010–2023 гг. развивалась лучше, чем со всем миром (исключение составили 2018 г. и 2019 г.). Пандемия 2020–2021 гг. оказала положительное влияние на динамику ГТТ. Основная причина успеха – быстрый рост экономики Турции. Падение курса турецкой валюты и высокая инфляция не стали сильным тормозом роста торговли с ФРГ. В отраслевом разрезе турецкий экспортный рынок отличается от общегерманского экспорта повышенным значением автомобилестроительной, машиностроительной и химической отраслей и пониженным – электроники и фармацевтики. В последние 13 лет изменения в структуре экспорта заключались в укреплении роли производства прочих транспортных средств (помимо автомобилей) за счет ослабления роли электронной и химической отраслей. В автомобиле- и машиностроении Турция постепенно поднимает рейтинг, однако страна не входит в первые десятки германских экспортных партнеров. Доли на уровне менее 3% означают, что турецкий экспортный рынок имеет второстепенное значение для германских производителей автомобилей и машин.

Отраслевые особенности Турции как источника импорта заключаются, с одной стороны, в усиленной ориентации на автомобильную, швейную и машиностроительную индустрии, с другой – в крайне незначительной роли электроники и химии. Турецкий автомобильный импорт имеет второстепенное значение для ФРГ, а швейный сохраняет большое значение, несмотря на то что в 2010–2023 гг. структура импорта сдвигалась в пользу автомобильной промышленности. Турция входит в первую тройку поставщиков швейных изделий. Скорее всего, в долгосрочной перспективе это не изменится.

В разрезе отдельных товарных позиций торговые потоки ФРГ – Турция являются весьма фрагментированными с точки зрения германских продаж/закупок, поскольку только по самолетам в экспорте и верхней одежде в импорте Турция имеет доли более 5% общегерманского экспорта/импорта 20 главных товаров. Вероятнее всего, эффективными факторами роста ГТТ станут товарные позиции, у которых увеличиваются не только доли Турции, но и доли самих товаров в торговых потоках. У вышеуказанных товаров растет только первый показатель, поэтому экспортируемые самолеты и импортируемая верхняя одежда останутся фундаментом двусторонней торговли, но не станут моторами ее дальнейшего развития. Для остальных главных товаров германского экспорта/импорта Турция не представляет значительного интереса в качестве покупателя/поставщика, но среди них формируются отдельные перспективные товарные позиции, способные придать торговле положительный импульс. Растущие доли Турции в экспорте/импорте показывают три товара из группы 20 главных: двигатели внутреннего сгорания/турбины по экспорту, автокомпоненты и автомобили/автомобильные моторы по импорту. Доля первой позиции в общегерманском экспорте не поднимается, а двух последних в общегерманском импорте активно увеличивается. Таким образом, импорт

автокомпонентов и автомобилей/автомобильных моторов из Турции может стать перспективным направлением развития ГТТ.

Более позитивные перспективы импорта в ФРГ из Турции по сравнению с экспортом из ФРГ в Турцию означают вероятное повышение роли импорта в ТО и сокращение германского профицита. Рейтинг Анкары в качестве поставщика будет улучшаться быстрее, чем в качестве покупателя. При сохранении выявленных тенденций примерно через пять – семь лет Турция войдет в первую десятку торговых партнеров Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А., Сбитнева А.И. (2023) Турция – Запад: образцовый антагонизм? *Современная Европа*. № 5. С. 31–43.
- Аватков В.А., Якимова Д.А. (2020) Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса. *Современная Европа*. № 3. С. 51–60.
- Айвазян Д.С. (2020) Пределы возможностей Турции как транзитного газового коридора. *Современная Европа*. № 7. С. 79–88.
- Аюпова Н.И., Корнилов А.А. (2017) Динамика экономического сотрудничества Турции с Германией в период правления партии справедливости и развития. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 4. С. 16–24.
- Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. (2023) Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы». *Современная Европа*. № 6. С. 96–109.
- Крапивина В.В. (2022) Результаты и перспективы развития миграционной сделки 2016 г. между ЕС и Турцией. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 21–32.
- Меньшов А.В. (2024) Турецкий газовый хаб: возможности для Европы и Турции. *Современная Европа*. № 1. С. 206–215.
- Шумилин А.И. (2020) Евросоюз-Турция: конфликтное партнерство. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 7–15.
- Шумилин А.И. (2023a) Эрдоган остается: перспективы отношений Турции с США, ЕС и Россией. Часть 1. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 7–16.
- Шумилин А.И. (2023b) Эрдоган остается: перспективы отношений Турции с США, ЕС и Россией. Часть 2. № 4. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. С. 78–89.
- Экен Э. (2022) Может ли Турция стать газовым хабом? *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 55–63.
- Astrov V., Scheckenhofer L., Semelet C., Teti F. (2024) Monitoring the Impact of Sanctions on the Russian Economy. *EconPol Policy Report*. No. 47. 20 p.
- Aydın Y. (2023) Ankaras Wirtschaftspolitik in der Zwickmühle. Wie die EU ökonomisch und sicherheitspolitisch mit der Türkei kooperieren kann. *SWP-Aktuell*. No. 48. 8 p.
- Aydın Y. (2024) Ankara's Economic Policy Dilemma. Europe's Options for Economic and Security Cooperation with Turkey. *SWP Comment*. No. 2. 7 p.
- Aydın Y., Bastian J. (2023) Dynamiken der deutsch-türkischen Wirtschaftskooperation. *SWP-Aktuell*. No 64. 8 p.
- Matthes J. (2018) Währungskrise in der Türkei. Ursachen und Gefahren. *IW-Report*. No 31. 26 p.
- Tastan K. (2022) The Challenge of Decarbonisation and EU-Turkey Trade Relations. A long-term perspective. *SWP Comment*. No. 66. 6 p.
- Tolksdorf H. (2016) Türkische Volkswirtschaft am Scheideweg. *ifo Schnelldienst*. No 21. P. 7–10.
- Treier V. (2018) Asienkrise 2.0 – droht ein neuer Flächenbrand? *ifo Schnelldienst*. No 23. P. 6–8.
- Yalçın E. (2023) 100 Jahre Türkische Republik. Neustart oder Kollaps? *Wirtschaftsdienst*. No 103. P. 361.
- Yürekli A. (2016) Die schwierige Beziehung der EU zur Türkei: Höchste Zeit zu handeln. *ifo Schnelldienst*. No 21. P. 10–14.

German-Turkish Commodities Trade in Contrast to the Decline in German Foreign Trade

M.V. Gracheva

Candidate of Sciences (Economics)

Leading Researcher, Department of Economic Theory

Primakov National Research Institute of World Economy

and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997

E-mail: mgracheva@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of Germany's trade with Turkey in comparison with the characteristics of all-German foreign trade. The author shows the successful development of the Turkish direction of German foreign trade after 2010, the roles of Turkey and Germany as trading partners, and examines in detail the structure of bilateral trade. Structural changes are analysed on the basis of the electronic database of German Federal Statistical Office, which allows to use the statistics in three profiles – four product groups, thirty branches and 248 product items. Particular attention is paid to the changes that occurred in 2023. The unit costs of exports and imports by product groups are calculated and a significant difference in favor of Germany is revealed for the main product group – finished products. The main branches of export and import are identified and compared with analogous branches of all-German trade flows. Based on this comparison, the peculiar features of the Turkish export market (increased role of the automotive, mechanical engineering and chemical industries, the growing importance of the production of vehicles other than cars) and the import source (increased focus on the automotive, clothing and engineering industries) are formulated. Both the most important and the most promising individual commodity items in bilateral trade are identified (the first include aircraft for export and outerwear for import, the second include auto components and cars for import). The conclusions about the likely increase in the importance of imports from Turkey and the imminent entry of this country into the top ten trading partners of Germany are substantiated.

Keywords: German-Turkish trade, German foreign trade, trade structure, product groups, industries, product items

DOI: 10.31857/S0201708324060111

REFERENCES

- Ajvazjan D.S. (2020) Predely vozmozhnostej Turtsii kak transitnogo gazovogo koridora [The limits of Turkey's capabilities as a transit gas corridor], *Sovremennaja Evropa*, 7, pp. 79–88. (In Russian).
- Astrov V., Scheckenhofer L., Semelet C., Teti F. (2024) Monitoring the Impact of Sanctions on the Russian Economy, *EconPol Policy Report*, 47.
- Avatkov V.A., Sbitneva A.I. (2023) Turtsija – Zapad: obraztsovyy antagonizm? [Turkey – West: an exemplary antagonism?], *Sovremennaja Evropa*, 5, pp. 31–43. (In Russian).
- Avatkov V.A., Yakimova D.A. (2020) Otnoshenija Germanii i Turtsii na fone migratsionnogo krizisa [German-Turkish relations on the background of migration crisis], *Sovremennaja Evropa*, 3, pp. 51–60. (In Russian).
- Aydın Y. (2023) Ankaras Wirtschaftspolitik in der Zwickmühle. Wie die EU ökonomisch und sicherheitspolitisch mit der Türkei kooperieren kann, *SWP-Aktuell*, 48.
- Aydın Y. (2024) Ankara's Economic Policy Dilemma. Europe's Options for Economic and Security Cooperation with Turkey, *SWP Comment*, 2.
- Aydın Y., Bastian J. (2023) Dynamiken der deutsch-türkischen Wirtschaftskooperation, *SWP-Aktuell*, 64.

Ayupova N.I., Kornilov A.A. (2017) Dinamika ekonomicheskogo sotrudnichestva Turtsii s Germaniyey v period pravleniya partii spravedlivosti i razvitija [Dynamics of economic cooperation between Turkey and Germany during the reign of the Justice and Development Party]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4, pp. 16–24 (In Russian).

Eken E. (2022) Mozhet li Turtsiya statj gazovym khabom? [Can Turkey become a gas hub?], *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 9, pp. 55–63.

Grishin Ya.Ya., Islamov D.R. (2023) Vneshnyaya politika Turtsii v Evrope: factor “myagkoj sily” [Turkey's foreign policy in Europe: the “soft power” factor], *Sovremennaja Evropa*, 6, pp. 96–109. (In Russian).

Krapivina V.V. (2022) Resultaty i perspektivy razvitija migratsionnoj sdelki 2016 g. mezhdya ES i Turtsiyey [Results and development perspectives of the migration deal of 2016 between EU and Turkey], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 21–32. (In Russian).

Matthes J. (2018) Währungskrise in der Türkei. Ursachen und Gefahren, *IW-Report*, 31.

Menjshov A.V. (2024) Turetskij gazovyj khab: vozmozhnosti dlya Evropy i Turtsii [Turkish gas hub: opportunities for Europe and Turkey], *Sovremennaja Evropa*, 1, pp. 206–215. (In Russian).

Shumilin A.I. (2020) Evrosoyuz-Turtsiya: konfliktnoje partnerstvo [The European Union and Turkey: conflict partnership], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 7–15. (In Russian).

Shumilin A.I. (2023a) Erdogan ostaetsja: perspektivy otnoshenij Turtsii s SSHA, ES i Rossijey. Chastj 1 [Erdogan remains: prospects for Turkey's relations with the US, EU and Russia. Part 1], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 7–16. (In Russian).

Shumilin A.I. (2023b) Erdogan ostaetsja: perspektivy otnoshenij Turtsii s SSHA, ES i Rossijey. Chastj 2 [Erdogan remains: prospects for Turkey's relations with the US, EU and Russia. Part 2], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 4, pp. 78–89. (In Russian).

Tastan K. (2022) The Challenge of Decarbonisation and EU-Turkey Trade Relations. A long-term perspective, *SWP Comment*, 66.

Tolksdorf H. (2016) Türkische Volkswirtschaft am Scheideweg, *ifo Schnelldienst*, 21, pp. 7–10.

Treier V. (2018) Asienkrise 2.0 – droht ein neuer Flächenbrand?, *ifo Schnelldienst*, 23, pp. 6–8.

Yalçın E. (2023) 100 Jahre Türkische Republik. Neustart oder Kollaps?, *Wirtschaftsdienst*, 103, pp. 361.

Yürekli A. (2016) Die schwierige Beziehung der EU zur Türkei: Höchste Zeit zu handeln, *ifo Schnelldienst*, 21, pp. 10–14.

УДК 339.9, 327

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРОСОЮЗА И БРАЗИЛИИ¹

© 2024 ТАЙАР Виолетта Макариосовна

Кандидат экономических наук

Заместитель директора Института Латинской Америки РАН

115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16

E-mail: vtayar@mail.ru

Поступила в редакцию 19.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье на основе прогнозов международных аналитических центров, изучения работ зарубежных и российских авторов прослеживаются особенности экономического взаимодействия Евросоюза и Бразилии. В статье рассмотрены такие вопросы, как эволюция стратегического партнерства ЕС с Бразилией, двусторонние торговые и инвестиционные связи, значение климатической повестки и энергетического перехода, а также предложен прогноз возможных траекторий сотрудничества ЕС с южноамериканским гигантом на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Сделан вывод, что Евросоюзу в условиях нового цикла глобального миропорядка предстоит адаптироваться к усилению позиций глобального Юга, в котором Бразилия будет играть весомую роль. В статье показано, что страна сохраняет роль ключевого звена в европейском интеррегионализме и участвует во всех трех механизмах взаимодействия ЕС с Латинской Америкой: межрегиональном, субрегиональном и двустороннем. После периода стагнации европейско-латиноамериканского стратегического партнерства в третьем десятилетии XXI в. Евросоюз сделал ставку на Бразилию как основного южноамериканского партнера и посредника в осуществлении таких задач, как изменение климата и энергетический переход. Цель исследования – продемонстрировать на примере ЕС и Бразилии конфигурацию отношений старых и новых центров силы в современном контексте глобального миропорядка. По всей видимости, Евросоюз будет использовать перспективу ратификации торгового соглашения с Меркосур как элемент давления на Бразилию с целью исполнения ею экологических и климатических обязательств. Со своей стороны, Бразилия, скорее всего, сосредоточится на сотрудничестве по линии Юг – Юг без конфронтации с Евросоюзом, так как заинтересована в получении инвестиций и передовых технологий.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Ключевые слова: Евросоюз, Латино-Карибская Америка, Бразилия, сотрудничество, инвестиции, торговля, экологическая повестка

DOI: 10.31857/S0201708324060123

Международная система находится на этапе трансформации. В новом контексте глобального миропорядка представляется актуальным изучить динамику выстраивания нового баланса сил и интересов по линии Север – Юг между ведущими глобальными и региональными центрами силы – Евросоюзом и Бразилией. Для ЕС движение к полицентричному миропорядку выступает вызовом, а для южноамериканской страны – возможностью. В то время как Евросоюз едва справляется с кризисными явлениями в еврозоне (где средние темпы роста упали с 3,4% в 2022 г. до 0,4% в 2023 г.)¹, Бразилия показывает рост экономики (2,9% в 2022 и 2023 гг.), а также усиливает влияние в регионе и за его пределами. На слабые стороны ЕС, проблемы, противоречия и современные тенденции в объединении указывают исследования ученых Института Европы РАН [Бажан, 2023]. Такие процессы, как деглобализация, стагнация и рецессия, эскалация противоречий центров силы, создают неблагоприятный экономический фон для стран – членов Евросоюза в краткосрочной перспективе и заставляют искать пути решения проблем на внешних рынках [Громыко, 2023]. Коллективный Запад рассматривает сохранение и расширение позиций на глобальном Юге в качестве условия экономического выживания [Яковлев, 2023]. Этим объясняется усиление внимания Брюсселя к странам латиноамериканского региона, где Бразилия играет весомую роль в качестве нового центра силы и претендует на роль державы, активно участвующей в глобальной повестке дня.

Изучение связей Евросоюза и Бразилии целесообразно проводить с использованием методологии интеррегионализма. Европейский интеррегионализм многоуровневый и реализуется с помощью диалога регионов в режиме саммитов ЕС с Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛИАК, исп. *Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), соглашений ЕС с субрегиональными объединениями (в т. ч. с Меркосур), а также на основе двусторонних экономических связей и договоренностей [Тайар, 2024: 60]. Бразилия выступает в качестве стратегического партнера и переговорщика во всех трех механизмах. В теоретических разработках зарубежных авторов также подтверждается подход к изучению взаимодействия ЕС и Бразилии с учетом трех уровней институционального взаимодействия: межрегионального, субрегионального и двустороннего [Gratius, 2018].

В российской научной литературе представлены исследования, в которых рассмотрены процесс становления стратегического партнерства Бразилии и ЕС, основные направления взаимодействия и программы сотрудничества [Борзова, 2013], инвестиционное сотрудничество [Ольховская, 2024]. Среди зарубежных исследований определенный вклад в проблематику вносят работы экспертов Барселонского центра по международным отношениям (*Barcelona Centre for International Affairs, CIDOB*) [Ayuso, Gratius, 2024], бразильского аналитического центра «Фонд Жетулиу Варгаса» (*Fundação Getulio Vargas, FGV*) [Di Lodovico, 2024], Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, исп. *Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*) [CEPAL, 2024; CEPAL 2023a, b]. Актуальность ста-

¹ Expansión. PIB de la Zona Euro. URL: <https://datosmacro.expansion.com/pib/zona-euro> (дата обращения: 06.06.2024).

ты заключается в анализе экономического взаимодействия ведущих глобальных и региональных акторов на примере ЕС и Бразилии. Новизна исследования связана с выявлением тенденций и перспектив формирующейся конфигурации отношений между ними.

Эволюция стратегического партнерства ЕС и Бразилии

История развития дипломатических отношений Бразилии и Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС), в основе которых лежала идея альтернативы отношениям с США, началась в 1960 г., когда они были установлены. В 1987 г. запущен формат двустороннего диалога, а ЕЭС выступило главным торговым партнером Бразилии. После расширения интеграционного объединения в 1986 г., страна стала рассматривать ЕЭС как ориентир для построения южноамериканской региональной интеграции. В начале 1990-х гг. были установлены институциональные двусторонние отношения, включая рамочное соглашение о сотрудничестве. С 1990-х гг. внешняя политика Бразилии стала преследовать две цели: усиление роли страны в качестве игрока на международной арене и достижение регионального лидерства в Латино-Карибской Америке (ЛКА). В XX в. Бразилия стала активным участником международных организаций, стремясь к региональной и глобальной интеграции [Sariava, 2012]. После создания Меркосур в 1991 г. Бразилия начала фокусироваться на межрегиональном сотрудничестве. Переговоры ЕС – Меркосур стартовали в 1999 г., но были приостановлены в 2004 г. из-за разногласий по вопросам либерализации торговли. Поскольку переговоры не приводили к ожидаемым результатам, Евросоюз предложил изменить парадигму отношений и перейти к стратегическому партнерству с Бразилией в 2007 г., которое стало развиваться через дипломатию на высшем уровне. Так, в июле 2007 г. состоялся первый саммит ЕС – Бразилия, заложивший основу дальнейшего сотрудничества [Борзова, 2013]. Приоритетными темами стали климат и устойчивое развитие, борьба с бедностью, стабильность и процветание латиноамериканского региона, а также проблематика интеграции Меркосур. Впоследствии к ним добавились такие сферы, как права человека, культура, образование и наука, транспортные коммуникации. Несмотря на интерес обеих сторон, к концу первого десятилетия XXI в. в политическом взаимодействии произошел застой. Сотрудничество Евросоюза с Бразилией оказалось менее успешным, чем ожидалось: отношения не вышли за рамки формальной дипломатии саммитов и межправительственной координации. Одна из причин, по которой ЕС перешел от межрегионализма к двустороннему подходу, – риск потерять Бразилию из-за конкуренции с США и Китаем.

При Луле да Силве (2003–2010) и во время президентства Дилмы Руссеффа (2011–2016) сотрудничество Юг – Юг заменило традиционную идентичность страны как союзника Запада. На первый план вышла новая парадигма: Бразилия – ведущий голос глобального Юга, мягко уравнивающий влияние США и ЕС через альтернативные союзы и независимую внешнюю политику. Представление о стране как о формирующейся региональной и глобальной державе укрепилось благодаря активной роли в БРИКС и тесному сотрудничеству с Китаем [Gratius, 2018]. Встречи на высшем уровне и совместные планы действий не привели к прогрессу в политическом диалоге с Евросоюзом. Самые большие расхождения касались нежелания европейской стороны открывать рынок ЕС для ввоза по сниженным тарифам дешевой латиноамериканской сельскохозяйственной продукции и неготовности к либерализации секторов промыш-

ленности, услуг и государственных закупок с южноамериканской стороны [Reis da Silva, Volpato, 2022]. Однако положительным опытом стало техническое сотрудничество в области науки, техники и инноваций, которое впоследствии стало осуществляться в рамках таких программ, как «Горизонт 2020» (Horizon 2020) и «Горизонт Европа» (*Horizon Europe*).

Внешняя политика президента М. Темера (2016–2018) была направлена на поддержание отношений с западными странами. Ее неолиберальный характер сыграл решающую роль в возобновлении торговых переговоров Меркосур и ЕС. Произошел переход от политики, ориентированной на БРИКС, к более традиционной направленности на интеграцию с Западом [Gratius, 2018]. В июне 2019 г. стороны пришли к подписанию соглашения ЕС – Меркосур, что выступало одной из первоначальных целей стратегического партнерства Бразилии с Евросоюзом.

Администрация Жаира Болсонару (2019–2022) усилила либеральные экономические ориентиры, но регресс внутренней политики в отношении экологических вопросов негативно сказался на отношениях с ЕС [Themoteo, 2021]. Правительство выступало против многосторонности и поддерживало действия по обезлесению Амазонии, противоречащие экологическим позициям Евросоюза. В результате европейские правительства открыто выступили против ратификации соглашения. При этом ЕС придерживался принципа, что соглашения должны основываться на стратегических целях, а не зависеть от текущего правительства.

Третий мандат Лулы да Силвы (1 января 2023 г. – н. в.) ознаменовал новый этап в современной истории Бразилии – «левый поворот 2.0.» [Окунева, 2024: 8]. С момента возвращения на пост президента приоритетами стали региональная внешняя политика и восстановление доверия латиноамериканских партнеров и международных организаций. В 2023 г. Лула да Силва принял участие в саммите СЕЛАК, совершил зарубежные поездки в страны ЕС – Испанию и Португалию (апрель), во Францию и Италию (июнь), Бельгию (в июле на саммит ЕС – СЕЛАК). В мае 2023 г. состоялся восьмой саммит Бразилия – ЕС в рамках возобновленного стратегического партнерства после девятилетнего перерыва¹.

Президент Бразилии выражал надежду, что соглашение ЕС – Меркосур будет ратифицировано сторонами во второй половине 2023 г. после саммита ЕС – СЕЛАК во время председательства Испании в Совете ЕС и в период председательства Бразилии в Меркосур, однако это не произошло. В декабре 2023 г. депутаты Европарламента из Австрии, ФРГ, Бельгии и Франции подписали документ, в котором изложили претензии к проекту главным образом в экологическом разделе. Кроме того, новый президент Аргентины Хавьер Милей (2023 – н. в.) выступил против соглашения из-за европейских экологических требований. Блокирование торговых переговоров с ЕС может усилить внутреннюю напряженность в отношениях членов Меркосур, которые готовы начать двусторонние переговоры с Брюсселем, если не будет достигнут прогресс на субрегиональном уровне. ЕС будет усиливать давление на правительство Бразилии с целью обеспечения выполнения климатических обязательств и улучшения деловой среды в стране [Thudium, 2021].

Поскольку все парламенты 27 стран-членов должны ратифицировать соглашение, негативная позиция отдельных государств (в особенности Франции) приводит к возник-

¹ Brazil: VIII. High-Level Political Dialogue with EU took place in Brasilia. European Union. External Action. <https://www.eeas.europa.eu/eeas>. (дата обращения: 07.07.2024).

новению противоречивых тенденций [Sanahuja, Rodríguez, 2024]. При этом премьер-министр Испании Педро Санчес и канцлер Германии Олаф Шольц выступают за ратификацию договора и настаивают на продолжение переговоров с Меркосур.

Бразилия в краткосрочной перспективе будет сталкиваться со сложной международной конъюнктурой, осложняющей отношения по линии Север – Юг: с одной стороны – это растущее соперничество Китая и США, с другой – конфронтация Запада и России. При этом в ряде вопросов глобальной повестки Бразилия придерживается позиций глобального Юга, не совпадающих с позициями коллективного Запада.

Двусторонние экономические связи

В основе отношений Бразилии с ЕС лежат в том числе торгово-экономические, финансовые и инвестиционные интересы. По масштабам сотрудничества Евросоюз входит в число крупнейших партнеров страны наряду с США и Китаем. Традиционно отдельные страны Европы имеют тесные двусторонние торгово-экономические связи с Бразилией (в частности, Португалия и Германия). В 2022 г. на Китай приходилась почти четверть объема внешней торговли Бразилии, в то время как на долю ЕС – 16%, США – 15%. Асимметричная зависимость от КНР зачастую приводит к понижению стоимости экспорта Бразилии в случаях сокращения китайского спроса или снижения рыночных цен на сырьевую продукцию.

По итогам 2023 г. Бразилия направила в ЕС 13,6% от объема своего экспорта, в то время как импорт из Евросоюза составил 19% от общего объема ввезенной в страну продукции. За пятилетний период (2019–2023 гг.) бразильский экспорт в ЕС увеличился на 64,6%, а ввоз товаров из ЕС возрос на 33,5%. Пиковый рост товарооборота пришелся на 2022 г., когда он превысил 90 млрд евро (Табл. 1). Первые пять позиций в экспорте Бразилии в Евросоюз по итогам 2023 г. заняли сырьевая и сельскохозяйственная продукция: минеральное топливо (24,2%), жмых (11,6), руды (9,6), кофе и чай (7,5), масличные семена и зерно (6,5). В импорте из ЕС лидируют следующие поставки: механическое оборудование (21), фармацевтическая продукция (13,8), автотранспортные средства и запчасти (8,7), электрические машины и оборудование (6,2).

Таблица 1

Торговля товарами между Бразилией и ЕС (2019–2023 гг.), млрд евро

Показатели торговли	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт в ЕС	27,1	25,0	33,0	49,9	44,6
Импорт из ЕС	32,2	27,7	33,8	42,7	43,0
Сальдо	-5,1	-2,7	-0,8	7,2	1,6
Товарооборот	59,3	52,7	66,8	92,6	87,6

Составлено по: Eurostat. Extra-EU trade by partner. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ext_lt_maineu__custom_13691867/default/table?lang=en (дата обращения 10.09.2024).

На Бразилию приходится значительная часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ): в 2022 г. на нее пришлось 55% инвестиционных потоков, поступивших в южно-американский регион, или 91,5 млрд долл. [CEPAL, 2023b]. В Бразилии наибольшая

доля европейских ПИИ традиционно поступала в обрабатывающую промышленность [Канунников, 2015: 151]. В 2022 г. основные источники – Нидерланды (25% в объеме ПИИ), США (25), Франция (8), Испания (6). При этом ведущими конечными контролерами иностранного капитала в Бразилии являлись США (191,6 млрд долл.), Испания (47,9) и Франция (37,9) [CEPAL, 2023b: 58]. В 2022 г. испанская компания «Аена» (*Aena*) совершила сделку на 471 млн долл. и получила контроль над 11 аэропортами в Бразилии [CEPAL, 2023b: 37].

После двух лет постепенного восстановления уровня ПИИ в 2023 г. приток иностранного капитала в Бразилию снизился на 14% [CEPAL, 2024]. Это объясняется падением двух компонентов ПИИ: объема межфирменных кредитов (-48%) и взносов капитала (-14%), что свидетельствует о снижении тенденции долгосрочного инвестирования в условиях глобальной неопределенности. Несмотря на падение притока ПИИ, бразильские активы продолжают привлекать интерес международных инвесторов. В 2023 г. Бразилия заняла пятое место в мире как место приложения иностранного капитала после США, Китая, Сингапура и Гонконга [CEPAL, 2024: 53].

На бразильские активы в 2023 г. пришлось 11 из 20 сделок по слиянию и поглощению в ЛКА. Крупнейшая из них – покупка португальской материнской компанией «Энержиас де Португал» (*Energias de Portugal*) почти за 4 млрд долл. активов энергоснабжающей компании «Э-дэ-пэ Бразил» (*EDP Brasil*). Второй крупной сделкой стало приобретение французской компанией «Лореаль» (*L'Oreal*) 100% производственных активов бразильской компании «Эмеис холдингс» (*Emeis Holdings*) на сумму 2,5 млрд долл. [CEPAL, 2024: 33]. На бразильском рынке активно действуют инвесторы из Германии: в 2023 г. сделку на сумму 1,5 млрд долл. совершила страховая компания «Таланкс» (*Talanx*), действующая в сфере торговли. Немецкая компания «А-эм-эг литиум» (*AMG Lithium*) в 2018 г. вышла на бразильский рынок лития, управляя рудником Мибра (*Mibra*) в штате Минас-Жерайс и заводом по обогащению лития. Она рассчитывает стать самым дешевым производителем литиевого концентрата на мировом рынке и ведущим поставщиком на рынке аккумуляторных батарей в Европе¹.

Среди секторов с самой высокой стоимостью инвестиций в новые проекты, объявленные Евросоюзом в Бразилии, выделяются металлургия, коммуникации, зеленая энергетика, автомобильная индустрия [Ольховская, 2024]. Важно подчеркнуть, что в третьем десятилетии XXI в. торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество ЕС и Бразилии приобрело форму устойчивых связей, которые отвечают прагматичным интересам двух сторон. Вероятно, Брюссель будет рассматривать страну в качестве потенциального партнера в рамках зеленого перехода.

Климатическая повестка и энергетический переход

Как отмечается в коллективной монографии Института Европы РАН, место экологической повестки заняла повестка климатическая, которая стала абсолютной доминантой в политике, экономике и обществе при жестком подавлении иных мнений по этому вопросу [Бажан, 2023]. Как отмечено в декларации саммита ЕС – СЕЛАК в 2023 г., точка наибольшего притяжения Евросоюза и ЛКА лежит в вопросах преодоления неблагопри-

¹ AMG Lithium. URL: <https://amglithium.com/solutions/resources> (дата обращения: 24.07.2024).

ятных последствий изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды¹. Бразилия и ЕС сотрудничают в области устойчивого развития и изменения климата, они объединили усилия для успешного проведения конференции в Париже и принятия климатических обязательств до 2030 г. [Gratius, 2018].

Бразильская экономика специализируется на экспорте сырья и товаров, конкурентоспособность которых основана на использовании природных ресурсов. Переход к зеленой экономике направлен как на обеспечение роста экономической активности в краткосрочной перспективе, так и на расширение производственного потенциала в секторах с высокой добавленной стоимостью, основанных на инновациях. Для этого необходимы изменения в нормативно-правовой базе, а также обеспечение стабильных источников долгосрочного финансирования [Themoteo, 2021].

К примеру, инициатива ЕС «Глобальные ворота» (*Global Gateway, GG*), запущенная в 2021 г. включает программу «Амазония +», направленную на снижение выбросов CO₂, адаптацию к последствиям изменения климата, сокращение обезлесения, деградации лесов и улучшение биоразнообразия. В сфере инфраструктуры и транспорта в Бразилии инициатива *GG* включает строительство тоннелей, инфраструктуры порта Печем и модернизацию систем водоснабжения в штате Санта-Катарина².

Европейский инвестиционный банк сотрудничает с Бразильским государственным банком развития, Банком развития штата Минас-Жерайс, компанией «Неоэнергия» (*Neoenergia*; один из крупнейших энергораспределителей в Бразилии), банком «Сантандер Бразил» (*Santander Brazil*) и банком «Банко кооперативо сикреди» (*Banco Cooperativo Sicredi*). ЕС потенциально может инвестировать в производство экологически чистого водорода и развитие новых энергетических установок, что имеет большие перспективы для Бразилии, где в структуре производства электроэнергии преобладают возобновляемые источники [Di Lodovico, 2024].

При этом на практике подтверждается тезис о том, что страны ЕС предпочитают строить отношения с ЛКА избирательно. Так, в январе 2023 г. канцлер ФРГ Олаф Шольц совершил четырехдневное турне в регион с целью обсудить в Бразилии (а также в Аргентине и Чили) двустороннее взаимодействие в условиях энергетического перехода³. Речь идет о сотрудничестве в отношении основных сырьевых товаров (например, лития) и в области возобновляемых источников энергии, включая зеленый водород⁴. Как подчеркнул О. Шольц, в Бразилии работает тысяча немецко-бразильских предприятий, закладывающих основу для расширения взаимоотношений в будущем⁵. Берлин намерен помочь президенту Луле да Силве восстановить ущерб, нанесенный Ж. Болсонару вы-

¹ Declaration of the EU-CELAC Summit 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12000-2023-INIT/en/pdf> (дата обращения: 27.07.2024).

² Global Gateway in Latin America and the Caribbean. European Commission. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/initiatives-region/initiatives-latin-america-and-caribbean_en?page=1 (дата обращения: 30.06.2024).

³ Wie China, nur netter und respektvoller. Süddeutsche Zeitung. 30.01.23. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/scholz-suedamerika-energiewende-ziele-reise-1.5741590?reduced=true> (дата обращения: 29.06.2024).

⁴ Dausend P. Der Versuch einer Zeitenwende. Zeit Online. 29.01.23. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2023-01/olaf-scholz-lateinamerika-reise-argentinien-brasilien-chile-rohstoffe-ukraine> (дата обращения: 29.06.2024).

⁵ Further development of excellent relations with Latin America. Bundesregierung. 31.01.23. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/scholz-in-latin-america-2161914> (дата обращения: 30.06.2024).

рубкой тропических лесов. С этой целью разморожены 35 млн евро для национального фонда Бразилии «Амазон» (*Amazon*)¹.

Кроме того, президент Франции Э. Макрон и Лула да Силве в марте 2024 г. объявили о плане инвестировать 1 млрд евро в защиту тропических лесов (включая часть лесов во Французской Гвиане) в течение следующих четырех лет при сотрудничестве государственных бразильских банков и французского инвестиционного агентства².

В марте 2024 г. Лула да Силве встретился с премьер-министром Испании Педро Санчесом в ходе официального визита в Бразилию. Было подписано четыре меморандума по укреплению двустороннего сотрудничества в области науки, технологий, инноваций, в сфере здравоохранения, спутниковой связи и государственного управления³.

В перспективе Бразилия и ЕС будут играть ключевую роль в формировании глобальной повестки дня и использовать влияние в своих регионах для решения глобальных проблем, таких как изменение климата и энергетический переход. Реализация совместных инициатив в третьих странах может способствовать преодолению противоречий Севера и Юга [Grevi, 2013]. Несмотря на то что Бразилия и Евросоюз являются естественными партнерами в ориентации на устойчивое развитие, существуют нормативные расхождения в интерпретации норм и правил в этой сфере [Guimarães, Piefer, 2017]. В значительной мере это касается регуляторных механизмов, связанных с землепользованием и лесным хозяйством в Бразилии, а также участия в системе международной торговли выбросами [Oliveira et al., 2019].

В мае 2023 г. ЕС сделал важный шаг вперед в экологической повестке, опубликовав правила, связанные с обезлесением (*European Union Deforestation-Free Regulation, EUDR*)⁴. Принятый закон направлен на запрет импорта и торговли внутри интеграционного объединения продуктами, полученными из товаров (крупного рогатого скота, сои, масличной пальмы, кофе, какао, древесины и каучука), происходящих после 31 декабря 2020 г. из обезлесенных районов. Требования к импорту бразильских товаров вступят в силу с 30 декабря 2024 г. По оценкам экспертов, поскольку Евросоюз является важным торговым партнером Бразилии, *EUDR* окажет значительное влияние на бразильский агробизнес. ЕС выступает важным пунктом назначения экспорта бразильского кофе, соевых бобов, мяса крупного рогатого скота, древесины, какао и каучука. Это означает, что продукты в Бразилии должны производиться, храниться, перерабатываться и транспортироваться с учетом прозрачности в товарных цепочках. Система мониторинга, отслеживания товарных цепочек и сертификация могут привести к повышению производственных затрат и лягут чрезмерным и непропорциональным бременем на мелких производителей. При этом, учитывая соответствие внедряемой экологической политикой Бразилии

¹ Seibert E. Warum Scholz nach Südamerika reist. Tagesschau. 28.01.23. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/scholz-suedamerika-101.html> (дата обращения: 29.06.2024).

² The presidents of France and Brazil meet and announce a \$1.1 billion investment plan for the Amazon. URL: <https://apnews.com/article/lula-macron-brazil-amazon-investment-9c938a9164baa7b01dbd69002bb76798> (дата обращения: 05.07.2024).

³ Las claves de la visita de Pedro Sánchez a Brasil y Chile. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/501400-claves-visita-pedro-sanchez-brasil-chile> (дата обращения: 07.07.2014).

⁴ Lopes C.L., Chiavari J., Segovia M.E. Brazilian Environmental Policies and the New European Union Regulation for Deforestation-Free Products: Opportunities and Challenges. Climate Policy Initiative. 03.10.2023. URL: <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/brazilian-environmental-policies-and-the-new-european-union-regulation-for-deforestation-free-products-opportunities-and-challenges/> (дата обращения: 06.07.2024).

и EUDR, это регулирование можно рассматривать как возможность для устойчивого производства бразильского сельского хозяйства, чтобы получить большую долю на европейском рынке. С этой целью Бразилия необходимо продвигать эффективное внедрение новых нормативов, расширять политику борьбы с обезлесением и совершенствовать национальные системы мониторинга и отслеживания товарных логистических цепочек.

Выводы

Бразилия интегрирована в три механизма взаимодействия ЕС с ЛКА: межрегиональный, субрегиональный и двусторонний. Торгово-экономическое и политическое сотрудничество страны и интеграционного объединения одновременно строилось в рамках многостороннего формата и в режиме двусторонних связей с отдельными европейскими странами. Ратификация соглашения Меркосур и ЕС может способствовать укреплению сотрудничества на субрегиональном уровне. Однако отсутствие конкретных результатов, узловые проблемы и препятствия на этом пути отложили на неопределенный срок ратификацию договора. На этом фоне, вероятнее всего, Бразилия будет укреплять сотрудничество по линии Юг – Юг с Китаем и в формате расширенного состава БРИКС, что бросает вызов Западу и ЕС. Таким образом, старая трансатлантическая ось в период правления Лулы да Силве, вероятнее всего, будет отходить на второй план. Однако прагматизм президента Бразилии в отношениях с Западом позволит избежать прямой конфронтации. Скорее всего, Бразилия будет позиционировать себя на региональных и международных форумах как предсказуемый и важный партнер, а саммит глав государств Группы 20 в ноябре 2024 г. в Рио-де-Жанейро позволит это продемонстрировать. Стратегическое партнерство Бразилии и ЕС выступает важным инструментом для обсуждения таких тем, как климатическая повестка и энергетический переход. Однако дальнейшее блокирование со стороны Брюсселя соглашения с Меркосур подорвет доверие к объединению как к стратегическому партнеру. Без договора, скорее всего, связи Бразилии будут смещаться в пользу глобального Юга. В этих условиях стране в среднесрочной перспективе придется приспосабливаться к многополярному миру и признать усиление голоса и представительства на международной арене стран глобального Юга, которые зачастую не готовы слепо следовать в фарватере коллективного Запада в вопросах, связанных с глобальной повесткой дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (отв. ред.) (2023) *Новые явления в экономике Европы*. ИЕ РАН, Москва. 198 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72023_404
- Борзова А. Ю. (2013) Развитие стратегического партнерства между Бразилией и Европейским Союзом. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 4. С. 47–57.
- Громько Ал.А. (отв. ред.) (2023) *Европа в глобальной пересборке*. ИЕ РАН, Весь мир, Москва. 508 с.
- Канунников А.А. (2015) *Европа-Латинская Америка: диалог длиною в пять веков*. Фонд «Социальная экология», Москва. 234 с.
- Ольховская В.С. (2024) Инвестиционное сотрудничество Бразилии и ЕС: роль и влияние на экономическое развитие. *Проблемы национальной стратегии*. № 3. С. 162–181. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_3_162
- Окунева Л.С. (2024) «Лула 3.0.»: проблемы, противоречия и вызовы внутривнутриполитического сценария. *Латинская Америка*. № 4. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0044748X24040013

- Тайар В.М. (2024) Механизмы сотрудничества Евросоюза со странами Латинской Америки: вызовы и перспективы. *Проблемы национальной стратегии*. № 1. С. 58–79. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_1_58
- Яковлев П.П. (2023) Расширение БРИКС и новый этап борьбы глобальных альтернатив. *Перспективы. Электронный журнал*. № 4. С. 7–20. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-4-7-20
- Ayuso A., Gratiús S. (2024) *El proyecto internacional del Brasil de Lula: un juego de equilibrios entre el Sur Global y el Norte Atlántico*. CIDOB notes internacionales 301. Barcelona, Spain. 6 p. DOI: <https://doi.org/10.24241/NotesInt.2024/301/es>
- CEPAL (2024) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe*. (LC/PUB.2024/8-P). Santiago, Chile. 189 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/80564-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2024> (дата обращения: 10.08.2024).
- CEPAL (2023a) *Oportunidades para la inversión y la colaboración entre América Latina y el Caribe y la Unión Europea* (LC/TS.2023/78). Santiago, Chile. 83 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48984-oportunidades-la-inversion-la-colaboracion-america-latina-caribe-la-union> (дата обращения: 15.07.2024).
- CEPAL (2023b) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe*. Santiago, Chile. 213 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48978-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2023> (дата обращения: 20.07.2024).
- Di Lodovico F. (2024) *The Global Gateway initiative within the context of Brazil-EU relations*. FGV Europe. 33 p. URL: https://www.fgveurope.de/wp-content/uploads/2024/06/Ludovico_The-Global-Gateway-initiative-within-the-context-of-Brazil-EU-relationsPoverty_End_Version.pdf
- Gratiús S. (2018) Brazil and the European Union: from liberal inter-regionalism to realist bilateralism. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Vol. 61 (1). 21 p. DOI: <https://doi.org/10.1590/0034-7329201800103>
- Grevi G. (2013) *The EU and Brazil: Partnering in an uncertain world?* CEPS Working Document. No. 382. 15 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2272020 (дата обращения: 20.07.2024).
- Guimarães C., Piefer N. (2017) Brazil: (Future) green energy power and strategic partner for the EU? *Comparative European Politics*. Vol. 15. P. 23–44.
- Oliveira T. D., Gurgel A. C., Tonry S. (2019). International market mechanisms under the Paris Agreement: A cooperation between Brazil and Europe. *Energy policy*. Vol. 129. P. 397–409.
- Reis da Silva A.L., Volpato V. (2022) The role of the European Union in the Brazilian foreign policy: an analysis of the Brazil-European Union Strategic Partnership. *Revista Sul-Americana de Ciência Política*. Vol. 8. No. 1. e21382. P. 1–25. DOI: [10.15210/rsulacp.v8i1.21382](https://doi.org/10.15210/rsulacp.v8i1.21382)
- Sanahuja J.A., Rodríguez J.D. (2024) Unión Europea y Mercosur: cuatro nudos y un desenlace? *Nueva Sociedad*. No. 311. URL: <https://nuso.org/articulo/311-UE-y-mercosur-cuatro-nudos-un-desenlace/> (дата обращения: 15.06.2024).
- Sariava M. G. (2012) Brazil's strategies and partnerships: The place of the European union. *Perspectives: Review of International Affairs*. No. 2. P. 45–62. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=235173> (дата обращения: 25.06.2024).
- Themoteo R.J. (ed.) (2021) *Reavivando e reforçando os diálogos entre Brasil e Europa = Reviving and strengthening Brazil-Europe dialogues*. Konrad Adenauer Stiftung, Rio de Janeiro, Brazil. 248 p.
- Thudium G., Geiger L.M., Castillo M., Sapper S. (2021) Décadas em processo: o acordo UE-MERCOSUL. *Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión*. Vol. 9. No. 17. P. 220–233.

Economic Cooperation Between the European Union and Brazil¹

V.M. Tayar

Candidate of Sciences (Economics)

Deputy Director of Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

21/16, Bolshaya Ordynka Street, Moscow, Russia, 115035

E-mail: vtayar@mail.ru

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract. The article is based on forecasts of international think tanks and on the studies made by foreign and Russian authors. The features of economic interaction between the European Union and Brazil are traced and characterized. Such issues as the “EU’s – Brazil” strategic partnership, bilateral trade and investment cooperation, the importance of the climate agenda and the energy transition are examined. As well, the author tries to foresee possible development options for the cooperation between the EU and the South American Giant in the short and medium term. It was concluded that, in the new context of the world order, the European Union has to adapt to the strengthening position of the Global South in which Brazil will play the weighty role. The article shows that Brazil retains its role as a key link in European inter-regionalism and participates in three mechanisms of EU interaction with Latin America: interregional, subregional and bilateral. After a period of stagnation in strategic EU–LAC partnership, in the third decade of the XXI century the European Union focused on Brazil as its main South American partner and intermediary on such issues as climate change and energy transition. The study aims to show, using the example of the EU and Brazil, the configuration of relations between the former and new centers of power in the modern context of the global world order, characteristics of which is uncertainty and increased competition in access to critical natural resources and technologies. The European Union, probably, will use the future ratification of the trade agreement with Mercosur as an element of pressure on Brazil to fulfill its environmental and climate obligations. Brazil, in turn, more likely, will focus on South-South cooperation without entering into confrontation with the EU, being interested in obtaining investments and advanced technologies.

Keywords: European Union, Latin America and the Caribbean (LAC), Brazil, cooperation, investment, trade, environmental agenda

DOI: 10.31857/S0201708324060123

REFERENCES

- Ayuso A., Gratius S. (2024) *El proyecto internacional del Brasil de Lula: un juego de equilibrios entre el Sur Global y el Norte Atlántico*, CIDOB notes internacionales 301, Barcelona, Spain. DOI: <https://doi.org/10.24241/NotesInt.2024/301/es>
- Bazhan A.I. (ed.) (2023) *Novyye yavleniya v ekonomike Evropy* [New phenomena in the European economy], IE RAN, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72023_404 (In Russian).
- Borzova A. Ju. (2013) Razvitiye strategicheskogo partnerstva mezhdru Braziliyej i Evropejskim Sojuzom [Development of a strategic partnership between Brazil and the European Union], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 4, pp. 47–57. (In Russian).
- CEPAL (2024) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe. (LC/PUB.2024/8-P)*, Santiago, Chile. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/80564-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2024> (accessed: 10.08.2024).
- CEPAL (2023a) *Oportunidades para la inversión y la colaboración entre América Latina y el Caribe y la Unión Europea (LC/TS.2023/78)*, Santiago, Chile. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48984-oportunidades-la-inversion-la-colaboracion-america-latina-caribe-la-union> (accessed: 15.07.2024).
- CEPAL (2023b) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe*, Santiago, Chile. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48978-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2023> (accessed: 20.07.2024).
- Di Lodovico F. (2024) *The Global Gateway initiative within the context of Brazil-EU relations*, FGV Europe. URL: https://www.fgveurope.de/wp-content/uploads/2024/06/Ludovico-The-Global-Gateway-initiative-within-the-context-of-Brazil-EU-relationsPoverty_End_Version.pdf (accessed: 23.07.2024).
- Gratius S. (2018) Brazil and the European Union: from liberal inter-regionalism to realist bilateralism, *Revista Brasileira de Política Internacional*, 61(1). DOI: <https://doi.org/10.1590/0034-7329201800103> (accessed: 27.07.2024).
- Grevi G. (2013) *The EU and Brazil: Partnering in an uncertain world?* CEPS Working Document, 382. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2272020 (accessed: 20.07.2024).

- Gromyko A.I. (ed.) (2023) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly], IE RAN; Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Guimarães C., Piefer N. (2017) Brazil: (Future) green energy power and strategic partner for the EU?, *Comparative European Politics*, 15, pp. 23–44.
- Kanunnikov A.A. (2015) *Evropa-Latinskaja Amerika: dialog dlinoju v pjat' vekov*. [Europe-Latin America: A Five-Century Dialogue], Fond «Social'naja jekologija», Moscow, Russia. (In Russian).
- Okuneva L.S. (2024) “Lula 3.0.”: problemy, protivorechija i vyzovy vnutripoliticheskogo scenarija [“Lula 3.0.: problems, contradictions and challenges of the internal political scenario”], *Latinskaja Amerika*, 4, pp. 7–25. DOI: 10.31857/S0044748X24040013 (In Russian).
- Ol'hovskaja V.S. (2024) Investicionnoe sotrudnichestvo Brazili i ES: rol' i vlijanie na jekonomicheskoe razvitie [Brazil-EU Investment Cooperation: Role and Impact on Economic Development], *Problemy nacional'noj strategii*, 3, pp. 162–181. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_3_162 (In Russian).
- Oliveira T. D., Gurgel A. C., Tonry S. (2019) International market mechanisms under the Paris Agreement: A cooperation between Brazil and Europe, *Energy policy*, 129, pp. 397–409.
- Reis da Silva A.L., Volpato V. (2022) The role of the European Union in the Brazilian foreign policy: an analysis of the Brazil-European Union Strategic Partnership. *Revista Sul-Americana de Ciência Política*, 8(1), e21382, pp. 1–25. DOI: 10.15210/rsulacp.v8i1.21382
- Sanahuja J.A., Rodríguez J.D. (2024) Unión Europea y Mercosur: cuatro nudos y un desenlace?, *Nueva Sociedad*, 311, mayo-junio 2024. URL: <https://nuso.org/articulo/311-UE-y-mercosur-cuatro-nudos-un-desenlace/> (accessed: 15.06.2024).
- Sariava M. G. (2012) Brazil's strategies and partnerships: The place of the European union. *Perspectives: Review of International Affairs*, 2, pp. 45–62. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=235173> (accessed: 25.06.2024).
- Tayar V.M. (2024) Mehanizmy sotrudnichestva Evrosojuza so stranami Latinskoj Ameriki: vyzovy i perspektivy [Mechanisms of cooperation between the European Union and Latin American countries: challenges and prospects], *Problemy nacional'noj strategii*, 1, pp. 58–79. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_1_58 (In Russian).
- Themoteo R.J. (ed.) (2021) *Reavivando e reforçando os diálogos entre Brasil e Europa = Reviving and strengthening Brazil-Europe dialogues*, Konrad Adenauer Stiftung, Rio de Janeiro, Brazil.
- Thudium G., Geiger L.M., Castillo M., Sapper S. (2021) Décadas em processo: o acordo UE-MERCOSUL, *Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión*, 9(17), pp. 220–233.
- Yakovlev P.P. (2023) Rasshirenie BRIKS i novyj jetap bor'by global'nyh al'ternativ [BRICS expansion and a new stage in the fight against global alternatives], *Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal*, 4, pp. 7–20.

УДК 327, 339

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ЕАЭС

© 2024 НАРЫШКИН Андрей Александрович

Кандидат политических наук,

Доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76

E-mail: Andr-Naryshkin@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.07.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Исторически внешняя торговля играла первостепенную роль в развитии государств и выступала основой их социально-экономического благополучия. Если в древние времена могли существовать практически оторванные от крупных центров деревни и общины, обеспечивающие себя продовольствием и минимальным набором ремесленных инструментов, то по мере усложнения производственных процессов и социально-экономических укладов странам все сложнее гарантировать самодостаточность. Эта задача актуальна для государств на современном этапе. Развитие экспорта определено в качестве одного из приоритетов как в контексте российской политики в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт», так и на наднациональном уровне в рамках Евразийского экономического союза. Статья посвящена комплексному подходу к реструктуризации инструментов продвижения внешней торговли.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, экономическая дипломатия, продвижение экспорта, развитие торговли, встречающая торговля, бартер

DOI: 10.31857/S0201708324060135

При рассмотрении тенденций в торговле последних нескольких лет необходимо принимать во внимание изменения на внешнем и внутреннем контурах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и учитывать радикальную географическую трансформацию торговых потоков. Несмотря на негативные эффекты пандемии и активное давление со стороны западных стран на отдельные экономики ЕАЭС, уровень взаимной и внешней торговли пяти стран-членов показывает высокую степень устойчивости и стабильности. Это достигается за счет как развития внутреннего рынка Союза, так и расширения торговли на азиатском и африканском направлениях. Положительная динамика

ка взаимной торговли обусловлена увеличением поставок нефтепродуктов, моторных транспортных средств, металлургической продукции, а также наращиванием объемов торговли электронным оборудованием, в первую очередь потребительскими товарами. До 2022 г. европейское направление преобладало во внешней торговле ЕАЭС. Западные компании доминировали на рынках государств – членов Союза благодаря долларизации экономики, включению в западные цепочки добавленной стоимости и ограничениям импорта технологий [Широв и др., 2024]. Большая часть механизмов в ЕАЭС создавалась для подключения к западной системе торговли. Современные условия требуют комплексной перестройки системы внешней торговли с доработкой уже имеющихся и созданием новых инструментов для подключения к торговой системе стран глобального Юга. Комплекс мер в этом направлении должен включать нормативно-правовую базу, институты торгового посредничества, финансовые инструменты и логистику.

Нормативно-правовая база сотрудничества

В условиях быстрой трансформации системы международных отношений особого внимания заслуживают преференциальные торговые соглашения, которые предоставляют возможности для снижения или отмены таможенных пошлин. ЕАЭС заключил соглашения о свободной торговле с Сербией, Сингапуром, Вьетнамом и Ираном, ведет работу в рамках соглашения с КНР¹.

Основные показатели торговли демонстрируют положительные результаты заключения подобных договоров. Например, товарооборот ЕАЭС с Вьетнамом вырос на 80% в течение 5 лет после подписания соглашения, экспорт Союза – на 50%. В 2022 г. товарооборот с Сербией увеличился на 18,3% по сравнению с 2021 г. За первые два года с начала действия соглашения о сотрудничестве с Китаем товарооборот вырос на 24,8%, экспорт ЕАЭС в КНР – на 19,6%².

Временное соглашение с Ираном было заключено в 2018 г. и действует с 27 октября 2019 г.³ Товарооборот ЕАЭС с этой страной вырос в 2,1 раза в течение 3 лет после подписания, экспорт – в 2,1 раза, импортные закупки – в 1,9 раза⁴. Основное отличие договора с Ираном от соглашений о создании зон свободной торговли заключается в том, что ввозные таможенные пошлины снижались или устранялись по ограниченному охвату товаров, а не по широкой номенклатуре. Тем не менее благодаря соглашению снижены и устранены пошлины во взаимной торговле по товарам, составляющим более 50% товарооборота. Рост взаимной торговли подтверждает целесообразность полно-

¹ Торговые соглашения Евразийского экономического союза. ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/torgovyte-soglasheniya/> (дата обращения: 30.06.2024).

² По данным ЕЭК.

³ Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, от 17 мая 2018 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Временное-соглашение-с-Ираном.aspx> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ ЕАЭС и Иран продолжили переговоры по соглашению о свободной торговле. ЕЭК. 27.04.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-iran-prodolzhili-peregovory-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/> (дата обращения: 05.07.2024).

форматного соглашения: экспорт сельскохозяйственной продукции ЕАЭС в Иран вырос в 2,3 раза, а промышленной продукции – на 38%. За пять лет выработан новый договор, охватывающий более 90% всей торговли. В настоящее время идет процедура ратификации.

ЕАЭС и государства-члены готовы сотрудничать с западными странами при условии конструктивного двустороннего диалога, но это направление постепенно сужается. В контексте кризисной динамики международных отношений развивается параллельный импорт – поставки товаров и оборудования через третьи страны. В будущем сотрудничество со странами коллективного Запада будет основано на наработках в регионах глобального Юга в условиях более сбалансированных товаропотоков.

Развивается взаимодействие со странами Азии, Ближнего Востока и Африки. В частности, запущены переговорные процессы о либерализации торговли с Монголией, Индонезией, Индией, ОАЭ и Египтом. Заключение соглашений с этими странами внесет значительный вклад в балансировку товаропотоков. Следующая цель – расширение переговорного пула, в том числе включение в него стран Латинской Америки.

Торговое посредничество

Институт торгового посредничества получил наибольшее развитие в СССР в период плановой экономики и государственной монополии на внешнюю торговлю. Монополия внешней торговли не была изобретена в советский период. Например, ее вводили правительства П.Н. Врангеля [Карпенко, 2011a] и А.И. Деникина [Карпенко, 2011b] при высокой потребности в закупке товаров за рубежом и большой инфляции. Несмотря на то что целью монополии выступало улучшение снабжения армии и она ограничивалась внутренним регулированием на подконтрольных территориях, это привело к росту поступлений валютной выручки.

В СССР была выстроена система, которую условно можно обозначить «товар – страна». Были организованы внешнеторговые объединения по различным направлениям производства: «Техноэкспорт», «Машиноэкспорт», «Машиноимпорт», «Станкоимпорт», «Технопромимпорт», «Автоэкспорт», «Судоимпорт», «Авиаэкспорт», «Тракторэкспорт», «Промсырьеимпорт», «Разноимпорт», «Союзпромэкспорт», «Экспортлес», «Экспортхлеб», «Плодинторг», «Плодоимпорт», «Совэкспортфильм» и др. В соответствии с плановыми показателями они получали от советских хозяйственных организаций товары по государственным оптовым ценам для экспорта и заказы на импортные товары, передававшиеся по установленным ценам. Организации торговали в пределах выделенного им уставного капитала. Внешнеторговые объединения выступали как специалисты по направлению «товар».

Вторая сторона пары – «страна» – была представлена торговыми представительствами за рубежом, проводившими клиентскую работу в странах пребывания. Первое учреждение было открыто в Британии в 1920 г. До 1923 г. им руководил народный комиссар внешней торговли РСФСР Л.Б. Красин [Нарышкин, 2021a]. В числе первых были созданы торговые представительства в Италии, Германии, Швеции, Австрии, Турции, Иране и ряде других стран. 13 сентября 1933 г. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров СССР утвердили положение «О торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей», которое определяло

статус торговых представительств¹. «Торгпреды, осуществляя за границей монополию внешней торговли, одновременно получают всю необходимую информацию экономического характера и поддерживают деловые связи с местными хозяйственными учреждениями банками и торгово-промышленными кругами», – так описывал функции торговых представительств советский дипломат Н.П. Колчановский [Колчановский, 1945: 778].

Современные исследования Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и ВЭБ.РФ приходят к выводу об ошибочности разрушения в 1990-е гг. системы крупного посредничества во внешней торговле [Широв и др., 2024: 8].

Систему поддержки внешней торговли можно условно разделить на западный и восточный пути. Первый характерен для стран ЕС, Северной Америки. В силу их доминирования в торговле западный путь перенимают другие регионы. Он предполагает опору на малые и средние предприятия и государственную поддержку со стороны организаций содействия торговле (*trade promotion organization, TPO*). Восточный путь включает создание крупных торговых домов, доминирующих во внешней торговле страны, таких как японские сого сёся, корейские чеболи и индийская государственная торговая корпорация, созданная в 1956 г. Сого сёся создали основу для экономического чуда в Японии в период Реставрации Мэйдзи. Благодаря инновационному подходу к торговле страна превратилась в одну из экономических держав мира [Yoshihara, 1983]. Сого сёся, прокладывая путь на зарубежные рынки и обеспечивая трансферт необходимых технологий, стали важнейшей составляющей японской экономики [Нарышкин, 2021b].

Большинство японских торговых домов изначально специализировались на одной группе товаров. Сегодня спектр последних значительно расширился. Торговые дома выступают в основном в роли деловых посредников в сфере торговли и проведения финансовых операций, а также в качестве первопроходцев, на собственном опыте знакомящихся с новыми рынками и помогающих освоиться аффилированным японским компаниям.

Сегодня методы, близкие к государственной монополии, использует Иран. Он успешно совмещает как практики бартерных сделок, так и проактивный коммерческий подход. В преддверии подписания полноформатного соглашения с ЕАЭС иранские партнеры начали использовать все возможные каналы для поиска покупателей на рынке Союза, прежде всего на российском. Контрагенты из Ирана понимают конъюнктуру рынков: импортозамещение в государствах – членах ЕАЭС набирает обороты, а отечественная продукция не может полностью заменить ранее использовавшиеся в производственных процессах европейские компоненты. Иранские партнеры организуют переговоры и контакты как с использованием инструментов российских государственных компаний (например, АО «РЭЦ»), деловых объединений (Торгово-промышленная палата, Российский союз промышленников и предприятий, «Деловая Россия» и др.), так и с привлечением услуг коммерческих компаний, организующих «мэтчинг» (*matching*) – деловые контакты и переговоры.

---

¹ Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утверждено Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР 13 сентября 1933). Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза советских социалистических республик. 1933. № 59. Ст. 354.

В результате такого подхода товары из Ирана займут существенную долю рынка стран – членов ЕАЭС, в первую очередь России и Белоруссии, а компоненты будут использоваться в производстве промышленной продукции. Деятельность иранских партнеров – яркий пример активного продвижения товаров в условиях существующих ограничений и кризиса системы международных отношений.

Российские деловые круги заинтересованы в развитии торговли с Ираном, но заключению и исполнению контрактов будет препятствовать сложность иранского законодательства в отношении вывода валютной экспортной выручки за рубеж. Эту проблему может решить развитие института посредничества, а именно создание торгового дома со значительным государственным участием, работающего с иранскими партнерами.

Встречная торговля

Заданная западными партнерами модель развития доминирует в международной торговле и заключается в продаже товара за деньги. Развитие альтернативных путей торгово-экономического взаимодействия основывается на возврате к институту встречной торговли, что обеспечит импульс проработке многообразия возможных сценариев развития мировой торговли и будет способствовать активизации торговли со странами глобального Юга.

СССР применял схожие методы: практиковалась встречная торговля, включавшая бартер, клиринг и компенсационные сделки, когда расчет за поставленное оборудование осуществлялся произведенными товарами.

Экспертное и научное сообщество все чаще выделяет построение независимой финансовой инфраструктуры в качестве ключевой задачи. На этом пути уже предприняты определенные шаги: создание системы быстрых платежей, платежной системы «МИР» и системы финансовых сообщений [Широв и др., 2024: 8].

Однако прорывным может стать только метод, принципиально отличающийся от западной модели. При этом нет необходимости отказываться от существующей финансовой системы. Новым инструментом может стать одна из разновидностей встречной торговли или бартер, предполагающий не только обмен товара на товар, но и применение клиринговых взаимозачетов при поставках товаров между государствами (или крупными торговыми домами с государственным участием).

Банкинг и страхование

Для создания системы торговых домов требуются значительные финансовые ресурсы и много времени, поэтому основой эксперимента должна стать уже имеющаяся крупная инфраструктура системообразующих банков. Крупнейшие из них давно перестали ограничиваться финансовыми функциями, осваивая не только смежный рынок страхования, но и торговлю товарами, сервисы доставки еды и медикаментов, оформление недвижимости и многое другое. Такая экосистема позволяет дать проектам быстрый и плодотворный старт: профессиональный бэк-офис обеспечит кадровые, юридические функции, риск-менеджмент; финансовое плечо позволит поддержать сделки, клиентская база обеспечит потенциальных покупателей и продавцов.

Перспективные и быстрорастущие рынки традиционно являются наиболее высоко рискованными. В этой связи страхование внешнеторговых сделок станет обязательным элементом и позволит обеспечивать максимальный географический охват. Для этого создана Евразийская перестраховочная компания, обладающая необходимым финансовым ресурсом для обеспечения поддержки сделок пяти стран – членов ЕАЭС.

Выводы

Современный исторический этап характеризуется кризисными явлениями в мире. В таких условиях особую важность приобретают выстраивание новых политико-экономических связей, создание дублирующих или страхующих контуров по обеспечению международной торговли. Европейское направление может остаться значимым, однако укрепление сотрудничества со странами глобального Юга уже стало реальностью. Для повышения эффективности такого взаимодействия требуется доработка инструментария с целью подключения к другому политико-экономическому укладу. В исторической ретроспективе это можно сравнить с системами торговых расчетов стран Бреттон-Вудской системы и стран Варшавского договора.

Подключение должно основываться как на создании условий для формирования нормативно-правовой базы, так и развитии торгового посредничества и новых видов торговли: встречной торговли, бартера, клиринга и компенсационных сделок. Новые инструменты могут эффективно развиваться при наличии сопутствующей инфраструктуры. Они призваны дополнить существующие механизмы продвижения экспорта посредством предоставления услуг по заключению и сопровождению торговых сделок на целевых рынках, расширить возможности торговли со странами глобального Юга, а также решить проблемы с расчетами посредством предоставления расчетно-финансовых услуг по проведению сделок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карпенко С.В. (2011a) Из истории государственной монополизации внешней торговли в России. Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля. *Экономический журнал*. № 2 (22). С. 118–126.
- Карпенко С.В. (2011b) Из истории государственной монополизации внешней торговли в России. Опыт правительства генерала А.И. Деникина. *Экономический журнал*. № 1 (21). С. 84–91.
- Колчановский Н.П. (1945) Организационные формы, международно-правовые основы и техника современной дипломатии. *История дипломатии*. Под ред. академика В.П. Потемкина. Т. 3. ОГИЗ, Москва. С. 765–816.
- Нарышкин А.А. (2021a) Роль зарубежных представительств в экономической дипломатии Советского Союза. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 2 (28). С. 155–163.
- Нарышкин А.А. (2021b) Финансовые и нефинансовые инструменты поддержки экспорта. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 14. № 2. С. 72–91.
- Широв А.А., Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Гусев М.С., Клепач А.Н., Узиков М.Н. (2024) Россия 2035: новое качество национальной экономики. *Проблемы прогнозирования*. № 2. С. 6–19.
- Оболонский В.П. (2020) Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 156–175.
- Yoshihara K. (1983) *Sogo Shosha: The Vanguard of the Japanese Economy*. Oxford University Press. 358 p.

New Approaches to the Development of the EAEU's Foreign Trade

A.A. Naryshkin

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor of the MGIMO Department of Diplomacy,

Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454

E-mail: *Andr-Naryshkin@yandex.ru*

Abstract. Historically, foreign trade played a big role in the states development and became the basis of socio-economic well-being. It is possible to imagine the existence of ancient villages and communities practically isolated from large centers, providing themselves with food and a set of craft tools. However, when production processes and socio-economic structures become more complex, it became difficult to guarantee self-sufficiency even for states with a population of tens and hundreds of millions of people. This task is extremely relevant for states at the present stage. In this regard, export promotion became one of the priorities, both in the context of Russian policy within the framework of the national project “International Cooperation and Export” and at the supranational level of the Eurasian Economic Union. This article is dedicated to an integrated approach to restructuring instruments for promoting foreign trade.

Key words: Eurasian economic union, economic diplomacy, export promotion, trade development, countertrade, barter

DOI: 10.31857/S0201708324060135

REFERENCES

- Karpenko S.V. (2011a) Iz istorii gosudarstvennoj monopolizacii vneshej trgovli v Rossii. opyt pravitel'stva generala P.N. Vrangelya [From the history of state monopolization of foreign trade in Russia. The experience of the Government of General P.N. Wrangel], *Ekonomicheskij zhurnal*, 2(22), pp. 118–126. (In Russian).
- Karpenko S.V. (2011b) Iz istorii gosudarstvennoj monopolizacii vneshej trgovli v Rossii. Opyt pravitel'stva generala A.I. Denikina [From the history of state monopolization of foreign trade in Russia. The experience of the government of General A.I. Denikin], *Ekonomicheskij zhurnal*, 1(21), pp. 84–91. (In Russian).
- Kolchanovskij N.P. (1945) Organizacionnye formy, mezhdunarodno-pravovye osnovy i tekhnika sovremennoj diplomatii [Organizational forms, international legal foundations and techniques of modern diplomacy], in Potemkin V.P. (ed.) *Istoriya diplomatii*, 3, OGIZ, Moscow, Russia, pp. 765–816. (In Russian).
- Naryshkin A.A. (2021a) Rol' zarubezhnyh predstavitel'stv v ekonomicheskoy diplomatii Sovetskogo Soyuza [The role of foreign representative offices in the economic diplomacy of the Soviet Union], *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2(28), pp. 155–163. (In Russian).
- Naryshkin A.A. (2021b) Finansovye i nefinansovye instrumenty podderzhki eksporta [Financial and non-financial instruments for export support], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(2), pp. 72–91. (In Russian).
- Shirov A.A., Belousov D.R., Blohin A.A., Gusev M.S., Klepach A.N., Uzyakov M.N. (2024) Rossiya 2035: novoe kachestvo nacional'noj ekonomiki [Russia 2035: a new quality of the national economy], *Problemy prognozirovaniya*, 2, pp. 6–19. (In Russian).
- Obolenskij V.P. (2020) Integracionnye proekty Rossii i EAES: shans dlya narashchivaniya eksporta? [Integration projects of Russia and the EAEU: a chance to increase exports?], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 13(3), pp. 156–175. (In Russian).
- Yoshihara K. (1983) *Sogo Shosha: The Vanguard of the Japanese Economy*, Oxford University Press.

УДК 327

РЕГУЛИРОВАНИЕ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ СО ЗЛОНАМЕРЕННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В США, ЕС И КИТАЕ¹

© 2024 БАЗАРКИНА Дарья Юрьевна

*Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН и факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru.*

© 2024 ПАШЕНЦЕВ Евгений Николаевич

*Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России;
профессор факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
107078, Россия, г. Москва, Большой Козловский переулок, 4. E-mail: icspsc@mail.ru*

© 2024 МИХАЛЕВИЧ Екатерина Андреевна

*Главный специалист Управления организационного развития ПАО «Газпром нефть»;
инженер-исследователь факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета. 191060, Россия,
Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8. E-mail: ekaterina_mikhalevich@mail.ru.*

Поступила в редакцию 08.10.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье представлен анализ основных механизмов регулирования рисков злонамеренного использования искусственного интеллекта (ЗИИИ) в США, ЕС и КНР. Актуальность проблемы ЗИИИ подтверждена многочисленными данными о применении технологий искусственного интеллекта (ИИ) антисоциальными, преступными акторами, включая террористические. Цель статьи – выявить специфику регулирования рисков злонамеренного использования искусственного интеллекта в США, ЕС и КНР. Установлено, что в США противодействие ЗИИИ еще не выделено в системные решения на уровне федеральных органов власти, соответствующие меры отдельных штатов и компаний. Речь идет о решениях, которые принимают во

---

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

внимание растущие риски ЗИИИ в рамках общего регулирования ИИ и безопасности его использования. В ЕС принят первый в мире закон об искусственном интеллекте, который уделяет незначительное внимание проблемам ЗИИИ. Основными инициаторами предложений по противодействию и регулированию рисков в Евросоюзе выступают силовые структуры, такие как Европол. В КНР регулирование рисков ЗИИИ наиболее централизовано и становится темой стратегических документов и законодательных актов. В статье использован системный подход при рассмотрении различных вариантов угроз ЗИИИ и при формулировке выводов исследования.

Ключевые слова: злонамеренное использование искусственного интеллекта, регулирование искусственного интеллекта, США, Европейский союз, КНР

DOI: 10.31857/S0201708324060147

Проблема злонамеренного (намеренно антисоциального [Pashentsev, 2023: 25]) использования искусственного интеллекта (ЗИИИ) активно обсуждается на уровне государств и интеграционных объединений. Искусственный интеллект (ИИ), будучи технологией двойного назначения, вызывает интерес растущего числа антисоциальных акторов. ИИ уже становится обычным компонентом в арсенале киберпреступников и, скорее всего, получит еще более широкое применение¹, что ставит новые задачи перед правоохранителями и законодателями по всему миру.

Актуальность поставленной проблемы подтверждается ростом количества профильных публикаций в научной и практической сферах. Существует область исследований, в которых рассматриваются проблемы регулирования ИИ [Потемкина, 2019; Базаркина, 2023; Маслова, Сорокова, 2022; Сорокова, 2023; Dixon 2023; Laux, 2023; Antunes, 2024], практика использования и риски ЗИИИ в области кибербезопасности [Hemberg et al, 2020; Malatji, Tolah, 2024; Vassilev et al., 2024], биобезопасности [Cao, 2023, Pauwels, 2023], информационно-психологической безопасности [Doss et al., 2023, Lukacovic, Sellnow-Richmond, 2023; Thomann, 2023], использования ИИ террористами [Bazarkina, 2023, Wells, 2024] и т. п. Угрозам и противодействию ЗИИИ уделено внимание в публикациях Европола² и Евроюста³ в ЕС, государственных органов США⁴ и Китая⁵.

¹ Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2024. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2024. P. 6. DOI: 10.2813/442713

² Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2022. 22 p. DOI: 10.2813/158794; ChatGPT – the impact of Large Language Models on Law Enforcement. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2023. 13 p. DOI: 10.2813/255453; Policing in the metaverse: what law enforcement needs to know. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2022. 28 p. DOI: 10.2813/81062

³ Generative Artificial Intelligence: the impact on intellectual property crimes. The Hague. Eurojust. 2023. 39 p. DOI: 10.2812/1651

⁴ Mitigating Artificial Intelligence (AI) Risk: Safety and Security Guidelines for Critical Infrastructure Owners and Operators. US Department of Homeland Security. 2024. 28 p. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2024-04/24_0426_dhs_ai-ci-safety-security-guidelines-508c.pdf (дата обращения: 26.08.2024); Increasing Threats of Deepfake Identities. US Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/increasing_threats_of_deepfake_identities_0.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

⁵ Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wjzcs/202211/t20221117_10976730.html (дата обращения: 26.08.2024); Artificial Intelligence Generated Content (AIGC) White Paper [Rengong

Цель статьи – выявить специфику регулирования рисков ЗИИИ органами законодательной и исполнительной власти в США, ЕС и КНР. Обобщающий термин «регулирование рисков» охватывает различные подходы, включающие «государственное вмешательство в рыночные или социальные процессы для контроля потенциальных неблагоприятных последствий» [Orwat et al., 2024: 10]. Выбор стран и интеграционного объединения продиктован их новаторским опытом в регулировании ИИ.

Регулирование рисков, связанных с ЗИИИ, в США: законодательный бум

Регулирование ИИ в США последние полтора года переживает явный бум. На 1 июня 2024 г. в Конгресс¹ внесены 92 законопроекта в области регулирования искусственного интеллекта. Первые законы, скорее всего, будут приняты после выборов Конгресса и президента в ноябре.

Несколько существующих законов частично регулируют ИИ, например: закон о повторной авторизации Федерального управления гражданской авиации и закон о национальной инициативе в области ИИ на федеральном уровне, калифорнийские правила конфиденциальности (*California Consumer Privacy Act, CCPA*) и закон Иллинойса о конфиденциальности биометрической информации². Однако ни в существующих законах, ни в рассматриваемых инициативах нет документа, нацеленного на системное противодействие ЗИИИ. Эта сфера еще не отражена в системных решениях на уровне федеральных органов власти и соответствующих мер отдельных штатов и компаний. Речь идет о решениях, которые принимают во внимание растущие риски ЗИИИ в рамках общего регулирования ИИ и безопасности его использования. За последний год значительную роль в этой области в США сыграли президентские указы.

30 октября 2023 г. президент Дж. Байден издал указ о безопасном, защищенном и заслуживающем доверия ИИ (*Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence*). Документ устанавливает «...новые стандарты безопасности и защиты ИИ, обеспечивает конфиденциальность американцев, продвигает справедливость и гражданские права, защищает потребителей...» и обещает «защитить американцев от мошенничества и обмана с применением технологий ИИ...»³. Указ ставит ведущих разработчиков искусственного интеллекта под жесткий государственный контроль в соответствии с законом об оборонном производстве (*Defense Production Act*).

---

zhineng   shengcheng   neirong   (AIGC)   baipishu].   URL:
http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202211/P020221111501862950279.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

¹ 118-й Конгресс США – заседание Конгресса США, действующее с 3 января 2023 г. по 3 января 2025 г.

² Babin R. Adapting to AI regulations in the U.S. and Europe: Impacts on CIOs and global enterprises. CIO. 17.06.2024. URL: <https://www.cio.com/article/2517656/adapting-to-ai-regulations-in-the-u-s-and-europe-impacts-on-cios-and-global-enterprises.html> (дата обращения: 26.08.2024).

³ Fact Sheet: President Biden Issues Executive Order on Safe, Secure, and Trustworthy Artificial Intelligence. White House. 30.10.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/30/fact-sheet-president-biden-issues-executive-order-on-safe-secure-and-trustworthy-artificial-intelligence/> (дата обращения: 26.08.2024).

Компании, которые разрабатывают базовые модели, представляющие серьезную угрозу национальной безопасности, экономической безопасности или общественному здравоохранению, должны уведомлять федеральное правительство при обучении модели и делиться результатами всех тестов безопасности. Очевидная милитаризация вряд ли сможет гармонично сосуществовать со стремлением к продвижению справедливости и гражданских прав в процессах, связанных с разработкой и внедрением ИИ.

В январе 2024 г. администрация Дж. Байдена уведомила об основных действиях в области ИИ после обозначенного указа. Среди них – проект правил, который предлагает обязать американских поставщиков облачных услуг сообщать о предоставлении вычислительных мощностей для обучения ИИ зарубежным разработчикам. «Предложение министерства торговли... потребует от поставщиков облачных услуг уведомлять правительство, когда иностранные клиенты обучают наиболее мощные модели, которые могут быть использованы для вредоносной деятельности»¹. Неоднозначность формулировки «могут быть использованы для вредоносной деятельности» имеет потенциал лишить иностранных государственных и негосударственных субъектов возможности применить вычислительные мощности США для обучения продвинутых моделей ИИ.

Таким образом, в США два института, которым, согласно опросу Института Гэллапа, не доверяет большинство американцев, – администрация президента и *Big Tech*² – собираются контролировать разработку перспективных технологий ИИ, снижая общественный контроль (имеется в виду закон об оборонном производстве) и сужая возможности широкого международного сотрудничества.

В развитие указа о безопасном, защищенном и заслуживающем доверия ИИ Национальный институт стандартов и технологий США (*National Institute of Standards and Technology, NIST*) в апреле 2024 г. опубликовал документ «Снижение рисков, связанных с использованием синтетического контента»³. В нем рассмотрены существующие стандарты, инструменты и методы, а также потенциал разработки новых научно обоснованных стандартов и методик для аутентификации контента и отслеживания его происхождения; маркировки синтетического контента, например, с помощью водяных знаков; обнаружения синтетического контента; предотвращения создания генеративным ИИ материалов о сексуальном насилии над детьми или интимных изображений без согласия реальных людей и т. п. Меры безопасности в публикации *NIST* не сконцентрированы на возможностях злонамеренного использования синтетического контента, носят исключительно технический характер и не могут считаться руководством по комплексному противодействию ЗИИИ.

В апреле 2024 г. министерство внутренней безопасности США учредило Совет по охране и безопасности ИИ из 35 человек, который будет предоставлять рекомендации по повышению безопасности и устойчивости критически важной инфраструктуры при использовании технологий искусственного интеллекта. В качестве противовеса участию руководителей *Big Tech* в Совете министерство также выбрало несколько извест-

¹ Там же.

² Saad L. Historically Low Faith in U.S. Institutions Continues. Gallup. 06.07.2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/508169/historically-low-faith-institutions-continues.aspx> (дата обращения: 29.02.2024).

³ Reducing Risks Posed by Synthetic Content. An Overview of Technical Approaches to Digital Content Transparency. NIST AI 100-4. National Institute of Standards and Technology, US Department of Commerce. 04.2024. URL: <https://airc.nist.gov/docs/NIST.AI.100-4.SyntheticContent.ipd.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).

ных представителей организаций по защите гражданских прав и научных кругов. Пока не ясно, будет ли достаточно голосов последних для того, чтобы сдержать связку высшего чиновничества и *Big Tech*.

В целом различные министерства и ведомства США все активнее подключаются к процессу регулирования ИИ. Этот процесс усилился не только в рамках выполнения президентских указов, но и по причине роста рисков и угроз использования ИИ, озабоченности широких слоев населения и крупного бизнеса этими угрозами.

Подход ЕС к рискам, связанным с ЗИИИ: Закон ЕС об ИИ и публикации Европола

21 мая 2024 г. Совет ЕС официально утвердил проект закона об ИИ¹. 1 августа 2024 г. вступили в силу его первые положения. Закон введет ряд новых обязательств для компаний, предоставляющих, распространяющих, импортирующих и использующих системы ИИ в Евросоюзе. Их невыполнение грозит штрафами в размере до 35 млн евро, или 7% от общего мирового годового оборота.

В законе ЕС об ИИ слово «злонамеренный» (*malicious*) встречается два раза. В статье 50 указано, что системы искусственного интеллекта с высоким уровнем риска должны быть устойчивы к собственным ограничениям и злонамеренным действиям. В статье 51 заявлено, что кибербезопасность «играет решающую роль в обеспечении устойчивости систем ИИ к попыткам ... поставить под угрозу их свойства безопасности со стороны злонамеренных третьих лиц». Подчеркивается, что кибератаки на системы искусственного интеллекта могут использовать наборы данных для обучения (например, при отравлении данных), уже обученные модели ИИ, а также «уязвимости в цифровых активах системы ИИ или базовой инфраструктуре ИКТ»². В приложении I к закону перечислены восемь областей, в которых используются различные технологии ИИ высокого риска, подлежащие регулированию³. Самый обширный список представлен для правоохранительной отрасли. Он включает системы ИИ, предназначенные для оценки риска совершения первичного или повторного правонарушения физическими лицами или риска стать потенциальной жертвой преступлений; использования правоохранительными органами в качестве полиграфов или для определения эмоционального состояния физического лица; обнаружения дипфейков; прогнозирования преступлений на основе профилирования физических лиц⁴ и т. п. Таким образом, прежде всего контролируется легальное и незлонамеренное использование ИИ.

Большое внимание ЗИИИ уделяют силовые ведомства. Европол опубликовал ряд отчетов, разработанных инновационным центром ЕС по внутренней безопасности, который функционирует в рамках агентства. Научно-исследовательские проекты центра включают, в частности, ИИ, биометрию, шифрование, разведку по открытым источникам, безопасность связи, виртуальную и дополненную реальность. Один из главных проектов –

---

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. COM/2021/206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 10.08.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

разработка принципов подотчетности ИИ в сфере внутренней безопасности¹ – стартовал в 2021 г. Его цель – разработать решения для оценки, анализа и обеспечения ответственности за использование ИИ специалистами по внутренней безопасности в соответствии с ценностями и основными правами Евросоюза.

По оценкам Европола, в ЕС растет угроза злонамеренного использования дипфейков. Например, правоохранительные органы Испании в 2023 г. рассмотрели первые случаи манипуляции изображениями с помощью ИИ, связанные с кибербуллингом. Подозреваемые (несовершеннолетние, некоторые моложе 14 лет) сфотографировали не менее 22 молодых женщин и преобразовали фото с помощью приложения на базе ИИ в изображения сексуального характера. Затем изображения широко распространялись в социальных сетях и приложениях для общения. Жертвы получили значительный психологический ущерб². Этот случай свидетельствует о растущих возможностях использования ИИ преступниками, что в дальнейшем может вывести дипфейки из категории систем ИИ ограниченного риска.

Инновационный центр ЕС по внутренней безопасности ставит актуальные проблемы в области противодействия ЗИИИ. По мнению правоохранителей, «изменение материалов в социальных сетях о таких мероприятиях, как митинги, может привести к тому, что полиция начнет действовать ... не в том месте»³, например, преследовать не того человека, если фейковая версия подозреваемого становится вирусной в социальных сетях. Используя дипфейки, злоумышленники могут изображать сотрудников полиции, совершающих правонарушения. «В эпоху, когда недоверие к властям растет»⁴, дипфейки могут использоваться для негативного воздействия на общественное мнение. По признанию Европола, влияние таких изображений и видеозаписей нельзя недооценивать, особенно когда это сочетается с доксингом (раскрытием личности) офицеров.

Полицейское агентство ЕС с вниманием относится к использованию больших языковых моделей злоумышленниками. Европол отмечает, что способность *ChatGPT* составлять высоко аутентичные тексты на основе пользовательского запроса делает его чрезвычайно полезным инструментом фишинга. С помощью больших языковых моделей манипулятивные сообщения создаются быстрее и выглядят достовернее. Возможности *ChatGPT* растут также «в области терроризма, пропаганды и дезинформации»⁵. Модель может использоваться в сборе информации для террористической деятельности, например финансирования терроризма.

Европол обеспокоен тем, что террористы будут использовать новые технологические возможности в случае создания метавселенной. По мере того как становится доступным все более точный и полный цифровой двойник реальности, он может предоставлять информацию о целях терактов. В будущем это может позволить проводить военную разведку и планирование в пределах метавселенной. С другой стороны, метавселенная может позволить пользователям создать виртуальный мир таким, каким они его себе представляют, например, виртуальный халифат или «государство превосходства белой расы». Так, нацистские газовые камеры уже были созданы во вселенной

¹ Accountability Principles for Artificial Intelligence. URL: <https://www.ap4ai.eu/> (дата обращения: 26.08.2024).

² Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA). P. 26.

³ Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. P. 14.

⁴ Там же.

⁵ ChatGPT – the impact of Large Language Models on Law Enforcement. P. 7–8.

«Роблокс» (*Roblox*)¹. Более того, пространства метавселенной обеспечивают идеальную среду для вербовки террористов в других виртуальных мирах и физическом мире². Силовые структуры ЕС обеспокоены рисками ЗИИИ больше, чем высшие правительственные органы.

Технологическое сообщество и общество в целом недовольно законодательством ЕС. Как заявил Макс фон Тун, европейский директор Института открытых рынков, «закон об ИИ не способен устранить угрозу номер один, которую в настоящее время представляет ИИ: его роль в увеличении и закреплении чрезвычайной власти, которую несколько доминирующих технологических компаний уже имеют в нашей личной жизни, нашей экономике и наших демократиях». ЗИИИ в информационной среде вызывают растущее опасение. «Системы искусственного интеллекта, используемые в информационном пространстве, должны быть классифицированы как системы высокого риска, ... чего прямо не предусмотрено в принятом Законе ЕС об ИИ», – отметила Катарина Цюгель, менеджер по политике Форума «Информация и демократия»³.

Таким образом, ЕС делает акцент прежде всего на регулировании поведения разработчиков ИИ, а противодействие ЗИИИ выражено в рекомендациях полицейских органов. В будущем такой подход может привести к расширению существующего законодательства в области искусственного интеллекта по мере того, как будет расти число злоупотреблений.

Регулирование рисков, связанных с ИИ, в КНР

Китайское правительство закрепляет общие политические положения по развитию и регулированию технологий искусственного интеллекта в стратегических документах. В 2022 г. Китайская академия информационных и коммуникационных технологий при министерстве промышленности и информационных технологий опубликовала Белую книгу о контенте, создаваемом ИИ. Целый раздел посвящен проблемам, с которыми сталкивается развитие этой сферы, в т. ч. действиям злоумышленников⁴.

Угроза распространения заведомо ложного контента, созданного ИИ, диктует необходимость разработки цифровых продуктов для противодействия. На этом направлении активно работают технологические гиганты КНР, спонсируемые правительством. К примеру, в начале 2023 г. запущена бета-версия первого в Китае инструмента обнаружения ложного контента. Технология *AIGC-X* способна обнаруживать фейковые новости и спам, генерируемые ИИ, с точностью до 90%⁵ и имеет широкие перспективы применения в области безопасности контента, защиты авторских прав и интеллектуальной собственности, а также предотвращения фишинговых атак и распространения

¹ *Roblox* – онлайн-платформа, которая позволяет пользователям программировать собственные игры и играть в созданные другими пользователями.

² Policing in the metaverse: what law enforcement needs to know. P. 19.

³ EU AI Act reaction: Tech experts say the world's first AI law is “historic” but “bittersweet”. Euronews. 16.03.2024. URL: <https://www.euronews.com/next/2024/03/16/eu-ai-act-reaction-tech-experts-say-the-worlds-first-ai-law-is-historic-but-bittersweet> (дата обращения: 26.08.2024).

⁴ Artificial Intelligence Generated Content (AIGC) White Paper. URL: <http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202211/P020221111501862950279.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).

⁵ About AIGC-X [Guanyu AIGC-X]. 2023. URL: <http://ai.skilccc.com/AIGC-X/#/> (дата обращения: 26.08.2024).

фейковых новостей¹. Ближайшие цели разработки – настройка обнаружения контента на английском языке (в бета-версии доступен только китайский), улучшение возможностей обнаружения аудио- и видеоконтента, генерируемого ИИ².

Многие крупные технологические компании КНР принимают активное участие в развитии безопасных технологий ИИ. «Дангхонг Текнолоджи» (*Danghong Technology*) в ответ на популяризацию *ChatGPT* объявила о разработке приложений, позволяющих генерировать контент на основе ИИ, а также программ, идентифицирующих такой контент. «Бохуи Текнолоджи» (*Bohui Technology*), компания по обеспечению безопасности СМИ, разрабатывает интеллектуальные решения для создания опыта обучения на основе ИИ в образовательных учреждениях, который повысит общую осведомленность и углубит навыки распознавания контента, созданного с помощью искусственного интеллекта.

По мнению китайского правительства, приоритетными направлениями противодействия рискам ЗИИИ должны стать разработка национальной, а в последующем и международной нормативно-правовой базы, регулирующей сферу ИИ; создание системы социальной этики путем обучения граждан информационной грамотности, а также осуществление общественного контроля посредством создания системы социального доверия. В марте 2022 г. вступило в силу положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных услуг Интернета. Статья 9 обязует поставщиков услуг усиливать управление информационной безопасностью, создавать и улучшать базы данных для выявления незаконной и вредной информации, а также улучшать процедуры входа в базы данных. Положение предупреждает об ответственности за использование алгоритмов интернет-рекомендаций в злонамеренных целях (штрафы на сумму от 10 до 100 тыс. юаней)³.

Большое значение для предотвращения ЗИИИ имеет положение об администрировании информационных интернет-сервисов глубокого синтеза, вступившее в силу 10 января 2023 г. Под термином «технология глубокого синтеза» в документе понимаются технологии, которые на основе алгоритма синтеза, представленного машинным обучением и возможностями виртуальной реальности, способны создавать уникальные продукты, в т. ч. создавать и редактировать текстовый, голосовой и неголосовой (звуки, музыка) контент, генерировать, заменять лица, манипулировать последними и т. п. Поставщики и пользователи услуг глубокого синтеза не должны использовать такие технологии для производства, копирования, публикации или распространения ложной новостной информации⁴.

Китай подчеркивает важность международного сотрудничества для противостояния ЗИИИ. В конце 2022 г. МИД КНР опубликовал позиционный документ по усилению этического управления ИИ, в котором провозглашается обязательство поощрять иссле-

¹ AI generated content can be detected [AI shengcheng neirong keyi jiance]. 2023. URL: <https://www.163.com/dy/article/HUOPFFAG0514R9M0.html> (дата обращения: 26.08.2024).

² About AIGC-X...

³ Provisions on the Administration of Internet Information Service Algorithm Recommendations [Huli-anwang xinxi fuwu suanfa tuijian guanli guiding]. 2022. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (дата обращения: 26.08.2024).

⁴ The State Internet Information Office and other three departments issued the “Regulations on the Administration of Deep Synthesis of Internet Information Services”. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm (дата обращения: 26.08.2024).

дования и разработки и продвигать международное сотрудничество. В документе отмечается, что развитие технологий ИИ должно быть «ориентировано на людей» и следовать принципу «ИИ во благо»¹.

Помимо конкретных правовых и технических решений по нейтрализации угроз ЗИИИ, общим условием успешной нейтрализации этих угроз выступают меры по обеспечению социально ориентированного развития Китая. Они объективно сужают возможности внутренних и внешних антисоциальных акторов использовать ИИ в злонамеренных целях. Кроме того, Пекин стремится избежать чрезмерного контроля над поставщиками услуг с технологиями ИИ и потребителями, так как это может помешать Китаю стать мировым лидером в области искусственного интеллекта, а также создать серьезные трудности для социально-экономического развития страны и укрепления национальной безопасности.

Заключение

В США, ЕС и КНР растет актуальность проблем ЗИИИ, что выражено в законодательной практике и рекомендациях органов безопасности. В Соединенных Штатах регулирование ИИ переживает бум. В Евросоюзе принят первый в мире закон об ИИ, в котором уделено внимание ЗИИИ. В КНР тема ЗИИИ активно разрабатывается в стратегических документах. В поле зрения правительств попадают разные угрозы – от кибербуллинга до манипуляций с автоматизированными рекомендациями онлайн-контента. Опасения вызывает злонамеренное использование дипфейков и манипуляции в метавселенных, в т. ч. со стороны террористических организаций.

Регулирование рисков, связанных с ЗИИИ, в трех исследованных юрисдикциях находится на начальном этапе формирования. Российским профильным структурам может быть полезен опыт социально-ориентированного регулирования КНР, активных дискуссий в США и попыток ЕС предложить Закон об ИИ как образец для других стран. Все это нуждается в критическом осмыслении, так как даже в КНР с централизованной системой государственного управления еще не решена проблема монополий технологических гигантов. В США, Китае и Евросоюзе сохраняются угрозы распространения террористической пропаганды, которые больше связаны с социальными проблемами, чем с распространением ИИ. Проблемы, вызванные ЗИИИ, требуют комплексных решений с участием как разработчиков ИИ и правоохранителей, так и широких слоев гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаркина Д.Ю. (2023) Цифровое десятилетие Европейского союза: цели и промежуточные результаты. *Аналитические записки ИЕ РАН*. Выпуск 4. С. 89–98. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43420238998>

Потемкина О.Ю. (2019) Лучше, чем люди? Политика ЕС в области искусственного интеллекта. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621>

Маслова Е.А., Сорокова Е.Д. (2022) Диалектика этики и права в регулировании технологии искусственного интеллекта: опыт ЕС. *Современная Европа*. № 5(112). С. 19–33. DOI: 10.31857/S0201708322050023

¹ Position Paper of the People's Republic of China...

Сорокова Е.Д. (2023) *Реагирование Европейского союза на глобальные технологические риски: практика и эффективность*. Дис. ... канд. полит. наук. МГИМО, Москва. 280 с.

Antunes H.S. (2024) European AI Regulation Perspectives and Trends. *Legal Aspects of Autonomous Systems. ICASL 2022. Data Science, Machine Intelligence, and Law*. Ed. by D. Moura Vicente, R. Soares Pereira, A. Alves Leal. Vol. 4. Springer, Cham, Switzerland. P. 53–65. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-47946-5_4

Bazarkina D. (2023) Current and Future Threats of the Malicious Use of Artificial Intelligence by Terrorists: Psychological Aspects. *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Ed. by E. Pashentsev E. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 251–272. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_10

Cao L. (2023) AI and data science for smart emergency, crisis and disaster resilience. *International Journal of Data Science and Analytics*. No. 15. P. 231–246. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41060-023-00393-w>

Dixon R.B.L. (2023) A principled governance for emerging AI regimes: lessons from China, the European Union, and the United States. *AI Ethics*. No. 3. P. 793–810. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00205-0>

Doss C., Mondschein J., Shu D. Wolfson T., Kopecky D., Fitton-Kane V. A., Bush L., Tucker C. (2023) Deepfakes and scientific knowledge dissemination. *Scientific Reports*. No. 13. 13429. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-39944-3>

Hemberg E., Zhang L., O'Reilly U.M. (2020) Exploring Adversarial Artificial Intelligence for Autonomous Adaptive Cyber Defense. *Adaptive Autonomous Secure Cyber Systems*. Ed. by S. Jajodia, G. Cybenko, V. Subrahmanian, V. Swarup, C. Wang, M. Wellman. Springer, Cham, Switzerland. P. 41–61. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-33432-1_3

Laux J. (2023) Institutionalised distrust and human oversight of artificial intelligence: towards a democratic design of AI governance under the European Union AI Act. *AI & Society*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01777-z>

Lukacovic M.N., Sellnow-Richmond D.D. (2023) The COVID-19 Pandemic and the Rise of Malicious Use of AI Threats to National and International Psychological Security. *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Ed. by E. Pashentsev. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 175–201. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_7

Malatji M., Tolah A. (2024) Artificial intelligence (AI) cybersecurity dimensions: a comprehensive framework for understanding adversarial and offensive AI. *AI Ethics*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00427-4>

Orwat C., Bareis J., Folberth A., Jahnel J., Wadephul C. (2024) Normative Challenges of Risk Regulation of Artificial Intelligence. *Nanoethics*. Vol. 18. Article 11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11569-024-00454-9>

Pashentsev E. (2023) General Content and Possible Threat Classifications of the Malicious Use of Artificial Intelligence to Psychological Security. *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Ed. by E. Pashentsev. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 23–46. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_2

Pauwels E. (2023) How to Protect Biotechnology and Biosecurity from Adversarial AI Attacks? A Global Governance Perspective. *Cyberbiosecurity*. Ed. by D. Greenbaum. Springer, Cham, Switzerland. P. 173–184. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26034-6_11

Thomann P.E. (2023) Geopolitical Competition and the Challenges for the European Union of Countering the Malicious Use of Artificial Intelligence. *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Ed. by E. Pashentsev. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 453–486. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_17

Vassilev A., Oprea A., Fordyce A., Anderson H. (2024) *Adversarial Machine Learning: A Taxonomy and Terminology of Attacks and Mitigations*. NIST Artificial Intelligence (AI) Report, NIST AI 100-2e2023. National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, USA. 99 p. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.AI.100-2e2023>

Wells D. (2024) *The Next Paradigm-Shattering Threat? Right-Sizing the Potential Impacts of Generative AI on Terrorism*. Middle East Institute, Washington, USA. 16 p.

Regulating the Risks Associated with Malicious Use of Artificial Intelligence in the US, EU and China¹

D.Yu. Bazarkina

Doctor of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of European Integration Research, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; School of International Relations, Saint Petersburg State University. 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru.

E.N. Pashentsev

Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Professor, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.

4, Bolshoi Kozlovsky Lane, Moscow, Russia, 107078; E-mail: icspsc@mail.ru.

E.A. Mikhalevich

Chief specialist of the Organizational Development Department of Gazprom Neft PJSC; Research engineer at the School of International Relations, Saint Petersburg State University; 1/3 Smolny Street, entrance 8, Saint Petersburg, Russia, 191060

E-mail: ekaterina_mikhalevich@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the main mechanisms for regulating risks caused by the malicious use of artificial intelligence (MUAI) in the USA, the EU and China. The relevance of the MUAI problem is proven by numerous data on the use of artificial intelligence (AI) technologies by antisocial actors. The authors set a goal – to identify the specifics of regulating MUAI risks in the USA, EU and China – due to the innovative experience of these three jurisdictions. It was found that in the USA counteraction to MUAI has not yet been shaped into systemic decisions at the level of federal authorities. It is more about decisions that take into account the growing risks of MUAI within the framework of general regulation of AI and the safety of its use. The EU has adopted the world's first Law on AI, which however pays little attention to the MUAI issues, and the main initiators of proposals to counter and regulate risks are law enforcement agencies, such as Europol. In China, MUAI risk regulation is most centralized and is becoming the subject of strategic documents and legislative acts. The authors use a systemic approach when considering various options for MUAI threats and formulating the research conclusions.

Keywords: malicious use of artificial intelligence, regulation of artificial intelligence, USA, European Union, PRC

DOI: 10.31857/S0201708324060147

REFERENCES

- Antunes H.S. (2024) European AI Regulation Perspectives and Trends, in Moura Vicente D., Soares Pereira R., Alves Leal A. (ed.) *Legal Aspects of Autonomous Systems. ICASL 2022. Data Science, Machine Intelligence, and Law*, 4, Springer, Cham, Switzerland, pp. 53–65. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-47946-5_4
- Bazarkina D. (2023) Current and Future Threats of the Malicious Use of Artificial Intelligence by Terrorists: Psychological Aspects, in Pashentsev E. (ed.) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 251–272. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_10

¹ The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research project 116471555.

Bazarkina D. (2023) Tsifrovoye desyatiletie Yevropeyskogo soyuza: tseli i promezhutochnyye rezul'taty [The European Union's Digital Decade: Objectives and Interim Results], *Analytical notes of IE RAS*, 4, pp. 89–98. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43420238998> (In Russian).

Cao L. (2023) AI and data science for smart emergency, crisis and disaster resilience, *International Journal of Data Science and Analytics*, 15, pp. 231–246. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41060-023-00393-w>

Dixon R.B.L. (2023) A principled governance for emerging AI regimes: lessons from China, the European Union, and the United States, *AI Ethics*, 3, pp. 793–810. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00205-0>

Doss C., Mondschein J., Shu D., Wolfson T., Kopecky D., Fitton-Kane V. A., Bush L., Tucker C. (2023) Deepfakes and scientific knowledge dissemination, *Scientific Reports*, 13, 13429. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-39944-3>

Hemberg E., Zhang L., O'Reilly U.M. (2020) Exploring Adversarial Artificial Intelligence for Autonomous Adaptive Cyber Defense, in: Jajodia S., Cybenko G., Subrahmanian V., Swarup V., Wang C., Wellman M. (ed.) *Adaptive Autonomous Secure Cyber Systems*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 41–61. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-33432-1_3

Laux J. (2023) Institutionalised distrust and human oversight of artificial intelligence: towards a democratic design of AI governance under the European Union AI Act, *AI & Society*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-023-01777-z>

Lukacovic M.N., Sellnow-Richmond D.D. (2023) The COVID-19 Pandemic and the Rise of Malicious Use of AI Threats to National and International Psychological Security, in: Pashentsev E. (ed.) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 175–201. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_7

Malatji M., Tolah A. (2024) Artificial intelligence (AI) cybersecurity dimensions: a comprehensive framework for understanding adversarial and offensive AI, *AI Ethics*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00427-4>

Maslova E., Sorokova E. (2022) Dialektika etiki i prava v regulirovanii tekhnologii iskusstvennogo intellekta: opyt ES [The Dialectics of Ethics and Law in the Regulation of Artificial Intelligence: Case of the EU], *Contemporary Europe*, 5(112), pp. 19–33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322050023> (In Russian).

Orwat C., Bareis J., Folberth A., Jahnel J., Wadehul C. (2024) Normative Challenges of Risk Regulation of Artificial Intelligence, *Nanoethics*, 18(11). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11569-024-00454-9>

Pashentsev E. (2023) General Content and Possible Threat Classifications of the Malicious Use of Artificial Intelligence to Psychological Security, in: Pashentsev E. (ed.) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 23–46 DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_2

Pauwels E. (2023) How to Protect Biotechnology and Biosecurity from Adversarial AI Attacks? A Global Governance Perspective, in: Greenbaum D. (ed.) *Cyberbiosecurity*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 173–184. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26034-6_11

Potemkina O. (2019) Luchshe, chem lyudi? Politika ES v oblasti iskusstvennogo intellekta [Better than Humans? EU Artificial Intelligence Policy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621> (In Russian).

Sorokova E. (2023) *Reagirovaniye Yevropeyskogo soyuza na global'nyye tekhnologicheskiye riski: praktika i effektivnost'* [The European Union's Response to Global Technological Risks: Practice and Efficiency], PhD Thesis, MGIMO, Moscow, Russia. (In Russian).

Thomann P.E. (2023) Geopolitical Competition and the Challenges for the European Union of Countering the Malicious Use of Artificial Intelligence, in: Pashentsev E. (ed.) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 453–486. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9_17

Vassilev A., Oprea A., Fordyce A., Anderson H. (2024) *Adversarial Machine Learning: A Taxonomy and Terminology of Attacks and Mitigations*, NIST Artificial Intelligence (AI) Report, NIST AI 100-2e2023, National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, USA. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.AI.100-2e2023>

Wells D. (2024) *The Next Paradigm-Shattering Threat? Right-Sizing the Potential Impacts of Generative AI on Terrorism*, Middle East Institute, Washington, USA.

УДК 327

ФАКТОРЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ СЕРБИИ И ТУРЦИИ¹

© 2024 **ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич**

Доктор политических наук

Центр междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, старший научный сотрудник, заместитель директора

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: *efdv2015@mail.ru*

© 2024 **РАСТЕГАЕВ Даниил Олегович**

Магистр международных отношений

Отдел политической науки

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, младший научный сотрудник

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: *rastegaev.2000@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.07.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Аннотация. В статье рассматривается проблематика онтологической безопасности Турции и Сербии и ее влияние на выработку внешнеполитического курса этих государств. Различные исторические пути данных государств неизбежно оставляют свой отпечаток на видении их макрополитическими сообществами своей истории и, соответственно, на расстановке внешнеполитических приоритетов. В Турции «неоосманизм» и стремление вернуть лидерство в исламском мире входят в противоречие с идеологическим и институциональным наследием основателя Республики Мустафы Кемали Ататюрка. В связи с этим современное руководство Турции делает выбор в пользу комбинированной стратегии, включающей воздействие на идентичность собственного макрополитического сообщества и изменение условий внешней международной среды таким образом, чтобы повысить статус страны как одного из наиболее

---

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00726.

значимых акторов трансформирующегося мирового порядка. Сербия, чья нынешняя государственность базируется на фундаменте, заложенном Слободаном Милошевичем, вынуждена приспосабливать «косовский» миф основания к современным геополитическим реалиям Юго-Западных Балкан. «Жертвенный» и оборонительный нарративы, выстроенные для снижения степени онтологической небезопасности, уже с трудом справляются с решением этой задачи. Возможности маневра для страны и ее политического руководства ограничены. Сербия фактически оказалась скована двойным обручем регионального доминирования ЕС и НАТО. При этом официальный Белград действует, осознавая пределы восприятия сербским обществом тех нарративов, которые настоятельно продвигают западные партнеры.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, Турция, Сербия, биографический нарратив, миф основания, М.К. Ататюрк, Р.Т. Эрдоган, С. Милошевич, Косово

DOI: 10.31857/S0201708324060159

В статье рассмотрена проблематика влияния исторических нарративов и ключевых компонентов социальной идентичности на выработку внешнеполитического курса Сербии и Турции. В XX в. обе страны прошли через исторические катастрофы, крах предшествующей модели государственности и пересборку нации. Для понимания их внешней политики необходимо учитывать идентитарные факторы, связанные с культурной памятью, социальными коммуникациями, образами национального прошлого, настоящего и будущего. Сербия и Турция претендуют на полноправное членство в Евросоюзе, но процесс евроинтеграции становится вызовом для онтологической безопасности и идентичности макрополитических сообществ.

Понятие онтологической безопасности позволяет расширить возможности изучения взаимосвязи выработки внешнеполитического курса государства и доминирующих в публичной сфере ценностей, представлений о прошлом, настоящем и будущем страны, соседях и месте в международном порядке. В последние десятилетия анализ онтологической безопасности вышел за рамки психологии (Р. Лэйнг) и социологии (Э. Гидденс) и прочно утвердился в сфере исследований мировой политики. Сформировался массив идей и текстов, предлагающих различные интерпретации онтологической безопасности в контексте поведения государств на мировой арене¹.

А. Вендт был первым, кто оперировал концептом онтологической безопасности в исследовании международных процессов и отношений. Он рассматривал онтологическую безопасность как «предсказуемость в отношениях к миру, создающую желание стабильных социальных идентичностей» и включил ее в число четырех базовых интересов нации-государства наряду с физической безопасностью, внешним признанием и возможностью развития [Wendt, 1994]. Дж. Митцен выводит из поиска физической безопасности государств их персональную субъектность [Mitzen, 2006]. Эту линию аргументации развивает Б. Стили и фокусирует внимание на том, что государства совершают социальные действия, удовлетворяя потребности в самоидентичности, даже если это ставит под угрозу физическую безопасность. Государственное Я при этом поддерживается через нарративы, которые порождают рутинизированные внешнеполитические действия [Steele, 2008].

---

¹ Подробнее см.: [Худайкулова, Неклюдов, 2019].

Авторы статьи исходят из того, что поведение государств на международной арене может быть обусловлено стремлением к онтологической безопасности, но субъектом последней выступает макрополитическое сообщество. Этот коллективный субъект обладает идентичностью, устойчивыми представлениями о прошлом и будущем, надеждами, эмоциями и страхами. Однако внутри страны и на международной арене практические действия осуществляют политические элиты и лидеры, действия которых могут быть ориентированы на собственное макрополитическое сообщество, другие государства или на условия взаимодействия с последними.

Наследие Ататюрка и трансформации макрополитической идентичности в современной Турции

Для Турции важнейшее значение имеет осуществленный Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1938) синтез установок на вестернизацию и нового (в отличие от пантюркизма в поздней Османской империи) турецкого национализма. «Шесть стрел» (*Altı ok*) – базовые принципы кемализма: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм, революционность, решительно разрывали с имперским наследием и дополнялись амбивалентным отношением к Западу как образцу национального развития и одновременно источнику угроз существованию суверенной Турции [Anscombe, 2014].

М.К. Ататюрк стремился преодолеть угрозы физической безопасности, исходящие от Запада, за счет радикальной вестернизации, тогда как основной угрозой онтологической безопасности формирующегося макрополитического сообщества выступало исламское универсалистское наследие султаната и халифата, а также идеи пантюркизма, ставящие под сомнение модель территориального государства (в основном в пределах Анатолийского полуострова). Республиканизм стал специфическим вариантом государственного национализма, носителем которого должна была стать турецкая нация независимо от этнических или иных размежеваний [Bölükbaşı, Yücel, 2021]. После учреждения республики М.К. Ататюрк демонстрировал негативное отношение к пантюркизму и панисламизму, т. к. они обладали дестабилизирующим потенциалом в отношении принципов «шести стрел».

В контексте взаимосвязи идентитарных факторов, исторической памяти, внутренней и внешней политики Турции особо значимыми проблемами выступают интерпретация геноцида армян и урегулирование конфликта с курдами.

Курдская проблема в рамках онтологической безопасности осложнена асимметрией сторон. Турции противостоит не другая держава, а крупнейший по численности этнос, не имеющий самостоятельной государственности и территориально локализованный в пределах четырех государств. В силу этого динамика конфликта характеризуется высоким уровнем напряженности, а перспективы взаимоприемлемого разрешения выглядят туманными. В таком случае возникновение дилеммы онтологической безопасности практически неизбежно, поскольку удовлетворение надежд части турецких курдов относительно собственной государственности подрывает онтологическую безопасность турецкого общества [Rumelili, Çelik, 2017].

Непризнание геноцида армян, ассирийцев и понтийских греков в период Первой мировой войны выступает политической стратегией, глубоко связанной с проблематикой онтологической безопасности. В данном случае нет существенного разрыва между

Турецкой республикой и Османской империей, поскольку завершающие акты этнических чисток были исполнены войсками Мустафы Кемаля (Смирнская резня 1920 г.). М.К. Ататюрк признавал материальное отставание, но одновременно постулировал полное моральное равенство с Западом и отрицал любые трактовки прошлого, ведущие к стигматизации Турции и ее подчиненному положению [Lazar, 1923]. Основатель современного турецкого государства, отвергая любой вариант принятия ответственности за массовую гибель армян, ассирийцев и понтийских греков, стремился не дать европейским державам ни малейшего шанса для дискриминации Турции и вмешательства во внутренние дела.

Смена поколений политических лидеров гипотетически позволяла Анкаре признать и осудить геноцид, облегчив тем самым взаимодействие с рядом стран и наднациональных объединений. Однако активность турецких официальных лиц и дипломатических представителей в странах, признавших илидвигающихся в направлении признания армянского геноцида, свидетельствует о глубокой озабоченности фактором внешнего восприятия. В первую очередь признание факта геноцида, принятие ответственности и выражение готовности искупить вину ведет к крайне болезненному пересмотру национального биографического нарратива, связанного с учреждением республики. Переключение самовосприятия макрополитического сообщества от априорной праведности к искуплению вины переводит сообщество в состояние онтологической небезопасности [Zarakol, 2010]. Давление извне, направленное в первую очередь на политическую элиту, встречает негативный отклик в турецком общественном мнении, что еще больше укрепляет решимость макрополитического сообщества в отказе от признания армянского геноцида.

Р.Т. Эрдоган добился наибольшей степени свободы в реинтерпретации наследия М.К. Ататюрка. Президент Турции постулирует полное моральное равенство с Западом, но идет еще дальше и претендует на моральное превосходство, которое обеспечивает достижения Турции в первой четверти XXI в., исламскую идентичность, лидерство в тюркском мире, пиетет в отношении османских традиций. В частности, для Р.Т. Эрдогана одним из оснований подчеркнуть моральную ущербность позиции стран ЕС стали их действия во время миграционного кризиса 2015 г., которые контрастировали с готовностью Анкары принять значительное число сирийских беженцев [Basbugoglu, Korkut, 2022].

Усиливающиеся различия в идентичности и этических принципах делают вступление Турции в ЕС проблематичным, что усугубляется унижением от ожидания прогресса в евроинтеграции. В этом проявляется одна из линий раскола внутри турецкого общества: строгое следование заветам М.К. Ататюрк теоретически должно привести Турцию в Евросоюз, тогда как линия президента не просто отдаляет европейскую перспективу, а все более явно акцентирует риски интеграции с точки зрения онтологической безопасности. Истоки евроскептицизма Р.Т. Эрдогана, как и вестернизаторский порыв основателя республики, заключаются во фрустрации, связанной с отставанием от Запада и непризнанием равноправного статуса Турции. Вопрос заключается в том, может ли евроинтеграция обеспечить стабильность турецкой макрополитической идентичности или для этого есть другие пути.

Регулярно навешиваемые в странах ЕС на Р.Т. Эрдогана ярлыки автократа, популиста, исламиста, пантюркиста, неоосманиста и др. явно не охватывают всего содержания политического курса. Президент Турции склонен к рискованному политическому ма-

неврированию не только между основными центрами силы на международной арене, но и между идеологиями, культурными и политическими традициями. Глубокое влияние на идентичность и политическую позицию мусульман в Турции и за ее пределами оказал Ф. Гюлен, поставивший под сомнение принцип лаицизма. Заявленная идея «строить новые школы вместо новых мечетей» указывает на стратегический подход, ориентированный на достижение долгосрочных результатов [Agaı, 2004]. Неформальный союз с Ф. Гюленом обеспечил Партии справедливости и развития массив избирателей, благосклонно относящихся к политическому исламу. Последующий разрыв с Р.Т. Эрдоганом был обусловлен борьбой за влияние на общество не только в области политических отношений, но и в образовании и других сферах, оказывающих сильное воздействие на идентичность и самовосприятие макрополитического сообщества. Провал попытки военного переворота в 2016 г., в причастности к которому были обвинены Ф. Гюлен и сторонники движения «Хизмет», и объявление последних террористической организацией фетхуллахистов укрепили политические позиции президента, но понизили уровень онтологической безопасности турецкого общества.

Сотрудничество Р.Т. Эрдогана и А. Давутоглу (министр иностранных дел в 2009–2014 гг., премьер-министр в 2014–2016 гг.) придало внешней политике концептуальную глубину, которая не всегда удачно сочеталась с экспансивным политическим стилем турецкого лидера. Основные составляющие внешнеполитического подхода А. Давутоглу – активность, многомерность, принцип «ноль проблем с соседями», ритмичная дипломатия и мягкая сила [Davutoğlu, 2013] – в сочетании с новым геополитическим масштабом, заданным обращением к османскому наследию и универсалиям исламской цивилизации, по большей части пережили партнерство с Р.Т. Эрдоганом. Как теоретик внешней политики Турции, А. Давутоглу обосновал отход от однозначно прозападной ориентации страны указанием на фундаментальные противоречия исламской и западной цивилизаций. Турция претендует не просто на лидерство в тюркском мире, а на представительство интересов всей исламской цивилизации в процессах трансформации мирового порядка и изживании гегемонии Запада. Уход А. Давутоглу в оппозицию не помешал дальнейшей реализации этих установок.

В маневрировании Р.Т. Эрдогана, помимо индивидуального стиля, стремления сохранить властные позиции и усиления политического влияния, можно увидеть реакцию на нараставшие на протяжении XX в. трудности с полномасштабной реализацией проекта К.М. Ататюрка. Президент Турции не является последовательным антикемалистом, но он готов с наименьшими колебаниями преодолевать ограничения политико-идеологического конструкта основателя республики.

Р.Т. Эрдоган неуклонно следует установкам Мустафы Кемала в отрицании геноцида армян. После фактического восстановления суверенитета Азербайджана над Нагорным Карабахом, Турция очень близка к стратегическому успеху по вопросу о геноциде. Скорее всего, следующим шагом Еревана после нормализацией отношений с Баку станет налаживание взаимодействия с Анкарой. Однако в армяно-турецких документах геноцид периода Первой мировой войны не будет упомянут. В этом случае Р.Т. Эрдоган сможет заявить, что принцип «ноль проблем с соседями» реализован по сценарию Анкары без единой уступки в вопросе признания ответственности за геноцид.

Сербский случай: секьюритизация жертвенности

Случай Сербии демонстрирует переплетение двух базовых (мета)нарративов: оборонительного («сербь никогда не начинали и не вели завоевательных войн») и жертвенного («сербь чаще всего становились жертвами насилия со стороны более крупных противников»). Они были актуализированы в рамках развития идеи о народе как центральном протагонисте истории, взятой на вооружение еще С. Милошевичем в качестве средства деконструкции «пролетарского югославизма» [Stojanović, 2011]. Соответственно, любой контрнарратив способен обострить состояние онтологической небезопасности. По этой причине почти все узловые события сербской истории – от битвы на Косовом поле до проблемы признания независимости албанско-косовского государства – интерпретируются с точки зрения обороны и/или жертвенности сербского народа. То, что не укладывается в эти стратегии, чаще всего замалчивается и выпадает из национальной биографии.

Косовский миф имеет исключительное значение для сербской национальной идентичности. Каноническую форму это национальное предание обрело благодаря изданию сербских народных песен В. Караджичем в начале XIX в., т. е. в период консолидации сербской политической нации. Политические коннотации в отсылках к битве на Косовом поле появляются уже в начале XIX в. в сочинениях участников борьбы за освобождение Сербии от османского господства, что соответствует общим модальностям национал-строительства в Европе в этот исторический период. Сюжет о битве изначально служил основой для создания нужного политического климата прежде всего для борьбы с турецким господством [Ejdus, 2020].

На государственном уровне импульс формированию и содержательной трансформации национального предания придавали официальные юбилеи Косовской битвы. Первый был организован в 1889 г. Политические сообщения юбилейных торжеств 1889 г., 1939 г. и 1989 г. в трех разных государствах (королевство Сербия, королевство Югославия, Социалистическая Федеративная Республика Югославия) настолько различались, что исследователи считают возможным говорить о трех разных косовских мифах [Ломоносов, Колобов, 2007]. Такая трактовка представляется слишком упрощенной. Косовский миф многослоен и пластичен, поэтому позволяет решать разнообразные политические задачи.

Юбилеи не только отражали долгосрочную программу действий Белграда на международной арене, но и получали закрепление в массовом сознании сербов. Риторика и символика юбилея 1889 г. определяла действия Белграда накануне и во время Балканских войн; речь Слободана Милошевича на Газиместане по сей день определяет грани приемлемого и неприемлемого для сербских политиков.

Миф о битве на Косовом поле более устойчив, чем политические режимы и идеологические конструкты, привязанные к различным формам сербской государственности. В отличие от Турции у Сербии не было времени для развития одной модели государственного устройства. Современная государственность, сформированная усилиями С. Милошевича, функционирует в искаленном виде в результате фиаско великосербского проекта. По этим причинам косовский миф играет конституирующую роль в онтологической безопасности сербов. Все нарративы об османском прошлом оказываются

оборонительными или виктимными, память об этой эпохе в Сербии по большей части стремятся заместить или искоренить.

В трактовках событий Второй мировой войны или периода распада Югославии нарратив жертвенности получает мощную и постоянную поддержку прежде всего благодаря памяти о целенаправленном истреблении сербов хорватскими усташами и балканском аналоге Освенцима – концлагере Ясеновац. Оборонительный нарратив требует более сложных манипуляций, поскольку борьба с внешним вторжением накладывалась на жесткое межэтническое противостояние и братоубийственную схватку, обусловленную политико-идеологическими размежеваниями. В процессе деконструкции социалистического нарратива о партизанах-антифашистах из четников и их лидера Д. Михайловича (которые в официальном дискурсе Югославии были практически уравнены с усташами) стали формировать образ национальных героев [Trošt, David, 2022]. Изменение оценок движения четников вместе с ростом внимания к жертвам социализма – индикатор более глубокого процесса декоммунизации (и включения их в нарратив об исключительно сербской победе во Второй Мировой войне) [Đureinović, 2018]. Избирательное памятование вместе с существенным расширением зоны забвения высвечивает важное отличие от турецкой модели отрицания вины за геноцид армян. Трагическая история межэтнических противостояний на Западных Балканах дает обильный материал для того, чтобы почти на каждое обвинение сербов в насилии и жестокости по отношению к представителям других этнических групп мобилизовать нарратив виктимности.

Балансировка такого рода еще сильнее проявляется в нарративных стратегиях, используемых в ходе дискуссий о политических потрясениях и войнах, сопровождавших распад Югославии. Обвинения сербов в геноциде по отношению к хорватам, бошнякам, косовским албанцам, исходящие не только от представителей этих народов, но и от международных и наднациональных институций (Международный трибунал по бывшей Югославии, Европейский парламент, различные неправительственные организации) вынуждают Белград использовать дифференцированную риторику, адресованную внутренней и внешним аудиториям. Часть сюжетов, непосредственно связанных с военными преступлениями сербской стороны, трансформируется в жертвенный нарратив: например, память о событиях в Сребренице либо замещается параллельными сюжетами о реальных страданиях сербов от военных преступлений, совершенных бошняками и хорватами, либо преобразуется в эпизод обороны от критической внешней угрозы. В то же время курс на евроинтеграцию требует помимо крайне болезненных уступок относительно статуса Косово частично принять нарратив о сербской ответственности за Сребреницу (без официального признания этой трагедии актом геноцида). Вынужденное сотрудничество с МТБЮ на фоне уверенности большинства населения в том, что сербы не могли совершать преступления, – неотвратимая повинность для любой власти в Белграде, особенно тяжелой на фоне нежелания [Subotić, 2010]. Это обстоятельство значительно усиливает ощущение онтологической небезопасности сербского макрополитического сообщества.

Стремление Сербии присоединиться к Евросоюзу выступает дестабилизирующим фактором для онтологической безопасности, поскольку, с одной стороны, подтверждает постулируемую европейскую идентичность сербов, с другой – требует принять отторгаемые большинством сербов нарративы и признать моральную и политическую

правоту стороны, в 1999 г. осуществлявшей бомбардировки Белграда и других сербских городов.

Главной проблемой, устойчиво погружающей сербское общество в состояние онтологической небезопасности, остается Косово. Правительство Сербии выработало с 2008 г. довольно эклектичное сочетание стратегий перманентного непризнания независимости края и замалчивания того факта, что это служит главной преградой на пути в Евросоюз. Для ориентированных на евроинтеграцию групп населения создается иллюзия, что Белграду удастся стать членом ЕС и избежать формального признания независимости Косово. А. Вучич особенно преуспел в этом и сумел помимо прочего убедить основных контрагентов в ЕС и США, что любая альтернативная фигура предпочтет косовский миф, а не перспективы евроинтеграции. Однако президент Сербии в диалоге с Брюсселем и Вашингтоном всегда останавливается у критического рубежа, когда ради обретения сербами европейского Я им требуется отказаться от старого, связанного с Косово [Ejdus, 2020]. Переход этого рубежа означает острый кризис онтологической безопасности с его последующей трансформацией во внутриполитический, итогом которого будет утрата легитимности власти, которая решится на отказ от Косово.

Заключение

Вопрос о признании статуса и принятии или непринятии внешними акторами образа государства, который сформирован макрополитическим сообществом, очень важен с точки зрения беспокойства сообщества об онтологической безопасности. Если государство, лидеры и правящая элита, понимая отсутствие шансов в будущем изменить отношение внешних акторов, делают выбор в пользу убеждения своего сообщества в невозможности обеспечить статус согласно представлениям сообщества о национальной биографии, они рискуют утратить прежнюю легитимность и/или потерять позиции в результате электоральных процедур. Другой вариант – это действия, направленные на изменение отношения внешних акторов или общих условий, которые влияют на выработку позиции других стран.

Контролируемая готовность к конфронтации с внешними оппонентами может привести к изменению их поведения или к общей реконфигурации соотношения сил. Во втором случае борьба за статус и изменение глобального (или регионального) *status quo* могут способствовать укреплению онтологической безопасности, несмотря на то что усиливают риски в рамках физической безопасности. Турция при Р.Т. Эрдогане нередко прибегает к воинственной риторике, но применение вооруженных сил за пределами территории страны носит ограниченный характер. Турецкая Республика выступает ярким примером комбинации работы с макрополитической идентичностью собственного сообщества и активных усилий по трансформации внешних средовых взаимодействий, итогом которых становится приобретение государством более высокого статуса. Турция успешно использует благоприятные возможности, связанные с последствиями распада Советского Союза и эрозией гегемонии Запада на глобальном и региональном уровнях. При этом турецкое макрополитическое сообщество слабо консолидировано в отношении перспектив ревизии наследия К.М. Ататюрка и европейской интеграции. Не исключено, что при всей внешней успешности Анкары в качестве международного иг-

рока этот фактор станет значимым на завершающей стадии эпохи лидерства Р.Т. Эрдогана либо вскоре после ее завершения.

Сербия не может воспроизвести достижения Турции в силу неблагоприятного соотношения сил и пребывания в жестких геополитических условиях, контролируемых ЕС, США и НАТО. Изменить внешнюю среду одному Белграду не удастся, а надежды на то, что за него это сумеет сделать Россия, могут оказаться иллюзорными. Вместе с тем политика постоянного балансирования между косовским мифом и признанием геополитических реалий без достижения членства в ЕС, проводимая долгое время А. Вучичем, может обернуться активизацией конфликтного потенциала в Косово или в Боснии и Герцеговине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ломоносов М.Ю., Колобов А.В. (2007) Косовский миф и его хронология. *Исторический вестник университетов Любляны и Перми*. № 1. С. 109–113.

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. (2019) Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149.

Agai B. (2004) *Zwischen Netzwerk und Diskurs. Das Bildungsnetzwerk um Fethullah Gulen*. EB-Verlag, Hamburg, Germany. 396 p.

Anscombe F.F. (2014) *State, Faith and Nation in Ottoman and Post-Ottoman Lands*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 323 p. DOI: 10.1017/CBO9781107323926

Basbugoglu T., Korkut U. (2022). Responsibility to Protect European Identity. *Contesting Cosmopolitan Europe. Euroscepticism, Crisis and Borders*. Ed. by J. Foley, U. Korkut. Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. P. 85–104.

Bölükbaşı Y.Z., Yücel G. (2021) Turkish Ontological Security in the Early Republic Era: Identity, Regime, and State. *Universal Journal of History and Culture*. Vol. 3. Issue 1. P. 19–34. DOI: 10.52613/ujhc.889306

Davutoglu A. (2013) *Teoriden Pratiğe: Türk Dış Politikası Üzerine Konuşmalar* [Talks on Turkish Foreign Policy from Theory to Practice]. Küre Yayınları, Istanbul, Turkey. 440 p.

Đureinović J. (2018) To Each Their Own: Politics of Memory, Narratives about Victims of Communism and Perspectives on Bleiburg in Contemporary Serbia. *Politička Misao*. Vol. 55. Issue 2. P. 89–110.

Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. Palgrave Macmillan Cham. 202 p. DOI: 10.1007/978-3-030-20667-3.

Lazar H.J. (1923) Gespräch mit Mustafa Kemal. *Neue Freie Presse*. 22.09. P. 1–2.

Mitzen J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. Issue 3. P. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346.

Rumelili B., Çelik A.B. (2017) Ontological Insecurity in Asymmetric Conflicts: Reflections on Agonistic Peace in Turkey's Kurdish Issue. *Security Dialogue*. Vol. 48. Issue 4. P. 279–296. DOI: 10.1177/0967010617695715

Steele B. J. (2008) *Ontological Security in International Relations. Self-Identity and the IR State*. Routledge, N.Y., USA. 244 p. DOI: 10.4324/9780203018200

Stojanović D. (2011) Value Changes in the Interpretations of History in Serbia. *Civic and Uncivic Values: Serbia in the Post-Milošević Era*. Ed. by O. Listhaug, S. Ramet, D. Dulić. Central European university press, Budapest, Hungary. P. 221–240.

Subotić J. (2010) Explaining Difficult States. The Problems of Europeanization in Serbia. *East European Politics and Societies*. Vol. 24. Issue 4. P. 595–616. DOI: 10.1177/0888325410368847

Trošt T.P., David L. (2022) Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav region. *Journal of Genocide Research*. Vol. 24. Issue 2. P. 228–240. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968852

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. Vol. 88. Issue 2. P. 384–396. DOI: 10.2307/2944711

Zarakol A. (2010) Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. Vol. 24. Issue 1. P. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040

Factors of Ontological Security and their Impact on Foreign Policy of Serbia and Türkiye

D.V. Efremenko

Doctor of Sciences (Politics)

*Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION RAS), chief research fellow, deputy director
51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117997*

E-mail: efd2015@mail.ru

D.O. Rastegaev

M. of A. in International Relations

*Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION RAS), junior research fellow
51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117997*

E-mail: rastegaev.2000@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of ontological security of Türkiye and Serbia and its impact on the foreign policy of these states. The different historical paths of these states inevitably leave their imprint on the macro-political communities' vision of their history and, accordingly, on the arrangement of foreign policy priorities. In Türkiye, “neo-Ottomanism” and the desire to regain leadership in the Islamic world are at odds with the ideological and institutional legacy of Mustafa Kemal Atatürk, the founder of the Republic. Serbia, which current statehood is based on the foundations laid by Slobodan Milosevic, is forced to adapt the “Kosovo” founding myth to the contemporary geopolitical realities of the Southwest Balkans; the victim and defensive narratives construed to reduce ontological insecurity are already struggling to do so.

Keywords: ontological security, Türkiye, Serbia, biographical narrative, founding myth, M.K. Atatürk, R.T. Erdogan, S. Milosevic, Kosovo

DOI: 10.31857/S0201708324060159

REFERENCES

- Agai B. (2004). *Zwischen Netzwerk und Diskurs. Das Bildungsnetzwerk um Fethullah Gulen*, EB-Verlag, Hamburg, Germany.
- Anscombe F.F. (2014) *State, Faith and Nation in Ottoman and Post-Ottoman Lands*, Cambridge university press, Cambridge, UK. DOI: 10.1017/CBO9781107323926
- Basbugoglu T., Korkut U. (2022). Responsibility to Protect European Identity, in Foley J., Korkut U. (ed.) *Contesting Cosmopolitan Europe. Euroscepticism, Crisis and Borders*, Amsterdam University Press Amsterdam, Netherlands, pp. 85–103.
- Bölükbaşı Y.Z., Yücel, G. (2021) Turkish Ontological Security in the Early Republic Era: Identity, Regime, and State, *Universal Journal of History and Culture*, 3(1), pp. 19–34. DOI: 10.52613/ujhc.889306
- Davutoğlu A. (2013) *Teoriden Pratiğe: Türk Dış Politikası Üzerine Konuşmalar* [Talks on Turkish Foreign Policy from Theory to Practice], Küre Yayınları, Istanbul, Türkiye.
- Đureinović J. (2018) To Each Their Own: Politics of Memory, Narratives about Victims of Communism and Perspectives on Bleiburg in Contemporary Serbia, *Politička Misao*, 55(2), pp. 89–110.
- Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-20667-3.

- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Y. (2019) Konceptiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The Concept of Ontological Security in International Political Discourse], *MGIMO Review of International Relations*, 12(6), pp. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149 (In Russian).
- Lazar H.J. (1923) Gespräch mit Mustafa Kemal, *Neue Freie Presse*, 09.22, pp. 1–2.
- Lomonosov M.Yu. Kolobov A.V. (2007) Kosovskiy mif i jego khronologiya [Kosovo Myth and Its Chronology], *Zgodovinski vesnik univerz Ljubljane in Permu*, 1, pp. 109–113. (In Russian).
- Mitzen J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma, *European Journal of International Relations*, 12(3), pp. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346
- Rumelili B., Çelik, A.B. (2017) Ontological Insecurity in Asymmetric Conflicts: Reflections on Agonistic Peace in Turkey's Kurdish Issue, *Security Dialogue*, 48(4), pp. 279–296. DOI: 10.1177/0967010617695715
- Steele B.J. (2008) *Ontological Security in International Relations. Self-Identity and the IR State*, Routledge, N.Y., USA. DOI: 10.4324/9780203018200
- Stojanović D. (2011) Value Changes in the Interpretations of History in Serbia, in Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (ed.) *Civic and Uncivic Values: Serbia in the Post-Milošević Era*, Central European university press, Budapest, Hungary, pp. 221–240.
- Subotić J. (2010) Explaining Difficult States. The Problems of Europeanization in Serbia, *East European Politics and Societies*, 24(4), pp. 595–616. DOI: 10.1177/0888325410368847
- Trošt T.P., David L. (2022) Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav region, *Journal of Genocide Research*, 24(2), pp. 228–240. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968852
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State, *American Political Science Review*, 88(2), pp. 384–396. DOI: 10.2307/2944711
- Zarakol A. (2010) Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan, *International Relations*, 24(1), pp. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040
-

УДК 327

НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© 2024 ГОФФЕ Нина Владимировна

Кандидат экономических наук

*Ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических
и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23, E-mail: nina-goffe@yandex.ru*

Поступила в редакцию 08.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В результате технологической революции происходит удвоение реальности, в которой действует современный человек. Многие ресурсы, виды деятельности, государственных и частных услуг переходят в виртуальную среду. Наряду с привычными для людей явлениями окружающего мира возникают их цифровые разновидности, тесно взаимодействующие со своими аналогами из реальной жизни. Статья посвящена цифровому неравенству и цифровой бедности, эволюции подходов к их изучению в отечественной и зарубежной академической литературе. Сделан вывод, что теории, объясняющие их существование, органически дополняют друг друга, давая представление о необходимых и достаточных условиях полноценного участия человека в жизни сетевого общества. Охват новыми технологиями различных слоев населения не был равномерным. Особое внимание в статье уделено факторам, мешающим незащищенным слоям населения внутри Евросоюза в полной мере воспользоваться преимуществами технологических нововведений и полноценно участвовать в жизни общества. Разделение общества на вовлеченных в цифровой отношении и аутсайдеров – большая социальная и политическая проблема, с которой человечеству придется иметь дело в XXI веке.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой разрыв, цифровое неравенство, цифровая бедность, уязвимые слои населения, Евросоюз

DOI: 10.31857/S0201708324060160

Глубокая цифровая трансформация затрагивает все аспекты человеческой жизни¹. Под ее воздействием преобразуются институты власти, бизнес, структура производства и занятости, характер труда, досуга и быта. Цифровизация меняет мировоззрение, ценности, культуру поведения, способы социализации. В современном мире Интернет стал неперенным условием экономической и социальной модернизации². В 2000 г.

---

¹ Мощный импульс процессу цифровизации повседневной жизни придала пандемия COVID-19. Многие услуги, ранее предоставляемые «лицом к лицу», в результате ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением коронавируса, были переведены в режим онлайн.

² Широкополосное подключение имеет стратегическое значение для роста во всех секторах экономики. По данным Еврокомиссии, увеличение проникновения широкополосной связи на 10% приводит к

доля пользователей Всемирной сети составляла 6,7% жителей Земного шара, к началу апреля 2024 г. – 67,1%. Новые знания и технологии на глобальном уровне и в пределах отдельных стран распространяются неравномерно. В наихудшей ситуации оказались страны с низкими доходами: в 2022 г. только 26% их жителей имели возможность выхода в Интернет. В государствах с высоким доходом этот показатель составил 92%¹.

Умение человека обращаться с цифровыми устройствами и способность к цифровой коммуникации стали крайне важными для полноценного взаимодействия с другими людьми и обществом в целом. Развитие технологии порождает цифровое неравенство и цифровую бедность, создает из социально незащищенных слоев населения цифровую низший класс [Ragnedda, 2020]. В первую очередь это относится к жителям беднейших стран. В менее острой форме похожие проблемы характерны и для европейских государств. В статье рассмотрена эволюция теоретических обоснований существования различий в цифровой оснащенности Евросоюза. Исследование основывается на отечественных и зарубежных работах, посвященных разнообразным формам социального неравенства и бедности [Лункин, 2023; Гладкова, Варганова, 2021; Говорова, 2021; Варганова, 2018; Ragnedda, 2018; Van Dijk, 2017; Ragnedda, 2017; Barrantes Cáceres, 2007], а также на данных ОЭСР и Евростата.

Эволюция теоретических подходов к исследованию цифрового неравенства и цифровой бедности

Теоретическое обоснование социального расслоения в цифровой сфере чаще всего обозначается такими терминами, как цифровой разрыв, цифровое неравенство, цифровая бедность². При этом вопросы цифрового разрыва/неравенства проработаны значительно глубже, чем проблема цифровой бедности.

Термин «цифровой разрыв» появился для описания неравенства в доступе к технологиям во второй половине 1990-х гг. Изучение причин существования в обществе определенных групп, отстающих в использовании ИКТ, основывалось на уже существующих социологических концепциях³ и моделях. Например, теория диффузии инноваций (*Adoption-Diffusion Theory*) объясняет экспансию технологических инноваций от начальных этапов их внедрения до широкого применения. Новая технология сначала осваивается небольшим числом пользователей, затем охватывает большую часть населения и наконец с опозданием доходит до немногочисленных отстающих [Mason, Nacker, 2003]. Преимущество получают те, кто первыми начал применять инновации, а обладатели базового уровня всегда будут вынуждены наверстывать упущенное.

Таким образом, распространение Интернета не уменьшает, а увеличивает социальное неравенство. Категориальное неравенство приводит к неравному распределению

посту ВВП на 1–1,5%. URL: Bridging the digital divide in the EU. Briefing. European Parliamentary Research Service. 12. 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI\(2015\)573884_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI(2015)573884_EN.pdf) (дата обращения: 19.04.2024).

¹ ITU. Facts and Figures 2022. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2022/11/24/ff22-internet-use/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Исследователи оперируют и другими терминами: информационная бедность, цифровая изоляция/включенность.

³ Например, сетевое общество М. Кастельса, социальная стратификация М. Вебера, социальный капитал П. Бурдьё.

ресурсов, что означает различный доступ к цифровым технологиям, который приводит к неравноправному участию в жизни общества и усиливает неравенство и неравномерность распределения ресурсов [Van Deursen, Van Dijk, 2019].

В академической литературе выделяют три уровня цифрового разрыва. В простейшей форме он проявляется в том, что не все люди могут приобрести компьютер или другое устройство для выхода в Интернет. Это касается в основном беднейших и наиболее дискриминируемых слоев населения, что еще больше усиливает их маргинальное положение. Узко технологическое понимание проблемы – характерная черта первого уровня, или так называемого разрыва в доступе [Van Dijk, 2017].

Вместе с превращением Интернета в неотъемлемую часть повседневной жизни, удешевлением доступа к нему пришло понимание, что цифровой разрыв связан не только с наличием или отсутствием аппаратного обеспечения и возможности выхода во Всемирную паутину. Внимание исследователей переключилось на цифровую грамотность, различные способы применения цифровых технологий с учетом социальных, культурных и экономических аспектов, а также мотивации, интересов и навыков работы. Так возник термин «второй уровень цифрового неравенства», или «разрыв в использовании».

Концепция третьего уровня зафиксировала различия имеющих доступ к ИКТ от обладающих цифровой грамотностью в способностях продуктивного использования цифровых технологий в реальной жизни (разрыв в полезности) [Gómez, 2018]). Например, речь идет о возможности взаимодействия через Интернет с государственными службами. Третий уровень цифрового неравенства носит более устойчивый характер. Разрыв в полезности не может исчезнуть со временем в результате большей доступности цифровых устройств и повышения уровня цифровой грамотности. Он подразумевает существование цифрового капитала, который британский следователь М. Рагнетта (в соответствии с теорией П. Бурдьё) определяет как набор внутренних способностей и склонностей (цифровые компетенции), а также внешних ресурсов (цифровые технологии), которые могут быть накоплены и перенесены из одной сферы деятельности в другую [Ragnedda, 2018; Вартанова, Гладкова, 2021].

Цифровой капитал расширяет жизненные возможности, соединяет реальную и виртуальную сферы. Владение цифровыми технологиями способствует социализации, трудоустройству, поиску более качественных рабочих мест, участию в политической жизни, расширению культурного взаимодействия. Цифровой капитал тесно связан с другими видами капитала (социальным, экономическим, культурным, политическим). Неравенство в реальной жизни порождает цифровое, которое может усилить диспропорции, существующие в режиме офлайн. М. Рагнетта продемонстрировал это, объединив веберовский подход к социальной стратификации и концепцию третьего уровня цифрового разрыва [Ragnedda, 2017].

Одна из первых попыток теоретического осмысления цифровой бедности представлена в работе перуанского экономиста Роксаны Баррантес [Barrantes, 2007]. Ее подход основан на базовых потребностях индивида. Только люди, которые обладают достаточной покупательной способностью, могут формировать спрос на товары и услуги ИКТ, если известны выгоды от потребления. Согласно Р. Баррантес, цифровая бедность – это нехватка товаров и услуг, основанных на ИКТ, из-за отсутствия дохода или из-за недостатка знаний о преимуществах их использования.

Р. Баррантес перенесла внимание с неравенства в масштабах общества на индивидуальный уровень и уделила особое внимание тем, кто не использует ИКТ. Это позволило ей прийти к выводу, что к цифровым бедным относятся не все люди с низким доходом. Подростки из небогатых семей активно осваивают современные технологии, а лица с высоким доходом в силу разных причин (возраст, отсутствие подготовки, интереса или мотивации) могут попасть в категорию бедных в цифровом отношении [Barrañtes, 2007: 22].

Сегодня лидером среди европейских стран в изучении цифровой бедности выступает Британия. Рост интереса к проблеме происходит на фоне значительного повышения стоимости жизни в стране, в т. ч. затрат на полноценное индивидуальное цифровое оснащение. Исследования британских экспертов показали, что цифровая бедность тесно связана с тремя уровнями цифрового неравенства и выходит за рамки экономических и технологических факторов. Альянс по борьбе с цифровой бедностью трактует цифровую бедность как неспособность в полной мере взаимодействовать с онлайн-миром, когда, где и как это необходимо человеку¹. Такая трактовка учитывает три уровня цифрового неравенства, поскольку включает отсутствие доступа и навыков. Цифровая бедность усугубляется образовательными, расовыми, языковыми и другими различиями и неравенством в отношении здоровья.

Широкое определение, выработанное Альянсом, конкретизировали эксперты аудиторской и консалтинговой компании «Делойт». Они отнесли к цифровым бедным тех, у кого отсутствуют доступ к надлежащему подключению к Сети в местах проживания, к устройствам для выхода в Интернет из дома (например, к смартфону, персональному компьютеру/планшету), базовые навыки для эффективного взаимодействия в Интернете и возможности регулярно (как минимум раз в неделю) выходить в Интернет (в т. ч. из-за отсутствия уверенности или мотивации)². Теории цифрового неравенства и цифровой бедности дополняют друг друга. Первая объясняет, почему доступ к ИКТ без соответствующего уровня цифрового капитала недостаточен для достижения значимых результатов в жизни. Вторая помогает понять, что доступ в Интернет и умение им пользоваться – необходимые условия для полноценного участия в жизни современного общества, а также выявить уязвимые слои населения.

Цифровое неравенство и цифровая бедность в ЕС

Миллионы граждан Евросоюза продолжают сталкиваться с препятствиями по доступу в Сеть. Усредненные данные по ЕС свидетельствуют, что в начале 2020-х гг. только 8% населения никогда не пользовались Интернетом, а 90% обращались к нему по крайней мере один раз в неделю. При этом 44% не обладали базовыми цифровыми навыками, такими как поиск информации и обработка данных, пользование электронной почтой, создание контента, защита персональных данных, установка программного обеспечения³. На уровне цифровых неравенства и бедности влияет множество факторов. В статье рассмотрены наиболее значимые для доступа уязвимых слоев к ИКТ.

¹ Allmann K. UK Digital Poverty Evidence Review 2022. Digital Poverty Allians. 2022. URL: <https://digitalpovertyalliance.org/uk-digital-poverty-evidence-review-2022/#> (дата обращения: 26.04.2024).

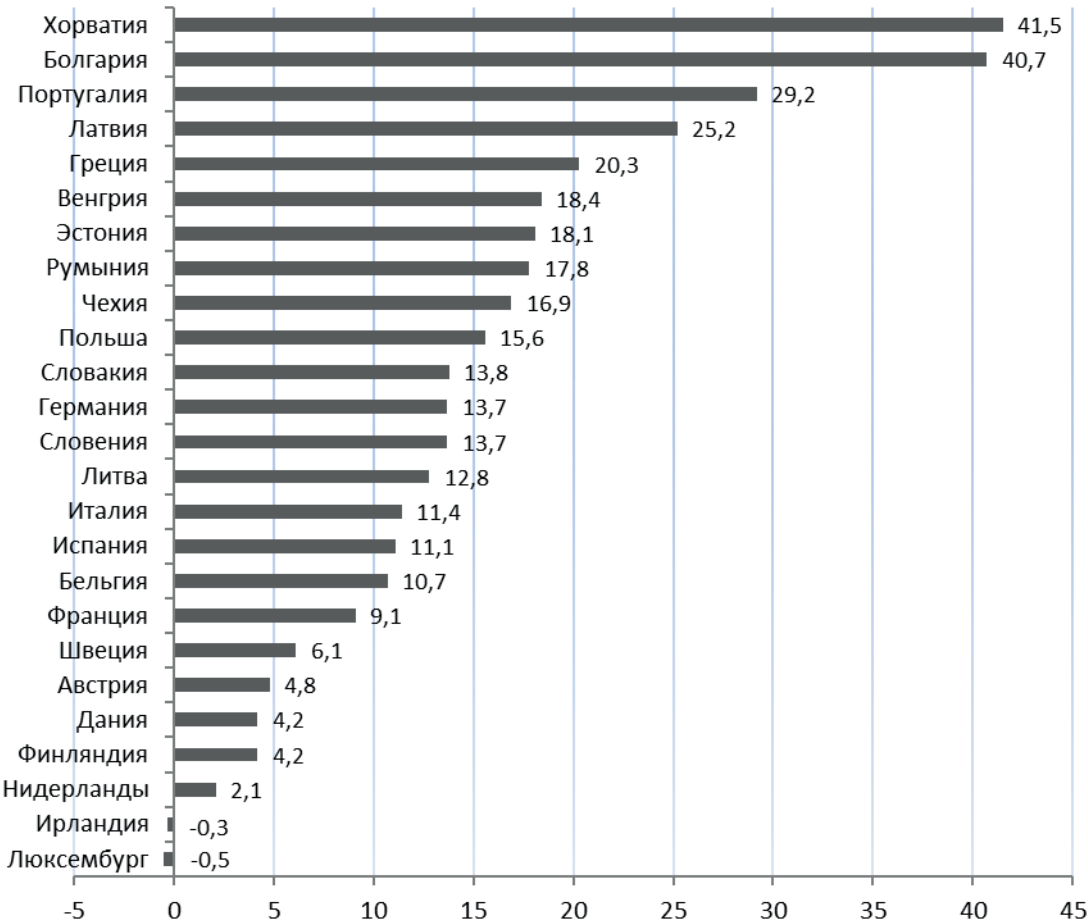
² Digital Poverty in the UK. A socio-economic assessment of the implications of digital poverty in the UK. Deloitte. 09.2023. URL: https://digitalpovertyalliance.org/wp-content/uploads/2023/09/Deloitte-Digital-Poverty_FinalReport_29092023.pdf (дата обращения: 24.04.2024).

³ Digitalisation in Europe – 2024 edition. Eurostat. 2024. DOI: 10.2785/120017

Доход. Различия в уровнях дохода играли решающую роль на заре становления сетевого общества: люди с более высоким доходом могли приобретать и использовать цифровые устройства чаще, чем индивиды с доходом ниже среднего. Сегодня лица, не пользующиеся Интернетом и обладающие меньшими навыками работы с цифровыми технологиями, с большей вероятностью относятся к более уязвимым социальным слоям населения. На рис. 1 страны ранжированы в соответствии с разницей в использовании Интернета домохозяйствами с разными уровнями доходов. В группу стран, где разрыв составляет 11 п.п. и ниже, вошли почти все государства старокapиталистической Европы (кроме Германии, Греции и Португалии). В постсоциалистических странах показатель превышает 13 п.п., а в Болгарии и Хорватии – более 40 п.п.

Рис. 1

Разница в долях пользователей Интернетом в домохозяйствах первой и пятой квинтильных групп распределения доходов. ЕС*, 2023 г., п.п.

* без Кипра и Мальты

Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier. Paris. OECD Publishing. 2024. P. 91. DOI: <https://doi.org/10.1787/a1689dc5-en>

Из стран, не входящих в Евросоюз, рассмотрена Британия, поскольку только в ней изучению цифровой бедности уделяется особое внимание. Из-за роста цен около 12,2 млн человек (23% населения Соединенного Королевства) вынуждены искать более дешевые тарифные планы. В результате в 2023 г. доля пользователей Интернетом составила 96% (на 3 п.п. ниже, чем в 2022 г.). Сокращение произошло за счет лиц старше 60 лет¹.

Возраст. С 1950-х гг. старение населения – характерная черта развитых стран. В 2001 г. 16% жителей Евросоюза были старше 65 лет². В 2023 г. показатель вырос до 21,3%, а к концу века достигнет почти 32,5³.

С внедрением цифровых технологий и Интернета у пожилых людей появились возможности для улучшения условий повседневной жизни. Наличие компьютера, планшета или смартфона позволяет поддерживать связи с семьей и друзьями, получать доступ к информации и использовать государственные и частные онлайн-сервисы. Это облегчает получение социальных пособий, доступ к медицинским и банковским услугам, покупку товаров, бронирование билетов и т. д. Доля пожилых людей, пользующихся Интернетом, с 2011 г. по 2021 г. выросла почти в 2 раза⁴.

На рисунке 2 европейские страны расположены по убыванию величины расхождений в использовании Интернетом между молодыми и пожилыми людьми. Нидерланды, Дания и Люксембург демонстрируют минимальную разницу возрастных групп – 2 п.п. К ним тяготеют Швеция (около 3 п.п.) и Финляндия (6,4 п.п.). В группе отстающих (30 п.п. и более) – Словакия, Польша, Болгария, Хорватия, Греция и Португалия.

Опрос, проведенный в 2020 г. Национальной статистической службой Британии, показал, что вероятность регулярного использования Интернетом снижается с возрастом: все респонденты от 16 до 34 лет заявили, что они выходят в Интернет ежедневно или почти каждый день. В группе 65 лет и старше этот показатель составил 67%⁵.

Аналогичные процессы характерны для ЕС. Цифровой межпоколенческий разрыв (*grey digital divide*) становится еще более очевидным, когда речь заходит о людях старше 75 лет. Для пожилых людей связь между возрастом и степенью вовлеченности в цифровую реальность носит не линейный, а скорее экспоненциальный характер [Friemel, 2014]. Исследование 2019 г. показало, что в ЕС только 20% человек в возрасте 75 лет и старше пользуются Интернетом хотя бы изредка, что почти в пять раз меньше, чем молодежь 16–29 лет (98%)⁶.

¹ The UK Consumer Digital Index 2023 ...

² Demography of Europe. Statistics visualized. 2021 Edition. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/digpub/demography_2021/ (дата обращения: 05.07.2024).

³ Population structure and ageing. Eurostat. 02.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing#:~:text=During%20the%20period%20from%202023,compared%20with%2021.3%20%25%20in%202023 (дата обращения: 25.05.2024).

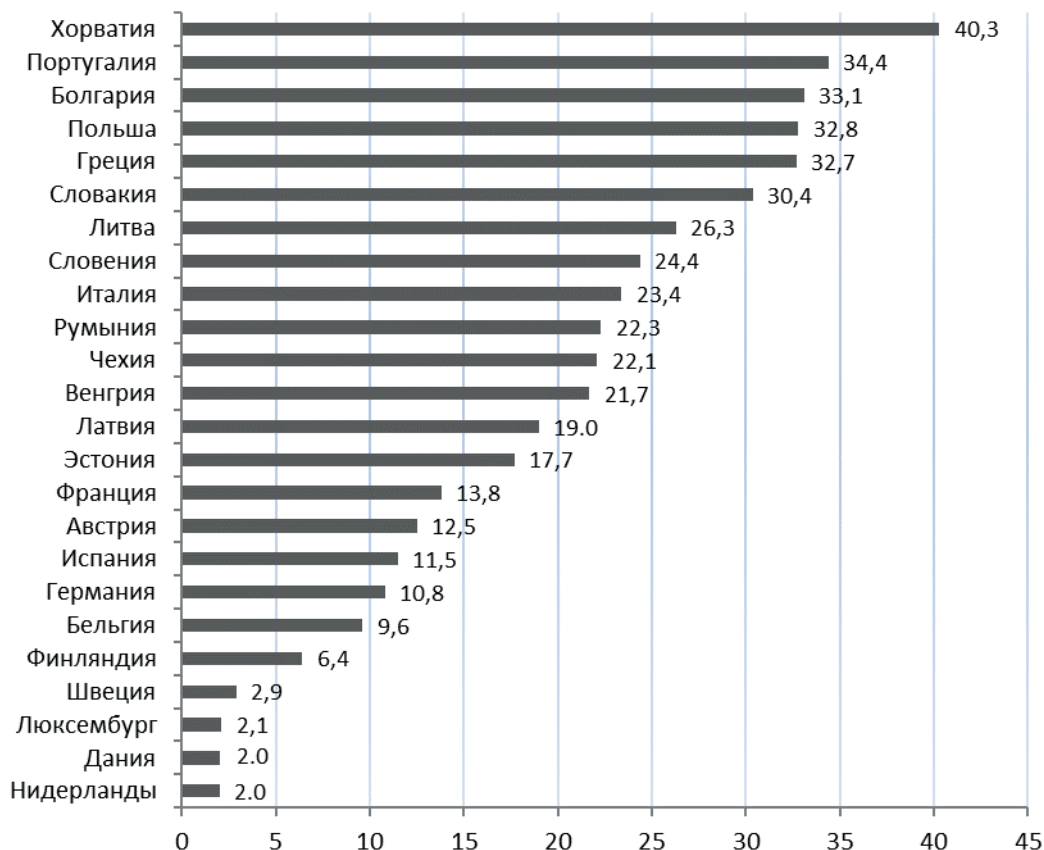
⁴ Fundamental rights of older people: ensuring access to public services in digital societies. FRA. 13.09.2023. URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2023/older-people-digital-rights> (дата обращения: 13.07.2024).

⁵ COVID-19 and the digital divide. UK Parliament. 17.12.2020. URL: <https://post.parliament.uk/covid-19-and-the-digital-divide/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶ Improving the well-being of older persons in the era of digitalisation: Council adopts conclusions. Council of the EU. Press release. 12.10.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/12/improving-the-well-being-of-older-persons-in-the-era-of-digitalisation-council-adopts-conclusions/> (дата обращения: 12.07.2024).

Рис. 2

Разница в долях молодых (16 – 24 года) и пожилых (55 – 74 года) людей, пользующихся Интернетом. ЕС*, 2023 г., п.п.

* без Ирландии, Кипра и Мальты.

Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier.

Для получения достоверной картины современного цифрового неравенства и цифровой бедности необходимо отслеживать ситуацию в группе 75 лет и старше. Однако верхняя возрастная планка при сборе официальных данных для расчетов Европейского индекса цифровой экономики и общества (*Digital Economy and Society Index, DESI*) составляет 74 года.

На взаимодействие пожилых людей с Интернетом могут влиять разные факторы. Один из основных – самовосприятие человека в старости и его понимание необходимости выстраивания взаимоотношений в социуме. Чем старше человек, тем сложнее ему выйти за пределы своего хронотопа, т. е. преодолеть границы времени и пространства, в которых он привык существовать. В привычном мире Интернет может не иметь ника-

кой ценности или даже представлять опасность. Пожилые люди могут страдать технофобией, бояться компьютеров, сотовых телефонов, возможностей искусственного интеллекта. Негативную роль играют СМИ, распространяющие различные конспирологические теории.

Образование. В цифровом мире образование – преимущество для людей любого возраста. Малообразованные пожилые люди наименее приспособлены к жизни в сетевом обществе. Рисунок 3 показывает, как распределяются страны по величине разрыва в использовании Интернета лицами с разным уровнем образования. Самые низкие значения (1,5 – 3 п.п.) наблюдаются в Люксембурге, Нидерландах и Дании. К ним примыкают Финляндии, Эстонии и Швеции. Самые высокие (30 п.п. и более) – в Словакии, Греции, Болгарии и Хорватии. С 2011 по 2021 г. доля лиц в возрасте от 55 до 75 лет с низким уровнем образования, пользующихся Интернетом, в странах – членах ЕС утроилась. Однако диспропорции между высоко- и малообразованными сохранились. В 2021 г. Интернетом пользовались в течение предыдущих 12 месяцев 96% пожилых людей с высоким уровнем образования и 61 % – с низким¹.

Гендерный цифровой разрыв. Различия в пользовании Интернетом по признаку пола в ЕС выражены достаточно слабо. Во многих государствах-членах (Литва, Эстония, Франция, Венгрия, Польша, Испания) женщины выходят в Сеть чаще, чем мужчины. В сфере занятости разрыв начинает формироваться на стадии обучения. Несмотря на то что 54% студентов высших учебных заведений в ЕС – женщины, они составляют около четверти, изучающих ИКТ. В 2021 г. доля женщин – выпускников по специальностям, связанным с информационными и коммуникационными технологиями, и работников в этом сфере составила 19%².

В 2023 г. в ЕС базовыми цифровыми компетенциями располагали больше молодых женщин, чем мужчин. Однако среди людей в возрасте 45 лет и старше ситуация была обратной³. Низкие навыки работы с ИКТ в старости фиксируются как среди мужчин, так и среди женщин, но контраст между женщинами различных возрастных групп выражен сильнее. Доля молодых женщин (25–34 года), владеющих как минимум базовыми цифровыми навыками, почти в три раза превышала долю пожилых (65–74 года). У мужчин этот показатель различался в два раза⁴.

Цифровой разрыв, связанный с местом проживания. Наиболее ярко он может проявляться в странах, где существуют территориальными диспропорциями в социально-экономическом развитии. Так, в Италии сохраняется отставание в уровне охвата населения Интернетом южных областей от высокоразвитых. Этот разрыв – одна из возможных причин того, что третья по величине экономика ЕС занимает 18-е место в европейском рейтинге «Цифровая экономика и общество» 2022 г. В Британии самый высокий уровень цифровой бедности в начале текущего десятилетия характерен для Северной Ирландии. В Уэльсе, отстающем по душевому ВВП и уровню занятости от средних по-

¹ Fundamental rights of older people: ensuring access to public services in digital societies.

² Digital Byte on the digital gender divide. European Education Area. 25.04.2023. URL: <https://education.ec.europa.eu/es/news/digital-byte-digital-gender-divide> (дата обращения: 15.07.2024).

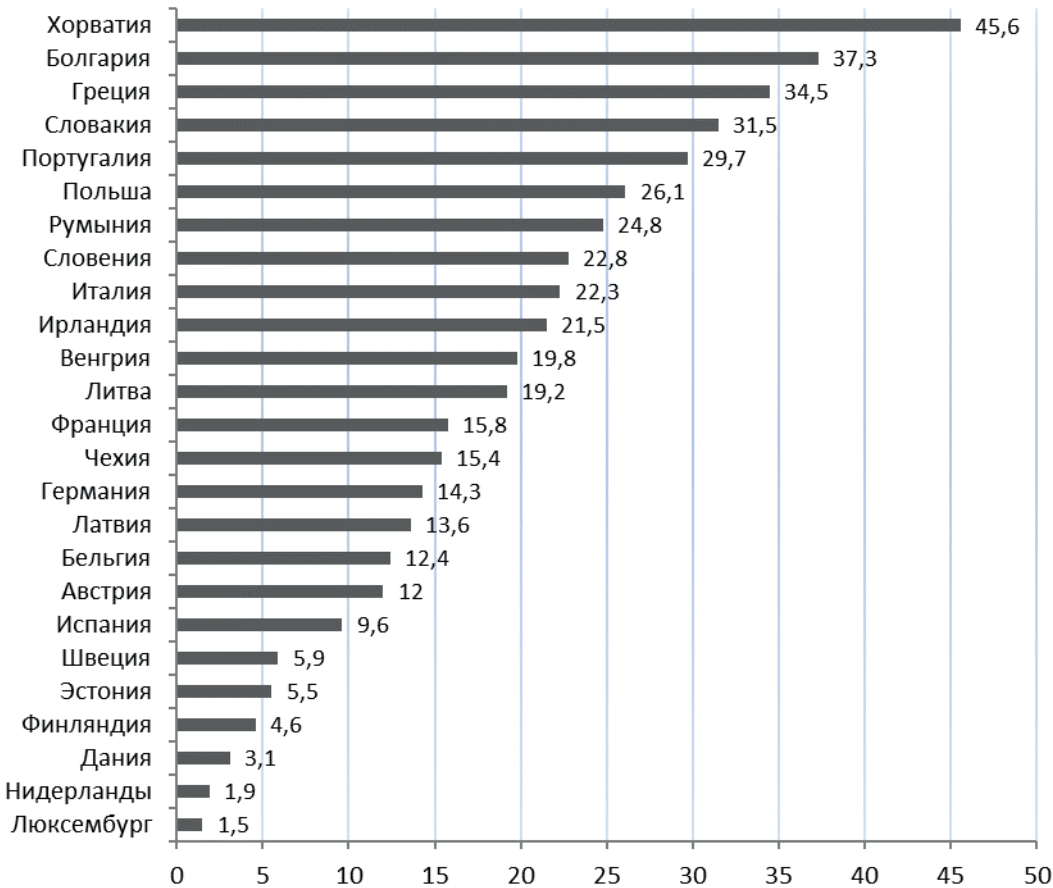
³ Skills for the digital age. Eurostat. 04.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Skills_for_the_digital_age&oldid=627686#The_digital_divide (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Digital skills in 2023: impact of education and age. Eurostat. 22.02.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240222-1> (дата обращения: 15.07.2024).

казателей по стране, наблюдалась самая низкая доля людей, владеющих полным набором цифровых навыков и не пользующихся Интернетом¹.

Рис. 3

Разница в долях пользователей Интернетом с высоким и низким уровнями образования. ЕС* . 2023 г., п.п.

* без Кипра и Мальты.
 Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier.

Кроме того, существует цифровой разрыв между городскими и сельскими районами. По оценкам Еврокомиссии, в середине 2022 г. охват сельских районов высокоскоростным Интернетом достиг 72,9%, что по-прежнему на 18,5 п.п. ниже среднего показателя по ЕС². Только 46% людей, проживающих в преимущественно сельской местно-

¹ COVID-19 and the digital divide.
² Broadband Coverage in Europe 2022. Mapping progress towards the coverage objectives of the Digital Decade. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. 222 p. DOI: 10.2759/909629

сти, владеют по крайней мере базовыми навыками работы с ИКТ, тогда как в городах этот показатель составляет 61%¹. Это значит, что сельские жители не могут воспользоваться услугами с высокой социальной значимостью, такими как телемедицина или онлайн-образование, что препятствует экономическому росту и ограничивает социальные связи, доступ к культурным ресурсам и негативно сказывается на качестве жизни.

Различия наблюдаются и внутри городов. В неблагополучных районах качество подключения к Сети низкое и доступ к технологиям более ограничен. В наихудшем положении оказываются те же группы: пожилые люди, лица с хроническими заболеваниями, малообразованные. Удаленная работа затруднена, поэтому у жителей меньше возможностей для трудоустройства. В менее развитых регионах субнационального уровня, сельских поселениях, неблагополучных районах больших городов цифровое неравенство и цифровая бедность проявляются наиболее ярко.

Заключение

На заре цифровой эры казалось, что Интернет сделает общество более справедливым и сплоченным. Спустя десятилетия стало очевидно, что эти надежды не оправдались. В результате цифровой революции произошло удвоение реальности. Многие явления, относившиеся к привычному для человека реальному миру, получили зеркальное отражение в цифровой среде. Реальность и цифровое взаимодействуют и создают гибридные формы. Цифровая бедность, понимаемая как ограниченные по тем или иным причинам возможности в доступе к различным онлайн-сервисам и новым видам коммуникации, выступает крайней формой проявления цифрового неравенства. Неравноправные в цифровом отношении общества наиболее уязвимы перед угрозой бедности. Устойчивость бедности и неравенства свидетельствует о том, что их цифровые формы выступают значимой социально-экономической проблемой, решение которой займет долгое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вартанова Е, Гладкова А. (2021) Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений. *Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика*. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329

Вартанова Е.Л. (2018) Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы. *МедиаАльманах*. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalma

Говорова Н. (2021) Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Лункин Р.Н. (2023) Социальное неравенство в современном обществе риска. *Современная Европа*. № 7. С. 176–191 DOI: 10.31857/S0201708323070148

Barrantes Cáceres R. (2007) Digital Poverty: Concept and Measurement, with an Application to Peru. Kellogg Institute for International Studies. Working Paper No. 337. 34 p. URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/337_0.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Friemel Th.N. (2014) The digital divide has grown old: Determinants of a digital divide among seniors. *New Media & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 313–331.

---

¹ Digital Economy and Society Index (DESI) 2022. P. 24. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-economy-and-society-index-desi-2022> (дата обращения: 15.07.2024).

Gómez D.C. (2018) The Three Levels of the Digital Divide: Barriers in Access, Use and Utility of Internet among Young People in Spain. *Interações Sociedade e as novas modernidades*. No. 34. P. 64–91. DOI: 10.31211/interacoes.n34.2018.a4

Mason Sh.M., Hacker K.L. (2003) Applying Communication Theory to Digital Divide Research. *IT&Society*. Vol. 1. No. 5. P. 40–55.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*. Vol. 35. No. 8. P. 2366–2375.

Ragnedda M. (2020) *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*. Palgrave Macmillan. 121 p. DOI: 10.1007/978-3-030-49079-9

Ragnedda M., Muschert G.W. (2015) Max Weber and Digital Divide Studies?: Introduction. *International Journal of Communication*. No. 9. P. 2757–2762.

Ragnedda, M. (2017) *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge, N.Y., USA. 128 p.

Van Deursen A.J.A.M., Van Dijk J.A.G.M. (2019) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media & Society*. Vol. 21. No. 2. P. 354–375. DOI: 10.1177/1461444818797082

Inequality and Poverty in the Digital Age

N.V. Goffe

Candidate of Sciences (Economics)

Leading Researcher of Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO). 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: nina-goffe@yandex.ru

Abstract. As a result of the technological revolution, there is a doubling of the reality in which modern man operates. Many resources, activities, public and private services are moving to a virtual environment. Along with the phenomena of the surrounding world that are familiar to people, their digital varieties arise, closely interacting with their real-life counterparts. The article is devoted to digital inequality and digital poverty, the evolution of approaches to their study in domestic and foreign academic literature. It is concluded that the theories explaining their existence organically complement each other, giving an idea of the necessary and sufficient conditions for full human participation in the life of a network society. The coverage of different segments of the population with new technologies was not uniform. Special attention is paid to the factors preventing vulnerable segments of the population within the European Union from taking full advantage of technological innovations and fully participating in society. The division of society into digitally engaged and outsiders is a big social and political problem that humanity will have to deal with in the 21st century.

Keywords: digitalisation, digital divide, digital inequality, digital poverty, vulnerable segments of the population, the European Union

DOI: 10.31857/S0201708324060160

REFERENCES

Barrantes Cáceres R. (2007) *Digital Poverty: Concept and Measurement, with an Application to Peru*. Kellogg Institute for International Studies, Working Paper No. 337. URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/337_0.pdf (accessed: 15.07.2024).

Friemel Th.N. (2014) The digital divide has grown old: Determinants of a digital divide among seniors, *New Media & Society*, 18(2), pp. 313–331.

Gómez D.C. (2018) The Three Levels of the Digital Divide: Barriers in Access, Use and Utility of Internet among Young People in Spain, *Interações Sociedade e as novas modernidades*, 34, pp. 64–91. DOI: 10.31211/interacoes.n34.2018.a4

Govorova N.V. (2021) Bednost' i neravenstvo: vy'zovy' pandemii COVID-19 [Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic], *Social Sciences and Contemporary World*, 3, pp. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6 (In Russian).

Lunkin R.N. (2023) Social'noe neravenstvo v sovremennom obshchestve riska [Social Inequality: The Modern Risk Society], *Contemporary Europe*, 7, pp. 176–191. DOI: 10.31857/S0201708323070148 (In Russian).

Mason Sh.M., Hacker K.L. (2003) Applying Communication Theory to Digital Divide Research, *IT&Society*, 1(5), pp. 40–55.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital, *Telematics and Informatics*, 35(8), pp. 2366–2375.

Ragnedda M. (2020) *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-49079-9

Ragnedda M., Muschert G.W. (2015) Max Weber and Digital Divide Studies?: Introduction, *International Journal of Communication*, 9, pp. 2757–2762.

Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge, N.Y., USA.

Van Deursen A.J.A.M., Van Dijk J.A.G.M. (2019) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access, *New Media & Society*, 21(2), pp. 354–375. DOI: 10.1177/1461444818797082

Vartanova E. L. (2018) Konceptualizaciya cifrovogo neravenstva: osnovny'e etapy [Conceptualization of digital inequality: the main stages], *MediaAl'manah*, 5, pp. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalma (In Russian).

Vartanova E.L., Gladkova A.A. (2021) Cifrovoe neravenstvo, cifrovoj kapital, cifrovaya vklyuchennost': dinamika teoreticheskix podxodov i politicheskix reshenij [Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, pp. 3–29. (In Russian).

УДК 331.5

ЧЕШСКИЙ РЫНОК ТРУДА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

© 2024 ЧЕТВЕРИКОВА Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, руководитель

*Центра европейских исследований, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23, E-mail: chetverikova@imemo.ru*

Поступила в редакцию 06.07.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье представлен анализ развития рынка труда Чехии с учетом демографических тенденций. Обозначены основные долгосрочные тренды по снижению безработицы, структурным изменениям и сохранению привлекательности для иностранных акторов. Оценены негативные последствия последних двух лет. Показаны изменения в финансировании политики занятости и переход к более эффективным мерам поддержки. Особое внимание уделено решению проблемы старения населения и вовлечения на рынок труда старших возрастов. Проанализированы реализуемые способы сохранения занятости среди этой категории граждан. Рассмотрены действующие механизмы по привлечению в Чехию высококвалифицированных и квалифицированных кадров. Продемонстрирована избирательность, гибкость и изменчивость подобных инструментов под влиянием политических мотивов. На примере украинцев показана роль трудовых мигрантов на рынке труда Чехии. Традиционно рабочая сила из Украины занималась низкоквалифицированным трудом преимущественно в строительстве и промышленности. Рассмотрены последствия притока украинцев, их современное положение. В силу половозрастных различий между временно защищенными и типичными трудовыми мигрантами из Украины не наблюдается значимого усиления влияния украинцев на чешский рынок. Сохраняются проблемы бедности, интеграции и трудоустройства.

Ключевые слова: рынок труда, Чехия, старение населения, миграционные вызовы, государственное регулирование

DOI: 10.31857/S0201708324060172

Будучи неотъемлемой частью Евросоюза, Чехия сталкивается с многими общеевропейскими кризисами. Для страны характерны давние социальные проблемы ЕС, включая старение населения. Меры правительства в сфере занятости можно отнести к относительно гибким и способным реагировать на резкие изменения. Некоторые прогнозы развития чешского рынка труда свидетельствуют о формировании серьезных вызовов к концу текущего десятилетия. В частности, около 330 тыс. рабочих мест будет сокращено, увеличится нехватка работников, а старение населения может привести к снижению

ВВП. Негативные факторы способны привести к потерям экономического роста в 1,2 п.п. к 2030 г. [Wiedermann et al., 2022].

В статье посредством структурного и статического анализа выявлены основные тренды развития и особенности структуры чешского рынка труда и оценены усилия государства с учетом современных вызовов.

Демографические предпосылки

Одной из характерных черт Чехии является положительный естественный прирост со второй половины 2000-х гг. В отдельные годы отмечались и отрицательные показатели. Наибольшее падение произошло во время пандемии COVID-19 и после нее, когда значительно возросла смертность на фоне снижения рождаемости (Табл. 1). Положительная тенденция – рост суммарного коэффициента рождаемости, превысившей в 2021 г. 1,8, но он еще не достаточен для воспроизводства населения.

Таблица 1

Демографическая ситуация в Чехии, 2005-2023 гг. и прогноз 2035 г.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2022	2023	2035
Численность населения, млн чел.	10,2	10,5	10,5	10,7	10,8	10,9	10,7
Доля детей (0-14 лет), %	14,8	14,3	15,3	16,0	16,2	-	13,0
Доля лиц старших возрастов (старше 65 лет), %	14,1	15,4	18,1	20,0	20,4	-	23,1
Ожидаемая продолжительность жизни, лет:							
женщины	79,3	80,6	81,5	81,4	82,0	-	-
мужчины	72,9	74,4	75,6	75,3	76,1	-	-
Естественный прирост, ‰	-0,6	1,0	0,0	-1,8	-1,8	-2,0	-
Миграционный прирост, ‰	3,5	1,5	1,5	2,5	30,6	8,7	-

Составлено по: The Czech Statistical office. Czech Demographic Handbook – 2022. Tab. 1-5a, 1-9, 8-6, 9-6. URL: <https://csu.gov.cz/produkty/czech-demographic-handbook-2022>; Age structure. URL: <https://www.czso.cz/staticke/animgraf/cz/index.html?lang=en> (дата обращения: 19.06.2024).

Для Чехии, как и для других развитых стран, характерна деградация института семьи, что влечет демографические последствия. Основной вклад в увеличение численности населения вносит иммиграционный прирост. Медианный возраст в Чехии составляет 43,2 года и увеличится к 2035 г., согласно прогнозам ООН¹, на 3,3 п.п. на фоне роста показателя в Европе до 45,5. Категория старших возрастов в Чехии расширяется менее активно, чем в Евросоюзе в целом: к 2035 г. доля лиц старше 65 лет в Евросоюзе превысит 25%, в стране – немногим более 23%. На этот процесс влияет увеличивающаяся продолжительность жизни в Чехии, которая не достигла среднего по ЕС. В силу недостаточного роста рождаемости доля детей не способна компенсировать растущую долю старших возрастов. Все больше возрастает нагрузка на работающее население: в совокупности за время членства Чехии в ЕС доля детей и лиц старше 65 лет в возрастной структуре населения увеличилась более чем на 7 п.п. Доля пожилого населения продолжит расти, что актуализирует проблемы на рынке труда и социального обеспечения.

¹ United Nations. Data portal. URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/67/locations/203,923,908,924,925,926/start/2005/end/2035/table/pivotbylocation?df=f50628d8-0811-4191-8fe8-61798b7a49c7> (дата обращения: 19.06.2024).

Особенности чешского рынка труда

За последние годы Чехии удалось достичь значительных успехов в регулировании рынка труда. Уровень безработицы после роста вследствие мирового финансово-экономического кризиса и национальных проблем в экономике в начале 2010-х гг. постепенно снижался. К пандемии [Говорова, 2020] страна подошла с одними из лучших показателей в ЕС (Табл. 2), что стало причиной дискуссии с Брюсселем, который предполагал распределять помощь на восстановление в зависимости от показателей безработицы в государствах-членах. Чехии также удалось справиться с проблемами длительной и молодежной безработицы.

Страна остается привлекательной с точки зрения стоимости рабочей силы. При высоком уровне квалификации заработная плата и прочие расходы на трудовые ресурсы ниже среднего по ЕС. За годы членства разрыв затрат на рабочую силу в Чехии и Евросоюзе сократился почти вдвое, но остается значительным, что способствует дальнейшему привлечению иностранного капитала. Начало специальной военной операции на Украине и перестройка внешнеэкономических связей ЕС привели к ухудшению показателей: вырос уровень бедности; увеличилось число людей, не способных обогреть дом, получать полноценное питание. Выше среднего остаются риски бедности у одиноких родителей и пожилых.

Таблица 2

Рынок труда Чехии, 2005-2023 гг.

Показатель	2005	2010	2015	2020	2022	2023
<i>Уровень безработицы, %</i>						
Среднее по ЕС	8,8	10,6	9,4	7,2	6,2	6,1
Чехия	7,9	7,3	5,1	2,6	2,2	2,6
<i>Уровень длительной безработицы, %</i>						
Среднее по ЕС	4,0	3,8	4,5	2,5	2,4	2,1
Чехия	4,2	3,0	2,4	0,6	0,6	0,8
<i>Молодежная безработица, %</i>						
Среднее по ЕС	18,5	21,4	20,3	17,5	14,5	14,5
Чехия	19,2	18,3	12,6	8,0	6,8	8,3
<i>Стоимость рабочей силы, евро в час</i>						
Среднее по ЕС	19,8*	24,2**	25,7	28,4	30,2	31,8
Чехия	5,8*	10,0**	9,8	14,6	16,4	18,0
<i>Заработная плата, евро в час</i>						
Среднее по ЕС	14,9	18,6	19,5	21,5	22,8	24,0
Чехия	4,2	7,3	7,2	10,7	12,4	13,6
<i>Уровень бедности, %</i>						
Среднее по ЕС	16,5	16,5	17,3	16,7	16,5	16,2
Чехия	10,4	9,0	9,7	9,5	10,2	9,8

Составлено по: Евростат. Population and social conditions. Unemployment by sex and age. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_a/default/table?lang=en&category=labour.employ.lfsi.une](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_a/default/table?lang=en&category=labour.employ.lfsi.une;); Long-term unemployment by sex. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_ltu_a/default/table?lang=en; Labour cost levels by NACE Rev. 2 activity. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lc_lci_lev/default/table?lang=en; At-risk-of-poverty rate by sex. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tessi010/default/table> (дата обращения: 19.06.2024).

*- данные за 2004 г.

** - данные за 2012 г.

В течение последнего десятилетия Чехия постепенно превращалась в полноценную страну иммиграции. В 2023 г. доля иностранцев среди занятого населения превысила 16%. На начало 2024 г. зарегистрировано 805 тыс. иностранных трудовых мигрантов. Из них 84,3% – украинцы, словаки, поляки, румыны, болгары, венгры, русские и вьетнамцы. Большинство составляют выходцы из Украины (34,4%) и Словакии (26,3%). По сравнению с 2019 г. резко увеличилась численность мигрантов, а также произошло перераспределение в сторону украинцев за счет сокращения долей словаков, поляков, румын и болгар. В 2019 г. основу трудовых мигрантов (более 557 тыс. чел.) составляли словаки – 33,3%. На украинцев приходилось 22,0%, на поляков – 7,9%, румын – 7,6%, болгар – 6,1%¹.

Усилия властей и структурные изменения экономики привели к перераспределению занятости по секторам (Табл. 3). Ключевые тренды имеют долгосрочный характер и проявляются до сих пор [Araújo, Malecek, 2015]. Первичный сектор продолжает терять значение в силу изменений в самой сфере и приоритетов поколений, выходящих на рынок труда. В агропромышленном комплексе, строительстве и некоторых других отраслях зачастую используется труд мигрантов невысокой квалификации. Традиционно эту роль выполняли украинцы.

Таблица 3

Занятость по секторам экономики Чехии, %

Показатель	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Всего	100	100	100	100	100	100
Сельское, лесное хозяйства и рыболовство	3,8	3,1	2,9	2,6	2,6	2,5
Добывающая промышленность	1,0	1,0	0,8	0,6	0,6	0,5
Обрабатывающая промышленность	26,2	25,3	27,3	27,4	26,1	25,9
Строительство	10,0	9,5	7,9	7,6	7,9	7,9
Торговля	12,6	12,2	12,2	11,1	11,1	11,3
Транспорт	6,6	6,7	5,9	6,2	6,0	6,2
ИТ сектор	2,2	2,8	2,8	3,4	4,0	3,8
Профессиональная, научная деятельность	3,2	4,1	4,7	4,9	5,1	5,1
Государственное управление, безопасность	6,8	6,7	6,3	6,6	6,6	6,6
Образование	6,3	6,1	6,4	6,8	7,4	7,3
Здравоохранение	6,8	7,0	7,0	7,7	7,7	7,9
Прочие отрасли	14,5	15,5	15,8	15,1	14,9	15,0

Составлено по: Labour market in the Czech Republic 1993-2022. Employed persons by industry. URL: <https://csu.gov.cz/docs/107508/134ed417-14a7-6b76-aea2-8a8a7be032dc/25013123063.pdf> (дата обращения: 19.06.2024).

Тенденции сокращения характерны для добывающей промышленности. Чешские власти постепенно закрывают угольные предприятия. В середине 2010-х гг. введены соответствующие поправки в законодательство, позволяющие работникам отрасли предпенсионного возраста досрочно выходить на пенсию.

Среди положительных трендов – увеличение занятости в образовании, здравоохранении, научно-исследовательской деятельности и сфере информационных технологий.

¹ Zaměstnávání cizích státních příslušníků. Ministerstvo práce a sociálních věcí. URL: <https://data.mpsv.cz/web/data/vizualizace9?mesic=1&rok=2024&typPohledu=STATY> (дата обращения: 19.06.2024).

Будучи самой инновационной вишеградской экономикой, Чехия стремится расширять возможности и продвигаться ближе к европейским лидерам. Результат государственных инициатив заметен по структуре занятости. Молодое поколение ориентируется на современные условия: наиболее предпочтительные профессии среди старшеклассников – инженер и программист, более 25% респондентов хотят работать в сфере технологий и промышленности [Dohnalova, 2021]. Роль в этом сыграли цифровизация и пандемия, способствующая развитию дистанционных форм занятости и обучения.

Основным сектором приложения труда остается обрабатывающая промышленность, в первую очередь различные подотрасли машиностроения. Чехия традиционно выделяется развитым вторичным сектором. Пандемия, вызвавшая разрыв в трансграничных цепочках и приостановку производств, негативно повлияла на ситуацию в чешской промышленности. Выросла инфляция, уменьшилась доступность финансовых средств для компаний, что отразилось на занятости.

Государственное регулирование

С 2004 г. Чехии удалось достичь успехов в сфере занятости и регулирования рынка труда. Руководство страны последовательно реализовало стратегические инициативы по поддержке возможностей молодежи, старших возрастов, низкоквалифицированного персонала и людей из других групп риска. Импульс к развитию получили государственные службы занятости. В результате для Чехии стали характерны низкие показатели безработицы, что начало вызывать беспокойство экспертов и представителей бизнеса из-за нехватки ряда специалистов.

Недостаток определенной категории трудящихся, например работников с высшим образованием, – одна из давних проблем Чехии [Feldmann, 2004]. Доля людей трудоспособного возраста с высшим образованием в стране в полтора раза ниже, чем в среднем по ОЭСР. Они получают в Чехии больше, чем в среднем в странах ОЭСР, а их занятость выше – 87,6% против 86,4%¹. Проблему усугубляет отток потенциальных работников за границу. Уровень заработной платы в Чехии по сравнению с другими странами ЕС ниже, что стимулирует эмиграцию. Например, серьезной проблемой стал отток медицинских работников и молодежи. В Чехии, как и в других вишеградских странах, очень сложно найти на вакантное место инженеров разного профиля и отдельных ИТ специалистов [Poor, 2020]. В 2006 г. принят основной закон о занятости, в котором достижение полной занятости и борьба с безработицей и ее последствиями определены как цель государственной политики. Для этого реализуется как пассивная, так и активная политика занятости (ПЗ)². За последнее десятилетие значительно изменены механизмы по поддержке занятости, включая переподготовку и обеспечение групп риска рабочими местами.

---

¹ Czechia. Overview of the education system (EAG 2023). URL: <https://gpseducation.oecd.org/CountryProfile?plotter=h5&primaryCountry=CZE&treshold=5&topic=EO> (дата обращения: 19.06.2024).

² Активная политика занятости включает меры по снижению уровня безработицы, пассивная – меры, направленные на сглаживание негативных последствий безработицы.

Проблематика рынка труда входит в документ «Чешская республика 2030 – Стратегические рамки», который определяет приоритеты страны на очередное десятилетие¹. Власти нацелены на снижение дисбалансов на национальном рынке, повышение доступности для отдельных категорий граждан, включая старшее поколение, снижение общей и длительной безработицы, уменьшение степени прекаризации труда. Иммиграция рассматривается как одно из решений проблемы старения населения и недостатка рабочей силы. Однако этническое разнообразие воспринимается в Чехии неоднозначно. Предпочтительным типом иммигранта считаются «белые воротнички» из культурно и лингвистически близких стран. В этой связи власти намерены продолжать политику по стимулированию возвращения чехов на Родину, в т. ч. за счет возможных налоговых льгот и уровня оплаты труда.

Чехии присущ примерно одинаковый уровень расходов на обеспечение ПЗ на протяжении длительного периода, что выделяет ее на фоне других вишеградских стран [Zielinski, 2015]. С середины 2010-х гг. он составлял 710–830 млн евро в год. В 2020 г. экстренные государственные меры по сохранению занятости и поддержке бизнеса привели к удвоению расходов: в 2020 г. выделено 1,7 млрд евро, в 2021 г. – 1,9. Сокращение программ периода пандемии привело к уменьшению расходов до уровня около 950–970 млн евро ежегодно в период 2022–2023 гг.²

На изменение структуры расходов повлияли состояние чешского рынка труда, изменение внутреннего законодательства, внешние кризисные процессы, общеевропейские тренды. Если после вступления в ЕС доля расходов на пассивную ПЗ превышала 60%, то в дальнейшем этот показатель постепенно снижался (Табл. 4), что соответствует представлениям о меньшей эффективности пассивной политики [Rollnik-Sadowska, Dąbrowska, 2018: 146]. В отдельные годы, особенно в период пандемии или принятия решения властями относительно недофинансированности активной ПЗ в начале 2010-х гг., доля последней резко возрастала в общих расходах. Эти вложения в долгосрочной перспективе способствуют низким показателям долгосрочной безработицы [Vanošciová, Martinková, 2017: 16].

Таблица 4

Структура государственных расходов на обеспечение политики занятости в Чехии в 2005–2023 гг., %

Направление	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023
Пассивная ПЗ	58,9	58,7	36,9	44,9	23,5	21,1	42,0	44,4
Активная ПЗ	33,7	27,1	42,9	12,6	57,2	59,3	14,6	8,8
Политика в отношении лиц из групп риска	6,2	11,9	19,2	40,9	18,7	19,3	42,3	45,9
Прочие инструменты	1,2	2,3	1,0	1,6	0,6	0,3	1,1	0,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Составлено по: рассчитано автором на основе Výdaje na státní politiku zaměstnanosti. Ministerstvo práce a sociálních věcí. URL: <https://www.mpsv.cz/web/cz/vydaje-na-statni-politiku-zamestnanosti> (дата обращения: 19.06.2024).

¹ The Strategic Framework Czech Republic 2030. Prague. Office of the Government of the Czech Republic, Department of Sustainable Development. 2017. 124 p.

² Výdaje na státní politiku zaměstnanosti. Ministerstvo práce a sociálních věcí. URL: <https://www.mpsv.cz/web/cz/vydaje-na-statni-politiku-zamestnanosti> (дата обращения: 19.06.2024).

В Чехии на регулярной основе проводятся исследования среднегодовых затрат на одного безработного, изначально инициированные профильным министерством в начале 2010-х гг. За десятилетие эти расходы увеличились более чем вдвое. В 2015 г. они составляли 5574 евро, в 2020 г. – 8728 [Jahoda, 2021].

В 2020 г. приняты Стратегические рамки политики занятости до 2030 г.¹ Задачи предыдущей стратегии, включающие увеличение общей занятости до 75%, занятости среди женщин до 65%, среди лиц старших возрастов до 55%, а также снижение безработицы среди молодежи до 12,2%, среди лиц с низкой квалификацией до 18,8%, были решены досрочно. Цели нового документа – создание рынка труда, который соответствует глобальным тенденциям и может обеспечить потребности чешской экономики и граждан. Для этого предполагается развивать прогнозную составляющую и превентивные меры по стабилизации ситуации; выработать более индивидуальный подход в рамках реализации политики как в отношении работников и работодателей, так и отдельных регионов; адаптировать систему к меняющимся условиям, включая цифровизацию и роботизацию. В рамках реализации стратегии будут созданы отдельные ведомственные информационные системы; внедрены новые технологии, включая искусственный интеллект; модернизированы инструменты активной ПЗ; поддержаны непрерывное обучение и региональная мобильность; повышена эффективность программ службы занятости и другие механизмы. Эти инструменты помогут повысить гибкость чешского рынка, который и так отличается высоким уровнем по международным стандартам [Gheorghiev, 2023].

Проблема старения населения

Внимание вопросу старения и его социально-экономическим последствиям Чехия уделяет не первое десятилетие. В 2006 г. на основе решения правительства № 1482, касающегося реализации национальной программы по подготовке к старению 2003–2007 гг., создан правительственный совет по вопросам пожилых людей и старения. Одна из задач органа – содействие в создании условий для здорового старения и активного участия пожилых людей в социальном и экономическом развитии страны. Благодаря усилиям прошлых лет увеличилось число мест в университетах, доступных старшим возрастам и предоставляющих как традиционные формы образования, так и различные адаптационные программы. Были запущены проекты по трудоустройству, курсы компьютерной грамотности стали стандартной услугой во многих библиотеках, созданы специализированные центры образования на местах.

Последовательно реализовывались национальные программы и планы по старению населения на пятилетние периоды. В настоящее время действуют стратегические документы на 2021–2025 гг. Государственные приоритеты представлены в Стратегии по подготовке к старению общества². Конкретные механизмы указаны в действующем плане по ее реализации на 2023–2025 гг. Несмотря на инициативы, люди старших возрастов сталкиваются с множеством проблем. Средняя пенсия в стране составляет около

¹ Strategický rámec politiky zaměstnanosti do roku 2030. MPSV. 2020. 68 p. URL: https://www.mpsv.cz/documents/20142/1357303/SRPZ_2030.pdf (дата обращения: 19.06.2024).

² Strategic framework for the preparation for social ageing 2021-2025. MPSV. 49 p. URL: https://www.mpsv.cz/documents/20142/372809/Strategic_framework_for_the_preparation_for_social_ageing_2021-2025_Fin.pdf/783c32cb-012f-27e1-329f-90efd9eda045 (дата обращения: 19.06.2024).

550 евро при сохраняющемся разрыве между мужчинами и женщинами, 14,9% пенсионеров относятся к категории бедных, не исчезли проблемы оплаты жилья и поиска работы. Пожилые люди в Чехии активно участвуют в трудовой деятельности в предпенсионном возрасте и практически уходят с рынка труда в пенсионном. Около трети ищущих работу – в возрасте более 50 лет. Потеря работы и невозможность найти новую – причина раннего выхода на пенсию.

Цели в этой области включают достойные пенсии, более доступные и качественные социальные и медицинские услуги, доступные условия проживания, развитие поддержки в рамках семей, подготовка государственного управления к старению населения, противодействие дискриминации пожилых людей, активное старение, безбарьерная среда. В рамках повышения занятости стратегия предполагает дальнейшую поддержку созданной инфраструктуры по переобучению граждан, расширению спектра предлагаемых программ и повышение компетенций преподавателей. Власти намерены развивать гибкие формы занятости, например работу из дома или нестандартный рабочий график. Получают поддержку межпоколенческие программы рабочих мест, стимулирующие работодателей нанимать людей старших возрастов. Разрабатывается комплекс мер по стимулированию пожилых к продолжению трудовой деятельности, предполагающие закрепление на законодательном уровне ряда льгот, например постепенное сокращение рабочего времени.

Миграционная составляющая

В 1990-е – 2000-е гг. для Чешской республики была характерна бессистемная иммиграционная политика [Stojanov, 2021: 4]. Сегодня Прага продолжает придерживаться политики, проводимой второе десятилетие и в целом направленной на привлечение высококвалифицированных и квалифицированных кадров. Экономические мигранты, по мнению чешских властей, способствуют развитию инвестиционной деятельности, внешней торговле и повышению конкурентоспособности. Иммиграционная политика должна не только обеспечивать потребности внутреннего рынка, но и способствовать приходу новых иностранных инвесторов, что соответствует общеевропейским [Потемкина, 2021] и чешским приоритетам. Прага пытается перестроить модель развития, базирующуюся на открытости экономики, на основе новых приоритетов, которые включают в первую очередь инновационную составляющую в малых и средних предприятиях и ТНК. Современная политика способствует этому. При этом Чехия продолжает сдерживать неквалифицированную миграцию, двойственно воздействующую на экономику, что сходно с иммиграционной политикой многих развитых стран.

В разное время в Чехии действовал широкий спектр программ и проектов по привлечению экономических мигрантов, часть из которых касалась выходцев из отдельных государств – Украины, Сербии, Индии, Монголии, Филиппин. С 2019 г. они были заменены на три крупные программы по привлечению научно-исследовательского персонала, высококвалифицированных и квалифицированных кадров. Первые две не ограничены территориально и охватывают многие сектора. В программе по научно-исследовательским кадрам обозначен широкий круг работодателей – потенциальных участников: от инвесторов, проработавших в Чехии не менее года и имеющих штат более 50 человек, до стартапов. К высококвалифицированным специалистам, которые

могут принять участие в программе, относятся юристы, исполнительные директора, специалисты, технический персонал. Условия программы включают переезд членов семей, что решает проблемы не только рынка труда, но и демографические.

Программа по квалифицированным кадрам направлена на привлечение работников из 12 стран: Армении, Белоруссии, Грузии, Индии, Казахстана, Молдавии, Монголии, Северной Македонии, Сербии, Украины, Филиппин, Черногории. Круг специалистов включает государственных служащих, работников торговли, квалифицированных работников АПК и лесного хозяйства, специалистов по ремонту, операторов оборудования¹.

В программы постоянно вносятся корректировки в зависимости от текущих потребностей. Наибольшие квоты на 2024 г. по программе квалифицированных кадров представлены гражданам Украины (12,1 тыс.), Филиппин (10,3), Монголии (3,2), Сербии (1,5) и Черногории (1,5)². Согласно внесенным в 2024 г. изменениям, трудовая миграция в Чехию должна увеличиться на 20 тыс. чел, преимущественно за счет граждан Украины, Филиппин и квалифицированных работников в целом. Упрощается часть процедур. С 2024 г. в эту программу отдельно включены украинцы, если они удовлетворяют требованиям. Участие граждан Белоруссии и России приостановлено за исключением особых случаев³.

Кроме того, в Чехии действуют узкоспециализированные инициативы. Одной из приоритетных сфер, куда активно и давно привлекается иностранная рабочая сила, выступает ИТ. Программа по привлечению высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий и стимулированию их переселения, включая членов семей распространяется на граждан Австралии, Британии, Канады, Республики Кореи, Новой Зеландии, США, Тайваня и Японии. Они могут работать удаленно на иностранные компании или быть фрилансерами. Реализуя подобную инициативу, власти планируют привлечь в страну иностранные ноу-хау, улучшить национальную технологическую среду и международные позиции Чехии, увеличить налоговые поступления⁴.

В запущенной в 2023 г. программе по переобучению пилотов могут принять участие граждане 17 стран, преимущественно азиатских и африканских. С конца 2019 г. граждане Украины, работающие в сельском и лесном хозяйствах, пищевой промышленности и соответствующие определенной специальности, могли получить внеочередные рабочие визы. Программа была приостановлена после начала СВО и возобновлена в 2024 г.

¹ Qualified worker programme. URL: https://www.mpo.gov.cz/assets/en/foreign-trade/economic-migration/2020/2/PROGRAM-KVALIFIKOVANY-ZAMESTNANEC_EN.pdf (дата обращения: 19.06.2024).

² Přidání kapacit v rámci Programu kvalifikovaný zaměstnanec. MPO. 25.03.2024. URL: <https://www.mpo.cz/cz/zahranicni-obchod/ekonomicka-migrace/pridani-kapacit-v-ramci-programu-kvalifikovany-zamestnanec--279848/> (дата обращения: 19.06.2024).

³ Změny ve vládních programech ekonomické migrace. MPO. 16.02.2024. URL: <https://www.mpo.cz/cz/zahranicni-obchod/ekonomicka-migrace/upozorneni-zmeny-ve-vladnich-programech-ekonomicke-migrace---278737/> (дата обращения: 19.06.2024).

⁴ The digital nomad program. MPO. URL: <https://www.mpo.cz/en/foreign-trade/economic-migration/digital-nomad-program--275799/> (дата обращения: 19.06.2024).

Украинский вопрос

Украинская диаспора представлена в стране довольно широко: 0,9% населения страны – украинцы. Находясь в Чехии главным образом с целью трудоустройства, жители Украины работают преимущественно в строительстве и промышленности, занимаются низкоквалифицированным физическим трудом. В 2021 г. около четверти из них работали сборщиками, 17% – операторами станков, 12 – водителями, 8 – механиками, 5 – продавцами. В целом уровень оплаты труда украинцев был ниже, чем рабочих из других стран (России, Румынии, Болгарии, Польши, Словакии)¹.

Чехия стала одним из основных направлений притока ищущих убежище из Украины с начала 2022 г. Весной 2024 г. зарегистрировано 339,5 тыс. беженцев из Украины, что соответствовало 5,7% всех подобных беженцев в европейских странах². На законодательном уровне им обеспечивался доступ на чешский рынок труда, к системе образования и здравоохранения. Наплыв украинцев потребовал активизации деятельности властей [Ведерников, 2022]. Наблюдались сложности с предоставлением жилья, интеграцией прибывших в систему образования и трудоустройством. Весной 2022 г. украинцы составляли основу иностранных рабочих – 32% ищущих работу, зарегистрированных в центрах занятости. Половине из них не требовалось разрешение на работу. Украинцы, уже работающие в Чехии, структурно отличались от прибывших: около 2/3 последних – женщины, большинство трудоспособного возраста. Массовый приток весной 2022 г. мужчин из Украины увеличил рабочую силу на 1%³. Однако оценки сильно варьируются, что затрудняет однозначную интерпретацию.

Временно защищенные из Украины заняли нишу низкооплачиваемой работы. В силу конкуренции в других секторах часть осталась безработными. Более 260 тыс. граждан Украины нашли работу, но многие работают на менее квалифицированном месте, чем на Родине. Около 10% являются безработными, 16% молодых людей 15–25 лет не работают и не учатся⁴. Согласно исследованию «Голоса украинцев» Института социологии Академии наук Чехии в сотрудничестве министерством труда и социальной защиты 2022–2023 гг. 22% временно защищенных не работают. Около 40% выполняют вспомогательную деятельность или занимаются ручным трудом. Около двух третей работают на должностях ниже квалификации, и эта доля не уменьшается. Не все временно защищенные интегрированы исключительно в местный рынок: 7% работают удаленно на Украине, 17% – удаленно в обоих странах. Характер занятости предопределяет низкие доходы: каждый третий вынужден работать в нескольких местах для самообеспечения. Показатели бедности остаются высокими – 57% на конец 2023 г. Уве-

¹ Ruschka A. Ukrainian national on the Czech labour market. Czech National Bank. 06.05.2022. URL: <https://www.cnb.cz/en/monetary-policy/monetary-policy-reports/boxes-and-articles/Ukrainian-nationals-on-the-Czech-labour-market/> (дата обращения: 19.06.2024).

² Ukraine refugee situation. UNHCR. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 19.06.2024).

³ Ruschka A. Ukrainian national on the Czech labour market.

⁴ Helping Hands – The Role of Housing Support and Employment Facilitation in Economic Vulnerability of Refugees from Ukraine. UNHCR. 2024. 12 p. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/108068> (дата обращения: 19.06.2024).

личивается доля людей с самыми низкими доходами, что связано со снижением государственной поддержки в 2023 г.

Растет число получивших временную защиту украинцев, которые намерены остаться. В 2022 г. около 46% хотели дальше проживать в Чехии в течение ближайших двух лет, на конец 2023 г. – около 58%. Среди молодого поколения доля не желающих возвращаться больше – 65% в возрасте до 30 лет. В целом оставаться предпочитают более обеспеченные украинцы, которые зачастую владеют чешским языком. Решение проблем с проживанием способствует дальнейшей интеграции: около 70% временно защищенных уже проживают в арендованном жилье¹.

Вероятно, часть украинцев останется в стране, что в особенности относится к более молодым возрастам или отдельным квалифицированным специалистам. В случае возвращения на Родину категорий, которые не востребованы в Чехии, страна получит дополнительный импульс к развитию рынка труда. Положительным эффектом выступает финансовая сторона: в начале 2024 г. украинцы принесли государственному бюджету больше, чем было на них потрачено².

Заключение

Реализуемая государственная политика в Чешской Республике в отношении рынка труда уже демонстрировала эффективность в предыдущие годы, что позволяет говорить о позитивных тенденциях в этой сфере. После превращения Чехии в полноценную страну иммиграции Прага может эффективно регулировать необходимый приток кадров, частично компенсируя демографические проблемы. По многим показателям страна положительно выделяется среди членов ЕС и остается привлекательной для бизнеса. Однако сохраняются давние проблемы в таких направлениях, как недостаток высококвалифицированных работников или отдельных категорий специалистов. В Чехии продолжается структурная перестройка рынка труда под влиянием не только проводимых мер, но и демографических причин. Украинский фактор останется значимым для страны в ближайшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ведерников М.В. (2022) Опыт Чехии по преодолению миграционного кризиса 2022 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 32–41. DOI: 10.15211/vestnikieran620223241
- Говорова Н.В. (2020) Европейский рынок труда в условиях пандемической реальности. *Современная Европа*. № 7. С. 67–78. DOI: 10.15211/soveurope72020128139
- Потемкина О.Ю. (2021) Высококвалифицированные специалисты – приоритет миграционной политики ЕС. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 137–144. DOI: 10.15211/vestnikieran32021137144
- Araujo S., Malecek P. (2015) *The Czech Labour Market: Documenting Structural Change and Remaining Challenges*. OECD, Economics department working papers. No. 1213. 53 p.

¹ Integrace ukrajinských uprchlíků: 2 roky poté a výhled na 2024+. PAQ research, Unicef. 2024. P. 14, 20-24. URL: https://www.paqresearch.cz/content/files/2024/02/PAQ_Hlas_Ukrajincu_Dva_roky_pote-2.pdf (дата обращения: 19.06.2024).

² Стало известно о получении Чехией прибыли от украинских беженцев. РИА Новости. 23.05.2024. URL: <https://ria.ru/20240523/bezhentsy-1947916463.html> (дата обращения: 16.08.2024).

- Banociova A., Martinkova S. (2017) Active Labour Market Policies of Selected European Countries and Their Competitiveness. *Journal of Competitiveness*. Vol. 9. No. 3. P. 5–21. DOI: 10.7441/joc.2017.03.01
- Dohnalova Z., Dobes K., Kramolis J. (2021) The Czech Labour Market: Adaptation of Young People to the Advent of Industry 4.0. *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*. No. 29(2). 1062. DOI: 10.46585/sp29021062
- Feldmann H. (2004) How Flexible are Labour Markets in the EU Accession Countries Poland, Hungary and the Czech Republic? *Comparative Economic Studies*. No. 46. P. 272–310.
- Gheorghiev O. (2023) Economic Migrants in the Czech Segmented Labour Market: Covid-19 as a Magnifying Glass. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 43. No. ¾. P. 370–383.
- Jahoda R. (2021) *Odhad nákladů veřejných rozpočtů vynakládaných na jednoho nezameštaného za rok*. VUSP, Praha, Czechia. 19 p.
- Poor J., Engle A.D., Kovacs A., Albrychiewicz-Slocinska A., Caha Z., Kumpikaite-Valiuniene V., Horbulák Z. (2020) Initial Findings for Labour Markets in the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia. *Central European Journal of Labour Law and Personnel Management*. Vol. 3. No. 1. P. 47–60. DOI: 10.33382/cejllpm.2020.04.04
- Rollnik-Sadowska E., Dąbrowska E. (2018) Cluster Analysis of Effectiveness of Labour Market Policy in the European Union. *Oeconomia Copernicana*. Vol. 9. No. 1. P. 143–158. DOI: 10.24136/oc.2018.008
- Stojanov R., Klvanova, R., Seidlova A., Bures O. (2021) Contemporary Czech Migration Policy: “Labour, not People”? *Population, Space and Place*. No. 28. P. 1–14. DOI: 10.1002/psp.2533
- Wiedermann T., Švejar J., Theuer M., Vašina M., Müller J. (2022) *Budoucnost českého pracovního trhu*. BCG, The Aspen Institute Central Europe. 37 p. URL: <https://www.bcg.com/publications/2022/budoucnost-ceskeho-pracovniho-trhu> (дата обращения: 19.06.2024).
- Zielinski M. (2015) Unemployment and Labor Market Policy in Visegrad Group Countries. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 185–201. DOI: 10.12775/EQUIL.2015.032

Czech Labour Market: Long-Standing Problems and New Challenges

A.S. Chetverikova

*Candidate of Sciences (Economics), Head of Center for European Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997
E-mail: chetverikova@imemo.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the development of the Czech labour market, taking into account demographic trends. The main long-term trends of decreasing unemployment, structural changes and maintaining their attraction for foreign actors are outlined. The negative consequences of the last two years have been assessed. A lack of certain specialists and high-qualified workers remains among the key problems of the Czech labour market which the government regulatory measures are aimed at. Changes in the financing of employment policy and transition to more effective support measures are shown. Special attention is paid to solving the ageing problem and to involving of older people on the labour market. The implemented methods of maintaining employment among this category of citizens are analysed. Operating instruments of attracting highly qualified and qualified workers in the Czech Republic, the base of which are the key programs, are considered. A selectivity of such measures, its flexibility and changing due to political reasons are shown. The role of labour migrants on the Czech labour market is shown using the example of Ukrainians. The Ukrainian labour force traditionally was engaged in low-skilled labour, mainly in construction and industry. The consequences of the influx of refugees because of the Ukrainian crisis, their current situation and consequences for the Czech labour market are analysed. Due to gender and age differences between refugees and typical labour mi-

grants from Ukraine there is no significant increase in the influence of Ukrainians on the Czech market. Problems of poverty, integration and employment corresponding to qualification remain. The key perspective of changes of the Czech labour market, including problems of shortage of certain categories of specialists, are designated.

Keywords: labour market, Czechia, ageing, migration challenges, governmental regulation

DOI: 10.31857/S0201708324060172

REFERENCES

- Araujo S., Malecek P. (2015) *The Czech Labour Market: Documenting Structural Change and Remaining Challenges*, OECD, Economics department working papers, 1213.
- Banociova A., Martinkova S. (2017) Active Labour Market Policies of Selected European Countries and Their Competitiveness, *Journal of Competitiveness*, 9(3), pp. 5–21. DOI: 10.7441/joc.2017.03.01
- Dohnalova Z., Dobes K., Kramolis J. (2021) The Czech Labour Market: Adaptation of Young People to the Advent of Industry 4.0, *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*, 29(2), 1062. DOI: 10.46585/sp29021062
- Feldmann H. (2004) How Flexible are Labour Markets in the EU Accession Countries Poland, Hungary and the Czech Republic?, *Comparative Economic Studies*, 46, pp. 272–310.
- Gheorghiev O. (2023) Economic Migrants in the Czech Segmented Labour Market: Covid-19 as a Magnifying Glass, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 43(3/4), pp. 370–383.
- Govorova N.V. (2020) Evropejskij rynek truda v usloviyakh pandemicheskoy real'nosti [European Labour Market in Pandemic Reality], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 67–78. DOI: 10.15211/soveurope72020128139 (In Russian).
- Jahoda R. (2021) *Odhad nákladů veřejných rozpočtů vynakládaných na jednoho nezamešnaného za rok*. VUSP.
- Poor J., Engle A.D., Kovacs A., Albrychiewicz-Slocinska A., Caha Z., Kumpikaite-Valiuniene V., Horbulák Z. (2020) Initial Findings for Labour Markets in the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia, *Central European Journal of Labour Law and Personnel Management*, 3(1), pp. 47–60. DOI: 10.33382/cejllpm.2020.04.04
- Potemkina O.Y. (2021) Vysokokvalificirovannye specialisty – prioritet migracionnoj politiki ES [Skilled Workers as a Priority of the EU's Migration Policy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 137–144. DOI: 10.15211/vestnikieran32021137144 (In Russian).
- Rollnik-Sadowska, E., Dąbrowska, E. (2018) Cluster Analysis of Effectiveness of Labour Market Policy in the European Union, *Oeconomia Copernicana*, 9(1), pp. 143–158. DOI: 10.24136/oc.2018.008
- Stojanov R., Klvanova, R., Seidlova A., Bures O. (2021) Contemporary Czech Migration Policy: “Labour, not People”?, *Population, Space and Place*, 28, pp. 1–14. DOI: 10.1002/psp.2533
- Vedernikov M.V. (2022) Opyt Chekhii po preodoleniyu migracionnogo krizisa 2022 g. [Czech experience in overcoming the migration crisis 2022], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 32–41. DOI: 10.15211/vestnikieran620223241 (In Russian).
- Wiedermann T., Švejcár J., Theuer M., Vašina M., Müller J. (2022) *Budoucnost českého pracovního trhu*, BCG, The Aspen Institute Central Europe. URL: <https://www.bcg.com/publications/2022/budoucnost-ceskeho-pracovniho-trhu> (accessed: 19.06.2024).
- Zielinski M. (2015) Unemployment and Labor Market Policy in Visegrad Group Countries, *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, 10(3), pp. 185–201. DOI: 10.12775/EQUIL.2015.032

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 327

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ ИДЕНТИЗМА¹

© 2024 ЛУНКИН Роман Николаевич

*Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор РАН,
Заместитель директора, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
E-mail: romanlunkinn@yandex.ru*

© 2024 ФИЛАТОВ Сергей Борисович

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН. 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12
E-mail: sfilatov2006@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье проанализировано влияние украинского кризиса на идеологическое противостояние идентистов и антиидентистов в мире и перспективы дальнейшей консолидации идентизма, мировоззрения партий и движений, в разной степени и с различными акцентами отстаивающих идентичность и традиции, семейные ценности, критикующих иммиграцию. Подчеркнуто, что апелляция к идентичности все чаще присутствует в политических решениях и ставит вопрос о переосмыслении «столкновения цивилизаций» с точки зрения динамики универсализма и партикуляризма, обращения к традиции и теме защиты самобытности в программах политических партий. На основании анализа политических конфликтов и выступлений лидеров партий и движений сделан вывод, что антироссийская политика и «культура отмены» в отношении России стали проявлением нового витка противостояния преимущественно западного антиидентизма формирующейся глобальной силе – традиционализму или идентизму. Большинство политиков, общественных и культурных деятелей было поставлено перед дилеммой, делать ли выбор в пользу России, чтобы отмежеваться от антиидентизма, или остаться в стороне. Украинский кризис сделал противостояние идентистов и антиидентистов более выраженным на международном уровне, а противники антиидентизма стали частью политического пространства большинства

---

¹ Первая часть исследования опубликована в предыдущем номере журнала: Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Идентисты против антиидентистов: пролог к украинскому кризису. Современная Европа, 2024, № 5, с. 201–216. DOI: 10.31857/S0201708324050164

стран. Важнейшая особенность противостояния двух идеологических систем – существенное присутствие сторонников тех или иных противостоящих друг другу партий почти во всех странах и регионах.

Ключевые слова: идентизм, антиидентизм, либеральная демократия, традиционализм, партии, социально-политическое движение, проблемы идентичности, украинский кризис, культура отмены

DOI: 10.31857/S0201708324060184

Украинский кризис стал точкой кристаллизации идентистской идеологии, которая формировалась в рамках глобального противостояния антитрадиционализма (марксистской в своей основе идеологии, которую ошибочно называют «либеральной демократией», но которая не имеет отношения к классическому либерализму) и идентизма, мировоззрения партий и движений, в разной степени и с различными акцентами отстаивающих идентичность и традиции, семейные ценности, критикующих иммиграцию. На фоне украинского и иммиграционного кризисов происходит консолидация разрозненного, деморализованного и неорганизованного идентистского движения¹.

Особенно важно обратить внимание на формирование нового движения и его идеологии в условиях возросшего значения идентичности как определенного всемирного феномена, «матрицы смыслов и ценностных ориентиров» [Идентичность. Личность, общество, политика, 2023: 21]. Апелляция к идентичности все чаще присутствует в политических решениях и ставит вопрос о переосмыслении «столкновения цивилизаций» с точки зрения динамики универсализма и партикуляризма, обращения к традиции и теме защиты самобытности в программах политических партий и выступлениях лидеров партий и движений [Прохоренко, 2024: 11–19]. К примеру, роль традиционализма Л.Г. Фишман рассматривает через сравнение близких по духу представлений в России и на Западе. По его мнению, те, кто грустят об упадке Запада, похожи на традиционалистов, «сокрушающихся об утрате достижений советского строя – они оба являются вариантами сожалений о минувшем золотом веке индустриального Модерна». Элиты также обращаются в реальности к актуальным представлениям российского общества: «Таковыми оказываются в первую очередь не полумифические варианты «самодержавия-православия-народности» и не общие скрепы с исламом и другими «традиционными религиями». Это советский строй, параллелью которого на Западе служат времена империалистического господства «белого человека». Отсюда рост именно правого популизма на Западе и левопатерналистского у нас, равно как и их некоторая взаимная симпатия» [Фишман, 2024: 172–181]. Однако обращение к прошлому является лишь одним из элементов, в перспек-

¹ Данная статья является продолжением исследования авторами основных черт и влияния нового идеологического противостояния антиидентизма и традиционализма на мировые процессы: Лункин Р., Филатов С. Россия в преддверии участия в войне идентистов против антиидентистов. Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 7, сс. 94–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-94-105>; Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом. Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 4, сс. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-5-14; Лункин Р., Филатов С. Борьба “за” и “против” идентичности во внутривнутриполитических процессах. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 9, сс. 50–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60; Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. Современная Европа, № 3, 2018, сс. 102–114. DOI: 10.15211/soveurope32018102114

тиве не самых значимых, для понимания борьбы идентистов с антиидентистами, и, скорее, объясняет сложный контекст нелинейного противостояния разных сторон.

Контуры противоборства исследователи также видят в изживании модели глобалистского капитализма, которому оказались не нужны традиционные институты и в формировании разрозненного «Другого Запада». Под ним подразумеваются разные социальные протестные движения, и мощные деколониальные группы, мыслители-диссиденты левого толка, правого толка, суверенисты, ностальгирующие идентитаристы и т.д.) без единой программы [Руткевич, 2024: 182–201]. И хотя голоса коллективного Запада слышны громче в информационном пространстве, он навязывает «нравственно бессодержательную идеологию, которая совершенно не привлекает людей в большинстве стран и культур, просто не имеет представления о том, насколько массово в мире отвергается система ценностей современного глобалистского неолиберализма» [Крук, 2024: 163–171]. Западная идеология нигилизма в отношении традиционных ценностей также помогает «формированию альянсов в тех обществах, которые напуганы её радикализмом», но разные стороны используют ценности как инструмент борьбы¹.

Признание наличия самого конфликта ценностей и идей в мировом масштабе, как прежде борьбы капитализма и коммунизма, его обострение в ходе украинского кризиса ставит вопрос о том, как данный кризис повлиял на уже давно идущее противостояние и как может повлиять на перспективы идентизма.

Идеологизация конфликта

До начала 2020-х гг. российское руководство балансировало между нейтралитетом и присоединением к идентистскому лагерю. Движение к национальному консерватизму в противовес западному либерализму, в особенности в противостоянии с США, связывают с мюнхенской речью президента В.В. Путина в 2007 г. [Журавлева, 2024: 20–45]. Однако одной из первых документально подтвержденных реакций на последовательный и радикализирующийся антиидентизм Запада стала Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г., которая утвердила в качестве основной угрозы традиционной морали россиян – США и их союзников. В 2022 г. были также приняты «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». Еще в 2019 г. президент РФ В.В. Путин заявил, что традиционные ценности стабильнее, важнее для миллионов людей, чем умирающая либеральная идея². На Валдайском клубе 2021 г. В.В. Путин раскритиковал большевистские корни культуры отмены, а в 2023 г. глава государства посвятил свою речь на заседании клуба самобытности, суверенности и традициям различных цивилизаций³. На саммите Россия–Африка 2023 г. президент особенно подчеркнул, что «традиционные ценности – это основа нашей идентичности», и эти подходы разделяют и другие страны⁴.

¹ Эмманюэль Тодд: Роль России в мировых процессах меня всегда поражала // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 44–50.

² Интервью газете The Financial Times. 27 июня 2019 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Саммит Россия–Африка. 28.07.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71826> (дата обращения: 10.08.2024).

С началом специальной военной операции РФ на Украине (СВО) украинский кризис стал ареной борьбы идентизма с антиидентизмом. С весны 2022 г. происходит консолидация антиидентистских сил на стороне защитников Украины, а идентистских сил – на стороне её противников. Конфликт стал приобретать всё более отчётливо идеологический характер. Для последовательных идейных антиидентистов (таких как представители Демократической партии США или Союз90/Зелёных ФРГ) Россия стала не просто «агрессором» против «демократической» Украины, но принципиальным Злом, отстаивающим угнетение и несправедливость повсюду в мире. Равно наметилась тенденция более лояльного отношения к России со стороны идентистов. При том что некоторые видные идентистски ориентированные политические силы в некоторых странах Европы до сих пор придерживаются в целом проукраинской ориентации, они радикально отличаются от критиков России в том, до какой степени следует поддерживать Украину и насколько важен это вопрос.

В рамках идеологической борьбы оказалось легче всего объявлять всех традиционалистов сторонниками России, критиков действий власти – противниками европейских ценностей. Поддержка Украины стала считаться защитой этих ценностей и демократии в целом¹. Помимо этого, общим местом стало обвинение оппозиционных политиков, не желающих подчиняться требованиям Евросоюза и США, в «пророссийской позиции» (как, например, в Грузии в ходе обсуждения закона об иностранном влиянии²).

Несколько исключений только подтверждают общее правило. Например, идентистская польская партия, настроенная проукраински, «Право и справедливость» потеряла поддержку большей части населения. Ещё более идентистская, чем ПиС, но враждебная нынешней Украине, коалиция националистов и евроскептиков «Конфедерация» наращивает популярность. «Конфедерация» выступает за запрет аборт, запрет демонстраций ЛГБТ-движений³, за укрепление христианских традиций и против мигрантов. Каждый пятый поляк в возрасте от 18 до 24 лет поддерживает одного из лидеров коалиции Корвина-Микке, который выступает против санкций, за сближение с РФ и осуждает политику Украины⁴. Другой лидер «Конфедерации» Гжегож Браун призывал бороться с «бандеризацией» и «украинизацией» Польши⁵.

Одна из самых тревожных ситуаций для политического мейнстрима складывается в ФРГ, где активно растёт популярность «правопопулистской» партии «Альтернатива для Германии». В августе 2023 г. рейтинг политической силы, по данным телеканала

¹ Commission work programme 2023. 18 October 2022. https://commission.europa.eu/strategy-documents/commission-work-programme/commission-work-programme-2023_en (дата обращения: 10.08.2024).

² Зурабишвили в интервью Euronews: «Это пророссийские действия некоторых лидеров». 17/05/2024. URL: https://ru.euronews.com/2024/05/17/georgia-president-interview-euronews?utm_source=telegram.messenger&utm_campaign=feeds_bcs_topstories&utm_medium=referral (дата обращения: 10.08.2024).

³ Международное движение, признанное экстремистским и запрещенное в РФ.

⁴ В Польше при рекордно высокой явке состоялись парламентские выборы. Польский парламент и европейская кухня. <https://www.sb.by/articles/polskiy-parlament-i-evropeyskaya-kukhnya.html> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Михнова В. Польша лишилась здравого мышления из-за русофобии. URL: <https://fbm.ru/novosti/politics/polsha-lishilas-zdravogo-myshleniya-iz-za-rusofobii.html> (дата обращения: 10.08.2024).

ARD, поднялся до отметки в 21% – это самый большой показатель для правых, когда-либо зафиксированный в результатах такого опроса¹. АдГ призывает к выходу ФРГ из Евросоюза, ужесточению политики в сфере миграции, отказу от следования «зеленому» курсу и к отмене санкций против России. В Германии Управление по охране конституции ФРГ признало правоэкстремистским отделение «Альтернативы для Германии», расположенное в федеральной земле Саксония, а также ее молодежное отделение. После ассоциаций в Тюрингии и Саксонии-Анхальт, саксонская АдГ является третьей ассоциацией АдГ, которая классифицирована как крайне правая. Это означает, что правоохранительные органы могут без ограничений использовать разведывательные средства для получения информации о деятельности земельной ассоциации. События развивались таким образом, что после того, как депутат от АдГ Петр Быстрон запросил правительство Германии, почему Украина использовала немецкие беспилотные аппараты для атак на Крымский мост. Другой политик из попавшей в опалу партии, Райнер Ротфусс, призвал всех, кто против перемирия на Украине, самим отправляться в окопы². Экс-председатель бундестага и депутат от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Вольфганг Тирзе требовал полного запрета АдГ³. В ноябре 2024 г. более 100 депутатов бундестага также заявили, что Федеральный конституционный суд должен решить, является ли АдГ неконституционной. Как отмечает Е.В. Пименова, «Кризис вокруг Украины оказался фактором, “цементирующим” европейское измерение немецкой идентичности. В риторике политиков Германия все чаще стала изображаться как главный европейский бастион либерального мира, защитница демократических ценностей». Идейная почва была подготовлена немецкой академической литературой, где господствует «либералистский подход», подчеркивающий неизбежность размывания национального компонента общественного сознания в пользу глобального [Пименова, 2024: 173–190].

Поддержка со стороны стран Запада лишь ужесточала стремление украинского руководства проводить антиидентистскую политику, даже несмотря на сопротивление значительной части общества в условиях кризиса. В сентябре 2022 г. В. Зеленский в ответ на петицию ряда организаций, в том числе Всеукраинского совета церквей, с требованием денонсировать Стамбульскую конвенцию о борьбе с домашним насилием (ратифицирована 20 июня 2022 г.), вводящую понятие «гендер» вместо биологического пола, призвал усилить информационную кампанию по разъяснению украинцам смысла этого документа. После подписания Конвенции Зеленский подчеркнул, что таким образом Украина «разделяет европейские ценности». Уже в 2023 г. Зеленский дал поручение Минюсту Украины проработать вопрос зарегистрированных партнерств для однополых и разнополых пар и также заявил о приверженности новым ценностям: «Украина движется навстречу европейским стандартам, согласно которым одни из основных обязанностей государства – недопущение дискриминации и уважение к частной

¹ Мисник Л. «Эффект Мелони»: почему Европа дрейфует "вправо". 18 сентября 2023 г. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18775957> (дата обращения: 10.08.2024).

² Verfassungsschutz stuft AfD in Sachsen als gesichert rechtsextremistisch ein. 08.12.2023. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-in-sachsen-vom-verfassungsschutz-als-gesichert-rechtsextremistisch-eingestuft-a-77d60235-db35-4d69-bf70-82feb0a89ed3> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Ex-Bundestagspräsident Wolfgang Thierse: „Der Staat hat die Pflicht, ein AfD-Verbot zu prüfen“. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/rechtsextremismus-staat-hat-pflicht-afd-verbot-zu-pruefen-10997821.html> (дата обращения: 10.08.2024).

и семейной жизни»¹. Протесты религиозных и общественных объединений, к которым ранее власти прислушивались, на этот раз были проигнорированы.

В антиидентистскую повестку навязывания ультралиберальных норм и институтов вполне вписывается и постмодернистское желание властей Украины создать свою православную церковь с помощью трансформации или даже ликвидации Украинской православной церкви², обладающей укорененным в украинской и южнорусской культуре традиционалистским сознанием. В противовес УПЦ, к примеру, лояльная власти Православная церковь Украины переходит на новый календарь, отменяет Петров пост, то есть делает многое из того, что неприемлемо для идентистов в церковной среде. По сути, В. Зеленский повторяет путь Генриха VIII, но в ситуации, когда подобный произвол уже было трудно себе представить в рамках современного представления о демократических нормах. По пути конструирования церкви, более подходящий для «западных ценностей» и противостояния с Россией, пошли также страны Балтии, которые оказывают давление на церкви Московского патриархата. В этом же русле идет борьба неолиберального прозападного премьер-министра Н. Пашиняна с Армянской апостольской церковью, которую Пашинян фактически обвинил в коррупции и предательстве национальных интересов (закономерно, что против Пашиняна и за восстановление отношений с Россией выступил церковный деятель-традиционалист – архиепископ Баграт Галстанян)³.

Лидеры идентизма

Определенное сплочение общества в западных странах, особенно в Европе, на почве украинского конфликта действительно произошло. В этих условиях заявлять о своей позиции, отличной от мнения антиидентистского истеблишмента оказалось еще сложнее, чем раньше. Традиционализм стал ассоциироваться уже не только с авторитаризмом, расизмом, антиваксерством, но и с пророссийской позицией, которая, по мнению истеблишмента, стала полной противоположностью всего набора европейских норм и ценностей. Однако ужесточение преследования инакомыслящих в западном обществе и навязывание американскими и европейскими политиками своей повестки на международной арене привело к обратной реакции, к кристаллизации мировоззрения идентистского движения, которое пока отличается сдержанным, умеренно критическим отношением к России в контексте проведения СВО. Такого рода консолидация проявилась в росте популярности идентистских партий накануне выборов в Европарламент 2024 г. [Гуселетов, 2024: 68–81] и в распределении мест по итогам выборов. Идентистская фракция «Патриоты за Европу» заняла третье место с 84 местами (ее костяк составили французское «Национальное объединение», венгерская ФИДЕС, Австрийская партия свободы) после Европейской народной партии (ЕНП) и социал-демократов. На 4-м ме-

¹ Зеленский предложил проработать гражданское партнерство для ЛГБТ-пар. 27 мая 2023 г. Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64715b3e9a79476588d58553?ysclid=lm6cyvfy4t454026775> (дата обращения: 10.08.2024).

² Лункин Р.Н. Развод по-украински. Две башни из слоновой кости. 25 августа 2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/razvod-po-ukrainski-dve-bashni-iz-slonovoy-kosti/> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Оппозиция в Ереване предложила на пост премьера архиепископа. 26.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/665346a39a79478f8dc18a31d> (дата обращения: 10.08.2024).

сте оказались Европейские консерваторы и реформисты с 78 местами («Братья Италии», польская партия «Право и справедливость» и др.), а «Альтернатива для Германии» стала основой фракции «Европа суверенных наций» (25 мест)¹. Таким образом, идентистам, даже в условиях ожесточенной избирательной кампании и постоянных обвинений в ксенофобии, фашизме, авторитаризме, саботаже «защиты свободы и западных ценностей» на Украине, удалось получить чуть менее трети мест в Европарламенте (187 из 720, учитывая, что депутаты с идентистскими взглядами есть и среди депутатов ЕНП и неаффилированных членов парламента).

Открытым и смелым политиком идентистского направления в контексте украинского кризиса стал премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, который активно выступает с критикой санкционной политики руководства ЕС и гонки вооружений в стремлении «победить Россию». В идейной сфере В. Орбан продвигает традиционалистские взгляды не только в принятии законов о противодействии пропаганде однополых отношений и в выдворении из страны организаций ультралиберального толка. Площадкой, объединившей идентистов Европы и США, стала Конференция консервативных политических действий, основанная еще Рональдом Рейганом (СРАС). В 2022 г. В. Орбан выступал на Конференции в Далласе, штат Техас, вместе с Д. Трампом, где подтвердил свою жесткую позицию в отношении нелегальной иммиграции, ограничения гендерной идеологии в школах, противодействия абортам. Орбан выступил за объединение всех консервативных сил и за то, чтобы эти силы «вернули институты в Вашингтоне и Брюсселе». Он назвал президентские выборы в США и выборы в Европарламент в 2024 г. двумя фронтами битвы, которая ведется за западную цивилизацию². Среди спикеров Конференции были также такие популярные деятели идентистского движения, как бывший помощник Трампа Стив Бэннон, ранее безуспешно пытавшийся создать союз правых консерваторов в Европе, и главный критик левого ультралиберализма Демократической партии телеведущий Такер Карлсон.

Самый представительный форум Конференции прошел в мае 2023 г. в Венгрии. На мероприятии присутствовали бывший премьер-министр Чехии Андрей Бабиш, лидер Австрийской партии свободы Герберт Кикль, лидер Консервативного сообщества Южной Америки Эдуардо Болсонару (сын бывшего президента Бразилии Жаира Болсонару), министр по делам семьи Словакии Милан Крайняк, премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили, сербские, итальянские (из партии «Лига»), испанские (из партии «Вокс»), французские, португальские, датские, эстонские политики-идентисты³. Гарибашвили сослался на девиз грузинского патриарха – вера в Бога, защита родины и целостность человеческой личности. По словам премьер-министра Грузии, «сегодня вершиной этой абсурдной “ложной свободы” является идея о том, что дети должны выбирать свой пол и подвергать свои тела жестоким изменениям на протяжении всей жизни с помощью химикатов и скальпелей. Сопrotивление поступательному продвижению “ложных истин” и “ложной свободы”, противопоставление им того, что было

¹ 2024 Election results. European Parliament. <https://results.elections.europa.eu/en/european-results/2024-2029/> (дата обращения: 10.08.2024).

² Smith D. Viktor Orbán turns Texas conference into transatlantic far-right love-in. 06.08.2022. <https://www.theguardian.com/us-news/2022/aug/06/viktor-orban-cpac-far-right-us-trump> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Официальный сайт Конференции консервативных действий в Венгрии: <https://www.cpatchungary.com/> (дата обращения: 10.08.2024).

сохранено для нас предыдущими поколениями, является сутью нынешней борьбы». Депутат парламента Хорватии из партии «Домовински покрет» («Движение за родину») Стефан Бартулица сравнил идеологию воукеизма (Woke) с коммунизмом, который потерпел неудачу (благодаря партии «Движение за родину», определение брака как союза мужчины и женщины было включено в хорватскую Конституцию). Орбан также назвал воукеизм и гендерную идеологию на Западе современными коммунизмом и марксизмом. Премьер-министр Венгрии четко обозначил идеологического противника: «Мы все подвергаемся нападкам, как в Европе, так и в Америке... Атака не носит экономического характера, мы столкнулись с биологическим оружием, они начали вирусную атаку против нас. Этот вирус был разработан в прогрессивных либеральных лабораториях...». Орбан также выдвинул конкретный лозунг, который, по его мнению, поможет идентистам победить: «никакой миграции, никакого гендера, никакой войны»¹.

Украинский кризис, как и противостояние с руководством Евросоюза, имеет для В. Орбана конкретную идеологическую основу, связанную с борьбой за свою идентичность: «Американцы считают, что существуют универсальные ценности, которые должны восприниматься одинаково во всем мире. Мне не нравится такой подход. Наш опыт другой. Существует культурная основа, и именно на этой основе люди могут решать, какие ценности и политические институты им подходят. Поэтому мы не можем требовать от незападных стран вести себя как мы, иметь те же институты, что и мы. Это американский универсалистский подход, который, на мой взгляд, не выдерживает критики и порождает множество конфликтов в мире. Поэтому нам не следует идти по этому пути. Мы европейцы. Мы понимаем культуру. Мы лучше понимаем наших партнеров. Нам не нужно заимствовать американский подход, нам нужно обсуждать рациональную политику Китая, Японии, Индии, Индонезии и России.... Многие не приемлют гегемонистское отношение элиты к гражданам. Они хотели бы разговаривать по-другому, выражая различные идеи. У них разные взгляды на само понятие "гендер", на миграцию и на Европейский союз. Но это недопустимо во многих странах. И их не слушают. Их голос игнорируется»². В отличие от других идентистов, делающих акцент то на миграции, то на религии, то на семейных ценностях, Орбан наиболее четко артикулирует идентистскую идеологию, приемлемую для различных политических сил.

Выступления против антиидентистской идеологии стали появляться в новом контексте – антивоенной идеологии (с наличием или же отсутствием прямой поддержки России) и критики «культуры отмены» уже не в виде в целом критики воукеизма и новой этики, а отмены русской культуры и дискриминации всего, что связано с Россией. Помимо политической реакции на антитрадиционалистскую идеологию, которую по-прежнему рассматривают как «союз популистов», есть целый ряд деятелей культуры – идентистов. С таких позиций фактически выступил датский режиссер Ларс фон Триер, которого раскритиковали за фразу, которую он разместил в соцсетях: «Жизни русских тоже имеют значение». Помимо Триера, с критикой антиидентизма выступают Оливер

¹ Losonczy M. PM Orbán at CPAC Hungary: 'The Antidote to the Woke Virus Is in Hungary'. 05.05.2023. https://www.hungarianconservative.com/articles/current/viktor_orban_cpac_hungary_2023_antidote_woke_virus_trump_ukraine/ (дата обращения: 10.08.2024).

² Le Point: Виктор Орбан: "Украина одна из самых коррумпированных стран мира". 8 декабря 2023. <https://inosmi.ru/20231208/orban-266995880.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Стоун, Эмир Кустурица, Мишель Уэльбек. Против культуры отмены, которая с 2022 г. стала применяться также и к России, выступил рок-музыкант Роджер Уотерс¹.

Украинский кризис расширил границы противостояния идентистов против анти-идентистов. Противостояние долгие годы глубоко охватывало страны Европы и Северной Америки (в конце 2023 г. в Мексике появился кандидат в президенты, католик-традиционалист Эдуардо Верастеги, выступивший против ЛГБТ²-пропаганды). Глобальный Юг также был задет идейными спорами и политическими конфликтами, но всё же в большей степени оставался в стороне. Промежуточное положение занимает Латинская Америка. В этот регион антиидентистские идеи пришли позже, чем в США и Европу, но к 2010-м гг. они в значительной степени успели утвердиться и в общественной жизни, и в законодательстве³.

Наибольших успехов антиидентизм достиг в Аргентине. Права лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ⁴) в Аргентине являются одними из самых развитых в мире. Узаконив однополые браки 15 июля 2010 г., Аргентина стала первой такой страной в Латинской Америке. Она также «имеет один из самых полных в мире законов о правах трансгендеров»: Закон о гендерной идентичности, принятый в 2012 г., позволяет людям менять свой юридический пол, не сталкиваясь с такими препятствиями, как гормональная терапия, хирургическое вмешательство или психиатрический диагноз, который называет их ненормальными. К 2024 г. однополые браки разрешены в семи странах Латинской Америки – Аргентине, Бразилии, Колумбии, Эквадоре, Коста-Рике, Уругвае и Чили. В отличие от Европы, однако, в большинстве этих стран антиидентизм силён и идет жестокая политическая борьба вокруг законодательства в области семьи, секса и феминизма. В большинстве штатов Бразилии с 2017 г. разрешены однополые браки и усыновление детей однополыми парами. Президент Бразилии Жаир Болсонару неоднократно высказывался против гомосексуалистов, а его электоратом являются в том числе консервативные христиане. Победивший на президентских выборах 2023 г. в Эквадоре Даниэль Нобoa мало говорил об идеологии, делегировав эту роль кандидату в вице-президенты Веронике Абад – консерватору и блюстителю христианских ценностей (она выступает против абортa, прав ЛГБТ⁵ и феминизма). В частности, В. Абад высказывала симпатии Трампу, Ж. Болсонару, испанской партии «Вокс» и заявляла: «Я сторонник правых, классический либерал, верующий в Бога, Библию, защитник личности, семьи, жизни, собственности, свободного предпринимательства...»⁶.

В Латинской Америке идеологические размежевания могут быть самыми причудливыми. Левые во многом симпатизируют России не только как родине Ленина, но и как стране, противостоящей гегемонии США. Однако традиционные ценности в латиноамериканском мире в левых кругах ассоциируются, скорее, с диктаторскими режи-

¹ Основатель Pink Floyd Роджер Уотерс: отменять русскую культуру – безумие. 23 августа 2022. <https://tass.ru/interviews/15537811> (дата обращения: 10.08.2024).

² Международное движение, признанное экстремистским и запрещенное в РФ.

³ Почему Латинская Америка идет в авангарде борьбы за права ЛГБТ-сообщества. El País. 13 июля 2015. <https://inosmi.ru/20150713/229062301.html> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Международное движение, признанное экстремистским и запрещенное в РФ.

⁵ Международное движение, признанное экстремистским и запрещенное в РФ.

⁶ Verónica Abad, pro vida y a favor de VOX, es el binomio de Daniel Noboa. 23 de agosto de 2023. <https://www.larepublica.ec/blog/2023/08/23/veronica-abad-pro-vida-y-a-favor-de-vox-es-el-binomio-de-daniel-noboa/> (дата обращения: 10.08.2024).

мами прошлого, с правыми, такими как Ж. Болсонару. Примечательно, что президент Бразилии Игнасиу Лула да Силва не стал радикально менять отношения с Россией, высказываясь против ее изоляции. При этом, избранный президентом Аргентины либертарианец Хавьер Милей взял курс на сближение с США и даже объявлял о намерении провести саммит с участием Украины в Буэнос-Айресе. Наряду с этим, в своей речи в Давосе Милей выступил вполне с идентистских позиций в защиту принципов классического либерализма, свободы и идентичности каждого человека против изменения идентичностей в рамках «неолиберальной социалистической идеологии», которая, по его мнению, погубит Запад. В частности, Милей раскритиковал гендерную политику и радикальный феминизм, отметив: «Краеугольным камнем нашего кредо является то, что все люди созданы равными и что все мы обладаем одинаковыми неотъемлемыми правами, дарованными Творцом, включая жизнь, свободу и собственность». Зеленых Милей (отрицающий глобальное потепление) обвинил в том, что они провоцируют «конфликт людей против природы, утверждающий, что мы, люди, наносим ущерб планете, которую следует защищать любой ценой, вплоть до пропаганды механизмов контроля над рождаемостью или программы аборт». Фактически Х. Милей отметил, что социалистам удалось совершить идеологическую революцию: «Неомарксистам удалось исказить здравый смысл западного мира, и они добились этого, присвоив средства массовой информации, культуру, университеты, а также международные организации. Да здравствует свобода!»¹ Союзник России президент Венесуэлы социалист Н. Мадуро назвал идеологию президента Аргентины «нацистской». При этом, в критике неолиберализма Милей во многом совпадает с европейскими идентистами.

Если вокруг семейной, сексуальной и феминистской повестки антиидентистов в Латинской Америке идёт жаркая борьба, то в отношении колониализма, расизма, первенства белых англосаксов – угнетателей меньшинств (критическая расовая теория) двух мнений нет. В этом смысле господствующие в Латинской Америке взгляды тождественны взглядам последовательных антиидентистов глобального Севера², таких как лидер радикального крыла демократической партии США Александрия Окасио-Кортес или лидер Зелёных в ФРГ Анналена Бербок. Это «импортный» вариант движения *Black Lives Matter*. Нынешняя администрация Демократической партии США видит в левых президентах Латинской Америки своих единомышленников, и на словах южноамериканцы отвечают взаимностью. Парадокс, однако, заключается в том, что объединяющая антиидентистов двух Америк идеология утверждает «антагонистический» (выражаясь марксистски) конфликт между ними (антиидентистская идеология сама провозглашает представителей Запада – самих себя – угнетателями).

В большинстве других стран глобального Юга – мусульманских, буддистских, в Индии – в антиидентистском мировоззрении также популярна критическая расовая теория, всё остальное не вызывает особого энтузиазма. Антирасистская, антиколониальная риторика идентистов глобального Севера не только находит отклик, но и укрепляет Юг в недоверии Вашингтону и Брюсселю. Закономерно, что Юг не поддержал Север в украинском конфликте, он видит в нём агрессивную политику старых колонизаторов.

¹ Davos 2024: Special address by Javier Milei, President of Argentina. Jan 18, 2024. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2024/01/special-address-by-javier-milei-president-of-argentina/> (дата обращения: 10.08.2024).

² Данила Моисеев. Новые лидеры стран Латинской Америки удобны для Белого дома. НГ, 04.10.2022.

ров по отношению к России. А удивлённый Север не понимает, как Юг не может осознать, что, по мнению Запада, на самом деле это «агрессивная посткоммунистическая Россия угнетает и стремится колонизовать свободолубивую Украину».

Для целого ряда ведущих незападных держав, союзников России, украинский кризис стал благоприятным контекстом для того, чтобы вновь заявить о своей роли в мире через акцент на суверенитете и цивилизационной идентичности в русле идентизма. При этом идентичность понимается максимально широко (так же как в выступлении президента В.В. Путина на Валдайском клубе 2023 г.), но подразумевает и наличие западных ценностей, и отстраненность от любых навязываемых моделей – «культуры отмены» или прав человека в антиидентистской трактовке. К примеру, о необходимости уважения культуры и традиций цивилизаций говорится в совместной декларации председателя КНР Си Цзиньпина и В.В. Путина¹. Китайская концепция предусматривает опору на принципы гармонии, китаецентризма и конфуцианской этики. С учетом этих элементов и выстраивается «сообщество единой судьбы человечества» [Кожухова, 2020]. В восприятии моральных ценностей китайский коммунистический подход исходит из соединения социализма и традиции, основан на почвеннической формуле руководства Китая: «древность на службе современности» [Лю Цзоюань, 2022: 199–204].

Акцент на развитии самобытной индийской цивилизации характерен для мировоззрения премьер-министра Индии Нарендра Моды, лидера традиционалистской «Бхаратия джаната парти», опирающейся на концепцию «хиндутвы», «индусскости»². Моди отражает мнение части индийской элиты, которая выступает за союз с Россией и против навязывания их стране западных ценностей и проблем (таких как украинский кризис) [Величкин, 2024: 191–209]. В самой Индии курс Моды неоднократно подвергался критике со стороны леволиберальных кругов за отказ от секуляризма и отсутствие должного внимания к меньшинствам [Rai, Praveen, 2023], что подчеркивает наличие постоянного и открытого конфликта антиидентистов со своеобразным индийским вариантом идентизма. В День независимости страны в 2022 г. Моди провозгласил пять принципов индийской идентичности и суверенитета, которые сделают Индию процветающей: участие каждого в развитии страны, свобода от рабства, гордость за свое наследие, единство и неподкупность, ответственность³. Символом новой политики стал принципиальный акцент на названии страны Бхарат на международных мероприятиях, открытие в начале 2024 г. самого большого в мире храма Рамы в Айодхье. Партия Моди является принципиальным сторонником строгой семейной морали, защищает тради-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 года. <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 10.08.2024).

² В 2017 г. А. Ливен подчеркивал, что «хиндутва» Моды возвещает о наступлении времён, когда «мир будет принадлежать мощным национальным государствам, руководимым выборными правительствами с чётко выраженными авторитарными наклонностями и опирающимся на сильный народный национализм и культурную самобытность. Эти государства будут стремиться стать успешными участниками глобальной системы капитализма при одновременной готовности дать решительный бой тем силам глобализации, которые будут угрожать их цивилизации, национальным интересам и установленному порядку». См.: Ливен А. Индуистский национализм: неудобная правда. 23.05.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/induistskij-naczionalizm-neudobnaya-pravda> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Independence Day: PM Modi sets 'panch pran' target for next 25 years. August 15, 2022. <https://indianexpress.com/article/india/pm-modis-independence-day-speech-at-red-fort-pm-modi-sets-panchpran-for-indians-for-the-next-25-years-8090763/> (дата обращения: 10.08.2024).

ционную религию и ценности, а сам Модии последовательно выстраивает свой образ как йог и мудрец.

* * *

Антироссийская политика и «культура отмены» в отношении России стали проявлением нового витка противостояния, преимущественно, западного антиидентизма формирующейся глобальной силе – традиционализму или идентизму. Большинство политиков, общественных и культурных деятелей было поставлено перед дилеммой, делать ли выбор в пользу России, чтобы отмежеваться от антиидентизма, или остаться в стороне. Необходимо учитывать, что идеологические размежевания в современном мире в рамках противостояния двух мировоззрений идентизма и антиидентизма происходят вне логики интеллектуальных идейно-философских споров, которые могли бы происходить между людьми разных взглядов в прежние века, вне логики противостояния двух систем, олицетворяемых прежде США и СССР. Нынешняя логика основана, скорее, на вытеснении (в последовательном и жестком применении *cancel culture*) своего идейного противника в маргинальное поле, если не удастся добиться его полного уничтожения в качестве общественного или политического игрока. Обострение клинча двух идеологий и ощущение западных элит, что они наконец нашли воплощение «мирового зла», создало атмосферу эйфории и вседозволенности (проявлением такого рода настроений элит стали политически мотивированные покушения на словацкого премьер-министра Р. Фицо и на кандидата в президенты США Д. Трампа в 2024 г.). Факторами криминализации и ослабления идентизма послужили пандемия, а затем и украинский кризис, когда давняя борьба с трампизмом и популизмом была дополнена борьбой с противниками «свободы и западных ценностей». Украинский кризис сделал противостояние идентистов и антиидентистов более выраженным на международном уровне, а противники антиидентизма стали частью политического пространства большинства стран.

Важнейшая особенность противостояния этих двух идеологических систем – существенное присутствие сторонников тех или иных противостоящих партий почти во всех странах и регионах. Не исключено, что в результате смены власти некоторые государства не единожды будут переходить во враждебный лагерь и обратно. Практически все западные идентисты – безусловные сторонники демократических ценностей в традиционном западном понимании: разделение властей, свободные выборы, гражданские свободы. Сейчас они осознают себя борцами за их возрождение в современной Европе и США. Подавляющее большинство западных идентистов – антикоммунисты, и им не близко обращение к «славному советскому прошлому», величию СССР. В контексте борьбы за мир и в турбулентный момент зарождения мирового политического идентистского движения эти идеологические особенности не очень заметны, но они неизбежно сыграют свою роль в восприятии России как лидера глобального идентизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Величкин С.В. (2024) Внешняя политика Индии как отражение изменений в индийской правящей элите. *Международная аналитика*. № 15(1). С. 191–209. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209>

Гуселетов Б.П. (2024) Позиции ведущих европартий накануне выборов в Европейский парламент 2024 г. *Современная Европа*. № 3. С. 68–81. DOI: 10.31857/S0201708324030069

- Журавлева В.И. (2024) Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности. *Международная аналитика*. № 15(1). С. 20–45. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>
- Идентичность. Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. (2023) Отв.ред. И.С. Семененко. «Весь Мир», ИМЭМО, Москва. С. 21.
- Кожухова К.Е. (2020) Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. № 3(840).
- Крук А. (2024) Как вернуться в Золотой дом. *Россия в глобальной политике*. Т. 22. № 4. С. 163–171.
- Лю Цзоюань. (2022) Традиционная система ценностей в государственной идеологии КНР. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. Том 11. № 2А. С. 199–204. DOI:10.34670/AR.2022.16.27.032
- Пименова Е.В. (2024) Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении. *Международная аналитика*. № 15(1). С. 173–190. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-173-190>
- Прохоренко И.Л. (2024) Идентичность как ключ к пониманию мировой политики. *Международная аналитика*. № 15(1). С. 11–19. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>
- Руткевич Н.А. (2024) Кто они, где они, за что они и почему. *Россия в глобальной политике*. Т. 22. № 4. С. 182–201.
- Фишман Л.Г. (2024) Хвост Модерна. *Россия в глобальной политике*. Т. 22. № 4. С. 172–181.
- Rai, Praveen. (2023) Political Legitimation and Charismatic Routinization of Modi ‘Wave’ in India. *Journal of Asian and African Studies*. 10.1177/00219096231179655.

Ukrainian Crisis and the Perspectives of the Identism

R.N. Lunkin

*Doctor of Sciences (Politics), Candidate of Philosophical Sciences,
Professor of the Russian Academy of Sciences,
Deputy. Director, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.
11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.
E-mail: romanlunkinn@yandex.ru*

S.B. Filatov

*Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Institute
of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
E-mail: sfilatov2006@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the impact of the Ukrainian crisis on the ideological confrontation between identists and antiidentists (ultraliberals, supporters of “liberal democracy”) in the world and the influence of crisis on the prospects of the further consolidation of identism. Identism is considered as the worldview of parties and movements that defend identity and traditions, family values, and criticize immigration to varying degrees and with different accents. It is emphasized that the appeal to identity is increasing in current political decisions and discussions. It raises the question of rethinking the “clash of civilizations” through the dynamics of universalism and particularism, referring to tradition and the protecting identity in the programs of political parties. The analysis of political conflicts and speeches by the leaders of parties and movements demonstrated that anti-Russian policy and the policy of “cancel culture” towards Russia have become a manifestation of a new round of confrontation between mainly Western antiidentism and an emerging global force – traditionalism or identism. Most politicians, public and cultural figures were faced with the dilemma of whether to make a choice in favor of Russia in order to dissociate themselves from antiidentism or to stay away. The logic of confrontation is based on the displacement (in the consistent and harsh application of cancel culture) of one's ideological oppo-

nent into a marginal field, if it is not possible to achieve his complete destruction as a social or political player. The Ukrainian crisis has made the confrontation between identitarians and anti-identitarians more pronounced at the international level and opponents of antiidentism have become part of the political space of most countries. The most important feature of the confrontation between the two ideological systems is the significant presence of supporters of various opposing parties in almost all countries and regions.

Keywords: identism, antiidentism, liberal democracy, traditionalism, parties and social and political movements, problems of identity, Ukrainian crisis, cancel culture

DOI: 10.31857/S0201708324060184

REFERENCES

- Velichkin S.V. (2024) Vneshnyaya politika Indii kak otrazhenie izmenenij v indijskoj pravyashchej elite [India's Foreign Policy as a reflection of changes in the Indian ruling elite]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), pp. 191–209. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209> (In Russian).
- Guseletov B.P. (2024) Pozicii vedushchih evropartij nakanune vyborov v Evropejskij parlament 2024 g. [Positions of the leading European parties on the eve of the elections to the European Parliament in 2024]. *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 68–81. DOI: 10.31857/S0201708324030069 (In Russian).
- Zhuravleva V.I. (2024) Rossiya i SShA kak znachimye Drugie v nacional'nyh diskursah identichnosti [Russia and the USA as Significant Others in National Identity Discourse]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), pp. 20–45. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45> (In Russian).
- Identichnost'. Lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya [Identity. Personality, society, politics. New contours of the research field]. (2023) Otv.red. I.S. Semenenko. «Ves' Mir», IMEMO, Moscow, Russia. P. 21. (In Russian).
- Kozhuhova K.E. (2020) Kitajskie tradicionnye cennosti kak osnovanie vneshnepoliticheskogo kursa Si Czin'pina [Chinese traditional values as the basis of Xi Jinping's foreign policy course]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 3(840). (In Russian).
- Kruk A. (2024) Kak vernut'sya v Zolotoj dom [How to return to the Golden House]. *Rossiya v global'noj politike*, 22(4), pp. 163–171. (In Russian).
- Lyu Czoyuan'. (2022) Tradicionnaya sistema cennostej v gosudarstvennoj ideologii KNR [The traditional value system in the state ideology of the People's Republic of China]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 11(2A), pp. 199–204. DOI:10.34670/AR.2022.16.27.032 (In Russian).
- Pimenova E.V. (2024) Problemy nacional'noj identichnosti sovremennoj Germanii v mezhdunarodnom izmerenii [Problems of national identity of modern Germany in the international dimension]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), pp. 173–190. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-173-190> (In Russian).
- Prohorenko I.L. (2024) Identichnost' kak klyuch k ponimaniyu mirovoj politiki [Identity as the key to understanding world politics]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), pp. 11–19. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19> (In Russian).
- Rutkevich N.A. (2024) Kto oni, gde oni, za chto oni i pochemu [Who are they, where are they, what are they for and why]. *Rossiya v global'noj politike*, 22(4), pp. 182–201. (In Russian).
- Fishman L.G. (2024) Hvost Moderna [The Tail of Modernity]. *Rossiya v global'noj politike*, 22(4), pp. 172–181. (In Russian).
- Rai, Praveen. (2023) Political Legitimation and Charismatic Routinization of Modi 'Wave' in India. *Journal of Asian and African Studies*. 10.1177/00219096231179655.

УДК 327

ФЕНОМЕН ПОЛЯРИЗАЦИИ: СЛУЧАЙ ИСПАНИИ

© 2024 **ХЕНКИН Сергей Маркович**

Доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России

119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

Главный научный сотрудник, ИНИОН РАН

117418 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21, E-mail: sergkhenkin@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. Монография испанского социолога Луиса Миллера «Поляризованные. Политика, которая нас разделяет» посвящена исследованию типичного для многих стран феномена поляризации – разделения общества на два враждебных лагеря. В работе рассмотрены причины, характер, разновидности, результаты поляризации, возможные способы преодоления ее негативных последствий. Автор сравнивает испанский опыт с политической практикой тех стран, где развиваются сходные процессы. В монографии показано, что в корне поляризации лежит идентификация человека с той или иной социальной общностью, определенным политическим выбором. Происходит сопоставление с Другим, который становится катализатором формирования общей групповой идентичности. Л. Миллер выделяет три разновидности поляризации: идеологическую, аффективную и каждодневную. Испания в последнее десятилетие превратилась в одну из самых поляризованных стран мира. Среди основных причин поляризации автор выделяет устойчивую массовую безработицу и глубокое социальное неравенство, нерешенность территориальной проблемы, выражающейся в существовании сильного сепаратистского движения в Каталонии. Свою роль сыграла трансформация партийной системы – переход от бипартизма к многопартийности. Появление новых влиятельных партий привело к формированию левого и правого политико-идеологических блоков, отношения которых отличаются высокой степенью нетерпимости. Эффективный способ борьбы с негативными последствиями поляризации автор видит в снижении остроты экономических и социальных проблем, порождаемых неравенством и социальной исключенностью.

Ключевые слова: Испания, Каталония, поляризация, напряженность, идентичность, партии

DOI: 10.31857/S0201708324060196

Понятие «поляризация» и ее разновидности

Глубокие и стремительные перемены на международной арене в последние десятилетия ведут к тому, что во многих странах усиливается поляризация, разделение общества на два конфронтирующих лагеря. Поляризация ярко проявляется в Испании. В мо-

нографии испанского социолога Луиса Миллера «Поляризованные. Политика, которая нас разделяет» рассмотрены многообразные аспекты этого феномена: причины, характер, разновидности, возможные способы преодоления его негативных последствий [Miller, 2023]. Автор встраивает испанский опыт в более широкий контекст, сравнивая его со схожими политическими процессами в других странах.

В монографии уделено большое внимание раскрытию понятия «поляризация».

В его основе лежит идентификация (самоидентификация) человека с той или иной социальной общностью, определенным политическим выбором. Огромное значение приобретает феномен Другого, который становится катализатором в формировании общей групповой идентичности. По мнению российских авторов, идентификация в определенном объеме выполняет функцию политической идеологии, предоставляя гражданам возможность альтернативного выбора политических предпочтений. Политика идентичности может ориентироваться как на поддержание различий, так и на укрепление надгрупповой солидарности [Семененко, 2017: 651].

Интернет и социальные сети усиливают поляризацию. Используя их, современный человек ограничивает сферу общения приверженцами схожих взглядов, утрачивает способность слышать другие мнения и размышлять об общих проблемах. Идеино близкие люди сплываются и смещаются к крайним позициям.

В соответствии с этой точкой зрения Л. Миллер определяет поляризацию как «конструирование и противопоставление идентичностей». Исследователь считает ее «современной формой трайбализма» [Miller, 2023: 41, 44]. «Поляризация – неотъемлемая часть общественной жизни, она не может не существовать, мы должны научиться жить с ней и бороться с ее негативными последствиями», – констатирует он [Miller, 2023: 45]. В работе проведено различие между поляризацией и ростом напряженности. Первая означает дистанцирование от Другого, т. к. он относится к противоположному лагерю. Напряженность сопровождается оскорблениями и очернением в средствах массовой коммуникации, в парламенте, на улице. Вместе с тем это взаимосвязанные понятия: для оскорблений нужны оправдывающие их моральные аргументы [Miller, 2023: 46].

Л. Миллер различает три аспекта поляризации: идеологический, аффективный и каждодневный. Первый выражается в острых противоречиях сторонников разных идеологических позиций. Приверженцы каждого из лагерей идентифицируют себя либо в символическом плане по шкалам «левые – правые», «либерализм – консерватизм», либо в более практическом ключе по конкретным социальным проблемам. Аффективная поляризация основана на эмоциях и предполагает чувство привязанности к лидерам и избирателям со сходными взглядами и враждебность к тем, кто занимает другие позиции. Третий аспект поляризации, по словам автора, «малоизученный, но имеющий большое будущее» – это каждодневная поляризация, включающая растущую социальную, демографическую и географическую дифференциацию среди избирателей различных партий. Речь идет о принципиальных различиях во вкусах, стилях жизни и местах проживания. Три аспекта поляризации зачастую переплетаются, усиливая друг друга [Miller, 2023: 56–58].

Однако необходимо уточнить, что нередко поляризация (испанский случай это подтверждает) приобретает ложный характер: противостоящие стороны преувеличивают существующие различия, пропагандируют стереотипизированные представления о соперниках, демонизируют их. Противоборство в большей степени выражается в риторике, чем в практических действиях.

В разных аспектах поляризации, полагает Л. Миллер, есть не только негативные, но и позитивные моменты. Так, аффективная поляризация, подрывая стабильность и легитимность политической системы, одновременно мобилизует электорат, предлагая различные альтернативные программы. Высокая степень идеологической поляризацией, делая невозможным достижение договоренностей между сторонами, предоставляет гражданам возможность удовлетворяющего их выбора [Miller, 2023: 168].

Поляризация по-испански вчера и сегодня

Для Испании феномен поляризации не является новым. Исторически в политическом лексиконе утвердилось выражение «две Испании», означающее идеологическое и политическое противостояние традиционалистов и либералов. В XIX – начале XX вв. первые выступали за монархию, католицизм, сохранение статус-кво; вторые требовали ограничения привилегий монархии и церкви, проведения преобразований по образцу ведущих стран Европы. Это противостояние отражало специфику развития Испании как страны позднего капитализма с многообразными общественными противоречиями и конфликтами. «Испания характеризовалась двойственностью, наложением друг на друга инерции и изменений, сосуществованием старого с новым. Преимущественно аграрное общество соседствовало по сути дела с городскими либеральной культурой и политическими практиками. Обычаи и действия, унаследованные от сословного общества, – с ценностями либеральной революции», – писал испанский историк Н. Санчес-Альборнос, характеризуя реалии первых десятилетий XX в. [Martorel, Juliá, 2012: 79]. В 1930-е гг. противостояние «двух Испаний» привело к расколу страны на два враждебных лагеря – республиканский и консервативно-католический – и к братоубийственной гражданской войне. Установленная в 1939 г. франкистская диктатура осуществляла стратегию раскола нации на «Испанию и «Анти-Испанию» (в нее включались левые силы).

В постфранкистский период казалось, что страна справилась с проблемой поляризации. Консолидация демократии, динамичное развитие экономики, интенсивная социальная модернизация, выход из длительной внешнеполитической изоляции благоприятствовали относительной социально-политической стабильности. Однако глобальный финансово-экономический кризис и последующие события, в частности пандемия *COVID-19*, продемонстрировали, что за внешним благополучием скрывается множество новых и старых нерешенных политических, социальных, экономических проблем, ставших хроническими, как специфически испанских, так и общих для стран ЕС [Семеновко, 2014: 219–270]. Соответственно, в обществе заметно усилилась поляризация. По мнению Л. Миллера, последнее десятилетие стало самым поляризованным периодом в 40-летней истории испанской демократии.

Резко отрицательное последствие поляризации – невозможность основных политических сил договориться, что блокирует принятие важнейших для страны решений. Ярким проявлением стал отказ Народной партии (НП) от очередного обновления Генерального совета судебной власти – высшей судебной инстанции. Действия левого (прогрессистского) правительства П. Санчеса в 2018–2023 гг. наталкивались на сопротивление консерваторов. Паралич работы судебной ветви власти дискредитировал всю политическую систему, усилил недоверие к ней миллионов испанцев.

Причины и проявления поляризации

Среди основных причин поляризации Л. Миллер выделяет устойчивую массовую безработицу и глубокое социальное неравенство. По уровню безработицы Испания с начала 1980-х гг. занимает лидирующие позиции в ЕС. Безработица не раз превышала 20% и ни разу не опускалась ниже 8%, став структурной особенностью испанской модели развития [España, 2015: 652]. Испания занимает одно из первых мест в ЕС по распространению атипичных форм занятости (временной и частичной) и, соответственно, наличию массового слоя прекариев, отличительный признак которых – отсутствие стабильной социальной защиты. Страна входит в число «лидеров» Евросоюза также по уровню социально-экономического неравенства, уступая только менее экономически развитым государствам с меньшим доходом на душу населения [Urquizu, 2016: 47–48]. Ниже уровня бедности живет 21% населения [Sevilla, 2022: 160]. Л. Миллер обращает внимание на то, что в странах с высоким уровнем безработицы и социального неравенства также высок и уровень поляризации, как в Южной и Восточной Европе (с. 61).

Мощный фактор поляризации испанского общества – территориальная проблема, которая в условиях модернизации и секуляризации в последние десятилетия опередила по своему значению классовый и религиозный факторы. Политико-территориальная модель Испании не устоялась. Наиболее развитые автономии – Каталония и Страна Басков – не интегрированы прочно в национальный организм. В первые десятилетия демократии последняя считалась самым беспокойным регионом. В Стране Басков действовала леворадикальная сепаратистская организация ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* – «Страна басков и свобода»), практиковавшая террор. Ее действия нередко вызывали острые политические кризисы. В 2018 г. ЭТА прекратила существование, но ее дело мирным, легальным путем продолжают радикальные баскские националисты, не отказавшиеся от идеи суверенной Страны Басков. Позже лидерство перешло к Каталонии, где сформировалось сильное сепаратистское движение. Его попытка добиться независимости региона от Испании не увенчалась успехом. Однако радикальные националисты продолжают пользоваться значительным влиянием.

Важным фактором поляризации стала трансформация партийной системы – переход от бипартизма к реальной многопартийности. В первые десятилетия демократии у власти сменяли друг друга правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Народной партии (НП), за которые голосовали примерно 75% избирателей. Каждая из них формировала правительство или в одиночку, или при поддержке более мелких партий, прежде всего региональных. Нередко в подходах партий к конкретным проблемам не было принципиальных различий, радикальных альтернатив не выдвигалось. Сохранялся дух знаменитых «пактов Монклоа» – соглашения между правящим правительством Адольфо Суареса и ведущими левыми партиями, действовавшего в переходный период от франкизма к представительной демократии (1977–1978 гг.) и ставившего целью упрочение новой политической системы.

Политические позиции ведущих партий были созвучны умеренным, компромиссным настроениям, господствовавшим в массовом сознании. Еще в годы мощного экономического подъема 1960-х – начала 1970-х гг., превратившего аграрно-индустриальную Испанию в индустриально-аграрную, миллионы испанцев, восприняв улучшение условий жизни как индивидуальную революцию, прониклись тягой к спокойной, стабильной жизни. К тому же над массовым сознанием довлел страх перед по-

вторением ужасов гражданской войны 1936–1939 гг., ставшей огромной моральной травмой для нации [Хенкин, 2023: 58, 82–83].

В годы глобального кризиса к ИСРП и НП, доминировавшим в политической жизни, прибавились влиятельные новые партии «Подемос» и «Вокс», а также либеральная правопроцентристская «Сьюдаданос».

Изменения на левом фланге были связаны с выходом на политическую авансцену в мае 2011 г. «Движения возмущенных», сформированного Интернетом и социальными сетями и ставшего выражением протеста миллионов испанцев против традиционной политики и традиционных партий. Многочисленные группы населения чувствовали себя непредставленными в политической системе, брошенными на произвол судьбы. Одним из результатов стало появление слева от ИСРП леворадикальной партии «Подемос», в дальнейшем объединившейся с блоком «Объединенная левая» (его костяк составляет Коммунистическая партия Испании) в коалицию «Унидас Подемос» (УП). Несколько лет ИСРП и УП соперничали за первенство в левом лагере, а в 2019 г. после победы социалистов на парламентских выборах они сформировали коалиционное правительство – первое в истории демократической Испании [Miller, 2023: 162].

Метаморфозы произошли и на правом фланге. В 2013 г. несколько деятелей, стоявших на крайнем правом фланге НП и вышедших из нее, создали «Вокс», которая резко критиковала политику первой, так же, как «Подемос» – ИСРП [Miller, 2023: 33]. Тем не менее две правые партии, близкие по ряду политико-идеологических параметров, сотрудничают в кортесах, органах власти многих автономных областей и муниципалитетов.

В результате появления новых партий позиции ИСРП и НП заметно ослабли. Парламент стал таким раздробленным, каким никогда не был в годы демократии. Возник кризис управляемости. В 2015–2019 гг. страна жила без постоянного правительства, поскольку ни одна из партий не была в состоянии сформировать его; четыре раза проводились парламентские выборы.

На рост поляризации повлияло расширение политической повестки во втором десятилетии XXI в., когда предметом жарких споров стали проблемы гендерного равенства, однополых браков и экологии.

Партии в Испании стали главным субъектом поляризации. Преследуя узкопартийные интересы, их лидеры педалируют проблемы, которые разобщают избирательный корпус, сплывают отдельные части электората и деморализуют противников. Л. Миллер считает одним из основных инструментов поляризации, используемых партиями, их участие в избирательных кампаниях, создающее соответствующую эмоциональную атмосферу. «С 2014 г. мы живем в условиях постоянной избирательной кампании, и это является одной из причин усиления политической поляризации в нашей стране», – отмечает автор. Другой инструмент поляризации – риторика партийных лидеров. Л. Миллер ставит принципиально важный вопрос: адаптируют ли лидеры установки к настроениям граждан или, напротив, стимулируют поляризацию. Ссылаясь на работы ряда экспертов, автор утверждает, что аффективная поляризация, чувства любви и ненависти появились первоначально в политической элите [Miller, 2023: 162–163]. В работе названы два основных фактора, благодаря которым поляризация элит влияет на население. Во-первых, благодаря социальным сетям политики могут немедленно транслировать последователям собственное видение реальности. Во-вторых, поведение политических элит становится образцом для подражания. Если их общение происходит

в неуважительной, грубой манере, граждане считают себя вправе общаться с оппонентами в таком же ключе на своем уровне [Miller, 2023: 180].

Многopартийность в условиях Испании стала фактором роста поляризации и усиления политических рисков. Лидеры ведущих партий используют простую и эффективную стратегию поляризации, чтобы активизировать и мобилизовать свой электорат. Новизна ситуации состоит в сочетании «глубокой политической поляризации с политической напряженностью, сопровождающейся апелляцией к чувствам и эмоциям» [Miller, 2023: 33].

Новый виток поляризации произошел в июне 2018 г., после того как ИСРП вынесла вотум недоверия правительству НП во главе с непопулярным в стране премьер-министром М. Рахоем в связи с громким коррупционным скандалом. Голосование принесло победу социалистам, которых поддержал разнородный лагерь левых, националистических и сепаратистских партий. Лидер ИСРП П. Санчес стал главой правительства. НП, неожиданно потеряв власть, перешла в жесткую оппозицию к правительству. Уязвленное самолюбие консерваторов стимулировало рост негативизма и нетерпимости в отношении оппонента, который отвечал сходным образом. Деятели ведущих партий не стеснялись в выражениях, стремясь ослабить и дискредитировать соперника. Из политической жизни исчез примиряющий центр. Политическая борьба заметно упростилась. Партия «Сьюдаданос», претендовавшая на роль центра, сдвинулась вправо, но не выдержала конкуренции с НП и «Вокс», растеряла поддержку электората и практически сошла с политической сцены [Miller, 2023: 162].

НП крайне болезненно восприняла итоги парламентских выборов в июне 2023 г., на которых заняла первое место, но не смогла сформировать правительство из-за отсутствия относительно влиятельных партий (за исключением «Вокс»), которые были готовы поддержать выдвижение ее лидера Альберто Нуньеса Фейхоо на пост председателя правительства. Социалистам, занявшим второе место, удалось получить такую поддержку. Стремление правых сместить правительство П. Санчеса усилилось.

Таким образом, в политическом спектре Испании сформировались левый и правый политико-идеологический блоки, отношения которых характеризуются высокой степенью нетерпимости. Л. Миллер отмечает, что установки партий никогда не были так далеки друг от друга, а их отношения – такими неприязненными [Miller, 2023: 30]. Появление «Подemos» и «Вокс», боровшихся с ИСРП и НП за примерно одни и те же группы электората, побудило последних радикализировать риторику и политические установки.

Изменения затронули не только партийные элиты. Серьезные сдвиги произошли в массовом сознании. Если в 2000 г. 8% испанцев стояли на крайне левых и крайне правых позициях, то в 2022 г. это число возросло до более чем 20%. ИСРП и НП, которые набирали более двух третей избирателей, стали получать только примерно половину их [Miller, 2023: 19–20].

О росте поляризации в обществе свидетельствует отношение избирателей ведущих партий к уплате налогов. В 2010 г. 6 из 10 сторонников ИСРП и НП были недовольны большими налогами. В 2022 г. ситуация радикально изменилась. Доля недовольных высокими налогами избирателей НП осталась прежней, в то время как среди поддерживающих ИСРП их стало намного меньше – только двое из десяти. Это связано с осознанием последними необходимости усиления государственного вмешательства в экономику в условиях глобального кризиса и пандемии *COVID-19*. Еще большими выгля-

дели различия среди сторонников «Вокс» и УП – 8 из 10 против 2 из 10, или 59 п.п. [Miller, 2023: 24]. Показательно распределение ответов на вопрос, какой медицинский центр предпочтительнее – государственный или частный. В 2010 г. и 2022 г. избиратели ИСПП, ОП и НП предпочитали государственную медицину. Появление в большой политике «Вокс» все изменило. Ее избиратели разделились при отмеченном выборе пополам. Разница в предпочтениях леворадикальной УП и праворадикальной «Вокс» составила 32 п.п. [Miller, 2023: 25]. Еще один пример, приводимый в монографии, связан с отношением избирателей к религии. Процесс секуляризации в традиционно католической Испании все больше разобщает и поляризует электорат. Если среди избирателей НП в 2010 и 2022 гг. 9 из 10 называли себя католиками, то в электорате ИСПП их доля за эти годы сократилась с 7 до 4 (из 10) человек [Miller, 2023: 25].

Л. Миллер считает, что продолжение сопоставительного ряда и выяснение отношения испанцев к исторической памяти, гендерному равенству, климатическим изменениям может выявить картину такой же разобщенности. Автор делает вывод, что и на низовом уровне сформировались два блока с разными политическими идентичностями [Miller, 2023: 12, 30].

Стратегия напряженности влияет на разные стороны испанской политики: на отношения правительства и оппозиции, на повседневную деятельность основных институтов политической системы, на сосуществование граждан – и создает разделительные линии. В стране воспроизводится противостояние «двух Испаний» – традиционалистской и прогрессистской. Несмотря на то что левые и правые давно изменились, гражданская война – деление на условных «белых» и «красных» – продолжают жить в менталитете испанцев.

«Увеличение идеологического разнообразия предельно затрудняет принятие политических решений и вызывает постоянные институциональные кризисы. Нельзя иметь все: разнообразие и стабильность», – замечает автор [Miller, 2023: 34]. С последней фразой трудно согласиться. Есть немало стран, в которых многообразие партий вполне сочетается с сохранением политической стабильности.

Курс ведущих партий на поляризацию совмещается с традиционной повседневной политикой, когда большинство законов принимаются широким большинством в Конгрессе депутатов (нижняя палата кортесов) и парламентах автономных областей. Многие из реформ, одобряемых правительством ИСПП (трудовое законодательство, пенсии, образование), продолжают курс прежнего правительства НП, который в свою очередь наследует политику предыдущих левых и правых правительств. По мнению Л. Миллера, у современных испанских политиков отсутствует воля и желание осуществить серьезные реформы, в которых действительно нуждается страна. «Главная проблема испанской политики – не радикализм, а отсутствие креативности» [Miller, 2023: 52].

И все же испанский опыт опровергает распространенную точку зрения, что в современном постбиполярном мире границы между правыми и левыми стираются и исчезает былая альтернативность [Холодковский, 2006: 81–96]. Социологические опросы выявляют различия в ценностных ориентациях избирателей левых и правых партий. Традиция, порядок и эффективность в большей степени достояние правых, а равенство, солидарность и толерантность – левых [Montabes Pereira, Martínez, 2019: 571–572].

Л. Миллер полагает, что понятие «поляризация» стало широко употребляться в Испании и во всем мире только в последнее десятилетие. Он объясняет это последствиями глобального кризиса и эпидемии *COVID-19*, трансформацией партийных систем, рас-

пространением экстремистских и популистских партий и движений. Консенсус, сложившийся во многих странах во второй половине XX в., серьезно ослаб. «Практически повсюду отсутствует консенсус по вопросу о магистральных путях развития и конкретных способах решения накопившихся проблем. Наблюдается разброс мнений и экспертных оценок, идейно-политическая борьба становится все острее» [Яковлева, 2017: 18].

В рецензируемой работе приводятся несколько ярких примеров происходящей поляризации. В Британии на референдуме в июне 2016 г. 52% избирателей высказались за выход страны из ЕС. В Чили в сентябре 2022 г. 62% отвергли текст новой конституции, предложенный президентом-прогрессистом Г. Боричем, посчитав его слишком левым. В Бразилии в октябре 2022 г. во время борьбы за президентский пост левоцентриста Лулы да Силвы и праворадикального популиста Ж. Болсонару силы соперников разделились почти пополам (51 против 49%).

Показателен опыт США. Захват протестующими сторонниками президента Д. Трампа Капитолия в январе 2021 г. стал свидетельством существования острейшего гражданского конфликта и раскола в американском обществе. В 2024 г., уже после выхода книги в свет, два покушения на Д. Трампа продемонстрировали, что поляризация может достигать крайних форм. События стали выражением глубокого кризиса американской демократии и ее политической системы. Об этом говорит тот факт, что двум главным претендентам на президентский пост не доверяли до 40–50% избирателей. «Мы вступаем в новый исторический этап, в котором определяющим становится политическое и социальное разделение», – отмечает Л. Миллер [Miller, 2023: 52].

Способы преодоления поляризации

Один из способов преодоления или смягчения поляризации – саморегулирование поведения политических элит, введение в действие своего рода кодекса достойного поведения, предусматривающего соответствующие наказания. Л. Миллер замечает, что неясно, как в партиях, нацеленных на поляризацию, могут произойти изменения такого рода.

Другим способом смягчения поляризации эксперты называют развитие такой формы политического участия как разработку и принятие решений на местном уровне, где обсуждаются конкретные проблемы, затрагивающие повседневную жизнь граждан (строительство больницы или школы, асфальтирование дорог и т. д). Перенос фокуса внимания на локальные проблемы позволит отойти от проблем национальной политики, где партии насаждают дух поляризации [Miller, 2023: 66–67].

Снижение уровня поляризации может быть достигнуто также благодаря организациям гражданского общества, свободным от партийного влияния. К примеру, их давление на власти целесообразно для противодействия появлению в СМИ фальшивой информации. Однако уровень участия испанцев в организациях гражданского общества в последние десятилетия (после бурного этапа становления и консолидации демократии) резко снизился: по некоторым оценкам, с 73% в 1990 г. до 32% в 2018 г., т. е. более чем вдвое [Miller, 2023: 208]. Автор монографии призывает к расширению пространства социального непартийного взаимодействия, где граждане смогут свободно самовыражаться.

Вместе с тем перечисленные меры Л. Миллер считает паллиативными. Эффективный способ борьбы с поляризацией он видит в снижении остроты экономических и социальных проблем, порождаемых неравенством и социальным отторжением. Автор

предостерегает от попадания политиков в ловушку консенсуса, поскольку на протяжении ряда лет в Испании происходит парадоксальная вещь: одни и те же партии и лидеры держат курс на поляризацию и одновременно призывают к консенсусу. В связи с этим идея консенсуса стала бессодержательной, превратилась в инструмент поляризации и навязывания собственных представлений. Вместо консенсусной поляризации Л. Миллер предлагает признать существование различий, «определять рамки сосуществования, которые позволят гражданам разных идеологий, идентичностей и вкусов жить в мире» [Miller, 2023: 68–69]. Это не означает отказа от собственных убеждений, идеологической капитуляции, а «конфронтацию мнений в пространстве взаимного признания вовлеченных акторов» [Miller, 2023: 68–69].

* * *

Бегло касаясь украинского конфликта, Л. Миллер разделяет доминирующую в Испании позицию поддержки киевского режима. При этом он выводит конфликт за рамки факторов поляризации испанского общества. Между тем в стране существует течение, представленное партиями, движениями и отдельными людьми, которые высказываются против поставок оружия Украине, за ее диалог с Москвой (например, представители левых объединений УП, «Сумар»). Не следует забывать и о том, что противостояние России с Украиной и странами Запада – это в широком смысле конфликт сторонников неолиберальной идеологической парадигмы, отрицающей роль вековых устоявшихся ценностей (традиционной семьи, духовности), и традиционалистов. В Испании образовались два неоформленных лагеря прогрессистов и традиционалистов, ценностные установки которых в корне различаются по отношению к тому, что может быть приемлемо, а что – нет. Это деление не всегда коррелирует с их отношением к конфликту на Украине. Игнорирование автором этих принципиально важных проблем не добавляет ценности его работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Семененко И.С. (отв. ред.) (2014) *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. Т. II. ИМЭМО РАН, Москва. 336 с.
- Семененко И.С. (отв. ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Весь мир, Москва. 992 с.
- Хенкин С.М. (2023) *Испания. Современное нестабильное общество*. Аспект Пресс, Москва. 383 с.
- Холодковский К.Г. (2006) Противостояние левые-правые: анахронизм или смена координат? *Политические исследования*. № 6. С. 81–96.
- Яковлева Н.М. (отв. ред.) (2017) *Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций*. ИЛА РАН, Москва. 307 с.
- Martorel M., Juliá S. (2012) *Manual de historia política y social de España (1808–2011)*. RBA Libros, Barcelona, Spain. 510 p.
- Miller L. (2023) *Polarizados. La política que nos divide*. Centro de Libros PARF, SLU, Barcelona, Spain. 246 p.
- Montabes Pereira J., Martínez A. (ed.) (2019) *Gobierno y política en España*. Tirant lo Blanch, Valencia, Spain. 809 p.
- Sevilla J. (2022) *La España herida. Las 6 brechas sociales y como corregirlas*. Deusto, Barcelona, Spain. 349 p.
- Urquizu I. (2016) *La crisis de la representación en España*. Catarata, Madrid, Spain. 176 p.

The Polarisation Phenomenon: Case of Spain

S.M. Khenkin

*Doctor of Sciences (History), Moscow State Institute of International Relations,
The Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University)*

76, Vernadskogo Prosp., Moscow, Russia, 119454;

Principal Researcher Institute of Scientific Information on Social Sciences

Russian Academy of Science (INION RAS)

51/21, Nakhimovsky Prosp., Moscow, Russia, 117418, E-mail: sergkhenkin@mail.ru

Abstract. The work of the Spanish sociologist Luis Miller is devoted to the study of the phenomenon of polarisation typical of many countries of the modern world – the division of society into two confrontational, or even warring camps. The monograph examines the causes, nature, varieties, consequences of polarisation, possible ways to overcome its negative consequences. Based on the Spanish experience, the author compares it with the political practice of those countries where similar processes are developing. The monograph demonstrates that polarisation is based on the identification of a person with a particular social community, a certain political choice. In this case, there is a comparison with the Other, which becomes a catalyst in the formation of a common group identity. The Other becomes a catalyst in the formation of a common group identity. L. Miller identifies three types of polarisation – ideological, affective and everyday, giving a characteristic of each of them. Spain in the last decade has become one of the most polarised countries in the world. Among the main causes of polarisation, the author highlights the existence of persistent mass unemployment and deep social inequality, the unresolved territorial problem, expressed in the existence of a strong separatist movement in Catalonia. The transformation of the Spanish party system – the transition from bipartism to a real multi-party system – also played a role. The emergence, along with traditional new very influential parties, led to the formation of left and right political and ideological blocs, relations between which are characterised by a high degree of intolerance. The author sees the effective way to combat the negative consequences of polarisation in reducing the severity of economic and social problems generated by inequality and social exclusion.

Keywords: Spain, Catalonia, polarisation, tensions, identity, parties

DOI: 10.31857/S0201708324060196

REFERENCES

- Khenkin S.M. (2023) *Ispaniya. Sovremennoye nestabilnoe obschestvo*. [Spain Modern unstable society], Aspect Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kholodkovsky K.G. (2006) Protivostoyanie levie-pravie: anachronism ili smena koordinat? [Confrontation left-right: anachronism or change of coordinates?], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 81–96. (In Russian).
- Martorel M., Juliá S. (2012) *Manual de historia política y social de España (1808–2011)*, RBA Libros, Barcelona, Spain.
- Miller L. (2023) *Polarizados. La política que nos divide*, Centro de Libros PARF, SLU, Barcelona, Spain.
- Montabes Pereira J., Martínez A. (ed.) (2019) *Gobierno y política en España*, Tirant lo Blanch, Valencia, Spain.
- Semenenko I.S. (ed.) (2014) *Globalniy mir: k novim modelyam nacionalnogo y regionalnogo razvitiya* [Global peace: towards new models of national and regional development], II, IMEMO RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost: Lichnost, obchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia], Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Sevilla J. (2022) *La España herida. Las 6 brechas sociales y como corregirlas*, Deusto, Barcelona, Spain.
- Urquizu I. (2016) *La crisis de la representación en España*, Catarata, Madrid, Spain.
- Yakovleva N.M. (ed.) (2017) *Ispaniya y Portugaliya v epokhu globalnih transformatsii* [Spain and Portugal in an era of global transformation], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

